

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион	Филиппов Т. И.	Булгаков С. Н.
Св. Нил Сорский	Гиляров-Платонов Н. П.	Хомяков Д. А.
Св. Иосиф Волоцкий	Страхов Н. Н.	Шарапов С. Ф.
Иван Грозный	Данилевский Н. Я.	Щербатов А. Г.
«Домострой»	Достоевский Ф. М.	Розанов В. В.
Посошков И. Т.	Григорьев А. А.	Флоровский Г. В.
Ломоносов М. В.	Мещерский В. П.	Ильин И. А.
Болотов А. Т.	Катков М. Н.	Нилус С. А.
Пушкин А. С.	Леонтьев К. Н.	Меньшиков М. О.
Гоголь Н. В.	Победоносцев К. П.	Митр. Антоний
Тютчев Ф. И.	Фадеев Р. А.	Храповицкий
Св. Серафим Саровский	Киреев А. А.	Поселянин Е. Н.
Муравьев А. Н.	Черняев М. Г.	Солоневич И. Л.
Киреевский И. В.	Св. Иоанн	Св. Архиеп. Иларион
Хомяков А. С.	Кронштадтский	(Троицкий)
Аксаков И. С.	Архиеп. Никон	Башилов Б.
Аксаков К. С.	(Рождественский)	Митр. Иоанн (Снычев)
Самарин Ю. Ф.	Тихомиров Л. А.	Белов В. И.
Погодин М. П.	Соловьев В. С.	Распутин В. Г.
Беляев И. Д.	Бердяев Н. А.	Шафаревич И. Р.

**Митрополит Санкт-Петербургский
и Ладожский ИОАНН (СНЫЧЕВ)**

**САМОДЕРЖАВИЕ
ДУХА**

**ОЧЕРКИ РУССКОГО
САМОСОЗНАНИЯ**

**Институт русской цивилизации
2007**

УДК 14
ББК 87. 3(2)
И 75

И 75 Иоанн (Снычев) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2007. – 528 с.

ISBN 978-5-902725-09-1

В выдающемся произведении великого православного мыслителя и богослова митрополита Иоанна раскрывается духовная история Руси с момента Крещения и до наших дней. Православный взгляд на события совершенно по-новому объясняет главные события Русского государства, дает надежду понять и осмыслить не только настоящее, но и будущее России. Мудрое и очистительное слово владыки Иоанна пробуждает нацию от духовного сна, вновь и вновь напоминает всем: Русь – подножие Престола Господня, народ русский – хранитель чистоты православной веры.

ISBN 978-5-902725-09-1

УДК 14
ББК 87. 3(2)

© Институт русской цивилизации, оформление 2007.

*Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится Имя Твое в России!
Да приидет Царствие Твое в России!
Да будет воля Твоя в России!
Ты насади в ней веру истинную,
животворную!
Да будет она царствующею и
господствующею в России,
А не уравненною с иноверными
исповеданиями и неверными.
Да не будет его уравнения с неравными,
Истинного исповедания не имеющими!
Истина не может быть
сравнена с ложью
И правда веры с неправыми
исповеданиями.
**ИСТИНА ГОСПОДНЯ
ПРЕБЫВАЕТ ВОВЕК***

(Пс. 116,2).

Молитвенное воззвание
святого праведного о. Иоанна Кронштадтского

(Созерцательное подвижничество.
Выписка из дневника за 1906–1907 гг.).

НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО...

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«**И** перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский» (1). Эти слова всенародного российского пастыря, святого праведного отца Иоанна Кронштадтского как нельзя более злободневны сегодня, когда решается судьба Отчизны. Наше будущее зависит от того, сумеем ли мы ныне восстановить историческую преемственность русской жизни, осознать себя продолжателями великого русского дела, хранителями и защитниками духовных сокровищ тысячелетней российской истории.

Горе нам, если под грузом тягот и лишений нынешней смуты, перед лицом предательства, ненависти и злобы, обрушившихся на нас со всех сторон, дрогнем и отречемся от служения, дарованного Господом нашему народу за веру и верность, самоотверженность и готовность к бескорыстной жертве.

Тяжко смотреть на разорение державы Российской. Пророческим набатом звучат сегодня давние призывы великого Кронштадтского старца: «Да подумайте же вы, русский народ, трезво, здраво – к чему вы стремитесь? К низвержению всякого общественного строя и уклада житейского, к хаосу общественному? Познайте вы, ведь это дьявольские, а не Божеские дела! Вы забыли Бога и оставили Его, и Он вас оставил Своим отеческим промыслом и отдал вас в руки собственного необузданного, дикого произвола: вы губите и себя, и Россию. Опомнитесь, одумайтесь, покайтесь, исправьтесь... Господи – всемогущий, всеблагий, премудрый Царь царств земных! Устрой и утверди русское царство с русской Православной Церковью на непоколебимом Камне, каковой еси Ты, Иисусе Христе, Боже наш! Да не поколеблют державы Российской инородцы, и иноверные, и инославные! Сохрани целость державы и Церкви всемогущею Твоею Державою и правдою Твоею!» (2).

Сейчас впору нам всем присоединиться к молитвенному воплю угодника Божия, взывая ко Господу об избавлении от страшной напасти – от пленения сатанинского, в коем вот уже многие десятилетия страждет Святая Русь: «Отче наш!.. Не введи нас во искушение, но **ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВАГО...**»

Это седьмое, последнее прошение молитвы Господней знакомо каждому христианину. Звучит оно в домашних молитвословиях, возносится под сводами храмов Божиих. Но каждый ли знает,

о чем оно? Казалось бы, ответ прост. Лукавый – это дьявол, источник и причина всякого греха и страсти: злобы, зависти, похоти, тщеславия, гордости, ненависти... «В конце говорим: но избави нас от лукавого, разумея под тем всякие беды, которые в сем мире замышляет против нас враг и против которых у нас будет верная и крепкая защита, если избавителем от них будем иметь Бога, если по нашему прошению и молению Он будет подавать нам Свою помощь» (3), – поучает святой Киприан.

Воистину так! Но почему же часто бессильна наша молитва? Почему нередко остаются холодными и черствыми наши сердца? Есть в этом какая-то тайна... Есть. Но тайной она остается только для нас – современных немощных христиан, христиан скорее по имени, чем по духу. Для нас, молящихся об избавлении от своих личных, малых скорбей и соблазнов, устами произнося «избави нас», а на деле разумея «меня, меня»! Эта тайна – тайна церковной СОБОРНОСТИ, когда КАЖДЫЙ молится и просит за ВСЕХ как за себя.

Мы забыли, что мы НАРОД, русский православный народ, народ Божий, и многие беды наши – личные, мелкие – суть лишь следствия одной великой всенародной беды: безудержного разгула в России безбожия и сатанизма. А мы все будто чужие друг другу. Каждый сам за себя, каждый сам по себе. И в молитве, и в жизни. И в Церкви, и в миру.

Может, стоит оглянуться, прислушаться? Из глубины веков доносится до нас увещевающий

глас святоотеческих поучений. «Мы не говорим: «Отче мой, иже еси на небесех – хлеб мой даждь ми днесь, – вразумляет тот же святой Киприан. – Каждый из нас не просит об оставлении своего только долга и не об одном себе молится, чтобы не быть введена во искушение и избавиться от лукавого. У нас всенародная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся за весь народ, потому что все мы составляем едино» (4).

Не с того ли, что мы нарушили это всенародное единство, скрепленное смиренными подвигами русских святых и бранной кровью русских ратников, началось наше падение – с высоты Православного Царства в смердящую пропасть разложившейся «совдепии»?

Похоже, пришло все же время покаяния и прозрения. Похоже, Россия допивает последние капли из чаши гнева Божия. Теперь, обладая огромным трагическим опытом десятилетий сатанинского пленения, нам особенно важно заново осмыслить пройденный путь, научиться отличать добро от зла, истину от лжи, настоящую духовность от лукавой подделки. Так заново учится ходить больной после долгой и тяжелой болезни. Лишь восстановив благодатную преемственность русского религиозно-национального самосознания, можем мы рассчитывать на успешное выздоровление. Иного пути – нет! В надежде на помощь Божию, осознавая безмерную важность задачи и слабость собственных сил, спешу внести свою лепту в это великое дело. Господи, благослови!

ВЫ ЖЕ РОД ИЗБРАН

ЧУДО КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Оглядывая русскую историю, православный наблюдатель повсюду находит несомненные следы промыслительного Божия попечения о России. События здесь происходят почти всегда вопреки «объективным закономерностям», свидетельствуя о том, что определяют историю не земные, привычные и, казалось бы, незыблемые законы, а мановения Божии, сокрушающие «чин естества» и недалекий человеческий расчет.

Чудо сопровождает Россию сквозь века. В конце X века вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ, в течение шести веков (с X по XVI) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании, пока, наконец, в царствование Иоанна IV не утвердился в своем национально-религиозном мировоззрении. И все это – вопреки обстоятельствам, условиям, возможностям, выгоде, расчету.

С этого «вопреки» и начинается русская история. Ибо угодно было Господу явить здесь чудо крещения, положившего начало тысячелетнему служению соборного и державного православного народа тогда, когда это казалось невозможным и невыполнимым. Чтобы показать это с ясностью на исторических примерах, обратимся к моменту, когда Русь еще пребывала в языческом заблуждении, не догадываясь о своей будущей великой судьбе.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

«БЕЗЗАКОНИЯ МОЯ ПРЕВЫДОША ГЛАВУ МОЮ...»

Корнями своими славянское язычество уходит в седую древность. В его основании (как и всякой религии) лежит некоторая духовная реальность. И хотя мы лишены возможности непосредственного видения духовных источников, но все же можем судить о них, памятуя слова Господа: «По плодам их узнаете их». Плоды язычества с его безнравственностью и жестокостью не оставляют сомнения в разрушительной богоборческой сущности того начала, которое стремится к воплощению через многочисленные языческие культы. И славянское язычество не было исключением.

Основание языческого мировоззрения покоится на утверждении, что добро и зло есть два самостоятельных, равнозначных, совечных начала бытия мира. Эта поистине дьявольская выдумка

отрицает всемогущество Божие, Его благость и милосердие, лишает человека нравственных опор. Ведь если добро и зло равноправны и равно естественны для человека, то чего же стесняться, что это действует в нас? Мерилом дел и поступков человеческих в таком случае не может быть нравственный идеал, воплощенный в заповедях Божиих и церковном предании. Человек сам по себе есть мера всего, и «естественные» человеческие порывы и склонности не подлежат «лицемерному» осуждению. В этом случае грехи и страсти обретают «законные» права на существование, а зло становится достойным почитания не менее добра. И религиозные формы этого почитания – неотъемлемая часть любого языческого культа. Проще сказать, в основании язычества лежит более или менее откровенный сатанизм, неизбежно проявляющий себя жестокостью и безнравственностью.

Единственной религией мира, со всей полнотой свидетельствующей об абсолютности добра, блага и любви, является христианство. Таинственно и непостижимо, но явственно и осязаемо действует в Церкви Вечный Всемогущий Всеблагий Бог – Вседержитель мира и Спаситель рода человеческого, свидетельствуя человеку «перед лицом его» о Себе: «Знай, что Господь, Бог твой, Бог верный, человеколюбивый и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и истинный» (Втор. 7:9, Исх. 34:6).

Чтобы понять, какой благодатный переворот произвело в наших предках приобщение к Православию, стоит кратко описать их дохристианские обы-

чаи. Древние славяне рассматривали мир как арену борьбы между добрым Белбогом и злым Чернобогом. И тот, и другой требовали соответствующих жертв. Мнимая самостоятельность злого начала служила оправданием его неизбежности, рождая культовые формы славянского сатанизма, обретшие позднее свое законченное воплощение в почитании Перуна – верховного божества языческого пантеона дохристианской Руси.

Летописи VI века, рассказывая о столкновении славян с Византией, самым мрачным образом изображают их жестокость. В середине X века, незадолго перед крещением, русы в войне с империей, высадив десант на северном побережье Малой Азии, отличились таким зверством, какое было непривычным даже в те суровые времена. Пленных распинали, расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа. Жгли монастыри и церкви, оставляя после себя горы трупов и груды дымящихся развалин. В 971 году после боев у Доростола между ратью Святослава и византийским императором Цимисхием русы принесли в жертву богам множество пленников. Византийским историком Львом Диаконом это описано так: «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разожгли много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили (несколько) грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра (Дуная)» (1).

Собираясь заложить Новгород, народные старшины по указанию жрецов велели в основание городской крепости замуровать ребенка как «строительную жертву» богам (2).

Столь же беспощадны были и семейные обычаи. Вместе с умершим воином на погребальном костре сжигались и его жены (одна или несколько – славяне признавали многоженство). Этот жуткий обряд подробно описал арабский путешественник Ахмед Ибн-Фадлан, оказавшийся в 922 году очевидцем погребения знатного руса. (Ибн-Фадлан попал на Волгу в качестве посла халифа Ал-Муктадира, к нему относились с соответствующим уважением и даже дали толмача, объяснявшего все происходящее) (3).

Закон позволял матери умертвить новорожденную дочь, если ее рождение казалось излишним. В свою очередь, признавалось и право детей на убийство родителей, обременяющих семейство старостью или болезнью. Межкровные распри передавались из поколения в поколение, подогреваемые обычаем кровной мести, удовлетворявшейся лишь смертью обидчика или его потомков.

Справедливости ради надо сказать, что современные историки отмечали и привлекательные черты славян, говоря, что они не знали ни хитрости, ни обмана, хранили древнее простодушие и простоту нравов. С пленными, оставшимися в живых, наши предки обходились дружелюбно, назначая лишь определенный срок их рабства, по истечении которого пленник мог, по выбору, либо покинуть своих быв-

ших хозяев, либо остаться с ними жить на равных правах, как вольный человек.

Свято соблюдаемый обычай гостеприимства делал славянские земли безопасными для путешественников, и хозяин головой отвечал обществу за безопасность гостя-чужеземца. Купцы тем охотнее посещали славян, что между последними не было ни воров, ни разбойников, хотя выгодной торговли в славянских землях ждать не приходилось – суровые воины не знали роскоши и не ценили золота.

Вопреки всем обстоятельствам, первоначально складывавшимся неудачно для Православной Церкви, сверхъестественный Промысел Божий извлек Россию из тьмы язычества. По всем человеческим расчетам, приняв христианство, Русская земля должна была бы потерять свое единство, или же, сохранив целостность, закоснеть в неисправимом языческом упорстве. Находясь на перекрестке дорог, там, где переплетались и сталкивались интересы мусульманского Юга, православного Востока, католического Запада и хищного иудейского Хазарского каганата, Русь должна была бы ради спасения своей целостности хранить и свою религиозную самобытность. Казалось, ей предназначена судьба языческой империи. Любые уступки соседям должны были бы привести к неминуемому разделу Руси на «зоны влияния» мусульманства, иудаизма и христианства с последующей утерей государственного, религиозного и национального единства. История южных славян подтверждает это – когда-то единый народ разделился на православных сербов, католиков-хор-

ватов и даже славянских мусульман, ожесточенно враждующих ныне между собой*.

Не менее поучителен и пример Золотой Орды. Основанная Батыем в 40-х годах XIII века после набега на Европу, завершившегося выходом татарской конницы к побережью Адриатического моря, Орда два столетия являлась одним из самых мощных государств мира. Внутреннее единство поддерживалось религиозной самобытностью, основывавшейся на совокупности многочисленных племенных культов. Это позволило Орде не только покорить огромные территории, но и благополучно пережить целую серию гражданских войн. Но когда в 1313 году хан Узбек принял ислам и объявил его государственной религией, это стоило Орде существования. Ее распад показывает, какова была бы судьба России, если бы все текло «естественным» образом. Похожесть событий необычайна. И там и тут – новая вера распространяется верховной властью. И там и тут – религия единобожия призвана заменить древние языческие обряды. И там и тут – обращение завершает период междоусобиц. И там и тут – дикий, воинственный народ, отсутствие жесткого государственного единства, наличие как сторонников, так и противников новой религии. Совпадения можно перечислять и дальше. Тем более примечательна – дивны дела Твои, Господи! – пол-

---

* В IX веке под влияние Рима попали хорваты, в битве с войсками султана Мурада I в 1389 году на Косовом поле лишились своей независимости сербы, последовавшее в XV веке включение Сербии в состав Османской империи послужило отправной точкой формирования славянской мусульманской общины. А ведь когда-то было одно племя с общим языком, традициями и нравами!

ная противоположность следствий перемены веры. Святой равноапостольный князь Владимир возвеличил свою родину, а хан Узбек свою погубил. Вспыхнувшая религиозная междоусобица стала для Орды роковой, положив начало ее дроблению с последующим завоеванием бывших ордынских земель растущим и крепнущим русским государством. Что теперь – Орда, и что – Россия?! А ведь, судя по всему, в X–XI веках Русь ждала та же участь, что постигла татаро-монгол в XIV–XVI веках.

ТРИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Ученые много спорили о достоверности летописного известия о «призвании варягов». Было ли оно в действительности, сказать трудно, да и не в этом дело, ибо сам факт появления в середине IX века на Русской земле новых государственных образований не подлежит сомнению. Летопись свидетельствует, что первыми русскими князьями стали братья Рюрик, Синеус и Трувор, правившие соответственно в Новгороде, Белозере и Изборске. 862 год по Рождеству Христову принято считать годом рождения русской государственности. Рюрик, старший из братьев, пережил их и, присоединив области родственников к своей, стал основателем единого княжества и родоначальником династии. На протяжении более 700 лет Рюриковичи под покровом Божиим вели Россию путем исповеднического служения. Хотя

сам Рюрик и был, вероятно, язычником, но первое крещение Руси состоялось еще при его жизни.

Киевские князья Аскольд и Дир, собрав дружину, на двухстах ладьях по Днепру вышли в Черное море, опустошили на своем пути побережье и осадили Константинополь. Нападение оказалось неожиданным и стремительным. Императора Михаила III в столице не было – он возглавлял армию в войне с мусульманами и, несмотря на все старания, даже вернувшись в город, не мог организовать надежную оборону. Царьград спасся чудом. После молебна патриарх Фотий погрузил в море одну из главных святынь города – ризу Божией Матери, хранившуюся во Влахернской церкви. Налетевший после этого шторм разметал корабли русов, уничтожив большую часть флота и сделав дальнейшую осаду невозможной. Пораженные князья прислали в Константинополь посольство с просьбой о крещении. Это и было первое, «Аскольдово» крещение Руси*.

В 866 году в своей окружной грамоте, разосланной восточным епископам, патриарх Фотий писал: «Россы, славные жестокостью, победители народов соседних, в гордости дерзнувшие воевать с Римской империей, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, были еще недавно злейшими врагами. Они уже приняли от нас епископа и священника, имея живое усердие к христианс-

---

* Сохранилось предание, согласно которому Аскольд и Дир, принявшие христианство, по возвращении в Киев вызвали недовольство горожан-язычников. Когда язычник князь Олег подошел к Киеву, народ выдал ему Аскольда и Диру, которых он умертвил (4).

кому богослужению». В это время Россия числится 60-м архиепископством среди епархий константинопольского патриарха. Казалось бы, крещение Руси состоялось. Но, увы, – оно не оставило заметного следа в русской истории. Следствием его стало лишь появление христиан в княжеской дружине, никак не повлиявшее на распространение христианства в народе.

Почти одновременно с походом киевских князей на Царьград в южных русских областях святой Кирилл, просветитель славян, крестил двести семейств, у которых нашел Евангелие и Псалтирь своего же перевода. Для обращенных был послан митрополит Михаил, крестивший все племя во главе со старейшинами. И этому крещению предшествовало чудо – брошенное по требованию язычников в костер Евангелие не сгорело. «Прииде Михаил митрополит в Русь, – повествует летописец, – послан от Василия Македона, царя греческого и Фотия патриарха, иже уверяя Русь вверже Евангелие во огонь и не изгоре. И сим чудом ужаси Русь и многия крести». Но и это крещение Руси не оказало влияния на ее судьбу. Очаг православия на юге земли Русской со временем то ли угас, то ли оказался столь слабым, что не смог просветить окрестную языческую тьму (5).

Наконец, третий раз Русь была крещена в 957 году в лице святой равноапостольной княгини Ольги, приехавшей для этого в Константинополь (6). Крестил ее сам патриарх, благословивший Ольгу по совершении таинства дарственным крестом

с надписью: «Земля русская воздвигнута для жизни в Боге крещением блаженной Ольги». И опять, несмотря на то, что в отсутствие сына – воинственного Святослава – Ольга была правительницей страны, христианство на Руси, даже пользуясь ее покровительством, не прививалось. Были и церкви, и христианские общины, но лишь в больших торговых городах, где всегда собирались люди самого разного вероисповедания. Народ же продолжал коснеть в язычестве.

Более того, русское язычество крепло. В 945 году по Рождеству Христову на Киевский престол взошел молодой Святослав – первый великий князь, о славянском происхождении которого мы знаем несомненно. Пока он был ребенком, за него сильной рукой правила мать – мудрая и властная Ольга, жестоко покаравшая древлян за убийство мужа и походом на север присоединившая ко княжеству земли по Мсте и Луге. Ребенок вырос, стал воином и, вдохновляемый жрецами во славу древних богов, провел ряд блестящих походов, освободивших Русскую землю от остатков влияния Хазарского каганата, заложив тем самым прочное основание русской государственности.

Хазарский каганат встал на пути молодой русской державы в IX веке, когда еврейская община Хазарии добилась господствующего политического и экономического положения в стране. Оставаясь чуждыми коренному населению, иудеи с помощью наемных мусульманских войск сумели подавить всякое сопротивление и сделать Хазарию опорным

пунктом своего экономического могущества. Политика каганата осуществлялась в интересах торговой еврейской диаспоры, извлекавшей огромные прибыли из работорговли и Великого шелкового пути, пролегавшего через земли Хазарии.

Начавшийся в VIII веке развал арабского халифата открыл торговые пути с Запада на Восток, и этим не замедлили воспользоваться иудейские дельцы, видевшие в финансовом могуществе первый шаг на пути создания вожделенного всемирного еврейского государства, о котором учили талмудисты-раввины. Купцы получили название «рахдониты», что в переводе с персидского означает «знающие дороги». Основу этого торгового клана составили выходцы из Вавилонской общины, покинувшие Иран после того, как халиф Абд ал-Мелик в конце VII века предпринял ряд мер, направленных на ограничение вмешательства иудеев в дела страны. К ним в VIII веке присоединились евреи из Византии, и это объединение завершило создание мощной международной торговой организации, оказывавшей в своих религиозно-национальных интересах сильнейшее влияние на всю мировую политику.

Императоры династии Каролингов на Западе получали средства для финансового обеспечения своих планов от иудеев-рахдонитов. Мусульманские властители Испании воевали с христианами на еврейские деньги. Евреи освоили не только восточный путь, по которому шелк обменивался на золото, но и северный – из Ирана на Каму, по которому меха обменивались на серебро. Хазария лежала

как раз на перекрестке этих путей, что придавало ей особое значение в системе хозяйственных связей иудейской общины.

Славянские земли в IX–X веках стали для иудейских купцов источником «живого товара». Русские рабы и рабыни во множестве отправлялись в страны исламского мира, где юноши высоко ценились за здоровье и силу, а девушки – за красоту. Но главная цель славянской политики Хазарского каганата была иной. Собственно, этих целей было две. Ближайшей являлось всемерное политическое и военное ослабление Русского государства, его превращение в младшего партнера и данника, чьи войска можно было бы с успехом использовать против ненавистной православной Византии. Конечной же целью было разрушение Киевского славянского княжества с последующим включением его земель в состав каганата или создание еще одного иудаизированного, подобно Хазарии, государства на торговом пути «из варяг в греки». Такой исход сделал бы евреев финансовыми и торговыми господами всего евроазиатского пространства – от границ Китая до Пиренейского полуострова.

Итак, в X веке иудейская диаспора стояла на пороге невиданного взлета. Казалось, «избранный народ» через тысячу лет после сокрушительного военного поражения, нанесенного ему легионерами Рима, и не менее сокрушительной духовной катастрофы, вызванной страшным преступлением богоубийства, осуществит все же свою вековую мечту о мировом господстве. Дело было за малым – унич-

тожить нарождавшуюся молодую и неопытную Русь. В это тревожное время у кормила Русской земли оказались два человека, чья деятельность и определила неудачный исход всемирного еврейского предприятия. Это были язычник – князь Святослав и его мать – христианка княгиня Ольга.

СВЯТОСЛАВ

«**О**, дорогое мое дитя! – говорила Святославу блаженная Ольга. – Нет иного Бога ни на небесах наверху, ни на земле внизу, кроме Того, Которого познала я, Создателя всея твари Христа Сына Божия... Послушай меня, сынок, прими веру истинную и крестись, и спасен будешь». Однако речи эти, как свидетельствует летописец, подобны были попытками сеять на воде – князь оставался холоден и непреклонен. «Если бы я и хотел креститься, – отвечал он матери, – никто бы мне не последовал и никто бы из моих вельмож не согласился этого сделать. Если один я закон христианской веры приму, тогда мои бояре и прочие сановники вместо повиновения мне будут смеяться надо мной... И что мне будет самодержавство, если из-за чужого закона все меня оставят и я будут никому не нужен»*.

Благодатный церковный опыт Ольги оказался недоступен ее строптивому сыну. Плакала мать,

---

* Текст монолога, взятый из Степенной книги, переведен на русский язык.

скорбя, в молитве изливая Богу свою печаль, прося вразумления, милости и защиты. «Премилостивый Господи, Боже мой Иисус Христос, – взывала княгиня, – прильне душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя: приклони ухо Твое ко мне и услыши молитву мою... Помощник ми буди и не остави мене, Боже Спасителю мой, яко отец мой и мати моя оставили мя, и супруга я лишилась. От него единственного сына прижила, и тот непокорив и неверен... Я, Господи, на милость Твою уповаю, и на множество щедрот Твоих надежду души моей возлагаю, и к Тебе, прибегая, молюсь: научи меня творить волю Твою и спаси меня от рода лукавого, от множества язычников. И хоть они ушли от Твоей благодати, но Ты, Владыко, человеколюбия ради не пренебреги ими, но посети и вразуми, приведи их к познанию Себя... Пусть они, просвещенные Тобою, когда-нибудь прославят имя Твое пресвятое, Отца и Сына и Святаго Духа из рода в род и во веки. Аминь».

Бог внял материнской мольбе. Дело обернулось так, что ревностный язычник и непримиримый враг христианства Святослав, как никто другой, способствовал разрушению самого главного внешнего препятствия на пути православия в России. Суровый и жестокий воин, он своими дерзкими походами уничтожил Хазарию и укрепил Русское государство, расчистив, таким образом, путь к служению, благодатное призвание на которое последовало тремя десятилетиями позже – в Таинстве Святого Крещения. Мать Святослава – святая равноапостольная княгиня Ольга – не дала угаснуть в народе слабой

искре христианства, всеянной тремя «неудачными» крещениями, которая вспыхнула ярким светом на Святой Руси в результате чудесного обращения ее внука – князя Владимира.

Святослав сохранил единство Руси, защитив ее от внешних врагов, угрожавших молодому государству с юго-востока. Ольга удержала нарождающееся русское христианство от растлевающего еретического влияния католицизма, грозившего ему с северо-западного направления. Святослав спас государственное тело России. Ольга не дала смутить ее неискушенную юную душу. Такое сочетание, вопреки всякому человеческому предвидению, готовило Русь к христианскому прозрению, хотя временами казалось, что новое государство умрет, едва успеет родиться.

К середине X века киевский князь стал вассалом иудейского царя Хазарии. Произошло это после карательного похода «досточтимого Песаха» – еврейского полководца, который во главе наемной армии отбросил русов от берегов Азовского моря, опустошил страну и осадил Киев. Около 940 года от киевского князя отпало Днепровское левобережье, земли угличей и тиверцев в низовьях Днестра и Дуная попали в руки печенегов, кривичи создали свое независимое Полоцкое княжество. Под мощным воздействием хазарских евреев Русь разваливалась на глазах, превращаясь в вассала иудейского каганата, вынужденного не только платить ему дань, но и воевать за его интересы, совершенно чуждые славянам. «Тогда стали русы подчинены

власти хазар» (7), – гордо сообщает современный еврейский автор.

Еще в самом начале IX века власть в Хазарском каганате захватил некий влиятельный иудей Обадия. Он превратил хана из династии Ашина в марионетку и сделал талмудический иудаизм государственной религией Хазарии. С тех пор ее политика преследовала цели, проистекавшие из мессианских чаяний раввинов и их неутолимой ненависти к христианству. Первой заботой хазарских иудеев традиционно стала забота о богатстве. Через тысячу лет после того, как еврейство отвергло Спасителя, иудеи-рахдониты продолжали свято верить, что путь к господству над миром (якобы обещанному им Самим Богом) один – золото.

Богатство давало возможность подкупать союзников и нанимать воинов. Все это: торговое имущество, купленные союзники и воины-наемники – было брошено к достижению заветной цели: уничтожению или ослаблению ненавистного оплота Вселенского православия – Византийской империи.

В 939 году по Рождеству Христову войну против Византии развязал хазарский царь Иосиф, который начал с того, что «низверг множество необрезанных», то есть попросту перебил христиан, живущих внутри Хазарии (8). Затем хазарское войско вторглось в Крым, взяло там три города, «избив мужчин и женщин», и осадило Херсонес, где нашли себе убежище уцелевшие христиане. Составной частью кампании стал поход на русские земли, закончившийся подчинением киевского князя Игоря.

Он обещал «платить дань кровью», то есть в войне Хазарии с Византией выставить свою дружину против империи на стороне каганата. Этим, возможно, и объясняются два его похода на Царьград, последовавшие один за другим в 941 и 944 годах.

Подчинение Хазарии сыграло роковую роль и в жизни самого Игоря. Общепризнано, что он был убит древлянами при сборе дани. Но остается открытым вопрос – для кого собирал он эту дань? Что заставило князя увеличить ее до размеров, вызвавших восстание древлян? Ответ прост: надо было платить Хазарии.

Итак, когда Святослав сел на Киевском столе, перспективы Русской державы казались мрачными. Она потеряла внутреннее единство и внешнюю независимость, происками Хазарии оказалась втянутой в войну с Византией, совершенно не нужную и чуждую русским интересам. На Западе процесс объединения Германии под скипетром саксонской династии делал ее источником мощной военной и духовной агрессии, что тут же испытали на себе славяне Эльбы, Поморья и Вислы. Священная Римская империя германской нации, основанная Карлом Великим еще в 800 году, становилась в Восточной Европе реальной силой, заявлявшей свои права не только на земли, но и на души славян.

В 961 году в Киев прибыл римский епископ Адальберт со свитой. Его пригласила сама «королева рогов» – святая равноапостольная княгиня Ольга. Поскольку в то время, несмотря на постепенное отпадение Римской церкви от православия, кано-

нически это еще не было закреплено, княгиня, возможно, сочла, что на первое время стоит пригласить священников с Запада, ибо это гораздо ближе и удобнее, чем дожидаться оказии из далекой Византии. В 959 году она обратилась с этой просьбой к королю Германии Оттону I, результатом чего и явилось посольство Адальберта*.

Однако вероотступничество католиков и их политические амбиции были так очевидны даже для малочисленных неискушенных новообращенных русских христиан, что миссия римского прелата провалилась с треском. Уже в следующем, 962 году он был вынужден уехать назад, «не успев ни в чем». Более того, его отъезд напоминал скорее бегство, ибо «на обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он с трудом спасся». Такой неласковый прием был вызван тем, что Ольга быстро поняла своим здоровым церковным чутьем – Адальберт предлагает ей вовсе не ту веру, благодатные плоды которой она узнала после крещения в Царьграде. «Есть путь, – говорит Писание, – иже мнится человекам прав быти, последняя же его приходят во дно ада» (Притч. 14:12). Святой страх ступить на этот путь – путь утери чистоты веры, путь заблуждения, гибельной ереси и заставил святую княгиню столь круто обойтись с высоким иноземным гостем.

Святослав почти всю свою жизнь провел в походах. Война с Хазарией за освобождение от вассальной зависимости началась почти сразу после

---

* Впрочем, ряд источников указывает на то, что никакого обращения со стороны святой Ольги не было вовсе. Латиняне приехали сами, не желая упустить Русь из области своего влияния.

смерти князя Игоря в 945 году. В 50-х годах X века она шла, то вспыхивая, то затухая, с переменным успехом. «Я живу у входа в реку и не пускаю русов», – писал хазарский князь Иосиф министру Абдаррахмана III, Омейядского халифа Испании, Хасадаи ибн Шафруту, пытаясь представить дело так, что, удерживая Поволжье от нападений славян, он защищает интересы мусульман. Иосиф искал союзников, ибо у хазарских иудеев уже не хватало сил (или денег), чтобы повторить поход «досточтимого Песаха», и они пытались заручиться поддержкой в стараниях не упустить молодую Русь из-под своего военного и политического влияния. Всем этим надеждам суждено было рассыпаться в прах – Святослав имел иной взгляд на будущее Хазарии и Руси.

В 964 году он совершил свой первый поход – на север, на Оку – в земли вятичей, освободив их от власти хазар и подчинив Киеву. Воспользовавшись победой, князь с помощью вятичей там же, на Оке, срубил для дружины лады и весной следующего, 965 года спустился речным путем по Волге к Итилю – главному городу иудейской Хазарии. «И бывши брани, одоле Святослав козаром, и град их... взя», – свидетельствует летописец. Эта победа решила судьбу войны и определила распад Хазарии.

Еврейская община разбежалась, исчез центр сложной торговой, политической и военной системы, вдохновлявшейся религиозными интересами иудеев. Гибель талмудистов Итиля освободила как самих хазар, так и все окрестные народы, входившие в сферу влияния каганата. На обратном

пути Святослав завладел крепостью Саркел (Белая Вежа) – столицей Хазарии на Дону, и благополучно вернулся домой, в Киев, не встречая особого сопротивления, ибо местное население вовсе не собиралось воевать за чуждые ему интересы разбежавшихся иудеев.

Итак, Хазарский каганат прекратил существование. Крушение опорного пункта еврейских интересов на Востоке немедленно повлекло за собой цепь следствий – религиозных, экономических, политических и этнических. Утратили поддержку те, кто опирался на помощь агрессивного талмудического иудаизма. «Во Франции потеряла позиции династия Каролингов, принужденная уступить гегемонизация национальным князьям и феодалам, в Китае отдельные солдатские антикочевнические мятежи переросли в агрессивность и национальную исключительность новорожденной династии Сун, халифат в Багдаде ослабел и потерял контроль даже над Египтом, не говоря уже о «прочей Африке» и Аравии; дезорганизация разъедала Саманидский эмират» (9). Удар, нанесенный Святославом в низовьях Волги, откликнулся гулким эхом по всему миру.

Годом позже Святослав подчинил волжско-камских болгар и мордовские племена, повторно разгромив остатки хазарского войска. Выйдя к Северному Кавказу, князь осадил и взял крепость Семендер, победил племена аланов, ясов и касогов, союзников каганата, тревоживших набегами юго-восточные рубежи Руси. Выйдя к Азовскому морю,

он основал в районе Кубани крепость Тмутаракань, ставшую впоследствии столицей русского Тмутараканского княжества.

В результате этих восточных походов страна воспряла. Совершилось объединение восточнославянских племен в единое государство, Русь установила контроль за торговыми путями по Волге и Дону, обезопасила свои южные границы и заявила о себе как об одном из сильнейших государств Европы. Но неутомимый князь не думал о мире. Война была его жизнью, его ремеслом. Святослав двинул свою дружину в земли Византии.

Плацдармом для этого похода должны были стать болгарские земли, завоеванные Святославом в 968 году. Весной этого года воины князя приплыли в устье Дуная и разбили не ожидавших нападения болгар. Осенью русы опять разбили болгарское войско у Доростола. Святослав думал даже вообще перенести столицу своей державы из Киева в Переяславец, говоря: «Там середина земли моей, туда стекаются все блага: из греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – меха и воск, мед и рабы». Но князя ожидало жестокое разочарование. Его победоносный меч, не знавший поражения в войне с иудейским каганатом, не принес ему славы в боях с православными воинами Византии.

Император Иоанн Цимисхий, опытный дипломат и искусный воин, разбил гордого руса. Весной 971 года войска Цимисхия взяли Переяславец и осадили дружину Святослава в Доростоле. Голод

и болезни заставили князя заключить мир в обмен на обещание императора беспрепятственно выпустить на родину остатки дружины. Осенью 971 года русы покинули Болгарию. В ярости князь поклялся уничтожить в своей стране единоверцев ненавистного Цимисхия. Он послал гонца в Киев с приказом сжечь все христианские церкви и обещал по возвращении «изгубить» всех христиан.

Искать защиты было не у кого – святая княгиня Ольга почилла в 969 году. Казалось, христианству на Руси пришел конец, и лишь неожиданная (читай: промыслительная) смерть Святослава в стычке с печенегами на пути в Киев избавила киевлян от ужасов расправы. Летописец так повествует о кончине князя: «В год 972-й, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него». Так бесславно закончил свою жизнь князь, всей своей деятельностью способствовавший, вопреки собственному желанию, уничтожению препятствий на пути Православия в России.

Внешне все выглядело таким образом, будто Русь сохранилась как государство ценой отказа от заимствования религиозных взглядов соседей*.

---

* Соображения политической выгоды соблазнили Святослава сменить веру. Приняв ислам, он мог бы удержать за собой отвоеванные прикаспийские области. Обращение в христианство сулило, на первый взгляд, приобретение сильного союзника в лице империи. Но слишком явными и наглядными были неизбежные «потери» в самостоятельности и самобытности, связанные со сменой веры. Святослав остался язычником. Более того, он принял все меры для искоренения на Руси даже слабых ростков христианства.

Так, видно, думал сам Святослав, так считали и его преемники на Киевском столе – Ярополк и Владимир. Но иначе судил Господь, готовивший Руси служение хранительницы и защитницы Православия.

ВЛАДИМИР КРЕСТИТЕЛЬ

Накануне крещения Руси и образования единой Киевской державы славянское язычество достигло наивысшей точки своего развития. В течение IX–X веков, при Игоре, Святославе и Владимире, кровавый культ Перуна стал государственной религией Руси.

Язычество крепло и развивалось. Даже название князя – «Владимир-Солнце» (переименованное потом христианами в ласковое «Красно Солнышко») уводит нас в седую древность к скифским, дославянским культам мифического Кола-Ксяя, Царя-Солнца, почитавшегося кочевниками в качестве своего первого властителя.

Религиозная самобытность рассматривалась князьями как основа государственной независимости, как форма и средство сохранения политической самостоятельности. Причем языческие гонения на зарождавшееся христианство проявлялись не только в грубой форме мучений и уничтожения православных церквей, но и более тонко, изощренно – в попытках противопоставить цельному церковному мировоззрению столь же цельное антихристианское

видение мира. Дьявол – этот лукавый подражатель истины, по словам святых отцов, действует хитростью там, где не взять силой.

Христианское откровение о Пресвятой Троице – Боге едином в существе и троичном в Лицах, язычество переименовывало по-своему, вводя в официальный пантеон Стрибога (он же Сварог, то есть небесный) как «бога-отца», Дажьдбога как «бога сына» небесного Сварога и Семаргла, крылатое божество как «бога святого духа». Пресвятой Богородице противопоставлялась Макошь – богиня плодородия. И надо всем этим царил кровожадный Перун – бог грома и грозы, покровитель воинов и князей. Его помощи приписывал Владимир свой успех в междоусобной расправе, возникшей между братьями Святославичами после смерти отца и окончившейся воцарением Владимира.

После смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег у древлян, а Владимир в Новгороде. Олег вскоре умер, и его владения отошли Ярополку. Изгнанный братом Владимир бежал к варягам, через два года вернулся в Новгород с варяжской дружиной, взял город, занятый было наместниками Ярополка, и объявил, что будет вести войну за великое княжение. Начал он с того, что отобрал у брата невесту, Рогнеду, дочь полоцкого конунга Рогволода. Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода и двух его сыновей, а Рогнеду сделал своей наложницей-женой (помимо многочисленных наложниц, которых он содержал, – подобно восточным владыкам-мусульманам).

После этого будущий благоверный святой князь, а в ту пору ярый язычник, двинулся к Киеву, осадил его, склонил киевского воеводу к измене, выманил к себе брата Ярополка и убил.

Таким образом, к 980 году Владимир с помощью варяжской дружины и злодейского братоубийства овладел Киевским государством. Отправив буйных варягов, требовавших слишком многого, в Византию, князь одновременно уведомил императора письмом, что оставлять их на службе в столице опасно, а надо разослать малыми отрядами по дальним городам и ни в коем случае не допускать обратно в Россию. Император, не желая портить отношений с воинственным соседом, прислушался к совету. Таким образом, Владимир окончательно утвердил в Киеве свою власть.

Далее, говоря словами Карамзина, он «изъявил отменное усердие к богам языческим». Отвоевав в 981 году Червенские города (Перемышль и другие), ранее захваченные Польшей, совершив успешные походы против вятичей (981–982), ятвягов (983), радимичей (984) и камских болгар (985), князь возжелал воздать почести благосклонным «богам», покровительствовавшим его дружине в деле объединения страны. «И постави кумиры на холме вне двора теремного, – говорит летописец, – Перуна деревяна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хорса, и Даждьбога, и Стрибога, и Семаргла, и Макошь. И приносил им жертвы, называя их богами. И привождали сынов своих и дочерей и служили бесам и оскверняли землю требами своими» (10).

Земля осквернялась не только животной жертвенной кровью. «Боги» требовали и человеческих жертв. В 983 году жребий быть принесенным в жертву идолам пал на юного Иоанна, сына православного варяга Феодора. Отец отказался выдать его язычникам, сказав: «Если ваши боги всемогущи, пусть сами придут и попробуют взять сына у меня!» Разъяренная толпа убила Феодора и Иоанна в собственном доме, на месте которого впоследствии обратившийся Владимир воздвиг первую созданную им церковь – во имя Успения Пресвятой Богородицы (11). (Она получила название Десятинной, так как благочестивый князь давал на ее содержание десятую часть своих доходов.)

Личное обращение Владимира как бы прообразует изменения, ожидавшие по крещению и соборную душу народа. Обращение – всегда тайна. Невидимо, неуловимо, неощутимо касается Господь человеческой души, сокрушая узы греховного ослепления. Никто, даже сам прозревший, не в силах понять и рассказать, как наступило прозрение. Всемогущий Бог, милосердствуя о своем погибающем творении, властно действует в человеке, врачует и вразумляет, воссоздавая Свой оскверненный образ столь же непостижимым действием, как и самое действие создания его. Лишь очень приблизительно может проследить за обращением внешний наблюдатель.

Во время приверженности язычеству буйная натура князя безоглядно отдавалась порывам самых разрушительных страстей. Публичное на-

силе над плененной княжной Рогнедой, предательское убийство брата Ярополка, участие в человеческих жертвоприношениях, необузданная похоть, для удовлетворения которой Владимир сохранил в трех гаремах 800 наложниц, – вот далеко не полный перечень, позволяющий судить о его характере.

Тем разительнее перемена, произведенная в князе крещением. Преподобный Нестор-летописец указывает, что еще до обращения ему было какое-то видение, не уточняя и не раскрывая, какое именно. Внутренняя духовная причина перемен, происшедших с Владимиром, осталась тайной для души, скрытой от любопытных взоров потомков. Между тем, по воле Божией, сами внешние события вели князя к ближайшему соприкосновению с православной верой и церковью.

Греческие императоры македонской династии, занимавшей в то время престол Византии – Константин и Василий, – обратились к Владимиру с просьбой. Им была необходима военная помощь русских дружин, чтобы подавить бунт своего мятежного воеводы Фоки. Князь согласился помочь, но поставил условие, для империи неслыханное – руку сестры императора, царевны Анны. Блестящая Византия никогда не отдавала своих царевен в жены варварам – и лишь безвыходная ситуация заставила Константина и Василия согласиться с условием дерзкого руса. Впрочем, выполнять договоренность они не спешили, особенно после того, как русский отряд помог разгромить легионы Фоки.

Возмущенный Владимир взял Корсунь – важнейший опорный пункт Византии в Причерноморье – и повторно потребовал Анну в жены. С великой неохотой империя уступила – и царица отправилась в варварскую Скифию как в тюрьму, не забыв, конечно, взять духовенство и прихватив церковную утварь. Для православного взгляда последовательность этих событий являет собой сплошную цепь чудес.

Владимир трижды собирался принять крещение. Первый раз, выслушав проповедников, каждый из которых склонял его в свою веру, князь решил отправить посольство в мусульманские и христианские страны, дабы на месте выяснить, какая вера лучше. «Избраша мужи добры и смыслены», он поручил им «испытати гораздо... како служит Богу» каждый из народов, приславших своего проповедника.

Вернувшись, послы рассказали князю, что ни мусульманство, ни католичество им не приглянулись – «пришедше, видеша скверные их дела». Иное дело православие: «приидохом же в греки... не вемы на небе ли есмы были, или на земле... и есть служба их паче всех стран».

Рассудивши дело, княжеские советники-бояре решили, что креститься стоит, говоря Владимиру, что если бы плох был закон греческий, бабка его Ольга «яже бе мудрейши всех людей», не стала бы православной. И князь, наконец, решился: «Отвещав же, – Володимер рече, – идем, крещенье прием». Но эта внешняя решимость, не подкрепленная

живым церковным опытом, оказалась недолговечной – он так и остался язычником.

Второй раз Владимир собрался креститься, когда на требование отдать ему в жены Анну император ответили так: «Не пристало христианам отдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя».

«Услышав это, – говорит летописец, – сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». Но и в этот раз князю было не суждено принять святое крещение. Видно, Богу было не угодно, чтобы просвещение Руси имело в своем основании брачные расчеты. Владимир затеял с императорами спор, что должно состояться в первую очередь – крещение или приезд невесты. Время шло, а уступать никто не хотел.

Тогда князь осадил Корсунь. Взять хорошо укрепленный город было почти невозможно, но... «некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется – крещусь!» И тотчас повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались», – свидетельствует летопись.

Лишившись Корсуни, Василий и Константин вынуждены были выполнить свое обещание и отправили, наконец, сестру Анну, с пресвитерами и сановниками, к Владимиру.

Ожидавший в Корсуни прибытия невесты Владимир внезапно заболел глазной болезнью, завершившейся полной слепотой. Прибывшая Анна в который раз потребовала его крещения, без чего не могло быть и речи о браке. Князь согласился, и в момент совершения Таинства в купели – прозрел. Излечение телесное сопровождалось и благодатной душевной переменой, плоды которой не замедлили сказаться.

В 988 году князь Владимир возвратился в Киев совсем не таким, каким он покинул город, отправляясь в поход. Совершенно изменилась его нравственная жизнь. Он распустил свои гаремы; Рогнеде, своей первой жене, послал сказать: «Я теперь христианин и должен иметь одну жену; ты же, если хочешь, выбери себе мужа между боярами». Замечателен ответ Рогнеды: «Я природная княжна, – велела она передать Владимиру. – Ужели тебе одному дорого царствие небесное? И я хочу быть невестой Христовою». С именем Анастасии княжна постриглась и кончила свои дни смиренной монашкой в одной из обителей. Так крещение Владимира отозвалось благодатной переменой и среди людей, его окружавших.

Русь уже знала властителей-христиан. Бабка князя – святая равноапостольная Ольга долгие годы правила страной: сперва по малолетству сына, потом ввиду его постоянных военных отлучек. Ее лич-

ная приверженность православию, однако, никак не сказалась на народе в целом. Естественно было ожидать такого же поведения и от князя Владимира, тем более, что государство, которым он правил, созданию которого отдал столько сил, имело язычество в своей основе как связующее и объединяющее государственное начало. Покуситься на него значило наверняка разрушить Киевскую державу, отдав ее во власть религиозных смут и племенных противоречий.

Однако святой князь руководствовался не политическим расчетом, но благодатным внушением Божиим. Вернувшись в Киев, он велел жителям города собраться на берегу Днепра, подкрепив призыв всем весом своей княжеской власти: «Кто не придет, тот не друг мне!» И когда горожане собрались, на глазах обомлевшей толпы были сокрушены идола. Деревянные статуи «богов» рубили и жгли, а среброголового Перуна по княжескому повелению сначала привязали к хвосту коня и поволокли с горы (в то время, как двенадцать специально назначенных человек колотили его палками), а затем сбросили в реку.

И вместо неминуемого, казалось бы, всеобщего мятежа произошло всеобщее Крещение, которое святой Владимир предварил своей горячей молитвой. «Боже, сотворивший небо и землю, – молился прозревший князь, – призри на новые люди сии и даждь им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как уже познали страны христианские, утверди веру в них правую и несовратимую, а мне помоги, Гос-

поди, на супротивного врага, дабы надеясь на Тебя, победил бы я его козни» (12).

Вскоре в Киеве появились возы, наполненные мясом, рыбой, хлебом, медом и всякой другой снедью. «Нет ли где больного и нищего, который не может сам идти ко князю во двор?» – кричали возницы. В год Крещения Руси Владимиру исполнилось 25 лет. Со всем пылом юности отдался он осуществлению Христовых заповедей, разыскивая несчастных, убогих и обездоленных, говоря, что опасается – «немошные и больные не дойдут до двора моего».

Одно время князь даже отказался карать преступников, восклицая: «Боюсь греха!» Лишь вмешательство духовенства, напомнившего ему слова Апостола об обязанностях властителя и его ответственности, заставило святого Владимира изменить свое решение.

Вопреки всему Русь не разрушилась и не потонула в пучине усобиц. Православие распространялось неимоверно быстро. Уже при жизни святого Владимира в Киеве были возведены сотни церквей. На севере: в Новгороде, Ростове, Мурмане – язычество держалось дольше и крепче, но и там, после исторически непродолжительного периода двоеверия, православие безоговорочно восторжествовало...

Изучая эпоху святого равноапостольного князя Владимира, можно спорить о тех или иных подробностях, по-разному описываемых древними историками и летописцами, можно настаивать на той или иной последовательности событий, предшест-

вовавших крещению князя. Можно предлагать свое прочтение причин, приведших святого Владимира к воцерковлению. Но одно для непредвзятого взгляда остается несомненным – в условиях, крайне неблагоприятных для Церкви, в среде народа дикого и не расположенного к обращению, в стране, враждебной православной Византийской империи, произошло событие, не объяснимое естественным ходом вещей, – Крещение Руси.

«Никтоже, возложь руку свою на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии» (Лк. 9: 62), – свидетельствует Святое Евангелие. В 988 году по Рождеству Христову русский народ возложил руки свои на рало церковного послушания, которое он упорно и терпеливо, «не зря вспять», донныне несет под покровом Пречистой Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии молитвами преподобных и богоносных отец наших и всех святых.

И ВРАТА АДОВЫ НЕ ОДОЛЕЮТ ЕЕ ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

МИТРОПОЛИТ ИЛАРИОН
«СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»

Крещение в корне изменило всю русскую жизнь. Видя себя в новом положении с новыми понятиями, русский человек неизбежно задавался вопросами о новых христианских обязанностях, о том, в какое положение поставлен он теперь по отношению к окружающему миру, к Богу, к себе самому. В это время появляются первые письменные пастырские поучения, на века определившие самосознание народа. Особое место в их ряду занимает «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона.

Первый русский (по происхождению) предстоятель нашей Церкви Иларион был поставлен на митрополию в 1051 году собором архиереев по воле великого князя Киевского Ярослава Мудрого. Сам факт поставления имел в глазах современников про-

мыслительный характер: «Вложил Бог князю в сердце, и поставил его (Илариона) митрополитом в святой Софии».

«Муж благ, книжен и постник» (1), по выражению летописца, Иларион был давно известен киевлянам как пресвитер княжеской церкви святых Апостолов в местечке Берестове под Киевом. Там, возможно, и написал он свое знаменитое «Слово», ставшее одной из первых попыток христианского осмысления русской истории.

Творение Илариона есть как бы голос всенародного раздумья о призвании русского народа – «глас радования» православного люда, ощутившего избавление от томительного рабства греху и в то же время напряженно размышляющего о том, какого служения ожидает Господь от Своих новообретенных чад. Мысли, созвучные «Слову», мы встречаем во многих памятниках эпохи, и это свидетельствует, сколь серьезно занимали они внимание всего общества.

Главным прозрением Илариона стало его утверждение о духовной природе той силы, которая соединила разрозненные славянские племена в единый народ. Митрополит говорит о русском народе как о целостности, объединенной под властью Божией вокруг религиозного христианского начала, идеал которого воплощен в Православной Церкви. Само «Слово» является едва ли не единственным памятником XI века, в котором употреблено словосочетание «русский народ», а не обычное для того времени понятие «Русская земля».

В этом стремлении к христианской святине как к национальному идеалу – истоки русской соборности, «собранности» вокруг Церкви, сознания духовной общности народа, коренящейся в общем служении, общем долге. Соборность – это единство народа в исполнении христианского долга и самопожертвовании, в стремлении посылно приблизиться к Богу, «обожиться», «освятиться», воплотить в себе нравственный идеал Православия.

«Благодать же и истина всю землю исполни, – возвещал митрополит, – и вера во вся языки простресея и до нашего языка русского... Не невеждам ведь пишем, а обильно насытившимся книжной сладостью, не врагам Божиим-иноверцам, но сынам Его, не чужим, а наследникам Небесного Царства» (2). Общность территории и происхождения соединялись с общностью религиозной судьбы – так было положено начало образованию русской православной государственности.

Чудом просвещения Владимира началось расширение веры: «... Когда он жил и пас землю свою справедливо с мужеством и пониманием, тогда сошла на него милость Всевышнего – взглянуло на него Всемиловитое око благого Бога, и воссиял разум в сердце его, чтобы понять суетность идольской лжи и обрести единого Бога, создавшего всю тварь видимую и невидимую». Начавшаяся при особенном Божием благоволении русская судьба и дальше видится Илариону как результат непрерывного промыслительного попечения: «И так, веруя в Него, и святых отцов семи соборов заповеди соблюдая,

молим Бога еще и еще потрудиться и направить нас на путь, заповеданный Им».

Митрополит говорит о Богом определенной роли именно для русского народа, «спотыкавшегося» ранее «на путях погибели» (то есть, по сути и не бывшего русским народом в том смысле, как он его понимает), а ныне «во всех домах своих» восклицаящего: «Христос воскрес из мертвых!» Эти-то, славящие Христа, и молят Бога «еще и еще потрудиться и направить нас на путь, заповеданный Им», то есть открыть, для чего новообращенным дано ощутить и осознать свою общность, для чего определено им быть единым народом, каковы в качестве такового их обязанности...

Цель этого всенародного единения в духе церковного миропонимания – сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину, «святых отцов семи соборов заповеди соблюдая». Здесь – корни русской державности, понимающей государственную мощь не как самоцель, а как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни в рамках евангельской непорочности.

Молитва Илариона, помещенная в конце «Слова», возносимая им «от всея земли нашея», как бы подводит итог сказанному: «Не оставь нас, – взывает к Богу Иларион, – хоть еще и заблуждаемся, не отвергай нас, хоть еще и согрешаем пред Тобой... Не погнушайся, хоть и малое (мы) стадо, но скажи нам: «не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец ваш дати вам царство» (Лк. 12: 32)... Научи нас творить волю Твою, потому что Ты Бог

наш, а мы люди Твои... Не воздеваем рук наших к богу чужому, не следуем ни за каким лжепророком, не исповедуем еретического учения, но к Тебе, истинному Богу, взываем, к Тебе, живущему на небесах, возводим наши очи, к Тебе воздеваем руки, молимся Тебе... Поэтому простри милость Твою на людей Твоих... владыками нашими пригрози соседям, бояр умудри, города умножь, Церковь Твою укрепи, достояние Свое убереги, мужчин, женщин и младенцев спаси».

Это молитвенное воззвание митрополитарусина, предстоятеля Русской Церкви, печальника за вверенный ему Богом народ – стало как бы первым словом той горячей, детской молитвы, которую вот уже тысячу лет слагает Россия среди бесчисленных искушений, соблазнов и гонений, памятуя слова Священного Писания: «Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение, управи сердце твое, и потерпи» (Сир. 2: 1–2).

Иларион недолго занимал митрополичий престол, так как самостоятельное поставление русского митрополита являлось очевидным нарушением обычных правил. Это ли или что другое сыграло свою роль, мы не знаем, однако после смерти Ярослава Мудрого Иларион оставил кафедру, которую с 1055 года занимает новый митрополит – грек Ефим. Иларион же, поселившись в Печерском монастыре, принял схиму. Душа его давно тяготилась миром и стремилась к созерцанию и безмолвию. Будучи еще пресвитером в Берестове, он, по свиде-

тельству «Повести временных лет», «ископа печерку малу двусажену» на берегу Днепра на месте, где «бе... лес велик» и в ней, «приходя с Берестова отпеваше часы и молящися ту Богу в тайне». В обители он переписывал книги в келье преподобного Феоodosия, пребывая у него в послушании и спрашивая советов, когда случались затруднения и искушения. Память преподобного Илариона, схимника Печерского, Русская Православная Церковь празднует 12 октября по старому стилю (3).

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОГО БОГАТЫРСТВА БЫЛИНЫ КАК ЗЕРКАЛО НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ

Название «былины» установилось за русскими народными эпическими песнями о богатырях и добрых молодцах, в которых описываются их подвиги и приключения. Сам термин «былины» не народного, а литературного происхождения. В народе эти повествования носили название «старин» или «старинушек», свидетельствуя о своей древности и притязании на достоверность. Термин «былины» впервые использовал И. Сахаров в своих «Сказаниях русского народа», назвав так отдел, в котором он поместил перепечатку эпических песен из более ранних сборников.

Первые былины были сложены, вероятно, еще до крещения Руси и носили черты очень древнего языческого эпоса, хотя в последующем в до-

статочной мере «христианизировались». Они отличаются от более поздних былин слабым развитием исторического, достоверного содержания и хронологической неопределенностью времени действия. Из героев былин к дохристианскому циклу принадлежат Святогор, Микита Селянинович, Вольга... Многие их мотивы относятся к так называемым «бродячим сюжетам», коренящимся в общности религиозно-культурных элементов дохристианской Европы. Порой языческое влияние чувствуется и в былинах более позднего происхождения, а точнее говоря, – там, где в дохристианские сюжеты народная фантазия внесла действия своих любимых героев позднего времени.

Крещение Руси и эпоха святого равноапостольного князя Владимира стали ядром обширного былинного цикла, в основании которого лежат достоверные исторические события и личности. Главными действующими лицами киевских былин являются богатыри-воины, защищающие Святую Русь от посягательств иноверцев. Центральной фигурой этого цикла, да и всего русского эпоса, стал Илья Муромец. Его мощи вплоть до революции почивали нетленно в ближней Антониевой пещере Киево-Печерской лавры*. Сохранились свидетельства

---

* Первые исторические свидетельства о почитании преподобного Или Муромца относятся к концу XVI века. Известно, что сперва его мощи находились в гробнице при Софийском соборе, а потом были перенесены в лаврские пещеры. Перенесение, вероятно, произошло в том же XVI веке, поэтому житие древнего подвижника не попало в знаменитый Киево-Печерский патерик, составление которого относится к XIII веку. В 1594 году австрийский посол Эрих Лассота, проезжая через Киев, видел остатки разрушенной гробницы богатыря и его мощи в пещерах. Когда в 1661 году в Киеве готовилось первое

путешественников, еще в XVI веке видевших эти нетленные мощи. Настоятель собора Василия Блаженного отец Иоанн Лукьянов, посетив Киев проездом на пути в Иерусалим в 1701 году, так описывает мощи преподобного: «Видехом храброго воина Илию Муромца в нетлении под покровом златым, ростом яко нынешних крупных людей: рука у него левая пробита копием; язва вся знать на руке; а правая его рука изображает крестное знамение...» (4).

Сознание религиозного содержания его бранных подвигов – особого пути православного служения – пронизывает все былины. В одной из них, в частности, говорится: «Прилетела невидима сила ангельска и взимала-то его со добра коня, и заносила во пещеры во Киевски, и тут старый преставился, и поныне его мощи нетленные». В другой былине перенесение преподобного Илии в Киево-Печерский монастырь происходит после того, как во время паломничества в Константинополь он находит на дороге дивный крест, под которым спрятано великое сокровище, – серебро и золото. Сокровища преподобный жертвует князю Владимиру на строительство храма, а сам чудесным образом переносится в лавру, где по его успению остаются нетленные мощи.

При общем числе былинных сюжетов, достигающем до 90, с бесчисленными их вариантами, Илие

печатное издание патерика (оно было иллюстрированным), печерским черноризцем Илией была вырезана оконная гравюра – образ его небесного покровителя, преподобного Илии Муромца. У другого печерского монаха – Афанасия Кальнофойского, соратника киевского митрополита Петра Могилы, в книге «Тератургим» – ее он написал в 1638 году – указано, что преподобный Илия Муромец жил за 450 лет до того.

Муромцу посвящено более десятка, причем большинство из них имеет отношение к защите Православия на Руси. Все это говорит о том, что богатырство на Руси представляло собой особый вид церковного (а возможно, даже иноческого) служения, необходимость которого диктовалась заботой о защите веры. Вспомним события, предшествовавшие Куликовской битве в 1380 году. Святой благоверный князь Дмитрий Донской приехал в Троицкий монастырь за благословением преподобного Сергия Радонежского. Великий старец не только благословил князя на битву за Святую Русь, не только пророчествовал победу, но сделал, казалось бы, невозможное для монаха. Кроткий подвижник послал на бой двух смиренных иноков, Пересвета и Ослябю, «за послушание» отправив их с великим князем на Куликово поле. Именно Пересвет, монах-воин, и был богатырем, сразившимся перед началом битвы с татарским великаном Темир-Мурзою.

Главнейшие сюжеты былин о преподобном Илие следующие:

1. *Илья получает богатырскую силу.* «Просидев сиднем» долгие годы, парализованный Илья получает «силушку богатырскую» чудесным образом от «калики перехожего» – Божьего странника, фигуры столь хорошо на Руси известной и столь любимой русским народом. В Толковом словаре Владимира Даля «калика» определяется как «паломник, странник, богатырь во смирении, в убожестве, в богоугодных делах... Калика перехожий – странствующий, нищенствующий богатырь». Подвиг странни-

чества (часто соединяющийся с подвигом юродства о Христе) являет собой одно из высших состояний духа христианина, поправшего все искушения и соблазны мира и достигшего совершенства, по слову Господа Иисуса Христа: «Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим... и гряди в след Мене» (Мф. 19: 21).

Черты странничества и юродства о Христе есть и в поведении самого Ильи. У него нет ни постоянного дома, ни хозяйства, он не связывает себя никакими житейскими попечениями и заботами, презирая богатство и славу, отказываясь от чинов и наград. «Странничество, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – есть невозвратное оставление всего, что сопротивляется нам в стремлении к благочестию...

Странничество есть неведомая премудрость, необнаружимый помысл, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчание глубины. Странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом... Велик и достохвален сей подвиг».

Юродивые, обличая лицемерие и фарисейство современников, часто совершали на глазах у людей поступки оскорбительные, выходящие за рамки приличия. Этим они пытались пробудить у своих осуетившихся сограждан ревность о Боге, о защите «оскорбляемых» православных святых, о подвижнической, благочестивой жизни. Буйство юродивого – это его напоминание нам о страшном

определении Божиим равнодушному и боязливому христианину: «Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 1; 15–16).

Юродствует и прп. Илия. В одной из былин, недовольный равнодушием князя к своему богатырскому служению, он уходит из дворца, собирает по всему Киеву «голи кабацкие», сшибает стрелами золоченые маковки киевских церквей и на выручку от них поит «зеленым вином» собранную им по кабакам толпу.

В сюжете об исцелении преподобного несомненно присутствует мотив преемственной передачи благодатного дарования – «харизмы». Дар получен для служения «Святой Руси» и народу «святорусскому», для сохранения в стране православной государственности и чистой веры. И если в *«Слове о Законе и Благодати»* митр. Илариона особенно отчетливо отражено начинающееся осознание православной соборности как народного русского качества, то в былинах об Илье Муромце отражается начавшееся осмысление второго драгоценного качества народа «святорусского» – его державности. Державности, отлившейся в XIX в. в чеканную формулу московского митр. Филарета: «Любите врагов своих, сокрушайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими». То есть осмысление религиозной ответственности каждого за здоровье общества и крепость православной государственности. Не

принудительной ответственности «за страх», а добровольного служения «за совесть».

2. Вторым сюжетом, в котором явственно отражена мысль о харизматической преемственности богатырства, является сюжет былины об Илье и Святогоре, которая называется еще «Смерть Святогора». Происхождение образа Святогора очень сложно и вряд ли может быть однозначно определено. Любопытно, однако, что в нем есть черты сходства со святым великомучеником и победоносцем Георгием. Содержание былины следующее: Святогор и Илья находят гроб. Для Ильи гроб велик, а Святогору как раз. Он ложится в гроб, крышка закрывается, и открыть ее Илья не может, как ни старается. Святогор остается в гробу, а силу свою передает Илье.

Как только ни пытались объяснить появление этого сюжета! Его истоки искали в египетских мифах об Озирисе и даже в повествованиях Талмуда о Моисее и Аароне. В действительности дело гораздо проще и «православнее».

В своем послании к Галатам ап. Павел говорит: «Я умер для закона (имеется в виду закон фарисейского иудейства), чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу» (Гал. 2; 19). И в др. месте: «Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6; 14). Эта добровольная смерть, это распятие миру есть содержание и путь монашеского подвига. Такова и «смерть» Святогора.

Сам термин «монах» происходит от греческого «монос» – один. Лишь тот настоящий монах, кто

преодолеет искушения и соблазны мира, отвлекающие человека от исполнения его религиозного долга, и остался один, наедине с Богом – таково святоотеческое толкование монашества. «Когда слышишь о гробах, – говорит св. Макарий Великий, – представляй мысленно не только видимые гробы, потому что гроб и могила для тебя – сердце твое». Заклучаясь, как в гробу, в себе самом, оставшись наедине с совестью, этим обличителем и судьей грехов наших, монах трезвенно, сосредоточенно и благоговейно рассматривает себя – все ли в нем приведено в соответствие с требованиями Заповедей Божиих? Так он чистит себя по слову Господа: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5; 8). «Конец нашей подвижнической жизни есть Царствие Божие, а цель – чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца», – свидетельствует прп. Кассиан Римлянин, св. подвижник V в. по Р. Х. Не умрешь для мира – не родишься для Бога. Таково безоговорочное мнение всех святых отцов. «Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называем страстями, – говорит великий наставник иноков прп. Исаак Сирианин. – И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрствование плоти. Поэтому, что человек исхитил себя из этого, познается, что изшел он из мира». Образ и символ этой смерти для мира – монашеский постриг. Не напрасно одежда схимников носит черты погребальных одеяний. «Гроб» Святогора – это постриг в великую схиму, отрешающий человека от мирской жизни в его стремлении к Богу.

«Смерть и погубление, которых от нас требует Бог, состоят не в уничтожении существования нашего, – они состоят в уничтожении самолюбия... Самолюбие есть та греховная страсть, которая составляется из полноты всех прочих разнообразных страстей» (8). Этим словам преподобного Игнатия Брянчанинова, сказанным в XIX веке, из глубины столетий (V век по Рождеству Христову) вторит блаженный Диадок, епископ Фотики: «Кто себя любит, тот Бога любить не может».

Пройдя успешно послушание богатырства, служения Богу и Церкви на поприще мятежной бранной жизни, Святогор заслужил освобождение от суеты, упокоение от страстей в священном безмолвии – бесстрастном предстоянии Богу, ненарушимом заботами земной жизни. Дар своей богатырской силы вместе с обязанностями этого служения он передал Илье. Такова в действительности православная основа сюжетных построений былины о смерти Святогора.

Коснувшись в своих рассуждениях вопросов, связанных с монашеством, мы прикоснулись к самому сердцу России, к самым глубоким основам русского мироздания и мироощущения. Многовековое сосредоточенное молчание России, так удивлявшее притких исследователей, стремившихся мерить ее привычными мерками «просвещенной» и многоречивой Европы, есть благоговейное молитвенное молчание тщательного монаха. Такое молчание преподобный Исаак Сирианин назвал «таинством будущего века», ибо происходит оно не от

невежества или лени, а от благодатной полноты религиозного чувства, от сосредоточенной ревности и богоугождения, от изумления перед величием Божиим, открывающимся благочестивому взору смиренного подвижника. Это состояние не нуждается в словесном выражении. Оно вообще не передается словами – оно постигается лишь любящим сердцем.

3. *Поездка Ильи Муромца в Киев.* Илья «стоял заутреню во Муроме, ай к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град». Исполнить это благочестивое желание ему помешала иноверческая «силушка великая», которой под Черниговом «нагнано-то черным-черно». Расправившись с этой силой и получив от «мужичков да тут черниговских» благоговейное величание: «Ай ты славный богатырь да святорусский, – Илья собрался ехать дальше, но выяснилось, что у «славного креста у Левонидова» сидит Соловей-Разбойник Одихмантьев сын (имеющий легко узнаваемое половецкое происхождение). Победив его и приторочив к стремяни, Илья приезжает в Киев, где «ай Владимир-князь» только что «вышел со Божьей церкви». Подивившись мужеству Ильи, он попросил Соловья свистнуть. После того, как смертоносные способности Разбойника подтвердились, Илья «во чистом поле» «срубил ему да буйну голову».

Удивительно, как неразрывно тесно сплелась народная мысль с православным мироощущением. Начиная с побудительной причины подвига и кончая бытовыми деталями, все в бытине «оправославлено» и «воцерковлено». Глубоко ошибается тот,

кто принимает это за дань традиции, за благочестивую риторику. В риторических излишествах можно заподозрить официальный документ, неизбежно склонный к торжественности. Можно обвинить в этом автора, связанного личными склонностями и привычками. Но укоренившаяся «склонность» народа как соборного автора былин, пронесенная через века, должна именоваться иначе. Искренним, живым и глубоким благочестием проникнуто большинство былин. Это интимное, внутреннее чувство человеческого сердца невозможно подделать. И когда переживает это чувство весь народ, он оставляет неизгладимые следы своих переживаний на всем, к чему прикасается в жизни и творчестве.

4. *Илья Муромец и Калин-царь*. Этот сюжет еще можно назвать «ссора Ильи с князем». Князь прогневался на Илью и посадил его в погреб. Былина не сомневается в правомочности княжеского поступка (уже формируется взгляд на божественное происхождение самодержавной власти), но осуждает его неразумность и поспешность, ибо «дело есть немалое. А что посадил Владимир-князь да стольно-киевский старого казака Илью Муромца в тот во погреб холодный» («казакон» Илья стал в период Смутного времени, так что это свидетельствует о поздней редакции былины). Не дело сажать богатыря в погреб, ибо «он мог бы постоять один за веру, за отечество... за церкви за соборные». Да и нужда в защите не заставила себя долго ждать. «Собака Калин-царь» идет на Киев, желая «Божьи церкви все на дым спустить».

Расплакавшись, раскаивается князь, что сгубил Илью: «Некому стоять теперь за веру, за отечество. Некому стоять за церкви ведь за Божии». Но, оказывается, Илья жив – предусмотрительная дочь князя Апракса-королевична велела его в темнице холить и кормить. Илья обиды не помнит и спасает князя от «поганных».

Этот сюжет интересен тем, что доказывает существование целого сословия богатырей-верозащитников, широкую распространенность державного богатырского послушания. Когда Илья увидел, что силе поганой конца-краю нет, он решил обратиться за помощью к сотоварищам по служению – к «святорусским богатырям». Он приезжает к ним на заставу и просит помощи. Дальнейшее развитие повествования дает лишнее свидетельство правдолюбия былины, ее ненадуманности. Сперва богатыри помогать князю отказываются. При этом старший из них – Самсон Самойлович, «крестный батюшка» самого Ильи Муромца, мотивирует это так: «У него ведь есте много да князей-бояр, кормит их да поит да и жалует. Ничего нам нет от князя от Владимира». Но обида богатырей держится недолго, и когда Илья, изнемогая в бою, вновь просит помощи, они, не раздумывая, вступают в битву и плененного «собаку Калина-царя» ведут по совету Ильи в Киев к Владимиру-князю. Показательно проявляющееся в былине уважение к царскому достоинству. Калин-царь хоть и «собака», но все же царь, и потому «Владимир-князь да стольно-киевский, Он берет собаку за белы руки, И садил за столики дубовые, Кормил

его яствушкой сахарною, да поил-то питьицем медвяным». И только выказав уважение, подобающее царскому достоинству поверженного врага, Владимир-князь определяет его себе в вечные данники.

5. *Илья и Жидовин*. Былина описывает битву Ильи с Великим Жидовином, заканчивающуюся победой русского богатыря. Существуют два достоверных исторических события, которые могли послужить отправной точкой для сюжета. Первое – разгром Святославом Хазарского каганата. Иудейское иго длилось по 965 год, когда хазарская держава пала под ударами дружин русского князя. Учитывая человеконенавистническое содержание учения талмудических религиозных сект, признающего человеческое достоинство лишь за «богоизбранным» народом и приравнивающего остальную часть человечества к скотам, лишенным бессмертной души, вполне вероятно, что общение с хазарскими «жидовинами» не оставило в русичах никаких приятных воспоминаний*.

Вторым историческим событием, которое могло повлиять на былинку, стал разгром в конце XV века ереси «жидовствующих», носившей кроме чис-

---

* Крещение Руси лишь увеличило неприязнь иудеев к русским. История донесла до нас достоверные отголоски этой жгучей религиозной ненависти. В 1096 году в Корсуни местным иудеем был замучен инок разоренного половцами Киево-Печерского монастыря Евстратий Постник. Еврей купил его у половцев, принуждал отречься от Христа, морил голодом, а в день Святой Пасхи распял его на кресте в присутствии других членов иудейской религиозной общины. Православная Церковь празднует память преподобного мученика Евстратия 28 марта по старому стилю. Со временем мартиролог «умученных от жидов» православных христиан рос, и это тоже не могло вызывать на Руси никаких симпатий.

то религиозных черт и черты политического заговора. Не зная за пятьсот лет ни одной ереси, Русь была потрясена коварством еретиков, тайно разрушавших устои веры и государства при внешнем лицемерном благочестии. Впрочем, эти события вряд ли могли стать источником сюжета былин. Он явно более раннего происхождения. Борьба с ересью «жидовствующих» могла лишь оказать некоторое влияние на дальнейшее его развитие.

Столь же «оправославленными» и укорененными в соборном сознании народа являются и другие сюжеты былин об Илье, например былина о его бое с Идолищем Поганым. Есть, впрочем, и «секуляризованные» сюжеты, например бой Ильи с паленицей (богатыршей) или бой Ильи с сыном (не узнавших друг друга).

Об исторических прототипах двух других богатырей Киевского цикла – Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче существуют разные мнения. Указывают на летописного Добрыню, дядю князя Владимира, как на прототип былинного богатыря. Александр, или Олешко Попович, упоминается в русских летописях неоднократно, причем события, связанные с его именем, отстоят одно от другого на 250 лет. «В лето 1000 (от Рождества Христова) прииде Володар с половцы к Киеву, – повествует Никоновская летопись. – И изыде ночью во сретенье им Александр Попович и уби Володаря...» В Тверской летописи имя Александра Поповича упоминается в связи с княжескими усобицами 1216 года, а в Суздальской летописи, в рассказе о битве на Калке,

сказано: «И Александр Попович ту убит бысть с теми 70 храбрыми».

Но нам важны не исторические параллели былинных событий. Важно то, что былины отразили истинно народный взгляд на вероисповедный характер русской национальности и государственности. Мысль о неразделимости понятий «русский» и «православный» стала достоянием народного сознания и нашла свое выражение в действиях былинных богатырей*.

Помимо Киевского цикла выделяют еще Новгородский цикл, состоящий из былин о Садко и Ваське Буслаеве. Один из возможных исторических прототипов Садко отличался большим благочестием – Новгородская летопись за 1167 год упоминает об основании человеком по имени Садко Сытинич церкви Бориса и Глеба. Васька Буслаев тоже вполне православен – сюжет одной из былин составляет его паломничество в Иерусалим.

Говоря о былинах как о зеркале самосознания народа, нельзя не заметить, что их отвлеченно-философское содержание весьма скудно. И это понятно, ибо народу не свойственно облекать свои взгляды, основанные на живом опыте, в мертвые формы отвлеченного рассуждения. Ход истории и свое мес-

---

* Этому не противоречит наличие в Киевском цикле былин, никак не связанных с подобными понятиями. Так, в одной из них Дунай (Дон) Иванович состязался в стрельбе из лука с женой своей Настасьей (Непррой). Настасья (Непра) побеждает Дуная (Дона). Рассердившись, он убивает сперва жену, а затем себя. Из их крови разлились реки Дунай (Дон) и Днепр. Число подобных былин и популярность их героев не идут ни в какое сравнение с былинами об Илье.

то в ней здоровое самосознание народа воспринимает как нечто очевидное, естественно вплетающееся в общее мироощущение. Учитывая это, можно сказать, что былины являются яркими и достоверными свидетельствами добровольного и безоговорочного воцерковления русской души.

ЧАСТЬ МОЯ ГОСПОДЬ, РЕЧЕ ДУША МОЯ...
ПРАВОСЛАВНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ
В РУССКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

«**Р**усская история поражает необыкновенной сознательностью и логическим ходом явлений», — писал К. С. Аксаков более 120 лет назад. Мы часто забываем об этой осознанности, невольно возводя хулу на своих предков, подверстывая их высокую духовность под наше нынешнее убожество. Между тем история донесла до нас многочисленные свидетельства их гармоничного, воцерковленного мировоззрения. В ряду таких свидетельств особой исторической полнотой отличаются летописи*.

В развитии русского летописания принято различать три периода: древнейший, областной и общерусский (9). Несмотря на все особенности русских летописных традиций, будь то «Повесть временных лет», в редакции преподобного Нестора-летописца,

---

* Подробное рассмотрение историософии русских летописей требует отдельного исследования. Мы коснемся их лишь в той мере, в какой это необходимо для иллюстрации процессов становления русского самосознания в X–XVI веках.

новгородские летописи, с их лаконичностью и сухостью языка, или московские летописные своды, – не вызывает сомнения общая мировоззренческая основа, определяющая их взгляды. Православность давала народу твердое ощущение общности своей исторической судьбы даже в самые тяжелые времена удельных распрей и татарского владычества.

В основании русских летописей лежит знаменитая «Повесть временных лет» – «откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве начал первее княжить и откуда русская земля стала есть». Имевшая не одну редакцию «Повесть» легла в основу различных местных летописей. Как отдельный памятник она не сохранилась, дойдя до нас в составе более поздних летописных сводов – Лаврентьевского (XIV век) и Ипатьевского (XV век). Повесть – это общерусский летописный свод, составленный к 1113 году в Киеве на основании летописных сводов XI века и других источников – предположительно греческого происхождения. Преподобный Нестор-летописец, святой подвижник Киево-Печерский, закончил труд за год до своей кончины. Летопись продолжил другой святой инок – преподобный Сильвестр, игумен Выдубицкого Киевского монастыря. Память их Святая Церковь празднует, соответственно, 27 октября и 2 января по старому стилю.

В «Повести» хорошо видно желание дать, по возможности, всеобъемлющие понятия о ходе мировой истории. Она начинается с библейского рассказа о сотворении мира. Заявив таким образом о своей приверженности христианскому осмысле-

нию жизни, автор переходит к истории русского народа. После Вавилонского столпотворения, когда народы разделились, в Иафетовом племени выдвинулось славянство, а среди славянских племен – русский народ. Как и все в тварном мире, ход русской истории совершается по воле Божией, князя – орудия Его воли, добродетели следуют воздаяние, согрешениям – наказание Господне: глад, мор, трус, нашествие иноплеменных.

Бытовые подробности не занимают автора летописи. Его мысль парит над суетными попечениями, с любовью останавливаясь на деяниях святых подвижников, доблестях русских князей, борьбе с иноплеменниками-иноверцами. Но и все это привлекает внимание летописца не в своей голой исторической «данности», а как свидетельство промыслительного попечения Божия о России.

В этом ряду выделяется сообщение о посещении Русской земли святым апостолом Андреем Первозванным, предсказавшим величие Киева и будущий расцвет Православия в России. Фактическая достоверность этого рассказа не поддается проверке, но его внутренний смысл несомненен. Русское православие и русский народ обретают «первозванное» апостольское достоинство и чистоту веры, подтверждающиеся впоследствии равноапостольным достоинством святых Мефодия и Кирилла – просветителей славян и святого благоверного князя Владимира Крестителя. Сообщение летописи подчеркивает промыслительный характер крещения Руси, молчаливо предполагая за ней соответственные ре-

лигиозные обязанности, долг православно-церковного послушания.

Автор отмечает добровольный характер принятия служения. Этому служит знаменитый рассказ о выборе вер, когда «созва Володимер боляры своя и старцы градские». Летопись не приводит никаких стесняющих свободу выбора обстоятельств. «Аще хочещи испытати гораздо, – говорят Владимиру «боляры и старци», – послав испытай кагождо... службу и како служит Богу». Желание богоугодной жизни, стремление найти неложный путь к Богу – единственный побудительный мотив Владимира. Чрезвычайно показателен рассказ послов, возвратившихся после испытания вер. Мусульмане отвержены, ибо «несть веселия в них, но печаль...», католики – из-за того, что у них «красоты не видехом никоея же». Речь идет, конечно, не о мирском «веселье» – его у мусульман не меньше, чем у кого-либо иного, и не о житейской «печали». Речь – о живом религиозном опыте, полученном послами. Они искали то веселие, о котором говорит Псалмопевец: «Вонми гласу моления моего, Царю мой и Боже мой... И да возвеселятся вси, уповающие на Тя, во век возрадуются: и вселишься в них, и похвалятся о Тебе любящие имя Твое» (Пс. 5: 3, 12). Это веселие и радость богоугодного жития – тихие, немятежные, знакомые всякому искренне верующему православному человеку по умирительному личному опыту, не объяснимому словами. Послы ощутили в мечети вместо этого веселия печаль – страшное чувство богооставленности и богоотверженности, свидетельствуемое слова-

ми Пророка: «Увы, язык грешный, людие исполнени грехов, семя лукавое, сынове беззакония – остависте Господа... Что еще уязвляетея, прилагающе беззаконие, всякая глава в болезнь и всякое сердце в печаль...» (Ис. 1: 4–5).

И у католиков послы поразились не отсутствием вещественной красоты – хотя по красоте и пышности католическое богослужение не идет ни в какое сравнение с православным. Здоровое религиозное чутье безошибочно определило ущербность католицизма, отсекающего себя от соборной совокупности Церкви, от ее благодатной полноты. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе», – свидетельствует Священное Писание. Отсутствие этой красоты и почувствовали благонамеренные послы. Тем разительнее был для них контраст от присутствия на литургии в соборе святой Софии в Царьграде: «Приидохом же в греки и ведоша ны идеже служат Богу своему». Богослужение так поразило русов, что они в растерянности твердят: «И не знаем, были ли мы на небе, или на земле – ибо не бывает на земле красоты такой – только то верно знаем, что там с человеками пребывает Бог... И не можем забыть красоты той». Их сердца, ищущие религиозного утешения, получили его в неожиданной полноте и неотразимой достоверности. Исход дела решили не внешние экономические соображения (обоснованность которых весьма сомнительна), а живой религиозный опыт, обильное присутствие которого подтверждает и вся дальнейшая история русского народа.

Довольно полную картину взглядов современников на ход русской жизни дает Лаврентьевский свод*. Вот, например, картина похода русских князей на половцев в 1184 году: «В то же лето вложи Бог в сердце князем русским, ходиша бо князи рускии вси на половци».

В 70-х годах XII века усиливается натиск половцев на границы русских княжеств. Русские предпринимают ряд ответных походов. Следует несколько местных поражений половецких войск, результатом которых становится их объединение под властью одного хана – Кончака. Военная организация половцев получает единообразие и стройность, улучшается вооружение, появляются метательные машины и «греческий огонь». Русь лицом к лицу сталкивается с объединенным сильным войском противника.

Половцы, видя свое превосходство, принимают удачно складывающиеся обстоятельства за знамение благоволения Божия. «Се Бог вдал есть князи русские и полки их в руки наши». Но промысел Божий не связан соображениями человеческой мудрости: «не ведуще» неразумные иноверцы, «яко несть мужества, ни есть думы противу Богови», – сетует летописец. В начавшейся битве «побегоша» половцы «гоними гневом Божиим и Святой Богородицы». Победа русских не есть результат их собственного попечения: «Содеял Господь спасенье велико нашим

---

* Он назван так по имени инока Лаврентия, составившего эту летопись для Суздальского великого князя Дмитрия Константиновича в 1377 году. В этот общерусский летописный свод вошли «Повест временных лет» в редакции 1117 года и ее продолжения, излагающие события в Северо-Восточной Руси с 1111 по 1305 год.

князьям и воям их над враги нашими. Побеждена быша иноплеменницы» промыслительной помощью Божией под Покровом Пресвятой Богородицы, покрывающей попечением Своим боголюбивое русское воинство. И сами русские это прекрасно сознают: «И рече Владимир: се день иже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны. Яко Господь избавил ны есть от враг наших и покорил врази наша под нозе наши». И возвратились русские войска домой после победы, «славяще Бога и Святую Богородицу, скорую заступницу рода христианского». Вряд ли можно полнее и четче выразить взгляд на русскую историю как на область всеохватывающего действия Промысла Божия. При этом летописец, как человек церковный, остается далек от примитивного фатализма. Действуя в истории определяющим образом, Промысел Божий в то же время не подавляет и не ограничивает свободы личного выбора, лежащей в основании ответственности человека за свои дела и поступки.

Историческим материалом, на фоне которого утверждается понятие о религиозно-нравственной обусловленности русской жизни, становятся в летописи события, связанные с изменчивым военным счастьем. На следующий год после удачного похода на половцев, совершенного объединенными силами князей, организовывает неудачный самостоятельный набег Игорь Святославич, князь Новгород-Северский. Знаменитое «Слово о полку Игореве» дает исключительное по красоте и лиричности описание этого похода. В летописи о походе Игоря Святосла-

вича сохранились два рассказа. Один, более обширный и подробный, в Ипатьевском своде*. Другой, покороче – в Ларентьевском. Но даже его сжатое повествование достаточно ярко отражает воззрение летописца на свободу человеческой воли как на силу, наравне с недомыслимым промыслом Божиим определяющую ход истории.

На этот раз «побеждени быхом наши гневом Божиим», нашедшим на русские войска «за наше согрешенье». Сознывая неудачу похода как закономерный результат уклонения от своего религиозного долга, «воздыхание и плач распространися» среди русских воинов, вспоминая, по словам летописца, слова пророка Исая: «Господи, в печали помянухом Тя...» Искреннее покаяние было скоро принято милосердным Богом и «по малых днех ускочи князь Игорь у половец» – то есть из плена половецкого – «не оставит бо Господь праведного в руках грешных, очи бо Господни на боящихся Его (взирают), а уши Его в молитву их (к молитвам их благопослушны)». «Се же содеяся грех ради наших, – подводит итог летописец, – зане умножишася греси наши и неправды». Согрешающих Бог вразумляет наказаниями, добродетельных, сознающих свой долг и исполняющих его – милует и хранит. Бог никого не принуждает: человек сам определяет свою судьбу, народ сам определяет свою историю – так можно кратко изложить воззрения летописи. Остается лишь благоговейно удивляться чистоте

---

* Свод летописей, составленный в XV веке в Костромском Ипатьевском монастыре.

и свежести православного мироощущения летописцев и их героев, глядящих на мир с детской верой, о которой сказал Господь: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение» (Лк. 10: 21).

Развивая и дополняя друг друга, русские летописцы стремились к созданию целостной и последовательной картины родной истории. Во всей полноте это стремление отразилось в московской летописной традиции, как бы венчающей усилия многих поколений летописателей*. «Летописец Великий Русский», Троицкая летопись, писанная при митрополите Киприане, свод 1448 года и другие летописи, все более и более подходившие под название «общерусских», несмотря на то, что они сохраняли местные особенности, да и писались частенько не в Москве, представляют собой как бы ступени, по которым русское самосознание восходило к осмыслению единства религиозной судьбы народа.

Середина XVI века стала эпохой величайшего церковно-государственного торжества на Руси. Были собраны воедино исконно русские земли, присоединены Казанское и Астраханское царства, открыт путь на восток – в Сибирь и Среднюю Азию. На очереди стояло открытие западных ворот державы – через Ливонию. Вся русская жизнь проходила под знаком благоговейной церковности и внутренней религиозной сосредоточенности. Неудивитель-

---

* Перенос святым митрополитом Петром первосвятительской кафедры из Владимира в Москву в 1325 году положил начало московскому летописанию, которое велось при дворе митрополита.

но поэтому, что именно в царствование Иоанна IV Васильевича был создан грандиозный летописный свод, отразивший новое понимание русской судьбы и ее сокровенного смысла. Он описывал всю историю человечества в виде смены великих царств. В соответствии со значением, которое придавалось завершению столь важной для национального самосознания работы, летописный свод получил самое роскошное оформление. Составляющие его 10 томов были написаны на лучшей бумаге, специально закупленной из королевских запасов во Франции. Текст украсили 15 тыс. искусно выполненных миниатюр, изображавших историю «в лицах», за что собрание и получило наименование «Лицевого свода». Последний, десятый том свода был посвящен царствованию Иоанна Васильевича, охватывая события с 1535 по 1567 годы.

Когда этот последний том (известный в науке под именем «Синодального списка», так как принадлежал библиотеке Святейшего Синода) был в основном готов, он подвергся существенной редакционной правке. Чья-то рука прямо на иллюстрированных листах сделала многочисленные дополнения, вставки и исправления.

На новом, чисто переписанном экземпляре, который вошел в науку под названием «Царственная книга», та же рука сделала опять множество новых приписок и поправок. Похоже, редактором «Лицевого свода» был сам Иоанн IV, сознательно и направленно трудившийся над завершением «русской идеологии» (10).

Другим летописным сборником, который должен был наравне с «Лицевым сводом» создать стройную концепцию русской жизни, стала «Степенная книга». В основании этого громадного труда лежал замысел, согласно которому вся русская история со времен крещения Руси до царствования Иоанна Грозного должна предстать в виде семнадцати степеней (глав), каждая из которых соответствует правлению того или иного князя. Обобщая главные мысли этих обширнейших летописей, можно сказать, что они сводятся к двум важнейшим утверждениям, которым суждено было на века определить течение всей русской жизни:

1. Богу угодно верить сохранение человечеству истин Откровения, необходимых для спасения людей, отдельным народам и царствам, избранным Им Самим по неведомым человеческому разуму причинам. В ветхозаветные времена такое служение было вверено Израилю. В новозаветной истории оно последовательно вверялось трем царствам. Первоначально служение принял Рим – столица мира времен первохристианства. Отпав в ересь латинства, он был отстранен от служения, преемственно дарованного православному Константинополю – «второму Риму» Средних веков. Покусившись из-за корыстных политических расчетов на чистоту хранимой веры, согласившись на унию с еретиками-католиками (на Флорентийском соборе 1439 года), Византия утратила дар служения, перешедший к «третьему Риму» последних времен – к Москве, столице Русского Православного царства. Русскому народу оп-

ределено хранить истины православия «до скончания века» – второго и славного Пришествия Господа нашего Иисуса Христа. В этом смысл его существования, этому должны быть подчинены все его устремления и силы.

2. Принятое на себя русским народом служение требует соответственной организации Церкви, общества и государства. Богоучрежденной формой существования православного народа является самодержавие. Царь – Помазанник Божий. Он не ограничен в своей самодержавной власти ничем, кроме выполнения обязанностей общего всем служения. Евангелие есть «конституция» самодержавия. Православный царь – олицетворение богоизбранности и богоносности всего народа, его молитвенный председатель и ангел-хранитель.

ИНОК ФИЛОФЕЙ. «ДОМОСТРОЙ»
СТАВЛЕННИЧЕСКАЯ ГРАМОТА
РУССКОГО ПАТРИАРХА

Впервые пророчество о Москве как о Третьем Риме было произнесено иноком Филофеем, старцем Псковской Елизарьевской пустыни, еще в царствование Василия Иоанновича, отца Грозного. «Да веси яко вся христианские царства приидоша в конец, – говорил он государеву дьяку Мунехину, псковскому наместнику, – и снидошася в едино царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Михаил Мунехин, человек очень образованный, бывший послом в Египте и много путешествовавший, по достоинству оценил значение этого пророчества для судеб России. В 1512 году он привез в Москву писанный Филофеем хронограф – изложение исторических событий с самых древних времен (11). Скорее всего, этот хронограф был известен Иоанну IV и послужил ему в деле редактирования летописных сводов, отражавших ту же пророческую мысль о России как о последнем убежище православия. Вообще хронографы и различные летописные сборники в XVI–XVII веках умножились необычайно. Они дошли до нас в многочисленных и весьма разнообразных списках, наглядно свидетельствуя о напряженной работе русской мысли по осознанию Божьего промысла о русском народе и его государственном устроении.

Псковский старец сочувствовал молодому царю в его стремлении привести Россию в соответствие со смирением Божиим о ней. Многоопытный инок высокой духовной жизни, Филофей прожил около ста лет. Его рождение относят ко времени падения Константинополя (1453 год) (12), так что послание к царю он написал уже в глубокой старости, умудренный долгими годами жизни. Известна любовь Иоанна Грозного к подвижникам благочестия. Возможно, и Филофей знал царя лично – это давало ему уверенность в том, что к его мнению внимательно прислушаются.

После соборного покаяния царя и народа, завершившегося в 1550 году всеземским примире-

нием, наступило «лето Господне благоприятное» для отеческого, пастырского вразумления юного монарха. И это вразумление прозвучало из уст подвижника-старца. Филофей пишет «Послание к царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси». В нем старец дает дерзновенное толкование двенадцатой главы Апокалипсиса:

«Говорит ведь возлюбленный наш богословесный Иоанн, на тайной вечери возлежавший на перси Господней и почерпнувший там неизреченные тайны (текст Св. Писания приводится в том виде, как он дан Филофеем. – *Прим. автора*): «Видел знамение великое на небе: жену, облаченную в солнце, и луну под ногами ее, и на голове ее венец из 12 звезд. Она имела в чреве и кричала от болей и мук родов. И вот явился змей, большой и красный, с 7 головами и 10 рогами, и на головах его 7 диадем, и хобот его увлек с неба третью часть звезд небесных. Змей стоял перед женою, которой надлежало родить, и хотел сожрать родившегося младенца. Тогда были даны жене два крыла большого орла, и улетела она в пустыню в приготовленное место. И пустил змей из пасти своей воду, как реку, чтобы потопить жену в реке». Толкование: жена – святая Церковь; облачена в праведное солнце – в Христа; луну имеет под ногами – Ветхий завет; венец на голове ее – двенадцати апостолов учение; с болью рождает – святым крещением преобразует плотские чада в духовные; змей же – дьявол, как говорится, краснота – жестокость его и кровопийство; 7 глав – злые его, супротивные силы; 10 рогов знаменуют истребленные

царства, как раньше пали арамейское, константинопольское, египетское и прочии. Дитя жены, которое змей хотел сожрать, – те люди, что рождены были заново в святом крещении, он влечет их и после крещения дьявол к осквернению, подвигая к гибели; бегство жены в пустыню из старого Рима – из-за служения на опресноках, так как весь некогда великий Рим пал и болен неисцелимым недоверием – ересью аполинариевой. В новый Рим бежала, то есть в Константинополь, но и там покоя не обрела из-за соединения православных с латинянами на восьмом соборе, потому и была разрушена константинопольская церковь и унижена была и стала подобна она хранилищу овощей. И наконец, в третий Рим бежала – в новую и великую Русь. Это тоже пустыня, так как не было в ней святой веры, не проповедывали там божественные апостолы, после всех воссияла там благодать Божия спасения, с ее помощью познали мы истинного Бога. Единая нынче соборная апостольская церковь восточная ярче солнца во всем поднебесье светится, и один только православный и великий русский царь во всем поднебесье, как Ной в ковчеге, спасшийся от потопа, управляет и направляет Христову Церковь и утверждает православную веру. А когда змей испустит из уст своих воду, как реку, желаю в воде потопить, то увидим, что все царства потопятся неверием, а новое же русское царство будет стоять оплотом православия...» (13).

Юный царь глубоко проникся пониманием своей особой роли и великой ответственности. С целью упорядочения русской жизни в 1547–1551 годах он

несколько раз созывал соборы духовенства, на которых решались важнейшие вопросы церковного и государственного устройства. «Отцы наши, пастыри и учителя, – обращался Иоанн к иереям и святителям, – внидите в чувства ваши, прося у Бога милости и помощи, истрезвите ум и просветитесь во всяких богодухновенных обычаях, как предал нам Господь и меня, сына своего, наказуйте и просвещайте на всякое благочестие, как подобает быть благочестивым царям, во всех праведных царских законах, во всяком благоверии и чистоте, и все православное христианство нелестно утверждайте, да непорочно сохранит истинный христианский закон. Я же единокорно всегда буду с вами исправлять и утверждать все, чему наставит вас Дух Святой: если буду сопротивляться, вопреки божественных правил, вы о сем не умолкайте; если же преслушник буду, воспретите мне без всякого страха, да жива будет душа моя и все сущие под власть нашу» (14).

Соборы прославили новых русских святых, от которых народ ждал заступничества и благословения на нелегком пути своего служения, утвердили новый Судебник – сборник законов, определявших отправление правосудия в России, подробно остановились на благоустройстве внутренней церковной жизни. Обличая беспорядки и бесчиния, рассуждали о богослужении и уставах церковных, об иконописании (требуя от иконописцев, кроме мастерства, неукоризненной жизни), о книгах богослужебных, о просфорах и просфорницах, о благочинии в храмах, о чине совершения таинств, об избрании и пос-

тавлении священнослужителей, о черном и белом духовенстве, о суде церковном, о содержании храмов и причтов, об исправлении нравов и обычаев...

Особенно ясно благодатное состояние русского общества отразилось в знаменитом «Домострое» (15). «Книга, глаголемая Домострой, имеет в себе вещи зело полезны, поучение и наказание всякому православному христианину...» – так озаглавливали переписчики свод советов и правил, определявших все стороны жизни русского человека тех времен, поражающий нас сегодня почти неправдоподобной одухотворенностью даже мельчайших бытовых деталей. «Домострой» не просто сборник советов – перед читателем разворачивается грандиозная картина идеально воцерковленного семейного и хозяйственного быта. Упорядоченность становится почти обрядовой, ежедневная деятельность человека поднимается до высоты церковного действия, послушание достигает монастырской строгости, любовь к царю и отечеству, родному дому и семье приобретает черты настоящего религиозного служения.

«Домострой» состоит из трех частей: об отношении русского человека к Церкви и царской власти; о внутрисемейном устройении; об организации и ведении домашнего хозяйства.

«Царя бойся и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, – поучает «Домострой». – Аще земному царю правдою служиши и боишися е, тако научишия небесного Царя боятися...». Долг служения Богу есть одновременно и долг служения царю, олицетворяющему в себе православную государствен-

ность, – эта мысль прочно укоренилась в сознании русского человека. В Служебнике второй половины XVI века сохранилась молитва, которая рекомендовалась как образец покаяния для служилых людей. «Согреших пред Богом и по Бозе пред государем пред великим князем – русским царем, – исповедывал кающийся. – Заповеданная мне им (царем) слова права нигде же сотворих, но все преступих и солгах и не исправих. Волости и грады от государя держаж не право, а суд – по мзде и по посулу. Ох мне, грешному, горе мне, грешному! Како мене земля не пожрет за мои окаянные грехи – преступившего заповедь Божию и закон и суд Божий и от государя своего заповеданное слово...» (16).

Этому гласу покаяния вторит «Домострой»: «Царю... не тщится служить лжею и клеветою и лукавством... славы земной ни в чем не желай... зла за зло не воздавай, ни клеветы за клевету... согрешающих не осуждай, а вспомни свои грехи и о тех крепко пекися...», «А в котором либо празднике... да призывают священнический чин в дом свой... и молят за царя и великого князя (имярек), и за их благородные чада...»

Та же часть сборника, которая посвящена вопросам семейного быта, учит, «как жити православным христианам в миру с женами и с детьми и домочадцами, и их наказывати и учити, и страхом спасати и грозою претити и во всяких делах их беречь... и во всем самому стражу над ними быть и о них пещись аки о своем уде... Все бо есьми связаны единою верою к Богу...»

В «Домострое» есть все. Есть трогательные указания, «како детям отца и мать любити и беречи и повиноватися им и покоити их во всем». Есть рассуждения о том, что «аще кому Бог дарует жену добру – дражайше есть камения многоценного». Есть практические советы: «како платье всяко жене носити устроити», «како огород и сады водити», «како во весь год в стол ествы подают» (подробно о том, что – в мясоед, и что в какой пост). Есть указания по чину домашнего молитвенного правила для всей семьи – «как мужу с женою и домочадцами в доме своем молитися Богу». И все это – с той простотой, основательностью и тихой, мирной неторопливостью, что безошибочно свидетельствует о сосредоточенной молитвенной жизни и непоколебимой вере.

«Каждый день вечером, – поучает «Домострой», – муж с женою и детьми и домочадцами, если кто знает грамоту – отпеть вечерню, повечерие, в тишине со вниманием. Предстоя смиренно с молитвою, с поклонами, петь согласно и внятно, после службы не есть, не пить и не болтать никогда... В полночь, встав тайком, со слезами хорошо помолиться Боту, сколько можешь, о своих прегрешениях, да и утром, вставая, так же... Всякому христианину следует молиться о своих прегрешениях, и об отпущении грехов, о здравии царя и царицы, и чад их, и братьев его и сестер и христолюбивом воинстве, о помощи против врагов, об освобождении пленных, и о святителях, священниках и монахах, и об отце духовном, и о болящих, о заключенных в темницы – и за всех христиан...»

В 1589 году Богу, наконец, было угодно дать русскому народу свидетельство о том, что Россия правильно поняла свой долг. За три года до того в Москву прибыл для сбора милостыни Антиохийский патриарх Иоаким. Благочестивый царь Феодор Иоаннович, прозванный за очевидную святость жизни «освятованным» царем (17), высказал тогда церковному собору и боярской думе свое желание установить патриаршество на Руси. Обладавший пророческим даром (18), царь как бы предвидел испытания, ожидавшие народ по пресечении династии Рюриковичей, и торопился дать православному русскому царству в лице патриарха опору, которая должна была удержать его от разрушения. Переговоры с Антиохийским патриархом были поручены Годунову. Иоаким согласился с желанием Феодора и обещал обсудить дело с другими патриархами. Те, решив уважить просьбу русского царя, положили было отправить в Россию для участия в поставлении Иерусалимского первосвященника. Однако «чин особого смотра» Божия о России требовал, видно, чтобы преемственность русского служения была явлена миру во всей полноте и непрерывности. Нужды Константинопольской (бывшей Византийской) церкви, гонимой султаном Амуратом, потребовали приезда в Москву самого патриарха Константинопольского Иеремии, знаменитого своей духовной ученостью и страданиями за Церковь. Он прибыл в Москву в июле 1588 года, сказав Феодору: «Слышав о таком благочестивом царе, пришел я сюда, чтобы помог нам царь в наших скорбях». С собой

Иеремия привез соборное определение об открытии патриаршества на Руси.

В храме Успения Богоматери в Кремле в приделе Похвалы Ее созван был многочисленный собор русских пастырей, представивший царю имена трех кандидатов в патриархи. Положившись на суд Божий, бросили жребий – он пал на митрополита Московского Иова. 23 января 1589 года в Успенском соборе был торжественно поставлен первый русский патриарх. Он принял поставление от патриарха Византийского.

И более того – в Соборной уставной грамоте, узаконившей патриаршество на Руси, всему миру объявлялось, что «ветхий Рим пал от ереси», что «новый Рим», Константинополь, поработен безбожными племенами агарянскими и что поэтому третий Рим есть Москва (19). Тогда же положено было быть в России четырьмя митрополитами, шестью архиепископами и восемью епископами.

Это осознание себя третьим Римом последних времен через два года было подтверждено собором православных патриархов, и таким образом утвердилось в качестве канонически закрепленного воззрения Вселенской Православной Церкви. В соборном постановлении первосвятителей написано: «... Признаем и совершаем в царствующем граде Москве поставление и поименование патриаршеское господина Иова...» При этом «главным и начальным» служением русского патриарха провозглашается обязанность «содержать апостольский престол Константина града...» (20).

Говорит о событии церковный историк М. В. Толстой: «Так патриаршество русское утверждено было всею Православною Церковью! Видимым поводом сего важного нововведения было одно благочестивое желание Феодора; но Промысел Божий невидимо творил Свое дело в Церкви Своей. Он готовил в патриархах русских защиту для отечества на близкое время скорбей и потрясений, которых не могли еще предвидеть люди. Он незримо устроил обстоятельства дела так, что патриаршество Русское явилось как бы по внезапному стечению случаев, к взаимному утешению востока и севера!»

Дивны дела Твои, Господи! Дважды естественное течение русской истории прерывалось внезапно и необъяснимо, безвозвратно, казалось, разрушая православную государственность и коверкая народную жизнь. Современники Смутного времени начала XVII века, как и современники богоборческой резни, учиненной по попущению Божию в советской России в XX веке, видели одно – гибель Руси. Дважды накануне страшных испытаний даровалось русской церкви патриаршее правление – как символ благоволения Божия, как «столп и утверждение истины» о всемирной роли русского исповеднического служения. Дважды проносила Церковь через все гонения сознание христианского долга России. Ибо верно и неложно слово Божие: «За гнев бо Мой поразих тя, и за милость Мою возлюбих тя. За сие, яко был еси оставлен и возненавиден, и не бе помогающего ти, положу тя в радость вечную» (Ис. 60: 10–15).

«Пойте Господеви вся земля...»
»РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Удивительной ясностью понимания и глубиной постижения религиозных вопросов поражают русские духовные стихи. Время их появления установить с достаточной точностью затруднительно, можно лишь уверенно утверждать, что пелись они «каликами переходжими» на Святой Руси с незапамятных времен. В той форме, в которой стихи эти дошли до нас, они существовали уже в XV–XVI веках (21). На это время – учитывая общий духовный подъем в России – приходится и расцвет русской духовной поэзии.

Духовными стихами в русской словесности называют народные песни на религиозные сюжеты. Песни эти пелись бродячими певцами-странниками на ярмарках, базарных площадях, у ворот монастырских церквей – везде, где находилось достаточное число благочестивых слушателей. О любви русского человека к такой форме религиозного самовыражения достаточно говорит тот факт, что вплоть до начала XX века духовный стих бытует гораздо шире, чем даже былины. По сравнению с героическим эпосом религиозная поэзия проявляет гораздо большую жизненность. Если «старинушки» о «святорусских богатырях» со временем остаются в репертуаре народных певцов преимущественно на севере России,

то духовный стих продолжает сохраняться почти на всем протяжении земли Русской.

Высота религиозного чувства и обширность познаний, отраженные в стихах, столь резко обличают несостоятельность точки зрения на русскую историю, предполагающей «темноту» и «невежество» средневековой Руси, что исследователи XIX–XX веков вынуждены были придумывать самые неуклюжие объяснения, дабы спасти честь «исторической науки».

«В основе духовных стихов всегда лежали книжные повести» (22), – уверенно заявляет один из них. «Можно ли утверждать, что все эти понятия и сведения, передаваемые духовными стихами, были вместе с тем общим достоянием народа?.. Разумеется, нет!» (23), – вторит ему другой. Допустим, так, но только чем тогда объяснить, что на протяжении столетий, из поколения в поколение передавая искусство духовного пения, народ с такой удивительной любовью и постоянством поет то, чего не понимает?

На деле, конечно же, все обстояло иначе. И чтобы понять это, даже не надо быть ученым-фольклористом. Достаточно просто быть церковным, от сердца верующим человеком. Тогда станет понятно, что народ пел от полноты сердечного чувства, создавая духовную поэзию как молитву, под благодатным покровом покаяния и умиления, свидетельствуя тем о богатстве своего соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности.

Певец духовных стихов не умствуем лукаво, не «растекается мыслию по древу» немощного человеческого рассуждения. Он – верует:

*А я верую самому Христу, Царю небесному,
Его Матери Пресвятой Богородице,
Святой Троице неразделимой...(24)*

Живя в мире церковного опыта, народ твердо знает, что вся вселенная управляется всемогущим промыслом Всеблагого Бога:

*Основана земля Святым Духом,
А содержится Словом Божиим.*

И – о том же, еще поэтичнее:

*У нас белый свет взят от Господа,
Солнце красное от лица Божия,
Млад-светёл месяц от груди Его,
Зори белыя от очей Божьих,
Звезды частыя – то от риз Его,
Ветры буйные – от Свята Духа...
Роса утренняя, дробен дождик
От слез Его, самого Христа.*

Нелепо искать в духовных стихах богословски точных, догматически выверенных формулировок. Вообще ученость – как принадлежность рассудка – не может служить показателем духовной зрелости и мудрости. Зато их недвусмысленно подтверждает

благоговейно-сыновнее, трепетное и любовное отношение ко Спасителю, составляющее главный нерв народной веры.

«Ох Ты гой еси, Батюшка наш, Иисус Христос!» – обращаются ко Господу в детской простоте певцы стихов*. При этом религиозное целомудрие народа, чувствующего в земной жизни Спасителя высокий, таинственный мистический смысл, почти никогда не позволяет себе касаться ее подробно в сюжетах песен**. Острое сознание своей греховности, своего нравственного несовершенства, питая дух покаяния, разрешило народному творчеству одну тему – тему страстей Господних, Его невинных страданий, которыми Сын Божий искупил грехи человеческие.

В нее вложил русский человек всю силу своего сердечного чувства, весь поэтический дар своей души:

*Над той над рекой над Иорданью,
На крутом, на красном бережочке,
Вырастало древо купарисо;
На том на древе купарисе
Там чуден Крест проявился...
На том Кресте Животворящем
Там жида Христа мучили-распинали.*

---

* Вспомним ласковый говорок преподобного Серафима Саровского: «Вы, ваше боголюбие, прочтите, что об этом говорит батюшка святой апостол Павел...» и т.п.

** Здесь девственная, аскетическая сдержанность Православного духа разительно контрастирует с возбужденной экзальтацией католицизма, влияние которого ощутимо в поздних редакциях западно-русских духовных стихов.

Так тесно соединил народ в своем сознании судьбу России со Христом и Его учением, что есть даже стихи, говорящие о распятии Господа «во Руси» – ибо где же как не на Святой Руси происходить Таинству Искупления? Плачет Русь у подножия Креста Господня. Плачет, повторяя слова Спасителя, обращенные ко Пресвятой Богородице:

*По Мне, Мати, плачут небо и земля,
По Мне, Мати, плачут солнце и луна,
По Мне, Мати, плачут реки и моря,
По Мне, Мати, плачут старики-старицы,
По Мне, Мати, плачут вдовы-сироты.*

В благоговейном страхе певец не смеет даже пристально вглядываться в страдания Христовы. В стихах мало подробностей, есть несоответствия с евангельскими текстами. Зато сколько в них живого религиозного чувства! Воистину это всенародный «плач сердца», о котором, как о состоянии благодатно-высоком, часто писали в своих творениях Святые Отцы:

*И тут проклятые Христу плащаницу сковали,
Христа в плащаницу клали,
Обручи набивали
И оловом заливали...
Желтыми песками засыпали,
Каменными горами закатали,
Горючими камнями завалили...
В третий день Христос воскрес...
Вставал наш батюшка
Истинный Христос, Отец Небесный.*

Сознание, что человек искуплен от греха высочайшей, безмерной ценой вольных страданий Божиих, рождает сознание огромной личной религиозной ответственности:

*Со страхом мы, братие, восплачемся:
Мучения – страдания Иисуса Христа.
Восплачемся на всяк день и покаемся,
И Господь услышит покаяние,
За что и нам дарует Царствие Свое,
Радости и веселию не будет конца.*

Спасение души – смысл жизни человеческой. Этой главной цели подчиняется, в идеале, вся народная жизнь. Русь не потому «святая», что живут на ней сплошные праведники, а потому, что стремление к святости, к сердечной чистоте* и духовному совершенству составляет главное содержание и оправдание ее существования.

Это ощущение всенародного религиозного служения столь сильно, что понятие «Святая Русь» приобретает в русских духовных стихах вселенское, космическое звучание. Святая Русь есть место – понимаемое не узкогеографически, но духовно, – где совершается таинство домостроительства человеческого спасения. Такова ее промыслительная роль, и народ русский есть народ-богоносец в той мере, в которой он соответствует этому высокому призванию.

«По Святой Руси» скитается Богородица в поисках распятого Христа. На Руси происходит мучение

---

* «Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят» (Мф. 5: 8).

Егория (Георгия Победоносца) царем Демьянищем (императором Диоклетианом), в действительности имевшее место в Риме, в 303 году по Рождеству Христову. «Не бывать Егорью на Святой Руси», – скорбит о своем герое певец. «Выходил Егорий на Святую Русь», – радуется он освобождению героя. Другой святой воин – Феодор Тирон (Тириянин), умученный при императоре Максимилиане около 305 года по Рождеству Христову, в одном из вариантов стиха идет «очистить землю святорусскую» от несметной «силы жидовской» (25). Причем, в отличие от героического эпоса былин, даже сама битва за Святую Русь носит черты духовной брани. С Евангелием отправляется святой Феодор на борьбу:

*Он пошел в Божию церковь,
Он и взял книгу евангельскую,
Он пошел ко синю морю,
Он читает книгу, сам мешается,
Горючьми слезами заливается.*

Даже в самой битве его оружие «книга, крест и Евангелие». Подобно Феодору, и Егорий Храбрый, очищая Русскую землю от нечисти, не сражается, а силой своего слова укрощает стихии и устроит землю. Это очень показательно – и в ратном подвиге, в доблестных воинах народ прежде всего чтит святых, страдальцев и страстотерпцев.

Русь в духовных стихах становится местом действия лиц из священной истории Нового Завета:

*Посылает Ирод-царь посланников
По всей земле святорусской.*

Рай – и тот создается на Русской земле, как поется об этом в «Плаче Адама»:

*Прекрасное солнце
В раю осветило
Святорусскую землю.*

Но это не гордыня. В стихах нет и намека на утверждение своей национальной исключительности. Вопросы национальной принадлежности вообще не занимают певцов. Вера и верность, чистота и полнота вероучения – вот единственные значимые для них человеческие качества. С ними связана особая судьба России, русского народа и Православного царя – Помазанника Божия. Вот как говорит об этом знаменитая «Голубиная книга»:

*А сама книга распечаталась,
Слова Божии прочитались:
У нас белый царь над царями царь.
Почему белый царь над царями царь?
Он принял, царь, веру хрещёную,
Хрещёную, Православную,
Он и верует единой Троицы,
Единой Троицы неразделимыя:
Потому тот царь над царями царь.*

Пусть тяжела русская судьба, полон скорбей и теснот путь служения «святорусского» – верность своему долгу не остается без небесного воздаяния. Эта мысль характерна для духовного стиха. Особенно показательно, что подтверждения берутся из реального исторического опыта народа:

*По тому ль полю Куликову
Ходит сама Мать Пресвятая Богородица,
А за ней апостолы Господни,
Архангели-ангели святыи...
Отпевают они мощи православных,
Кадит на них сама Мать Пресвятая Богородица.*

К Матери Божией на Руси отношение испокон веку было особенно трепетным и ласковым – не зря называли Русскую землю Домом Пресвятой Богородицы. Ощущение этой особой близости, особого почтения и одновременно дерзновения не могло не отразиться и в духовной поэзии. «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь, – пишет современный исследователь. – Вознесенная в мир божественный... Она, с другой стороны, остается связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей» (26).

Самые нежные и трогательные слова посвящает Ей певец, обращаясь к Ней в дерзновении искренности и простоты, как к собственной матери – ласковой и близкой:

*Мать моя – Матушка Мария,
Пречистая Дева, Пресвятая,
Свет Мати Мария,
Пресвятая Богородица,
Солнце красное,
Пречистая голубица,*

*Мати Божжа, Богородица,
Скорая помощница,
Теплая заступница,
Заступи, спаси и помилуй...*

Мир, освященный кровью Христа, освящен и слезами Его Матери:

*А Плакун трава всем травам мати.
Почему Плакун трава всем травам мати?
Мать Пречистая Богородица
По своем по Сыне по возлюбленнем,
По своем по Сыне слёзно плакала,
А роняла слёзы на землю пречистыя,
А от тех от слёз от пречистых
Зараждалася Плакун трава – травам мати.*

Событиями Священной истории обусловлена жизнь мира. Не только земля и растения, но и человеческое общежитие – его устройство и бытие – укоренены в мистической библейской первооснове. Русское общество четко и ясно признавало эту связь, освящая сословное деление как деление единого для всех религиозного долга, а сами сословия – как церковные послушания, разные пути «израба-тывания» спасения души:

*От того у нас в земле цари пошли
От святой главы от Адамовой;
От того зачались князья-бояры
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяне православные
От свята колена от Адамова.*

Это благоговейное отношение к миру земному вовсе не означает, однако, его идеализации. Чуткая народная совесть безошибочно определяет грех – искажение, искривление Божественного порядка вещей – как первопричину мирских неустройств:

*От Кривды земля восколебалася,
От того народ весь возмущается;
От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят,
Друг друга поесть хотят.*

При свете церковного вероучения виднее и собственные изъяны, собственное недостойнство:

*Дает нам Господь много,
Нам кажется мало:
Ничем мы не насытимся...
Очи наши – ямы,
Руки наши – грабли,
Очи завидущи,
А руки загребущи.*

Особенной укоризны заслуживает уклонение от исполнения своего религиозного долга:

*Вы за хрест, за молитву не стояли,
Господней вы воли не творили,
Господни заповеди нарушали,
Земных поклонов не кладали.*

Однако нравственное несовершенство человека исправимо. Путь исправления – путь христи-

анского подвижничества, путь православной аскезы. При общей целомудренной строгости народной жизни аскетические подвиги вызывают у певцов особое уважение, описываются с особой любовью. В описаниях «пустынного жития» – на удивление (для постороннего взгляда) поэтичных и ласковых – отражается богатейший благодатный духовный опыт русского благочестия, монашеского и мирского, внешне различный, но единый в сокровенных, таинственных глубинах мистической жизни Церкви. Так идет спасаться в девственную пустыню молодой царевич Иоасаф:

*Научи меня, мать пустыня,
Как Божью волю творити,
Достави меня, пустыня,
К своему небесному царствию.*

Красота пустыни – главная тема стиха. В некоторых вариантах он так и начинается: «Стояла мать прекрасная пустыня». Однако красота эта безгрешная, духовная, неземная:

*Тебя, матерь пустыня,
Все архангелы хвалят...*

Трудничество – вот самое постоянное выражение, которым народ отмечает православную аскезу. «Трудник, трудничек, тружданик, труженик, тружельник» – так именует народ подвижников. «Со младости лет Богу потрудиться» жаждут герои русских духовных стихов. Их подробное исследование еще ждет своего часа. И все же в области религиоз-

но-нравственной, в области народного самосознания их свидетельство бесспорно – к моменту расцвета духовной поэзии русский народ ясно и безоговорочно сознавал смысл своего существования в том, чтобы «Богу потрудиться», то есть привести свою жизнь в возможно более полное соответствие с Заповедями Божиими и промыслительным Его смотрением о земле Русской. Вместе с героями своих любимых песен всю свою надежду в этом святом деле возлагает народ на помощь свыше:

*Я надеюсь, сударь батюшка,
На Спаса на Пречистого,
На Мать Божию Богородицу,
На всю силу небесную,
На книгу Евангелия...*

Надежда эта и донныне помогает народу нашему претерпевать скорби его нелегкого, исповеднического пути...

**ОБЫШЕДШИ ОБЫДОША МЯ
ВРАЗИ МНОЗИ...**
*РУСЬ МЕЖДУ МОНГОЛАМИ
И ЛАТИНАМИ*

**ЗА ЯРОСТЬ ГНЕВА ГОСПОДНЯ
СГОРЕ ВСЯ ЗЕМЛЯ...**
ТАТАРСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Впервые русская земля услышала о татарах в 1223 году. Казалось, предчувствуя что-то страшное, сама природа исполняла слова древнего пророка. Летом сделалась необыкновенная засуха, горели леса и болота, за дымом меркло солнце, и птицы падали на землю под ноги изумленным, напуганным людям. На западе появилась комета небывалой величины с хвостом в форме копья, обращенного на юго-восток.

В этом году из глубин Средней Азии на Русь накатил первая волна того страшного движения народов, которое, сокрушив разрозненные русские княжества, на полтора столетия ввергло Россию в бездну государственного унижения. Суровым испы-

танием и великой скорбью посетил Господь народ, в огне искушений смиряя остатки гордыни древних русов.

Несчастья внешние должны были послужить к обильному преуспеянию внутреннему, показуя русским людям бессилие человеческих мер к предотвращению бедствий одновременно со всемогуществом Божиим, единым Своим мановением низвергающим или возвышающим целые народы, по слову Писания: «Аз есмь – и несть Бог разве Мене: Аз убью и жити сотворю, поражу, и Аз исцелю, и несть иже измет от руку Моею» (Втор. 32: 39). Драгоценный талант смирения, приобретенный народом во время татарского ига, впоследствии лег краеугольным камнем в величественное здание Русского Православного царства.

В 1206 году на Великом курултае диких племен далекой Монголии хан Темучин был провозглашен Чингисханом – Великим ханом всей монгольской степи. «Какое благо выше всех на земле?» – спросил он однажды уже на склоне лет, пресыщенный почетом, славой и лестью. Ни один из придворных мудрецов не смог удовлетворительно ответить хану. «Все не то, – качал головой Темучин... – Нет, счастливее всех тот, кто гонит перед собой толпы разбитых врагов, грабит их имущество, скачет на их конях, любит слезами близких им людей, целует их жен и дочерей». В этом ответе – целое мировоззрение татар.

В 1207–1209 годах племена, предводительствуемые Чингисханом, покорили уйгуров, бурят и кир-

гизов, обитавших к северу от реки Селенги, в верховьях Енисея и в восточных областях Средней Азии. В 1211 году он вторгся в пределы Северного Китая и к 1215 году захватил значительную часть империи Цзинь. Столица Пекин и десятки других городов были разрушены и сожжены.

В 1219 году 150-тысячная орда ворвалась во владения хорезмшаха Мухаммеда. Под яростным натиском монголов последовательно пали крепости Отрар, Ходжент, Ургенч, Бухара, Самарканд, а затем и сам Хорезм. Преследуя войска продолжавшего войну сына хорезмшаха – Джелалад-Дина, войска Чингисхана вторглись в Делийский султанат и достигли реки Инд. Одновременно 30-тысячный корпус татаро-монгольского войска двинулся на запад и, обогнув с юга Каспийское море, опустошил Грузию и Азербайджан, проникнув к 1222 году на Северный Кавказ. В 1223 году на реке Калке впервые встретились в бою с татарами и русские войска.

Бежавшие в Киев от опустошающего нашествия монголов половцы загодя принесли туда весть о нашествии страшного неприятеля. Хан Котян, тесть Мстислава Галицкого, дарил князей верблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, говоря: «Ныне они взяли нашу землю, завтра возьмут вашу!» В изумлении, с тревогой гадали русские люди – кто эти свирепые пришельцы, неслыханные никогда ранее? «Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные... – записал летописец, – о которых никто не знает, кто они и откуда»

да пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры».

Южно-русские князья на совете решили встретить противника в степях совместно с половецкими отрядами. Настроения в русском войске, не имевшем единого управления, и бегство половцев погубили союзников. После страшной сечи одолели татары: погнали отступавшие в беспорядке русские дружины, завладели укрепленным станом, умертвили всех пленных, а трех князей задушили под досками, на которых устроили праздничный пир в честь победы.

Победители шли за остатками русского войска до самого Днепра, истребляя все на своем пути. Южная Русь замерла в ожидании невиданного погрома. «Из-за гордости и высокомерия князей допустил Бог такое. — делает вывод современный наблюдатель. — Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своей храбростью». Народ молился в храмах с воплями отчаяния. Не исполнились еще сроки, положенные Богом для мирного вразумления России: татары вдруг поворотились на восток и ушли обратно в Среднюю Азию.

В 1227 году умер Чингисхан, одно имя которого в то время наводило страх на пространстве от Амура до Каспия. Новый этап татарских завоеваний начался после избрания в 1229 году великим ханом Угедэя. В 1231–1234 годах завершилось завоевание Северного Китая, и монгольские войска вторглись в Корею. Но основные силы под командованием Батыя двинулись на запад.

Осенью 1236 года 150 тысяч всадников разгромили Волжскую Болгарию. В конце 1237 года Батый напал на Северо-Восточную Русь. 21 декабря в результате 60-дневного штурма была взята и полностью разрушена Рязань. Разорив рязанские земли, орда Батыя последовательно захватила и разрушила Коломну, Москву, Владимир и Суздаль. 4 марта 1238 года на реке Сить потерпело поражение объединенное войско владими́ро-суздальских князей. Не дойдя до Новгорода 100 километров, татары вернулись и приволжские степи. «И тамо дойти поганым возбрани некая сила Божественная, – свидетельствует Степенная книга, – и не попусти им нимало приблизиться... ко пределам Великого Новгорода».

В 1239 году Батый обрушился на Южную Русь. В результате двухлетней ожесточенной борьбы он взял и разграбил Переяславль, Чернигов, Киев, Владимир-Волынский и другие южно-русские города. Русь была повержена окончательно. На огромных пространствах от Новгорода до Галича дымились груды развалин да лежали неубранными тела русских ратников и крестьян, отмечая места наиболее жестоких стычек завоевателей с мирными жителями. Католический монах Плано Карпини, проезжавший по Южной Руси в 1246 году, насчитал в некогда цветущем Киеве менее 200 домов, а «бесчисленные головы и кости мертвых людей» так и лежали без погребения даже шесть лет спустя после татарского погрома.

Когда Даниил Галицкий возвращался из Польши после отхода татар, они с братом «не возмогоста

идти в поле смрада ради и множества избитых, не бе бо на Володимере живых: церкви Святой Богородицы исполнены трупья, иныя церкви наполнены трупья и телес мертвых» (1). «...Бог смирил Русскую землю нашествием безбожных иноплеменников, – заключает летописец. – Обнаружилась греховная злоба и дошел вопль греховный до ушей Господа Саваофа. Потому Он напустил на землю нашу такое пагубное наказание».

Весной 1241 года монголо-татарское войско двинулось в глубь Европы. Блеск татарской сабли уже несколько лет приводил в ужас западно-европейских государей. Император Фридрих II Штауфен писал английскому королю: «Если татары прорвутся в Германию, то (и) другие царства увидят ужас грозы... Будем осмотрительны: пока враг губит соседа (то есть Русь. – *Прим. авт.*), подумаем о средствах самообороны» (2).

В конце года, сосредоточив все свои войска в Венгрии, Батый направился к Адриатическому морю. Но овладеть побережьем орде, изрядно потрепанной в боях на Русской земле, не удалось. В 1242 году монголы отступили через Боснию, Сербию и Болгарию обратно на восток, в низовья Волги. Западная Европа была спасена. Нашествие захлебнулось русской кровью.

В 1243 году Батый основал на захваченных землях новое государство – Золотую Орду, простиравшуюся от Иртыша до Дуная со столицей Сарай-Бату в низовьях Волги. Русские князья были превращены в данников хана, ограниченных в своей военной,

экономической и государственной самостоятельности. 14 видов «ордынских тягостей», включавших в себя «цареву дань» (налог, непосредственно предназначенный для великого хана), торговые сборы, извозные повинности, содержание татарских послов, различные «дары» и «почестья» ханским родственникам и приближенным, тяжелым грузом легли на плечи русских крестьян. «У кого денег нет – у того дитя возьмет, у кого дитя нет – у того жену возьмет, у кого жены нет – сам головой пойдет», – скорбел народ о всевластии ханских баскаков.

Не менее унижительной и тягостной для русских князей стала процедура получения ханского ярлыка на княжение, официально служившего единственным законным основанием для власти на Руси. Кроме того, князья обязаны были по приказу хана присылать войска для участия в походах татар. Русские отряды вынуждены были ходить с ханами далеко за Дон. С ордой Кубилая они участвовали даже в завоевании Южного Китая во второй половине XIII века.

Несмотря на то, что на Русской земле не было постоянного монголо-татарского войска, покорность завоеванных областей поддерживалась постоянными опустошительными набегами, предпринимавшимися с целью устрашения и грабежа. Лишь за последнюю четверть XIII века татарами было организовано полтора десятка походов в Россию.

Посреди такого сокрушительного бедствия, охватившего всю страну, лишь одна сторона русской жизни, по воле Божией, уцелела от разгрома.

Непоколебленной и неповрежденной в своей спасительной деятельности устояла Православная Церковь, спасенная от ярости завоевателей чудесным видением, вразумившим свирепого Чингисхана еще до вторжения татарских орд в русские земли.

Перед завоеванием Средней Азии Темучин, не желая вступать в открытую борьбу с хорезмшахом Мухаммедом II, которого называли «вторым Александром Македонским», предложил ему союз. Но гордый шах повелел умертвить послов хана. Чингисхан, желая узнать волю неба о предстоящей войне, три ночи провел на горе в молитве (верования монголов включали смутные понятия о Едином Боге – Владыке вселенной). Спустившись к воинам на третий день, хан объявил, что Бог в сновидении предвозвестил ему победу устами христианского епископа (с которым Темучин встречался во время завоеваний уйгурских племен, исповедовавших христианство). Пророчество полностью подтвердилось, и грозный хан до конца своих дней особенно благоволил к христианам.

Монголы были вообще достаточно веротерпимы. Народы, составившие основу их войска, исповедовали самые различные религии. Кераиты были несторианами, найманы – буддистами, татары и чжурчжени – шаманистами, лесные народы Сибири имели свои родовые культы, а сами монголы были приверженцами религии бон – восточного варианта митраизма. Основным правилом жизни в Орде служила Яса Чингисхана – сборник, содержащий в себе запреты и узаконения, касавшиеся самых разных

сторон жизни монголо-татар. В ней, в частности, сохранился закон, предписывавший уважать и бояться всех богов, чьи бы они ни были. В Орде свободно отправлялись всякие богослужения, и сами ханы присутствовали при совершении и христианских, и мусульманских, и буддистских, и иных обрядов*.

В 1267 году митрополит Кирилл сумел получить от хана Менгу-Темира ярлык в пользу Церкви, в котором хан освобождал духовенство от дани и других поборов. «Пусть, – писал Менгу-Темир, – беспечально молятся за него и его ханово племя». Этим же указом хан под страхом казни воспрещал надругательство над православием. «Кто будет хулить веру русских, – сказано в ярлыке, – или ругаться над нею, тот ничем не извинится, а умрет злою смертью». Более того, с позволения хана Кирилл основал в самом Сарае православную епархию.

Сто лет спустя другой знаменитый святой – святой митрополит Алексей – еще более укрепил влияние церкви в Сарае. Жена хана Чанибека – Тайдула – ослепла после долгой болезни. Между тем в Орде прослышали о высокой жизни Алексея, и Чанибек написал великому князю московскому, прося его прислать святого, чтобы тот исцелил Тайду-

---

* Но относясь с уважением к христианству, ханы все же требовали от наших князей исполнения некоторых суеверных обрядов. Так, прежде чем явиться на глаза хану, надлежало проходить через «очистительные» огни, поклоняться изображениям умерших ханов, солнцу и кусту. По христианским понятиям это есть уже измена святой вере, и в случаях, когда не оставалось возможности уклониться от этого суеверия, некоторые русские князья решались скорее претерпеть мученическую смерть, чем покориться. Таков был, например, святой благоверный князь черниговский Михаил со своим боярином Феодором, убитые татарами в 1246 году.

лу; в противном случае хан грозил войной. Отказать было невозможно, и святитель отправился в Орду. Отъезд его сопровождался ободряющим знамением – когда Алексей служил напутственный молебен перед ракой своего святого предшественника – митрополита Петра, свеча у раки зажглась сама собой.

Прибыв в Орду, Алексей отслужил молебен об исцелении ханши, и в момент, когда он кропил ее святой водой, она вдруг прозрела. Благодарная Тайдула выкупила и подарила святителю в Москве участок земли, на котором в память об этом чуде основана была обитель, получившая название Чудова монастыря. Показательно, что все это произошло уже через несколько десятилетий после того, как хан Узбек, перейдя в магометанство, предпринял первые попытки по превращению религии ислама в государственную религию Орды.

Народ русский воспринял татарское иго как наказание за грехи и страсти, вразумление Божие, направленное на то, чтобы видя в Церкви единую опору, Русь, хотя бы и нехотя, отступила от бесконечных усобиц, поняв свое высокое предназначение. «Не послушали мы Евангелия, – взывал к народу епископ Владимирский Серапион, – не послушали апостола, не послушали пророков, не послушали светил великих... Не раскаялись мы, пока не пришел народ безжалостный по Божьему изволению... Испытав сие, братья, убоимся наказания этого страшного и припадем ко Господу своему с исповеданием, да не навлечем на себя еще больший гнев Господень, не наведем казни больше прежней!.. До-

коле не отступим от грехов наших? Поощрим же себя и детей своих! В какие еще времена видели мы столько жестоких смертей?.. А если предадимся мы воле Господней, то всяческим утешением утешит нас Бог небесный, аки детей своих помилует Он нас, печаль земную отымет от нас, исход мирный в другую жизнь дарует Он нам – туда, где с радостью и веселием бесконечным, насладимся мы вместе со всеми, благоугодившими Богу» (3).

Подвиг терпения – подвиг по преимуществу русский, преданность в волю Божию явились здесь полно и ясно. Смиранные летописатели заключали свои прискорбные повести следующими словами: «Се же бысть за грехи наши... Господь силу от нас отъя, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наша». Русь молилась, каялась, терпела и ждала – когда благоугодно будет Богу изъять народ из пучины унижения, даровать ему вождей отважных и искусных, возродить страну для предстоящего ей славного служения.

**ИХ ЖЕ УСТА ГЛАГОЛАШЕ СУЕТУ,
И ДЕСНИЦА ИХ – ДЕСНИЦА НЕПРАВДЫ...
*РИМ И РОССИЯ***

Путь римо-католичества на протяжении всей его истории есть путь безмерной гордыни. Каждый раз, когда Россия переживала смутные и тяжкие времена, когда враги внешние или внутренние ослабляли

ее древнюю мощь и мutilи соборное самосознание народа – рука Ватикана протягивалась для осуществления заветной мечты: уничтожить ненавистную «схизму» и подчинить Восточную Церковь папе, повергнув в прах Русскую Православную государственность.

Еще при равноапостольной Ольге Рим посылает своих первых миссионеров в Россию. Когда князь Владимир не был даже крещен, ожидая в Корсуни приезда невесты – византийской царевны Анны, – в город уже прибыло посольство от папы римского, имевшее целью отклонить великого князя от союза с православной Византией. Первая неудача не охладила Рим. С той же целью прибывали от папы послы и в стольный Киев-град: римский первосвященник пытался повлиять на святого Владимира через посредство королей польского и чешского.

Известны попытки Рима использовать женитьбу Святополка Окаянного (убийцу святых князей Бориса и Глеба) на дочери польского короля Болеслава для насаждения латинства на Руси. Немецкий летописец Дитмар, современник событий, говорит, что Святополк, будучи правителем Туровской области, хотел по наущению Болеслава отложиться от державы святого Владимира. Великий князь узнал об этом и велел заключить Святополка под стражу вместе с женой и католическим епископом Рейнберном, состоявшим при ней и бывшим, по всей видимости, активным участником заговора.

С предложением о «соединении» с Римом обращался к русским князьям папа Климент III

в 1080 году. В 1207 году папа Иннокентий в послании народу и князьям писал, что он «не может подавить в себе отеческих чувств к ним и зовет их к себе».

Оставшиеся без ответа «отеческие чувства» Ватикана проявили себя в организации мощного военного давления на западные рубежи Руси. Ловкостью и политическими интригами сосредоточив в своих руках духовную и светскую власть над Западной Европой, папы в XIII столетии всеми силами стараются воспользоваться несчастным положением разоренной монголами Руси: против православной страны они последовательно направляют оружие датчан, венгров, военизированных монашеских католических орденов, шведов и немцев.

Не брезгует Рим и антирусскими интригами при дворе Батыея – не случайно одним из советников хана является рыцарь Святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен. В 1245 году ездил в Великую Монголию с поручением от папы Иннокентия IV к самому Великому хану минорит Иоанн де Плано Карпини, в сопровождении двух доминиканских монахов: Асцелина и Симона де Сен-Кента. Голландский монах Рюисброк был послан в Каракорум к хану Менгу католическим владыкой Франции Людовиком IX.

Когда же провалились попытки вновь натравить на Русь татар, папа, ничтоже сумняшеся, предложил в 1248 году святому Александру Невскому помощь западных народов против хана – с условием, конечно, что князь признает главенство Вати-

кана. Так, ложью, лестью и насилием пытался Рим искоренить Православие в России*.

Притязания римского первосвятителя на исключительное положение в Церкви имеют древнюю историю. С IX столетия по Рождеству Христову не проходит почти ни одного церковного собора, который не занимался бы римским вопросом. Вселенское церковное сознание недвусмысленно отвергало тщеславные поползновения Рима, не имевшие никаких оснований ни в Священном Писании, ни в традициях апостольской Церкви. Да и среди длинной череды самих римских епископов находились святые мужи, обличавшие эти пагубные намерения, подобно папе Григорию Великому, который утверждал, что стремление к власти над всей Церковью одного из Ее предстоятелей может поколебать самые основания благодатной церковной жизни.

До поры до времени претензии пап не нарушали единства Церкви. Всех связывала общность веры, пока, к несчастью для христианского мира, эта общность не была разбита окончательно в XI веке (и последующих столетиях) недопустимыми

---

* Попытки использовать русские беды Рим повторил и в Смутное время, и после революции 1917 года, повторяет их и сейчас. Устами своего экзарха в России Рим приветствовал в 1917 году падение Православной Российской державы. «... Все латинские католики почувствовали себя счастливыми... Только под советским правительством, когда Церковь и государство были отделены, мы могли вздохнуть свободно». Когда святой патриарх Тихон предавал богоборцев анафеме, Рим направил в Москву иезуита д'Эрбиньи для переговоров с теми же богоборцами и заключения с ними соглашения, по которому папство за свободу пропаганды католичества в России обязывалось содействовать укреплению международного престижа сатанинской советской власти.

нововведениями и искажениями, допущенными Римом в области догматической, канонической и вероучительной. Незначительная поначалу трещина все увеличивалась, отчуждая Западную Церковь от полноты Православия, и, наконец, католичество окончательно подсекло благодатные корни, питающие церковную жизнь неискаженного христианства.

Православие в глазах латинян стало рассматриваться чуть ли не как главный враг. Во врагах оказалась и Россия, сама не имевшая к Западной Европе ни политических, ни территориальных, ни каких-либо иных претензий. На нее, одновременно с нашествием азиатских полчищ с Востока, надвинулась с Запада гроза не менее, если не более страшная и опасная.

«Теряясь в бесконечно разнообразных и сложных явлениях всемирной истории, – пишет русский историк М. Хитров, – наш разум стремится в многообразии отыскать единство, в частности – общие законы, стремится найти руководящую нить при объяснении событий, открыть производящие их причины. В самом деле – какая сила возбудила азиатских дикарей в XII веке и двинула их из глубины Азии на наше отечество в то самое время, когда и Запад, собравшись с силами и придвинувшись к нашим границам, грозно ополчился на нас со светским и духовным оружием?» «Причины синхронистической связи столь разнородных событий, – утверждает другой русский мыслитель, Н. Я. Данилевский, – нельзя, конечно, отыскать ближе, чем в том самом плане миродержавного Промыс-

ла, по которому развивается историческая жизнь человечества...»*.

В XII и XIII веках вся Западная Европа превращается в огромный вооруженный лагерь, высылающий на Восток многочисленные армии крестоносцев. Первоначально они двинулись против арабов и турок с целью освобождения Святой Земли и Иерусалима. Когда же выяснилась вся трудность этой задачи (освобожденная ненадолго от ига неверных Палестина вскоре была отвоевана сарацинами обратно) – движение крестоносцев перенацелилось против православного Востока.

Огнем и мечом утверждая владычество папы в православных землях, крестоносцы не останавливались ни перед чем. На острове Кипр латинские прелаты жгли православных на кострах, распинали на крестах священников, не желавших поступиться совестью и покориться папе. Ужасны были неистовства латинян при взятии в 1204 году Константинополя: православных греков избивали беспощадно, не разбирая ни звания, ни пола, ни возраста. Грабили имущество, оскверняли храмы – в Софийском соборе пьяная солдатня пировала с блудницами,

---

* Хронологические совпадения представляют собой удивительную связь явлений. Отправным моментом монгольского движения на Запад стал 1206 год – год избрания местного князька Темучина самодержцем племен Великой степи. Важнейшая веха в католическом натиске на православный Восток – 1204 год – год взятия Константинополя, ниспровержения православной Византии и основания на ее месте латинской империи. В 1240 году татарами взят и стерт с лица земли Киев. В том же году побуждаемый папой на крестный поход против «неверных» шведский полководец Биргер высадился на берегах Невы, намереваясь захватить земли Северо-Западной Руси. И таких примеров можно привести множество.

плясала в священных одеждах, кощунствовала и ругалась над святынями...

Латинские епископы по строгому наказу из Рима должны были немедленно занять греческие церкви и водворить повсюду католические обряды. Ограбив богатые храмы и похитив многие святыни, крестоносцы избрали не только своего императора – Балдуина, графа Фландрского, но и латинского «патриарха» Фому Морозини. Законный православный патриарх – Иоанн Каматер – едва спасся, покинув город как бедный странник, на осле, одетый в рубище.

Вслед за покорением Византии та же участь готовилась и для Руси. Еще в 1147 году папа Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян». С IX века, со времен Карла Великого, германские племена непрерывно теснили славян к востоку. Первыми попали под иго франкской монархии иллирийские славяне, обитатели восточных склонов Альп и северного побережья Адриатики. Ожесточенно и упорно в течение нескольких веков сопротивлялись германскому натиску славяне Балтийского приморья (полабы и другие), почти полностью уничтоженные и онемеченные в ходе этой борьбы.

В начале XIII века католическая агрессия усиливается. Папский престол занимал к этому времени Иннокентий III, один из самых могущественных римских первосвященников за всю историю Римской кафедры. Распоряжаясь по своему произволу царскими венцами почти по всей Европе, он с пол-

ным правом мог считать себя верховным владыкой Запада. Утвердив после падения Константинополя свою власть на православном Востоке, папа, в случае победы над Россией, становился полновластным хозяином всего христианского мира.

Иннокентий спешил воспользоваться взятием Византийской столицы, чтобы подчинить себе Русскую Церковь. В 1204 году он отправил торжественное посольство к знаменитейшему из тогдашних русских князей Роману Галицкому. В награду за вероотступничество папа предлагал королевский венец и военную помощь против врагов. Князь Роман, соединявший в себе, по выражению летописца, «мудрость Соломонову, дерзость львиную, быстроту орлиную, ревность Мономахову», обнажив перед послами меч, спросил: «Такой ли у папы? Доколе ношу его при бедре, не нуждаюсь в чужом мече, по примеру дедов моих, возвеличивших землю Русскую».

Через три года, все еще надеясь соблазнить или обольстить Русь, папа отправляет новое пышное посольство ко всем русским архипастырям, священникам и народу. «Теперь греческая империя и церковь почти вся покорилась, – писал Иннокентий, – и униженно приемлет повеления. Ужели не будет несообразным, если часть (то есть Церковь Русская. – *Прим. авт.*) не станет сообразовываться со своим целым и не последует ему? Посему, любезнейшие братья и чада, желая вам избежать временных и вечных бед, посылает к вам возлюбленного сына нашего, кардинала-пресвитера Виталиса,

мужа благородного и просвещенного... и убеждаем вас принять его... как нас самих, и беспрекословно повиноваться его спасительным советам и наставлениям».

Однако все посольства и увещевания остались тщетными. Православие пребывало непоколебимым, поставление католиками своего «патриарха» в Константинополе признавалось на Руси незаконным, и митрополиты наши поставлялись в Никее, где пребывали православные патриархи до изгнания латинян из Константинополя.

Тогда, по мановению Рима, на границах Руси явились многочисленные полчища монахов-рыцарей, готовых бороться за власть папы. Борьба приближалась к решающему моменту: истощенная татарским игом Россия казалась на волосок от гибели.

БЛАЖЕН МУЖ...
СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Ангелом-хранителем явился для Руси в середине XIII столетия Александр Невский. Обстоятельства, в которых ему пришлось княжить, требовали незаурядных способностей и качеств по слову Писания: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10: 16). «Мудрость же и остроумие дадеся ему от Бога, яко Соломону, – свидетельствует о князе писатель его жития. – ...Вселися в сердце

его страх Божий, еже соблюдати заповеди Господни и творити я во всем... Смиреномудрие вседушно держаще, воздержася и бдя, чистоту душевную и телесную соблюдаше, кротость же стяжа и от тщеславия отвращася... Во устех же беспрестанно бяху божественная словеса, услаждающа его паче меда и сота» (4).

Сугубый подвиг выпал на долю святого Александра: для спасения России он должен был одновременно явить доблесть воителя и смирение инока. Подвиг брани предстоял князю на берегах Невы и на льду Чудского озера: святыня русского Православия требовала защиты от латинского поругания. Всей душой чувствуя в Церкви «столп и утверждение истины», понимая значение этой Истины в русской судьбе, князь вступил в служение «удерживающего» Русской земли – державного защитника чистоты церковного вероучения. Подвиг смирения ожидал святого Александра в его отношениях с надменной и пресыщенной победами Ордой. Батый послал сказать князю: «Мне Бог покорил многие народы: ты ли один не хочешь покориться власти моей?» Видя в случившемся попущение Божие, святой Александр добровольно склонился под старшинство татар.

«Не бойтесь убивающих тело, – провозглашает Слово Божие, – бойтесь того, кто может и тело и душу погубить в геенне». Душа России жила и дышала благодатью церковной. Монгольское рабство не грозило ей, неся смерть лишь государственному телу раздробленной удельной Руси. Смертельным повреждением угрожало русской жизни еретичес-

твующее латинство. Благоверный князь знал это, поэтому делом его жизни стала забота о сохранении мира с Ордой, под прикрытием которого он мог бы все силы бросить на отражение агрессии Рима.

9 декабря 1237 года папа повелел упсальскому архиепископу возвестить крестовый поход против русских «схизматиков» и язычников-финнов. Именем Всевышнего Григорий IX обещал: прощение грехов всем его участникам, а падшим в бою – вечное блаженство. Исполняя призыв римского первосвященника, в 1240 году шведский король отправил в русские земли многочисленное войско под командованием своего зятя – ярла Биргера.

«Загоревся», Биргер послал сказать святому Александру: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться. Я уже здесь и пленяю землю твою». При войске состояли священники, предназначенные для «крещения» русских «дикарей». Летом шведские отряды на ладьях вошли в Неву, к устью Ижоры, и стали станом.

Святой Александр вышел навстречу с малой дружиной, но с твердой надеждой на Бога. Битве предшествовало чудесное видение, бывшее ижорцу Пелгусию. Тот созерцал ладью с гребцами, овеванными мглой, и двух лучезарных витязей, стоявших, обнявшись, в этой ладье. Это были святые князя-страстотерпцы Борис и Глеб. «Брате Глебе, – сказал Борис, – вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Святославичу!»

Шведы не ожидали близкого отпора, и победа русских была полной и решительной. Лишь насту-

пившая ночь спасла пришельцев от полного разгрома – нагрузивши телами павших ладьи, враги под покровом тьмы ушли вниз по Неве в море.

Однако охотники расширить свои владения за счет русских земель не переводились. Папы всеми силами старались ускорить завоевание Прибалтийского края. В промежутки между 1216 и 1240 годами можно насчитать до сорока папских посланий, выражающих большую «заботливость» о тех, кто шел воевать в «святой земле, вновь приобретенной в Ливонии».

Конечной целью всех устремлений пап продолжала оставаться мечта о порабощении Русской Церкви, а завоевание Ливонии рассматривалось лишь как первый шаг на этом пути. В своих посланиях папы называют русских нарушителями католической веры, повелевают отнюдь не слагать оружия до полной победы, требуют принуждать русских к принятию католичества и, наконец, объявляют всю Русскую землю на вечные времена собственностью, грозно предписывая рыцарям искоренять «проклятый греческий закон и присоединять Русь к римской церкви».

Усерднейшими исполнителями этих предписаний стали монахи-воины, давшие обет распространять оружием католичество. Первое такое военно-монашеское общество было основано в Прибалтике епископом Альбертом и названо Орденом меченосцев, или «братьев Христова воинства». В 1202 году папа Иннокентий III благословил это предприятие, и с той поры между непрошеными

пришельцами и коренными обитателями края разгорелась беспощадная кровавая борьба, длившаяся более трех десятилетий, пока, наконец, в 1236 году войска ордена не были окончательно разгромлены.

Однако наука на этот раз впрок не пошла. Остатки меченосцев соединились в следующем году с прибалтийским отделением Тевтонского ордена, образовав новый, Ливонский орден, продолживший попытки завоевать русские земли.

В 1240 году немцы изменой взяли Псков, но святой Александр освободил город внезапным походом, даже без особого труда. Немецкие наместники были закованы в цепи и отправлены в Новгород. Весть об освобождении Пскова поразила ливонских немцев, понимавших, что борьба приближается к решительному моменту. В поход выступили главные силы ордена. Их-то и разбил святой Александр в знаменитой битве, состоявшейся 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера и получившей название Ледового побоища.

Этой победой был положен конец притязаниям крестоносцев, что, однако, вовсе не означало прекращения многолетней вражды. Немцы хоть и оставили мысль вслед за Ливонией поработить северные русские земли, но не раз вступали с псковскими отрядами в кровавые столкновения. За год до своей кончины святой князь опять воевал против Запада: в поход на Юрьев-Ливонский он послал сына Дмитрия и брата Ярослава.

Потеряв надежду взять Россию силой, папы не оставили попыток обольстить ее хитростью

и ложью. В 1251 году Иннокентий IV прислал к святому Александру двух кардиналов – Гальда и Гемонта. Папа уверял, будто отец Александра, великий князь Ярослав незадолго до кончины обещал минориту Плано Карпини принять католичество, и лишь смерть помешала ему выполнить это намерение. Папа убеждал Невского пойти по стопам отца, представлял выгоды, которые получит князь от союза с Западом и подчинения папе, предлагал в помощь против татар тех самых рыцарей, от которых святой Александр лишь недавно очищал русские земли.

Что мог ответить на это благоверный князь, ревнитель и защитник русского Православия? Посольство было безоговорочно отвергнуто. «Совещав с мудрецами своими», святой Александр ответил папе: «... От Адама и до потопа, а от потопа до разделения язык и до начала Авраамля, а от Авраамля... до Августа Кесаря, а от начала Августа царя до Христова Рождества и до Страсти и до Воскресения Его, от Воскресения же и до Вознесения на небеса и до царства Константина Великого и до Первого Вселенского Собора святых отец, а от Перваго и до Седьмаго Собора. Сии вся добре сведаем... учения сии целомудрствуем... якоже проповедашеся от святых апостол Христова Евангелие во всем мире, по сих же и предания святых отец Седми Собор Вселенских. И сия вся известно храним, а от вас учения не приемлем и словес ваших не слушаем» (5).

К несчастью, не все князья разделяли святую ревность Невского героя. Современник святого Алек-

сандра Даниил Романович, князь Галицкий, избрал иной путь. Он совершил попытку воспользоваться силами христианского Запада в стремлении отстоять от татар независимость своих земель. Во владении галицкого князя была почти вся Западная Русь. В 1250 году, когда Батый прислал сказать ему: «Дай Галич», Даниил, не чувствуя себя в силах бороться, вынужден был подчиниться и приехал в Орду на поклон. Против ожидания, встречен он был ласково, пробыл в ставке хана почти месяц и цели своей достиг: Батый оставил за ним все его земли.

Нестерпимо унижительной показалась князю эта поездка. «О злее зла честь татарская! – восклицает летописец. – Даниил Романович, князь великий, владевший Русской землей – Киевом, Волынью, Галичем, стоит на коленях, холопом называется, дань обещает платить, за жизнь свою трепещет, угрожается!» (6).

Оскорбленное самолюбие князя заставило его искать путей освобождения от монгольской зависимости. Чтобы рассчитывать на помощь Запада (крестовый поход), нужно было подчиниться папской власти, – и Даниил вступил в переговоры с папой Иннокентием IV о соединении церквей. Папа, склонявший Даниила к латинству еще до поездки князя в Орду (при посредничестве вездесущего Плано Карпини), был донельзя рад. Он обещал различные льготы и милости, послал в 1253 и 1254 годах всем государям Средней и Восточной Европы призывы о помощи Даниилу, а в 1255 году «присла послы честны... рекий: Сыну! Приими от нас венец коро-

левства!» В городе Дрогичине Даниил короновался присланной ему от папы короной с титулом Галицкого короля.

Но для борьбы с татарами нужна была не корона – военная помощь. А та не приходила. Призывы папы остались без последствий. Даниил порвал с ним все отношения и, видя, что не в силах справиться с татарской угрозой, уступил. По требованию приднепровского баскака Куремсы он приостановил военные приготовления и в 1261 году срыл укрепления волынских городов.

В 1264 году Даниил умер, и последствия его недалёковидности не заставили себя долго ждать. Не прошло и ста лет после смерти князя, как вся его отчина была расхищена соседями-латинянами. Восточной частью Южной Руси завладели литовцы, западной – поляки, и, по соединении их между собой в единое польско-литовское государство, Южная Русь на многие века была оторвана от русской жизни, подвергаясь нескончаемому иноверческому насилию, выбиваясь из-под его гнета долгими кровавыми усилиями...

В 1243 году Батый назначил в русские города своих надзирателей – баскаков, а князьям приказал явиться к нему для подтверждения их прав на владение своими княжествами. Первым подвергся этому унижению великий князь Ярослав Всеволодович, отец святого Александра. С выражением покорности он должен был отправиться в Орду, а одного из своих сыновей – Константина – отправил даже в далекий Каракорум, в ставку Великого хана.

В 1247 году, после смерти отца, впервые пришлось ехать на поклон к Батыю и святому Александру. Тогда, по смерти Ярослава, великокняжеский престол остался незанятым, и от воли хана зависело – дать его тому или иному князю. Батый принял святого Александра ласково, но назад в Россию не пустил, отправив в Большую Орду к Великому хану. Там князь нашел прием не хуже, чем у Батыя: Великий хан утвердил его на престоле Владимирском, поручив всю Южную Русь и Киев.

Возможно, именно в это время святой князь обратил ко Христу сына всемогущего Батыя, царевича Сартака, став его побратимом*. От него Александр Невский получил старшинство над всеми русскими князьями – Сартак в то время управлял делами Орды за дряхлостью своего грозного отца, и это открывало перед святым Александром широкие возможности в деле объединения Руси под единой властью великого князя. Так был заложен фундамент будущего Московского государства: возрастание Русского Православного царства совершилось на почве, уготованной мудрой политикой князя.

Но недолго пришлось наслаждаться покоем. В 1255 году умер Батый, и в Орде произошел государственный переворот: Сартак был умерщвлен своим дядей – Берке, который и стал ханом. В Русскую землю были посланы татарские чиновники для переписи народа и сбора дани. Александр поспешил

---

* О переходе в христианство Сартака есть показания арабского историка аль-Джауздани, современника событий. По другим известиям, ордынский царевич даже был впоследствии рукоположен в сан дьякона.

в Орду, но не успел умилоствивить хана – в рязанских, муромских, суздальских землях появились татарские численники, ставили своих десятников, сотников, тысячников, темников, переписывали жителей для обложения их поголовной данью – не включали в списки лишь духовных лиц. Чуждое, иноземное управление вводилось таким образом внутри Руси, грозя разрушить остатки самостоятельности страны.

В 1257 году неутомимый князь вновь едет в Орду. Ханский наместник Улагчи, ведавший русскими делами, потребовал, чтобы и Новгород подвергся унижительной процедуре переписи. С горестью должен был взять на себя князь дело тяжелое и неприятное – склонить к рабству новгородцев, не знавших доселе поражений от татар и не считавших себя покоренным народом. Святой князь едва успел усмирить горожан – баскаки сочли жителей, распределили налоги и уехали, так как Александру удалось выговорить для новгородцев право доставлять определенное количество серебра в Орду самим или через великих князей, не имея дела с татарскими сборщиками.

В русских землях росло недовольство притеснениями. Положение стало нестерпимым, когда монгольскую дань взяли на откуп хивинские купцы-мусульмане, получившие название бесерменов. Сам способ сбора дани был очень отяготительным – в случае недоимок насчитывались грабительские проценты, при невозможности заплатить брали в рабство чуть ли не целыми семьями. Но не это переполнило чашу народного терпения. Когда к тяго-

там хозяйственным прибавились глумления над верой – расплата стала неминуемой.

В 1262 году во Владимире, Суздале, Переяславле, Ростове, Ярославле и других городах ударили в набат. По старому обычаю собрали народное вече, на котором решено было ненавистных откупщиков истребить. Бунт, естественно, вызвал ханский гнев. В Орде собирались полки для наказания непокорных, когда святой Александр, в который уже раз «избавы ради христианския» приехал в Сарай.

Ему снова удалось уладить дело благополучно – хан Берке оказался даже более милостив, чем можно было ожидать: он не только простил русским избиение бесерменов, но и освободил Русь от обязанности поставлять воинов для своего ближайшего похода. Достигнуть этого оказалось не просто, и князю пришлось провести в Орде всю зиму и лето. Осенью, возвращаясь на родину с радостными вестями, он заболел и умер, приняв перед смертью монашеский постриг с именем Алексий.

Весть о кончине святого Александра достигла Владимира в то самое время, когда народ молился в соборном храме о его благополучном возвращении на родину. Блаженный митрополит Кирилл, выйдя к народу, со слезами воскликнул: «Чада мои милые! Закатилось солнце земли Русской!» Останки любимого князя первосвященник с духовенством, бояре и народ встретили у Боголюбова: по словам летописца, земля стонала от вопля и рыданий.

23 ноября тело великого труженика и радетеля Православной России было погребено во владимир-

ской соборной церкви Рождественского монастыря. Современники повествуют, что при отпевании усопший князь сам, как бы живой, простер руку и принял грамоту с разрешительной молитвой из рук митрополита.

Почитание его как святого заступника Руси установилось сразу вслед за кончиной. «Драгоценная отрасль священного корня, – молитвенно взывает Церковь к благоверному князю, – блаженный Александр, тебя явил Христос Русской земле, как некое божественное сокровище... Радуйся, презревший догматы латинян и вменивший в ничто все их обольщения!.. Радуйся, заступник Русской земли: моли Господа, даровавшего тебе благодать, соделать державу сродников твоих Богоугодною и сынам России даровать спасение».

**АЗ БО ЕСМЬ ГОСПОДЬ БОГ ТВОЙ,
УКРЕПИВЫЙ ТЯ,
И УТВЕРДИХ ТЯ
ДЕСНИЦЕЮ МОЕЮ ПРАВЕДНОЙ**
ДЕРЖАВНАЯ ЮНОСТЬ РОССИИ

Христианство признает один источник власти – Бога, свидетельствующего о Себе: «У Меня отмщение и воздаяние... Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей...» (Втор. 32: 35, 39).

«Что Бог... Вседержитель, все надзирающий, Промыслитель обо всем, имеющий власть над всем Судия – мы, конечно, и знаем, и исповедуем», – писал еще в VIII веке преподобный Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры». Эта высшая неограниченная самодержавная власть Бога промыслительно охватывает бытие мира во всех подробностях. «Промысел есть воля Божия, по которой все сущее целесообразным образом управляется, – продолжал святой Иоанн. – Но одно из того, что подлежит Промыслу, бывает по благоволению,

другое – по снисхождению. По благоволению – то, что беспрекословно хорошо; видов же снисхождения – много». Снисхождением святой отец называет в своем сочинении поущение Божие.

Итак, источник власти один – Бог. Люди сами по себе не являются источниками власти, как бы много их ни было, в каком бы взаимном согласии они ни находились. Народовластие, «народное представительство», с точки зрения христианства, – абсурд. Народ не может никому поручить свою «власть», ибо у него этой власти просто нет.

Но единый Божественный источник власти предполагает два ее вида. Первый, «по благоволению», – «беспрекословно хорош». Это власть богоугодная, находящаяся в соответствии с Законом Божиим, то есть законная. Об этой власти в Евангелии сказано: «Слово Его было со властью» (Лк. 4: 32), «дал силу и власть над всеми бесами» (Лк. 9: 1), «Сын Человеческий имеет власть прощать грехи» (Мф. 9: 6). Эта христианская власть направлена всецело ко благу людей. Ее государственным воплощением и является русское самодержавие.

Свидетельствуя о своем «подзаконном» отношении к заповедям Божиим самим фактом утверждения власти Царя в Таинстве Миропомазания, самодержавие не имеет своих «самостоятельных» нецерковных идеалов и целей. Вопреки расхожему взгляду, православная государственность России не претендовала на самоценность, в идеале смиренно довольствуясь ролью «ограды церковной». Целью такой власти является всемерное содействие попыт-

кам приблизить жизнь народа во всем ее реальном многообразии к евангельскому идеалу. Иными словами, цель богоугодной власти – содействие спасению душ подданных, в соответствии со словами Божиими: «Не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего, и живу быти ему» (Иез. 33: 11).

Однако есть в мире другая власть. Искушая Христа Спасителя господством над миром, сатана прельщал Его, говоря: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне». Источник этой сатанинской власти – попущение Божие. Сатана только временный ее владелец, он сам свидетельствует, что она ему лишь дана. «Идо часто Бог попускает, чтоб и праведник впал в несчастья», – говорит преподобный Иоанн Дамаскин. Эта попущенная Богом по Одному Ему ведомым причинам беззаконная (противная Закону Божию) власть губительна для народа, всецело направлена к гибели подвластных ей людей»*.

Осмысление религиозного содержания власти стало одной из первоочередных забот Руси после крещения. Этой теме посвящено уже «Слово о вере

---

* Результаты семи десятилетий советского богоборчества это, безусловно, подтверждают. Для нейтрализации сатанинской энергии, хлынувшей на землю России через шлюзы властных структур, потребовалась вся сила веры русского народа, по слову Господа: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Апок. 2: 10). Этот все-народный подвиг исповедничества стал возможен лишь благодаря утвердившемуся веками пониманию мистического характера власти. Народ в большинстве своем воспринял новую власть как попущение Божие, как сатанинский соблазн, лестью и силой вымогающий у России иудино предательство Христа, служение Которому народ признавал смыслом своего существования в течение веков.

христианской и латинской» преподобного Феодосия Киево-Печерского, написанное в промежутке между 1069 и 1074 годами как поучение великому князю Изяславу Ярославичу, которого послы папы римского пытались склонить к католичеству. В «Слове» на первый план выдвигаются вопросы о долге власти защищать истинную веру и об обязанностях князя-христианина, в частности. Показательно, какое трепетное отношение вызывает вопрос чистоты православного вероисповедания. Католики в «Слове» не называются христианами, «латыньская» вера противопоставляется «хрестьянской», как тьма – свету.

«Княже боголюбивый, – начинает поучение святой подвижник, подчеркивая, что обращается к князю как к ревностному христианину, предлагая ему задуматься об обязанностях, налагаемых достоинством властителя. – Нет другой веры лучше нашей – такой, как наша чистая и святая вера православная... Не следует, чадо, хвалить чужую веру! Если кто хвалит чужую веру, тем самым он свою хулит... Если тебе скажет спорящий: «И ту, и эту веру Бог дал», – то отвечай ему так: «Ты, кривоверный, считаешь и Бога за двоеверца. Так не слышал ли ты, окаянный, развращенный злой верой, что говорится в Писании: един Бог, едина вера, едино крещение!»

Настаивая на самой жесткой позиции там, где дело идет о защите веры, преподобный Феодосий не менее строго внушал князю мысль о необходимости милосердия и любви в вопросах гражданских. «Подавай милостыню не только единоверцам,

но и чужим. Если увидишь раздетого или голодного, или больного лихорадкой, или одержимого какой-либо другой бедой, даже если это будет иудей... – всякого помилуй и от беды избавь, если можешь, и не оставит тебя Бог без вознаграждения» (1).

Ход мысли прост: первый долг христианина – сделать все для спасения души. «Человек – олицетворенный долг, – говорили святые отцы. – Выполняй по мере сил свой долг перед Богом, и спасешься». Князь, как имеющий от Бога власть, должен будет ответить за то, как он ее использовал, – во благо ли? Власть есть лишь особое служение, источник дополнительных религиозных обязанностей. Князь распорядится властью достойно, богоугодно, если употребит ее на защиту веры и помощь нуждающимся, – таков, вкратце, вывод преподобного Феодосия. Его поучение стоит первым в длинном ряду древнерусских литературных памятников, сохранивших для нас многочисленные наставления на эту тему.

«Познайте, князья, свое могущество и свою честь», – призывает анонимный автор похвального «Слова», посвященного перенесению мощей святых князей Бориса и Глеба, написанного в XII веке. И как бы отвечая на этот призыв, пишет свое «Поучение» детям великий князь Владимир Мономах. Написанное в 1117 году, поучение сохранилось в единственном списке в составе Лаврентьевской летописи 1377 года, с большим количеством описок и пропусков. И тем не менее оно позволяет сделать достоверный вывод об отношении Мономаха ко княжению как к религиозному долгу.

«Поистине, дети мои, разумеите, како есть человеколюбец Бог милостив и премилостив, – обращается князь к сыновьям, – мы (же) человеци грешни суци и смертни». Христианский долг, вытекающий из личных отношений человека с Богом, есть основа всей жизни – такова главная мысль Мономаха. Вообще, все поучение его пронизано верой столь живой и полной, что местами напоминает не письмо властителя, а рассуждения просветленного инока. «Аще Бог умягчит ваше сердце, и слезы испустите о грехах своих, – говорит князь. – «Господи, помилуй» – зовите непрестанно в сердце, та бо есть молитва всех лепшая». Здесь, как и на всем пространстве литературных памятников Руси – почти неправдоподобное для нас, сухих и бесплодных рационалистов, обилие личного религиозного опыта, кипение благодати Божией, без меры изливавшейся в души князей и монахов, воинов и крестьян.

Поучение Мономаха было бы просто благочестивым размышлением боголюбивого князя, не выводи оно обязанности властителя из того же религиозного источника, что и повседневные обязанности христианина. «Если же вам придется крест целовать, то, поверив сердце свое, целуйте только на том, что можете выполнить, а целовав, соблюдайте свое слово, ибо нарушив клятву, погубите душу свою. Читите епископов и попов и игуменов, с любовью принимайте от них благословение, и по силе любите их, да приемлете от них молитву к Богу», – поучает Мономах. Тут же он свидетельствует, как сам, отказавшись ради уособицы нарушить крестное целование

княжеское, и быв «в печали», взял Псалтирь, «разогнул, и вот место, открывшееся мне: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога... Спасителя моего» (Пс. 41: 6).

А вот, пожалуй, самое яркое свидетельство понимания Мономахом княжения как служения: «Гордости не имейте в сердце и уме: смертные все, сегодня живы, а завтра в гробу, все, что имеем, Ты, Господи, дал. Не наше, но Твое поручил нам еси на мало дней» (2). Эта мысль – что князь (царь) лишь распорядитель власти, данной Богом, ответчик перед Ним за врученную его попечению страну и людей – ляжет со временем в основу самовоззрения всякой законной власти на Руси.

Удержать народ в рамках богоугодного жития, оберегая его от соблазнов и поддерживая всякое благочестивое начинание – такова державная задача власти. И народ русский – державный народ в той мере, в какой он соучаствует в выполнении этой задачи, удерживая рвущееся в мир сатанинское зло от распространения и господства.

О космической значимости этого противостояния злу Церковь знает со времен апостола Павла, возвестившего, что Антихрист, этот «человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею», не придет, несмотря на то, что «тайна беззакония уже в действии», до тех пор, «пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2: 3, 4, 7).

Не покладая рук трудились над созданием российской державы русские князья. Свидетели тому –

многие десятки святых Рюриковичей, прославленных Церковью строителей и защитников русской православной государственности. Терпеливо и любовно складывали они основание будущего русского православного царства, преодолевая междоусобия, примиряя враждующих, отвергая честолюбивых. С момента раздробления России на множество уделов после смерти Ярослава Мудрого объединительная работа не утихала ни на миг. Поучения Владимира Мономаха, самодержавные устремления святого Андрея Боголюбского, кропотливый труд московских князей по собиранию Руси – все это лишь этапы становления русской державности, завершившиеся двумя блестящими царствованиями – Иоанна III и Иоанна IV и утвердившими национальное единство, освященное в своих истоках и целях святынями веры.

Первым понял свое великокняжеское значение как обязательство «удерживающего» внук Владимира Мономаха – святой Андрей Боголюбский. Второй сын Юрия Долгорукого, он родился около 1110 года. Когда умер его дед, святому Андрею было около пятнадцати лет, и он, несмотря на то, что жил большей частью в Ростово-Суздальских краях, вполне мог слышать наставления Мономаха или читать их*. Отношение к власти как к личной религиозной обязанности утверждалось трудно, взламывая многове-

---

* Старший сын Мономаха – святой Мстислав Великий отличался блаженным миролюбием, как и его отец. Он стал родоначальником южной ветви Мономаховичей, в то время как их северную ветвь возглавил младший брат – Юрий Долгорукий. На беду, любовь киевлян к Мстиславу и его потомству послужила отправной точкой длительных кровавых усобиц.

ковую привычку князей глядеть на Русскую землю как на совместное владение всего княжеского рода Рюриковичей.

При таком порядке старший в роде одновременно являлся великим князем и сидел на старшем – Киевском – столе. Остальные владели княжествами менее значительными в зависимости от степени своего старшинства. Внутри княжеского рода при этом не было места государственным отношениям – они принимали чисто семейный характер. Князь никак не был связан со своими временными подданными. Он знал: умрет Киевский великий князь – его достоинство вместе с престолом перейдет к следующему за ним по старшинству члену рода, и это вызовет перемещение остальных князей в те уделы, которые теперь соответствуют степени их старшинства. Новое положение будет сохраняться до тех пор, пока жив новый глава рода. Затем – новая передвижка. Такой порядок был неудобен и сложен из-за вечных споров по поводу старшинства и попыток не в очередь занять тот или иной стол.

Так, молодость святого Андрея омрачилась спорами отца его, Юрия, со своим братом Мстиславом за великое Киевское княжение. Святой Мстислав был старшим и имел все права на него, но честолюбие и неуживчивый нрав Юрия толкали его к распре, тем более, что кротость брата он принимал за слабость или робость.

Святой Андрей Боголюбский видел настоятельную необходимость сломать, упразднить этот родовой строй с тем, чтобы расчистить место еди-

ному Русскому государству. Смолоду известный набожностью, умом и боевой удачью, он на собственном опыте убедился в гибельности родственных княжеских споров и несогласий. Не желая участвовать в междоусобице родичей, в 1115 году Андрей ушел на север, где ростовцы и суздальцы признали его своим князем. Там он основал новое великое княжение Владимирское, которому Промысел Божий предназначил стать почти на два столетия сердцем Русского государства.

На великокняжеском столе святой Андрей вел себя не как старший родич, но как полновластный государь, дающий ответ в своих попечениях о стране и народе единому Богу. Его княжение было ознаменовано многочисленными чудесами, память о которых доселе сохраняется Церковью в празднестве Всемиловитому Спасу (1 августа), благословившему князя на его державное служение*. Тогда же был установлен и праздник в честь Покрова Божией Матери, ставший любимым церковным праздником русского народа.

Чувствуя, что Россия гибнет от разделения власти, святой Андрей в своих стараниях ввести единое державие особо рассчитывал на покров и заступление Пресвятой Богородицы. Уходя в северные земли, он взял с собой чудотворную икону, пи-

---

* Сам праздник был установлен после того, как победив в 1164 году восточных болгар-мусульман, князь, молившийся по окончании сражения, видел чудный свет, осиявший все войско, исходивший от Живоворящего Креста Господня. В тот же день видел свет от Креста Господня и греческий император Мануил, одержавший победу над сарацинами. В память этих событий оба государя и согласились установить церковный праздник.

санную, по преданию, святым евангелистом Лукой на доске стола, за которым трапезовал в дни своей юности Сам Спаситель со Своей Матерью и святым Иосифом Обручником. Увидев эту икону, Пресвятая Богородица сказала: «Отныне убожат Мя вси роди. Благодать Рождшегося от Меня и Моя да будет с сей иконой!»

Дважды утром икону находили сошедшей со своего места в Вышгородском соборе и стоящей на воздухе, как бы приглашая князя в путь, благословение на который он испрашивал у Пречистой в своих усердных молитвах. Когда святой Андрей миновал Владимир, бывший в то время незначительным ремесленным городком, то кони, везшие икону, остановились и не могли сдвинуться с места. Князь назвал это место Боголюбовым, потому что в происшедшем усмотрел знамение Божие, а Владимир сделал столицей княжества. Многочисленные чудеса, явленные впоследствии Пресвятой Богородицей, побудили князя установить церковное празднование Покрова Божией Матери, явленного над Россией во всем течении ее истории. Праздник этот чтится в России не менее двенадцатых. Показательно, что только Русская Церковь столь торжественно отмечает его, несмотря на то, что событие, вспоминаемое в этот день (видение покрова над собором молящихся), произошло в Византии (3).

Стой ревностное стремление к объединению народа не могло остаться без противления со стороны антиправославных сил. Знаменательна, с этой точки зрения, мученическая кончина князя

в 1174 году. Летопись недвусмысленно подчеркивает религиозный характер кончины святого Андрея. Главное лицо среди «начальников убийства» – ключник Анбал Ясин – иудей. Совет злоумышленников летописец уподобляет совещанию «Иуды с жидами» перед предательством Спасителя.

Летопись приводит и непосредственную причину преступления – это активная просветительская деятельность князя среди иноверных купцов, в результате которой увеличилось число иудеев, принимавших православие. Оплакивая своего господина, верный слуга Кузьма говорит: «Бывало, придет гость какой из Царьграда... или латынин... даже поганин какой если придет, князь сейчас скажет: поведите его в церковь, в ризницу, пусть видят истинное христианство и крестятся; так и случалось: болгары и жиды и всякая погань, видя славу Божию и украшение церковное, крестились и теперь горько плачут по тебе...» Согласно воззрениям Талмуда, гой, «совративший» еврея в христианство, заслуживает безусловной смерти.

Узнав об убийстве князя, владимирцы взбунтовались, и лишь крестные ходы по улицам города с чудотворной иконой Богоматери Владимирской предотвратили дальнейшие кровопролития. Церковь, свидетельствуя богоугодность трудов великого князя, прославила его святым. В памяти потомков он остался русским властителем, почувствовавшим себя не владельцем земли, а Божьим слугой, попытавшимся воплотить в жизнь идеал христианской государственности.

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ ВЫШНЯГО... ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

К концу XII века Киев утратил значение общерусского центра. Южная Русь надолго увяла, завещав Северной, Верхневолжской Руси продолжить дело державного строительства. Летописцы говорят, что южные дружины храбро бились и «расплодили» Русскую землю. На долю северных князей выпало закрепить приобретенное, придав ему внутреннее единство.

Трудами таких благочестивых властителей, как Владимир Мономах, святой Андрей Боголюбский, святой Александр Невский и других, им подобных, утвердился взгляд на княжение как на религиозную обязанность. Прекратилась постепенно и «владельческая» передвижка князей, заставлявшая их смотреть на свой удел как на временное пристанище, не требующее особой заботы. Князь стал наследным владельцем — хозяином и строителем удела, передававшим его по наследству согласно собственной воле. Он осознал свою связь с народом и ответственность за него.

Усыпляя татар безусловной покорностью и данью, князья не упускали из виду и забот по органи-

зации народных сил – стремление вернуть былую независимость росло и крепло. Необходим был могучий подъем народного духа, но еще не появился на Руси единодержавный властелин, способный завершить дело, начатое Андреем Боголюбским и Александром Невским.

Трудности, стоявшие на пути обретения Русью государственного единства, казались непреодолимыми. Кто мог заставить удельных князей, лишь недавно почувствовавших себя самостоятельными владетелями, отказаться от своих прав и сделаться пусть высшим, но подчиненным сословием? Кто мог заставить города и волости, привыкшие к обособленности и своим древним правам, слиться в одно политическое тело? Кто мог принудить простой народ нести тяжкие жертвы во имя грядущего и не всем понятного блага государственного единства?

Этой силой стала Православная Церковь, в помощь которой Господь явил Свое чудное промышление о России: скорби и тяготы иноземного ига способствовали тому, что Русь объединилась прочным союзом общего горя. Над страной, помимо ее воли, вознеслась единая страшная власть хана, необходимость повиновения которой после первых погромов ясно сознавалась всеми – от великого князя до последнего смерда.

Русские князья стали посредниками между верховной властью и народом, воспитав в себе чувство ответственности за его судьбу, отбросив вековую привычку к своеволию, побежденную страхом

сурового возмездия. Тягостное иноверческое иго обратилось в школу религиозно-исторического воспитания, выйдя из которой, народ обогатился твердым пониманием своего вселенского призвания и державного долга. Под игом монголов Русь собирает силы и ждет – какое будущее, какую судьбу определит ей Господь, кому вверит дело строительства единого и могучего Православного царства. Избрание падает на Москву.

Ученые-историки пытались объяснить возвышение Москвы естественными географическими (близость реки), хозяйственными (обилие дорог) и иными причинами. Все они имели место, но то беда, что в еще большей степени эти причины приложимы к десяткам других городов и сел Северной Руси. Река Москва, давшая имя будущей столице, соединяла Среднюю Волгу с Окой через Ламский волок, по которому надо было переволакивать лодки сушей, на руках, так что особых удобств это не сулило. Да и вырос город все-таки не на волоке Ламском, а на излучине Москвы. Кроме того, сомнительно, чтобы близость Оки и Верхней Волги была бы сама по себе достаточной причиной для вознесения безвестной деревушки на высоту столицы величайшей империи мира.

Пересечение «больших дорог», которое якобы обеспечивало Москве бурный рост, на поверку оказывается скорее скоплением тропинок, затерянных в бескрайних русских лесах. «Великая дорога Володимерьская», например, упоминается лишь единожды в одной из старых летописей, да и то в конце

XIV века, когда Москва уже была общепризнанным центром Руси.

Кроме того, все предположения о «сравнительно более ранней и густой населенности края» и «редкостном покое» от татарских набегов, царившем в тех краях, не поддаются проверке и не подтверждаются фактами. А ведь со времен святого митрополита Петра Православная Церковь уверенно свидетельствует об особой промыслительно определенной роли Москвы как о причине ее возвышения и расцвета.

«Великий во святителях» митрополит положил прочное основание будущего величия Москвы, перенеся туда первосвятительский престол из Владимира. Помимо соображений церковного управления его влекла в Москву любовь к Иоанну Даниловичу Калите, князю, известному своим миролюбием, набожностью и щедростью к бедным. (Свое прозвище «Калита», что значит «кошель», он приобрел потому, что всегда носил с собой кошелек, из которого подавал богатую милостыню.)

«Если послушаешь меня, сын мой, – говорил святой старец князю, убеждая его в особой роли Москвы для будущего России, – то и сам прославишься с родом своим паче иных князей, и град твой будет славен пред всеми градами русскими, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плещи врагов его, и прославит Себя Бог в нем» (1). Именно превращение Москвы в центр русского православия определило ее судьбу, до того ничем не отличавшуюся от судьбы других русских городов.

Москва впервые упоминается в летописях под 1147 годом как пограничный пункт между Суздальской и Чернигово-Северской областями. Сюда Юрий Долгорукий пригласил на переговоры Новгород-Северского князя Святослава Ольговича, послал сказать ему: «Приди ко мне, брате, в Москову». Московка эта была столь крошечной деревушкой, что когда на ее месте в 1156 году Юрий решил построить городок, летопись отмечает это как рождение Москвы – князь «заложил град».

По незначительности своей Москва редко попадает в поле зрения летописца. К середине XIII века она становится удельчиком, который иногда давали во владение младшим сыновьям великих князей. И лишь в конце столетия Москва становится самостоятельным маленьким княжеством, родоначальником династии которого явился младший сын благоверного князя Александра Невского – святой Даниил. Так преемственно от одного благоверного князя к другому передано было и святое дело собирания Руси.

С начала XIV века Москва бурно растет. Этому росту – разумной и осторожной политикой – положил основание Иоанн Калита, а далее «Калитно племя» в тесном союзе с Церковью, митрополичий престол которой утверждается с 1325 года в Москве, продолжает дело.

Начиная со святого Дмитрия Донского, князья окончательно усвоили взгляд на себя как на общеземских защитников Православия. Он ясно проявился в решительности князя перед лицом Мамаева

нашествия. Почему святой Дмитрий, как и все московские князья любивший мир и тишину, решился все же в сентябре 1380 года на одно из кровопролитнейших в истории сражений? Все современники согласно утверждают – потому, что чувствовал себя защитником веры. Его вдохновляло «мужество и желание за землю русьскую и за веру христианскую», – свидетельствует автор «Задонщины», повести о Куликовской битве, написанной через считанные дни после нее.

Разгром полчищ Мамая русскими дружинами послужил темой целого ряда произведений, образующих так называемый Куликовский цикл, свидетельствующий, что Русь впервые одолела татар, лишь поднявшись на защиту святынь Православия, а не политических или земельных интересов. «Како случися брань на Дону православным христианом с безбожным царем Мамаем, како возвыси Господь род христианский, а поганых уничтожи и посрами их суровство», – так, например, озаглавил повесть автор «Сказания о Мамаевом побоище». Хоть и были сильны поганые, «сынове же русския силою Святаго Духа бьяху их».

После битвы соратники святого Дмитрия долго разыскивают его и находят, наконец, «бита вельми». Первый вопрос очнувшегося князя – чем закончилась битва? «По милости Божией и Пречистой Его Матери, – отвечают ему, – и молитвами сродников наших Бориса и Глеба и Петра, московского святителя и игумена Сергия, и всех святых молитвами врази наши побеждены суть, а мы спасохомся!»

То, что свою роль удерживающего святой благоверный князь Дмитрий Донской понимал ясно, свидетельствует нам «Слово» о его житии. «Постави ми, Госпоже, столп крепости от лица вражия, возвеличи имя христианское перед погаными», – просит святой Дмитрий Пресвятую Богородицу в молитве перед битвой на Куликовом поле. Вообще, «Слово» о житии святого князя показывает, что осмысление власти подошло к своему закономерному завершению – к учению о Православном Царе. Именно «царем» называется в «Слове» Дмитрий Донской, хотя об употреблении такого титула применительно к русским князьям в государственных международных актах того времени ничего не известно.

Это не удивительно, ибо учение о Православном Царе есть учение церковное, оно возникло и сформировалось в православном мировоззрении и лишь после осмысления и укоренения в сознании современников обрело общепризнанный характер. Знаменателен и тот факт, что автором жития считают Епифания Премудрого – современника князя. Этот инок был учеником самого Сергия Радонежского, много путешествовал – бывал в Иерусалиме, в Константинополе и на Афоне. Его перу принадлежат, помимо жизнеописания великого князя Дмитрия, жития преподобного Сергия и святого Стефана Пермского. Жанр житийной литературы традиционно служил для отражения важнейших идей и понятий, владевших современниками, так что мысли, высказанные в «Слове» о житии святого благоверного князя Дмитрия, не случайны.

«Кому уподоблю великого сего князя Дмитрия Ивановича, – вопрошает автор жития. – Царя Русьских земли и собирателя христианского? Приидите, возлюбленные друзья церкви... достойно похвалить держателя земли Русьской».

В этих похвалах святому князю содержатся все основные положения учения о законной власти. Первое из них – идея царского служения как церковного послушания, наряду со служением иноческим, священническим и иными. Дмитрий не просто властвует – нет, он, «будучи рабом Божиим», слугою Промысла, «Божий престол» соблюдает в чистоте и неприкосновенности от чуждых и враждебных Церкви влияний.

Далее – мысль об «удерживании» как о содержании служения. Князь – «держатель» России, Руси, неразрывно связанной с Православием (сравним: «земля русская, о, православная вера христианская» – из «Слова о погибели земли русской»). И наконец, мысль о вероохранительной роли царя. «Царь Русьских земли» есть одновременно и «собиратель христианства», уцелевшего от покушений иноверцев и ложного мудрствования еретиков.

Важно, что житие дает и недвусмысленный ответ на вопрос: каковы же признаки того, что державное служение царя исполняется как должно. «И бысть тишина в Русьской земли», – свидетельствует автор «Слова». Обретен жизненный критерий оценки результатов деятельности власти. «Великое княжение свое вельми укрепих, мир и тишину земли Русьской сотворих, отчину мою, которую дал мне

Бог и родители мои, с вами соблюдох» (2), – говорит перед смертью Дмитрий боярам.

Мир и тишина как условия, более других способствующие деятельности церковной по спасению человека, – вот практическая цель власти. В этом «мире и тишине» усматривается Благоволение Божие, о котором сказал Христос Спаситель: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашится» (Ин. 14: 27).

Об обязанности царя нести свое бремя «не смущаясь и не устрашаясь» напоминает послание архиепископа Ростовского Вассиана Иоанну III, писанное в 1480 году во время знаменитого «стояния на Угре» русского и татарского войск. Татар привел на Русь Ахмат, хан Большой Орды. Она образовалась на месте Батыевской Золотой Орды после того, как от последней отделились уже многие орды: Ногайская, Казанская, Астраханская и Крымская.

Иоанн отказался платить дань Ахмату, растоптал ханскую басму (изображение хана), приказал перебить его послов, требовавших покорности, кроме одного, которого отпустил сказать хану, что и с ним поступит так же, как с басмой, если тот не оставит Русь в покое. Ахмат с войском пришел покарать непокорного «данника». Встретившись с большими силами русских, битву он начинать не решался и ждал, стоя на реке Угре. На другом ее берегу стоял Иоанн III. Будучи типичным московским князем, воспитанным в религиозных традициях княжеского служения, Иоанн III был хозяином Русской земли и ее «строителем», а воевать не любил. И на этот

раз, оберегая русскую кровь, он решил отступить, не принимая боя.

Узнав о таком решении, старец Вассиан (брат преподобного Иосифа Волоцкого), ростовский архиепископ, отправил великому князю обличительное письмо. «Наше дело говорить царям истину, — пишет он. — Что я прежде изустно сказал тебе... о том и ныне пишу, ревностно желая утвердить твою душу и державу». Душа и держава не случайно оказались рядом в письме Вассиана. Княжеское служение таково, что управив державу, и душу спасешь — эта мысль во времена Иоанна III уже не требовала разъяснений. Теперь должно явить силу и мужество — настаивает старец в послании: «Ахмат губит христианство, грозит тебе и отечеству». Он жаждет «предать землю Русскую огню и мечу, церкви — разорению, тьмы людей — гибели... О государь! Кровь паствы вопиет на небо, обвиняя пастыря».

Державный долг государя архиепископ сближает с долгом пастыря — хранителя душ пасомых, ответственного перед Богом не только за внешнее благополучие, благочиние, но и за внутреннее их преуспевание. На гармоничном сочетании и взаимном равновесии этих властных начал — державного и соборного, царского и пастырского, будут в дальнейшем строиться отношения светской и церковной власти в России. Эта «симфония властей» станет идеалом их взаимоотношений, твердо запечатлевшимся в народном сознании, несмотря на все искушения и соблазны.

«Смертным ли бояться смерти? – увещевает князя архиепископ. – Я стар и слаб, но не убоюсь меча татарского, не отвращу лица моего от его блеска...» Воинствующая земная Церковь в случае нужды в буквальном смысле готова оправдать свое наименование. Воинствуя против грехов и страстей, тем более следует подниматься на брань против врага, грозящего уничтожить благодатные средства, дарованные Богом для борьбы со страстями, – утверждает Вассиан. «Ангелы снидут с небес в помощь твою, Господь пошлет тебе от Сиона жезл силы, и одолеешь врагов, и смятутся, и погибнут. А мы Соборами святительскими день и ночь молим Его, да рассыплются племена нечестивые...» (3).

Долго войско Ахмата стояло на Угре. Вдруг, без всяких видимых причин, снялось и ушло в Литву, разорив там двенадцать городов якобы за то, что князь литовский Казимир не подал помощи против русских. Совершив месть, татары ушли в степь. Так закончилось последнее нашествие Большой Орды на Русь.

Русские назвали реку Угру «поясом Богоматери», веруя, что по Ее молитвам избавил Господь Россию от татар. «Да не похвалятся легкомысленные страхом своего оружия. Нет, не оружие и не мудрость человеческая, но Господь спас ныне Россию!» Таково было всеобщее мнение, дошедшее до нас в отзывах современников. По их свидетельствам и сохранившимся литературным памятникам можно с уверенностью сделать вывод, что ко времени царствования Иоанна III державное сознание

в своих главнейших чертах утвердилось и окрепло. Завершить его становление было суждено Богом еще одному святому подвижнику, преподобному Иосифу Волоцкому, уроженцу Волока-Ламского, из рода дворян Саниных. Но прежде чем это случилось, Русь должна была через отвержение искушений и соблазнов вероотступничества еще раз явить свою преданность родным святыням.

МУЖ ДВОЕДУШЕН НЕУСТРОЕН ВО ВСЕХ ПУТЕХ СВОИХ

МИТРОПОЛИТ-ВЕРООТСТУПНИК

Кривые усобицы, омрачившие княжение Василия, отца Иоанна III, отзывались нестроением в церковных делах. В начале 30-х годов XV века Смоленский епископ Герасим, ставленник Литвы, этой вековой соперницы России, отправился в Константинополь. Через год он возвратился оттуда уже в сане митрополита «Киевского и всея Руси» с явной претензией переместить центр русского Православия из Москвы в Киев, находившийся под властью литовского князя Свидригайла. Новый митрополит даже посвятил архиепископа в Новгород, хотя далее этого его участие в делах управления северо-восточными епархиями не пошло. Да и западными епархиями он управлял не более двух лет. Вскоре Свидригайло прогневался на Герасима, велел умертвить его и сжечь тело на костре.

Географическое положение страны, запертой среди мощных соседей, враждебное иноверческое окружение, внутренние неурядицы, тяжелые природные и климатические условия, экономическая

изолированность – все, казалось бы, исключало становление России как мощной централизованной державы. Но – «еда на может рука Господня спасти? Или отягчил есть слух Свой еже не услышати?» (Ис. 59: 1) Русь веровала, молилась и надеялась. А «надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижится во век живой во Иерусалиме» небесном, Сказавший: «Грядущего ко Мне не изжену вон» (Пс. 124: 1; Ин. 6: 37).

После смерти митрополита великий князь Московский Василий с согласия всех русских князей и великого князя литовского отправил в Константинополь для поставления первосвятителем Иону, епископа Рязанского. Однако у Константинополя были свои соображения. Русским митрополитом был поставлен болгарин Исидор, и поставлен не случайно, а с определенной целью.

Византия переживала тяжелые времена. Турецкие завоевания сократили территорию империи до размеров столицы с пригородами. Император Мануил Палеолог и патриарх Иосиф решились просить помощи у папы. Условием получения помощи было поставлено примирение с католицизмом – в действительности это означало признание его «правоты» и отречение от православия.

С безумием маловерных, измалодушествовавших людей император и патриарх решились на вероотступничество. Для «воссоединения церквей» предлагалось собрать «вселенский собор». Склонить русских к участию в лжесоборе и должен был митрополит Исидор. Император знал его с давних

пор – еще в сане игумена тот ездил в Базель для переговоров о «соединении церквей», которые велись там с 1433 года.

Тотчас по прибытии в Москву Исидор стал готовиться на «собор», несмотря на возражения и даже запреты великого князя. Наконец, Василий уступил настойчивости митрополита, но предупредил: «Нового и чуждого не приноси нам – мы того не примем». Исидор поклялся стоять за Православие, и, взяв с собой Суздальского епископа Авраамия и много других духовных и светских лиц, отправился в Италию.

Чего стоили его клятвы – стало ясно, как только границы Русской земли остались за спиной: в Юрьеве-Ливонском он даже не пошел в православный храм, а направился с немцами в костел, где и стоял службу. На соборе, открывшемся в Ферраре 9 апреля 1438 года, а после перенесенном во Флоренцию, православных лестью, подкупом и насилием принуждали к подписанию определения о соединении церквей. Епископ Авраамий, например, за отказ был посажен в темницу и после принужден к подписи силой. Тверской посол Фома и священник Суздаля Симеон, не желая участвовать в вероотступничестве, тайком бежали из Флоренции.

Исидор был ревностнейшим сторонником унии, призывая «душою и телом соединиться с латинами». В Россию он вернулся в звании папского легата для всех «северных стран» и в сане римского кардинала. По дороге новоиспеченный кардинал возвещал о соединении церквей и служил в латин-

ских костелах. Зимой 1440–1441 годов он провел в Киеве, откуда в конце концов киевляне его выгнали за вероотступничество.

Весной 1441 года Исидор прибыл в Москву и, надеясь на «невежество» и «необразованность» русских, приступил к решительным действиям (сколько же их было за тысячелетнюю историю России, высокомерных иностранцев, принимавших русское смирение и простоту за необразованность!). На первой же литургии в Успенском соборе Московского Кремля Исидор возносил в молитвах имя папы римского Евгения, а по окончании службы архидиакон с церковного амвона зачитал определение Флорентийского лжесобора.

Митрополит предполагал, что согласие с постановлениями собора виднейших иерархов Востока и самого Константинопольского патриарха, являвшегося формально высшей инстанцией для Русской Церкви, парализует сопротивление. Воспитанный в духе мертвого католического «законничества», Исидор ждал, что внешне законная «упаковка» решений собора и привычка к церковной дисциплине обеспечат ему успех. И действительно, сперва все присутствующие были ошеломлены. «Вся князи умолчаша и бояре и иные мнози»*, – свидетельствует летописец.

Первым опомнился великий князь. Он доказал Исидору, что русское сердце благоговейно чтит

---

* Описание Флорентийского собора и событий, связанных с изменой Исидора, сделано суздальским иеромонахом Симеоном, их свидетелем и современником. До нас дошло в составе так называемого «Чудовского сборника», написанного в середине XVI века.

полноту живой веры, а не привычную обрядность и бездушное послушание. Назвав митрополита «ересным прелестником», «лютым волком», лжепастырем, губителем душ, Василий велел заточить Исидора в Чудовом монастыре и созвал русское духовенство на собор для рассмотрения флорентийской соборной грамоты. Определение было признано незаконным.

Милосердный великий князь, предполагая в Исидоре добросовестное заблуждение, велел увещевать отступника и склонять к раскаянию. Напрасно: Исидор упорствовал, а затем, пользуясь слабостью охраны, бежал в Тверь, предполагая закрепиться там и расколоть Русскую Церковь изнутри. Но и в Твери его ждала неудача – и там его посадили под замок. В очередной раз бежав, теперь в Литву, Исидор переправился оттуда в Рим с известием о провале замысла. Русские люди, жившие под иноверной властью Польши и Литвы, отвергли раскольнические замыслы Исидора не менее решительно, чем их единоверцы в Москве и Твери. Взгляд из Москвы на религиозный характер русской народности и государственности оказался достаточно четко оформленным и глубоко осознанным. Русское самосознание выдержало это испытание на верность своему долгу.

Но раскольническая антирусская и антиправославная деятельность Исидора не закончилась с его бегством из России. 5 декабря 1448 года, отказавшись от мысли поставлять митрополитов в Константинополе, который отступил от Православия

на Флорентийском соборе, собор русских пастырей возвел на престол митрополита Киевского и всея Руси Иону. Святой старец озаботился в первую очередь единством Церкви, обличая латинство и унию. Тем не менее Исидору удалось, пользуясь поддержкой папы Пия II, объявившего святого Иону «нечестивым отступником», посеять смуту.

В 1458 году Григорий, ученик Исидора, был поставлен в Риме «митрополитом» Русской земли. Добиться «окаатоличивания» упрямых русских опять не пришлось, и все же интрига принесла свой плод – с 1458 года произошло административное разделение Русской Церкви на две митрополии – Московскую и Киевскую. Немало русской крови пришлось пролить впоследствии для восстановления нарушенного единства. Лишь в 1654 году, когда Малороссия воссоединилась с Россией, был положен конец и противоестественному разделению единой Церкви. Но результаты посеянной смуты и сегодня сказываются на Украине, где униатство продолжает вековое стремление Рима к подрыву Православия «изнутри».

РУССКАЯ СИМФОНИЯ

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ В СУДЬБАХ РОССИИ

СЕ ВРАЗИ ТВОИ ВОЗШУМЕША
И НЕНАВИДЯЩИИ ТЯ ВОЗДВИГОША ГЛАВУ...

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХ

Русской истории мало лиц, вызывавших столь противоречивые оценки потомков, как это случилось с преподобным Иосифом, игуменом Волоколамского монастыря (1439–1551)*.

* «Представитель православия жестокого, почти садического», «Роковая фигура не только в истории православия, но и в истории Русского царства», – это Бердяев. «Знаменитый ревнитель и труженик духовного просвещения», «неутомимый оберегатель мира церковного», – граф М. В. Толстой, историк Церкви. «Пробовали канонизировать, но в сознании русского народа он не сохранился как образ святого», – Бердяев. «Чудотворец», «слава добродетельной жизни», – Толстой. Для православного (не по названию, а по духу) человека в оценке преподобного Иосифа нет никаких затруднений. Очевидно, что нельзя «попробовать канонизировать». Канонизация или есть – или ее нет. В данном случае она есть, а это значит, что прославив угодника Божия, Волоцкого чудотворца, святая Православная Церковь засвидетельствовала богоугодность его трудов за время земной жизни, дав его в пример современникам и потомкам.

Его деятельность и учение, столь существенные для становления русского самосознания и понимания России, требуют серьезного и вдумчивого рассмотрения. Именно он стал русским выразителем древнего православного учения о «симфонии властей» – церковной и государственной, об их взаимном гармоничном отношении и дополняющих друг друга обязанностях.

Мирское имя преподобного Иосифа было Иван Санин. Род Саниных вышел из Литвы и осел в Волоколамском княжестве в деревне Спиоровской, ставшей их родовой вотчиной. Будучи двадцати лет от роду, Иван поступил в Боровской монастырь в послушание святому старцу Пафнутию. Вскоре в этом же монастыре был пострижен и его отец, которого разбил паралич. С благословения старца юный инок Иосиф принял на свое попечение родителей, за которым неотступно ухаживал до самой его кончины в течение пятнадцати лет.

Мать Иосифа тоже постриглась и стала монахиней Мариной женского Волоколамского монастыря. Вслед за родителями ушли в монастырь и оставшиеся дети, кроме одного. Среди ближайшей родни Иосифа насчитывается четырнадцать мужских имен монашествующих (и лишь одно мирское) и четыре женских – все монашеские. Упомянувшийся выше Ростовский архиепископ Вассиан – родной брат Иосифа. Другой его брат стал епископом Тверским Акакием, а два племянника – Досифей и Вассиан (Топорковы) стали иконописцами и совместно со знаменитым Дионисием, учеником преподобного

Андрея Рублева, расписали церковь Валаамского монастыря. Воистину преизобильно излилась благодать Божия на род Саниных, явивший столько подвижников и просиявший столь блестящими дарованиями.

По смерти своего учителя, преподобного Пафнутия, игуменом монастыря стал преподобный Иосиф. Он хотел ввести более строгий устав, который для братии оказался непосильным. Тогда Иосиф оставил Боровскую обитель и решил основать новую, со строгим уставом, на безлюдном и нетронутом месте. Место такое вскоре нашлось недалеко от прежней родовой отчины подвижника в Волоколамском княжестве. Князь Волоколамский Борис Васильевич, родной брат государя Иоанна III, благоволил к святому и стал покровителем нового монастыря. Вот как описывает устройство этой обители церковный историк М. В. Толстой:

«По правилу преподобного Иосифа, у братии должно быть все общее: одежда, обувь, пища, питье; никто из братии без благословения настоятеля не мог взять в келью ни малейшей вещи; не должен был ничего ни есть, ни пить отдельно от других; хмельные напитки не только не позволялось держать в монастыре, но запрещалось привозить приезжающим и в гостиницу. К божественной службе должно было являться по первому благовесту и занимать в храме определенное для каждого место; переходить с места на место или разговаривать во время службы запрещалось. После литургии все должны были идти в трапезную, вкушать пищу безмолвно

и внимать чтению. В свободное от службы время братия должны были участвовать в общих работах или, сидя по кельям, заниматься рукоделием. После повечерия не позволялось останавливаться в монастыре или сходиться, но каждый должен был идти в свою келью и с наступлением вечера исповедоваться отцу своему духовному – в чем кто согрешил в течение дня. Женщинам и детям запрещен был вход в монастырь, а братии – всякая беседа с ними. Без благословения никто не мог выходить за ворота. Для управления монастырем был совет из старцев.

Под руководством преподобного Иосифа братия усердно подвизалась на поприще иноческой жизни. Все время было посвящено или молитве, или трудам телесным. Пища была самая простая, все носили худые одежды, обувь из лыка, терпели зной и холод с благодушием; не было между ними смеха и празднословия, но видны были постоянные слезы сокрушения сердечного. В кельях своих братия ничего не имели, кроме икон, книг божественных и худых риз, а потому у дверей келий и не было запоров. Кроме обыкновенного правила монашеского, иной полагал еще по тысяче, другой и по две и по три тысячи поклонов в день. Для большего самоумерщвления иной носил железную броню, другой – тяжелые вериги, третий – острую власяницу. Большая часть ночи проходила в молитве. Сну предавались на короткое время, иной стоя, иной сидя. И все такие подвиги предпринимались не самовольно, но с благословения настоятеля. Таким образом послушание освящало их, а любовь увенчивала. Каждый готов

был помочь душевным и телесным нуждам своего брата. Знаменитость происхождения, мирская слава и богатство за воротами были забываемы. Приходил ли в монастырь нищий или богач, они равны были: на каждого возлагались одинаковые труды, и почесть отдаваема была только тем, которые более подвизались и преуспевали на поприще иноческих подвигов.

Сам Иосиф во всем был примером для братии. Прежде всех приходил он в храм Божий, пел и читал на клиросе, говорил поучения и после всех выходил из храма. Была ли общая работа для братии, он спешил и здесь предварить всех, трудился, как последний из братии; носил такую убогую одежду, что часто его не узнавали, изнурял себя постом и бдением, вкушая пищу большей частью через день и проводя ночи в молитве. Но не видали его никогда дряхлым или изнемогающим; всегда лицо его было светло, отражая душевную чистоту. С любовью помогал он братии во всех их нуждах; особенное внимание обращал на душевное состояние каждого, подавал мудрые советы и силу слова подкреплял усердной молитвой к Богу о спасении вверенных ему душ. Когда кто из братий боялся или стыдился открывать ему свои помыслы, опытный старец, провидя внутренние помышления, сам заводил беседу о них и подавал нужные советы. Ночью тайно обходил он кельи, чтобы видеть, кто чем занимается, и если слышал где разговор после повечерия, то ударял в окно, показывая свой надзор. Во время одного из таких обзрений заметил он, что кто-то крадет

жито из монастырской житницы. Увидя Иосифа, вор хотел бежать, но Иосиф остановил его, сам насыпал ему мешок жита и отпустил с миром, обещая впредь снабжать его хлебом.

Особенно любил он помогать нуждающимся. Имел ли кто из поселян нужду в семенах для посева или лишался домашнего скота и земледельческих орудий, приходили к Иосифу, и он снабжал всем нужным. В один год в Волоколамской области был голод. В продолжение всего этого несчастного времени Иосиф питал около семисот человек, кроме детей» (1).

Сказанного, казалось бы, достаточно, чтобы однозначно оценить светлый образ преподобного Иосифа. И тем не менее миф о его «жестокости» весьма живуч. Связано это, в первую очередь, с той выдающейся ролью, которую сыграл святой в борьбе с «ересью жидовствующих», грозившей России страшными потрясениями.

Прежде чем говорить об исторических событиях, связанных с этой ересью, о роли русских иерархов в ее искоренении и о влиянии, оказанном этими событиями на русское самосознание, необходимо коснуться более общих вопросов, связанных с нравственно-религиозным характером иудаизма и его культовыми особенностями.

Непримиримое отношение иудаизма к христианству коренится в абсолютной несовместимости мистического, нравственного, этического и мировоззренческого содержания этих религий. Христианство есть свидетельство о милосердии Божиим,

даровавшем всем людям возможность спасения ценной добровольной жертвы, принесенной Господом Иисусом Христом, вочеловечившимся Богом, ради искупления всех грехов мира. Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной.

«И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (Ин. 2: 17). «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 15); «Всякий верующий в Него не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его» (Рим. 10: 11–12), – свидетельствует миру христианство, утверждая любовь как основу мироздания, нравственную ответственность человека перед Законом Божиим и равенство всех перед этим законом. Талмуд же утверждает: «Еврейский народ достоин вечной жизни, а другие народы подобны ослам»; «Евреи, вы люди, а прочие народы не люди...»; «Одни евреи достойны названия людей, а гои... имеют лишь право называться свиньями». Подобным утверждениям, выводящим деятельность своих приверженцев за рамки нравственных оценок и лишаящим их каких бы то ни было этических и моральных норм в общении с другими народами, талмудизм отводит центральное место (2), сознательно подменяя вероисповедание национальной принадлежностью адептов. Его сатанинские

истоки обличил Сам Господь Иисус Христос, прямо сказавший искушавшим Его иудеям: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8: 44). Истоки эти теряются в глубине веков. Задолго до Рождества Христова пророки обличали Израиль. Но тщетно. Лишившись под ударами Ассирии и Вавилона государственной независимости, евреи превратно истолковали свои священные книги, ожидая пришествия Мессии, Христа как Царя Израильского, который сделает их господами мира. «Они, будучи всецело заняты своим земным значением... мечтая о необыкновенном земном преуспевании, ради этих значения и преуспевания, ради одной суетной мечты о них, отвергли Мессию», – говорит святитель Игнатий Брянчанинов.

Закоснев в ожидании военного и политического лидера, иудеи отвергли истинного Христа, пришедшего в мир с проповедью покаяния и любви. Особую их ненависть вызывал тот факт, что, обличив фарисеев, Христос разрушил миф о еврейской «богоизбранности», приобщив к Своему учению языческие народы. И вот иудеи оклеветали Спасителя перед римской властью и добились ему смертного приговора. Результатом этого святотатства было отвержение преступников благодатью Божией. Народ еврейский, «который первоначально был избран Божиим народом... сделался народом по преимуществу отверженным» (святитель Игнатий Брянчанинов).

Но распятый Христос оказался для богоборцев еще страшнее. Христианство стремительно завоевы-

вало мир, отодвигая мечту о господстве все дальше и дальше. Тогда христианам была объявлена война. Вести ее открыто христоненавистники не могли – не хватало сил. Их оружием в этой войне стали еретические учения, разрушавшие христианство изнутри, и тайные общества, служившие проводниками еретических воззрений.

Христиане вынуждены были встать на защиту родных святынь. Святой Иоанн Златоуст – «Христовы уста, светило всемирное, вселенский учитель», по определению преподобного Паисия Величковского, – потратил немало сил на обличение беззаконников. Вот что говорил святой, живший в IV веке: «Если ты уважаешь все иудейское, то что у тебя общего с нами?.. Если бы кто убил твоего сына, скажи мне, ужели ты мог бы смотреть на такого человека, слушать его разговор?.. Иудеи умертвили Сына твоего Владыки, а ты осмеливаешься сходить с ними в одном и том же месте? Когда узнаешь, что кто-нибудь иудействует – останови, объяви о нем, чтобы тебе и самому не подвергнуться вместе с ним опасности». Среди христиан установился взгляд на вражду иудаизма к христианству как на отражение в мире богоборческой ненависти сатаны, диавола – к Иисусу Христу, Сыну Божию, разрушившему Своей крестной жертвой его державу и власть над душами людей.

В борьбе с христианской государственностью иудеи опирались на огромную денежную мощь диаспоры, традиционно контролировавшей всю финансовую жизнь континента. Их интриги в немалой сте-

пени способствовали падению Византии в 1453 году, а потом неизбежно были перенесены в Россию, оставшуюся единственным оплотом чистого апостольского Православия.

Вся тяжесть ненависти народа-богоубийцы закономерно и неизбежно сосредоточилась на народе-богоносце, соделавшем задачу сохранения веры смыслом своего бытия. «В инех странах, – писал преподобный Иосиф Волоцкий, – хотя и есть люди «благочестивии и праведнии», но там есть «нечистиви и неверни», а также «еретичьская мудрствующе». А в «Рустей» же земле «веси и села мнози, и грады» не знают ни одного «неверна или еретика» – все «овчата» единого Христа, «все единомудрствующе» в полном согласии с неповрежденным святоотеческим Православием. Так жила Россия к моменту возникновения на ее северных границах еретического очага жидовствующих.

В 1470 году в Новгород из Киева прибыл еврей Схария с несколькими единоверцами. Они приехали в качестве купцов в свите брата Киевского князя Симеона – Михаила Александровича (Олельковича), приглашенного новгородцами. Схария не был простым купцом. Вероятнее всего, он не был купцом вообще. Для купца он был слишком разносторонне образован. Хорошо разбирающийся в естественных науках, Схария в то же время был коротко знаком и с той областью знаний и умений, сатанинский источник которых Церковь не перестает обличать и по сей день. «Он был, – по словам преподобного Иосифа, – научен всякому изобретению злодейства,

чародейству и чернокнижию, звездозаконию и астрологии».

Знакомство Схарии с колдовским искусством может объяснить и его быстрый успех в совращении двух православных иереев. «Сначала он прельстил попа Дионисия и обратил его к жидовству. Дионисий привел к нему попа Алексея», – повествует преподобный Иосиф. Увидев, что дело идет успешно, Схария пригласил в Новгород еще двух жидов – Шмойла Скарявого и Моисея Хапуша. Совращенные в ересь хотели было обрезать, но их иудейские учителя запретили им это, велев хранить иудейство в тайне, а явно прикидываться христианами. Сделавши все для основания тайной еретической организации, евреи бесследно исчезли – то ли уехали из города, то ли скрылись так ловко, что перестали привлекать к себе внимание народа и властей.

Далее события развивались следующим образом: ересь в Новгороде продолжала распространяться. В числе зараженных ею оказался даже настоятель Софийского собора протопоп Гавриил. В качестве литературных «источников» учения в жидовствующих кругах были особенно популярны астрологические сборники и поучения раввина Маймонида.

В 1480 году великий князь Московский Иоанн III взял Алексея и Дионисия в Москву. Их образованность и внешнее благочестие обеспечили им высокие назначения. Одному – протопопом в Успенский собор, другому – священником в Архангельский. Так ересь начала распространяться в Москве. Ее приверженцы находились во все более высоких

кругах. Ревностным сторонником ереси стал все- сильный дьяк посольского приказа Феодор Курицын с братом Иоанном Волком. Протопоп Алексей и Курицын имели свободный доступ к Иоанну III. «Того бо державный во всем послушаше», – сетовал о влиянии Курицына на великого князя преподобный Иосиф. В 90-х годах бороться с Курицыным стало делом совсем непосильным. Ходили слухи, что его власть над Иоанном III основывается на чародействе и колдовстве. «И звездозаконию учажу и по звездам смотрети и строити рожение и житие человеческое» (3), – обвиняет преподобный Иосиф Курицына и Алексея.

Но в это время на новгородскую кафедру был поставлен архимандрит Московского и Чудова монастыря, ревностный поборник Православия преподобный Геннадий. Новый архиепископ был, по словам Степенной книги, «муж сановитый, мудрый, добродетельный, сведущий в Писании». Вскоре по прибытии к пастве он открыл существование тайного общества еретиков и донес о нем великому князю и митрополиту, а сам приступил к розыску. В Новгороде еретики присмирели, но в Москве ересь продолжала укрепляться – с «диким нечестием и страшными мерзостями разврата», по словам церковного историка*. В 1491 году митрополитом Московским стал Зосима, тайный приверженец ереси.

---

* Поп Дионисий, взятый Иоанном в Москву с Алексеем, во время богослужения плясал за престолом, богохульничал и ругался над крестом. Еретики ругались над святыми иконами – сидели на них, спали, жгли, бросали в выгребные ямы. Есть свидетельства и о противоестественных плотских склонностях самых высокопоставленных еретиков, рассматривать которые не позволяет природная человеческая брезгливость.

Еретики заприметили его давно, еще когда он был архимандритом Симоновского монастыря. Протопоп Алексей, втершийся в доверие государю, указал Иоанну III на Зосиму как на самого «достойного» преемника почившего митрополита Геронтия. Новый еретичествовавший митрополит был предан обжорству и плотским страстям. Когда вино делало его откровенным, он высказывал мысли соблазнительные и богохульные: что Христос сам себя назвал Богом, что евангельские, апостольские и церковные уставы – все вздор, иконы и кресты – все равно что болваны...

Против нечестивого митрополита восстал со святой ревностью преподобный Иосиф Волоцкий. «В великой церкви Пречистой Богородицы, на престоле св. Петра и Алексея, – писал он, – сидит скверный, злобесный волк в пастырской одежде, Иуда Предатель, бесам причастник, злодей, какого не было между еретиками и отступниками... Если не искоренится этот второй Иуда, то мало-помалу отступничество утвердится и овладеет всеми людьми. Как ученик учителя, как раб государя молю, – взывал преподобный Иосиф к православным пастырям, – учите все православное христианство, чтоб не приходили к этому скверному отступнику за благословением, не ели и не пили с ним» (4).

Обличения Иосифом еретика-митрополита и труды архиепископа Геннадия сделали свое дело. На соборе 1494 года стараниями двух этих святых подвижников Зосима был лишен кафедры за ересь жидовства, разврат, пьянство и кощунство. Но до ис-

коренения самой ереси было еще далеко. К ее покровителям прибавилась княгиня Елена, невестка Иоанна III, мать наследника престола малолетнего царевича Дмитрия.

В обличение еретиков преподобным Иосифом было написано шестнадцать «Слов», известных под общим названием «Просветитель». Со временем его подвижническая деятельность начала приносить плоды. Чаша весов стала постепенно склоняться в пользу ревнителей благочестия. В 1500 году опала постигла Феодора Курицына. В 1502 году Иоанн III положил опалу и на княгиню Елену с Дмитрием, посадив их под стражу. Наконец, в 1504 году состоялся собор, на котором ересь была окончательно разгромлена, а главные еретики осуждены на казнь.

Столь суровое наказание (а на нем безусловно настаивал преподобный Иосиф) было связано с чрезвычайной опасностью ситуации*. Еретики позволяли для себя ложные клятвы, поэтому искренности их раскаяния верить было нельзя. Но и в этом случае традиционное русское милосердие взяло верх. Казнены были лишь несколько самых закоренелых еретиков – остальным предоставили возможность делом доказать свое исправление. Время показало справедливость опасений: разбежавшиеся по окраинам еретики не только не исправились, но положили начало новой секте «иудействующих».

---

* И спустя несколько столетий после собора в праздник Торжества Православия в церквах торжественно анафемствовались имена Курицына, Кассиана и иных главнейших «жидовствующих» вкупе со «всеми их поборниками и соумышленниками».

Краткий рассказ не позволяет передать всего драматизма этой истории. Но можно с уверенностью сказать, что в течение тридцати четырех лет с момента рождения ереси и до ее разгрома в 1504 году дальнейшая судьба России и само ее существование находились под вопросом. Дело в том, что ересь жидовствующих не была «обычной» ересью. Она больше напоминала идеологию государственного разрушения, заговора, имевшего целью изменить само мироощущение русского народа и формы его общественного бытия*.

«Странности» ереси проявлялись с самого начала. Ее приверженцы вовсе не заботились о распространении нового учения в народе, что было бы естественно для людей, искренне верящих в свою правоту. Отнюдь нет – еретики тщательно выбирали кандидатуры для вербовки в среде высшего духовенства и административных структур. Организация еретического общества сохранялась в тайне, хотя Россия никогда не знала карательных религиозных органов типа католической Инквизиции. И что

---

* Западная Европа к этому времени была уже хорошо знакома с жидовствующими ересями. В виде разнообразных тайных обществ и организаций они существовали на ее территории с первых веков христианства. Все их учения в большей или меньшей степени были основаны на каббалистической сатанинской мистике, истоки которой теряются в глубине ветхозаветных времен. Целью жидовствующих сект было разрушение религиозного, семейного и государственного уклада христианских обществ. После отпадения от полноты Православия западный мир столкнулся со взрывообразным распространением этих ересей, иногда становившихся господствующими воззрениями в целых районах. Так, для искоренения жидовствующей секты Альбигойцев, превратившей, по словам современника, юг Франции в «новую Иудею», папа римский Иоанн III даже вынужден был в 1208 году объявить «полноценный» крестовый поход. (См.: Бутми Н. А. Каббала, ереси и тайные общества. СПб., 1914.)

самое странное, приверженцам ереси предписывалось «держатъ жидовство тайно, явно же христианство». Именно показное благочестие стало причиной возвышения многих из них.

Таким образом, внешняя деятельность еретиков была направлена на внедрение в аппарат властей – светской и духовной, имея конечной целью контроль над их действиями и решающее влияние на них. Проще сказать, целью еретиков в области политической являлся захват власти. И они едва не преуспели в этом.

Государев дьяк Феодор Васильевич Курицын впал в ересь после знакомства с протопопом Алексеем в 1479 году. Через три года он отправился послом на запад в Венгрию, причем государственная необходимость этого посольства представляется весьма сомнительной. Вернувшись в Москву к августу 1485 года, обогатенный западным опытом, Курицын привез с собой таинственную личность – «угрянина Мартынку», влияние которого на события кажется совсем загадочным. Он был непременным участником собраний тайного еретического общества, центром которого стал после возвращения из Венгрии Курицын. «Та стала беда, – сетовал архиепископ Геннадий, – как Курицын из Угорския земли приехал – он у еретиков главный печальник, а о государственной чести печали не имеет». Предводитель новгородских еретиков Юрьевский архимандрит Кассиан, присланный из Москвы на это место по ходатайству Курицына, пользуясь покровительством всемогущего дьяка,

собирал у себя еретиков, несмотря даже на противодействие своего епископа.

Поставление в 1491 году митрополитом еретика Зосимы привело тайное общество жидовствующих в господствующее положение не только в сфере административно-государственной, но и в области церковного управления. И все же звездный час еретиков приходится на время более позднее – на 1497–1498 годы, когда наследником престола был официально объявлен Дмитрий, внук Иоанна III, сын Иоанна Молодого, умершего в 1490 году. Особый вес получила в этой ситуации мать наследника – Елена, склонявшаяся к ереси и удерживавшая великого князя от крутых мер против нее.

Но главная опасность была даже не в этом. Иоанн III был женат дважды. Его первая жена – «тверянка» – умерла рано, успев ему родить сына, Иоанна Молодого. Вторично Иоанн III женился на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина Палеолога. Воспитанная в католическом окружении, царевна тем не менее сделалась в Москве ревностной поборницей Православия. Этот брак сообщал Москве новую роль, делая ее преемницей державных обязанностей Византии – хранительницы и защитницы истинной веры во всем мире.

Утверждение престола великого князя Московского за сыном Иоанна III от его брака с Софьей Палеолог делало эту преемственность необратимой, передавая ее по наследству и всем будущим государям Московским. Партия еретиков старалась пре-

дотворить это всеми силами. Наконец, в 1497 году великого князя удалось убедить, что Софья готовит заговор в пользу своего сына Василия. 4 февраля 1498 года наследником был объявлен Дмитрий. Впрочем, недоразумение вскоре выяснилось, и уже со следующего, 1499 года, начались гонения на сторонников Дмитрия, закончившиеся опалой для него и его матери. Но в течение двух лет еретики находились на волосок от того, чтобы получить «своего» великого князя.

Такова была внешняя деятельность еретиков. Не менее разрушительным являлось и внутреннее содержание их учения. Еретики отвергали троичность Бога, Божество Иисуса Христа, не признавали церковных Таинств, иерархии и монашества. То есть, главные положения ереси подрывали основы основ благодатной церковной жизни – ее мистические корни, догматическое предание и организационное строение. Лучшее оружие для разрушения Церкви трудно придумать.

Одним из первых почувствовал приближение «пагубной и богохульной бури» преподобный Иосиф. Еще в конце 70-х годов, будучи насельником Боровского монастыря, он написал послание против еретиков, отрицавших иконописные изображения Троицы.

Когда ересь обрела покровителя в лице митрополита Зосимы, преподобный Иосиф не остановился перед публичным обличением ересиарха, называя Зосиму в своих письмах «антихристовым предтечей» и «сосудом сатаниным», не отступая в обличе-

ниях до тех пор, пока собор не осудил митрополита. Верность истине святой поставил выше правил внешней дисциплины.

Вероятно, не без влияния преподобного Иосифа или единомысленных ему иерархов в предисловии к новой Пасхалии, изданной после 1492 года, засвидетельствовано признание Русской Церковью своего преемственного по отношению к Византии служения. Дерзновенно истолковывая слова Господа Иисуса Христа – «И будут первы последнии и последнии первы», – авторы предисловия провозглашают ту важнейшую основу русского религиозного сознания, которая позже выльется в чеканную формулу «Москва – третий Рим». «Первые», говорится в предисловии, это греки, имевшие первенство чести в хранении истин веры. Ныне же, когда Константинополь пал, наказанный за маловерие и вероотступничество, – греки стали «последними», и служение византийских императоров переходит к «государю и самодержцу всея Руси», а роль Византии – «к новому граду Константинову – Москве, и всей Русской земле...»

Деятельность преподобного Иосифа давала результаты. Иоанн III вызвал к себе святого и много беседовал с ним о церковных делах, признаваясь, что еретики и его старались привлечь на свою сторону.

«Прости меня, отче... Я знал про новгородских еретиков», – говорил великий князь.

«Мне ли тебя прощать?» – отвечал преподобный.

«Нет, отче, пожалуй, прости меня. Митрополит и владыки простили меня».

«Государь! – возразил Иосиф. – В этом прощении нет тебе пользы, если ты на словах просишь его, а делом не ревнуешь о православной вере. Вели разыскать еретиков!»

«Этому быть пригоже, – ответил Иоанн Васильевич. – Я непременно пошлю по всем городам обыскать еретиков и искоренить ересь» (5). Однако боязнь погрешить излишней суровостью долго удерживала князя от решительных действий. «Как писано: нет ли греха еретиков казнить?» – тревожно допытывался он у преподобного, пригласив его к себе еще раз. И лишь соборное решение духовенства, проклявшего еретиков и постановившего предать казни наиболее злостных из них, успокоило великокняжескую совесть.

Преподобный Иосиф, вероятно, излагал Иоанну III также учение о том, что «царь... Божий слуга есть» и что это обязывает его к особому вниманию в защите святынь. В эти обязанности входит и стремление к «симфонии властей» – светской и церковной, основанной на их совместном религиозном служении и разделении конкретных обязанностей.

Таким образом, окончательный разгром ереси совпадает с вступлением русского народа в служение «народа-богоносца», преемственного хранителя святынь веры, и с утверждением взглядов на взаимозависимость и взаимную ответственность светских и духовных властей.

ЗНАМЕНАСЯ НА НАС СВЕТ ЛИЦА ТВОЕГО, ГОСПОДИ...

*ИОСИФЛЯНЕ И ЗАВОЛЖЦЫ:
СПОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО*

Не менее значительная была роль преподобного Иосифа в разрешении так называемого «спора о монастырских имениях». Роль государства в защите церкви была уже ясна, а вот какова роль церкви в укреплении государства? Где границы ее участия в мирской деятельности? Подобные вопросы породили проблему церковного имущества.

Первоначально мнение о необходимости насильственного уничтожения монастырских вотчин являлось частью еретического учения жидовствующих. Это было не что иное, как попытка лишить церковь возможности просветительской и благотворительной деятельности, первым шагом на пути к конечной цели – уничтожению монашества как источника благодатного воздействия на мир, на его жизнь, на весь народ. Сердце России билось в обителях монашеских, поэтому именно монастырские имения стали объектом разрушительной критики еретиков. В 1503 году на церковном соборе Иоанн III поднял вопрос о «землях церковных, святительских и монастырских». Ересь уже агонизировала, и решение собора лишь оформило юридически всем понятную необходимость церковного

землевладения. Монастырские имения решено было оставить и узаконить.

Вопрос о церковных имениях часто становился предлогом для противопоставления двух святых подвижников – Иосифа Волоцкого и Нила Сорского (1453–1508). Их приверженность к двум разным формам проявления единого монашеского подвига – общежитию (киновии) и скитскому житию – пытаются представить в виде «противоречий» и «спора». В действительности для этого нет никаких оснований. История вкратце такова.

Как митрополичьи, так и епископские кафедры обладали землей. Земельные владения сформировались постепенно из дарственных и завещанных участков. В силу ханских привилегий и грамот князей церковные земли не платили государственных податей и были освобождены от уплаты дани татарам. Монастыри, владевшие землями, получали возможность не только быть центрами просвещения, книгоиздания, но и питать окрестное население в голодные годы, содержать убогих, увечных, больных, помогать странникам и нуждающимся. К XV веку в России насчитывалось до 400 больших монастырей, богатство которых было основано трудом монастырской братии «на послушании» и крестьян, живших и трудившихся на монастырских землях. При этом жизнь самих монахов в богатых монастырях с многочисленным братством была очень строгой. Достаточно указать на монастырь преподобного Иосифа или Свято-Троицкую лавру преподобного Сергия.

Преподобный Иосиф Волоцкий был ревностным сторонником идеи общественного служения церкви. Самую монашескую жизнь он рассматривал лишь как одно из послушаний в общем всенародном религиозном служении. В то же время его воззрение на монашество как на особого рода «религиозно-земскую службу» не имеет ничего общего с вульгарным «социальным христианством». Мистическая, духовная полнота Православия со всей своей животворностью являла себя в монастыре преподобного Иосифа, где одними из первейших обязанностей инока почитались «умное делание», «трезвление», «блюдение сердца» и занятия Иисусовой молитвой. Мысль святого подвижника о необходимости осознания жизни народа как общего «Божия тягла» закономерно завершалась включением в это тягло и самого царя – лица, мистически объединяющего в себе религиозное единство общества.

Гармоническим и закономерным дополнением воззрений преподобного Иосифа на духовную организацию русского народа являлись взгляды его великого современника преподобного Нила Сорского. Он вместе с Иосифом участвовал в борьбе с еретиками, обличая «растленных разумом» злоумышленников. В историю русской святости преподобный Нил вошел как проповедник «скитского» жития монахов (в маленьких поселениях вдали от населенных мест), как провозвестник нестяжательства, обличавший соблазны сребролюбия и скупости, связанные с владением имуществом.

Как и преподобный Иосиф, он был наставником «умного делания», оставившим после себя поучение об этом священном искусстве очищения сердца от зла и страстей. В миру святой Нил носил имя Николай Майков, происходил из дворянского рода и в молодости был на государственной службе. Приняв монашеский постриг, он совершил путешествие на Восток, в Константинополь, был на Афоне. Вернувшись на родину, основал первый в России скит на реке Соре, недалеко от Кирилло-Белозерского монастыря. Своими руками он выкопал колодец, срубил келью, а когда к нему присоединились несколько человек братии, построил и деревянную церковь Покрова Богородицы. «Переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатию Божией место, по мыслям своим мало доступное для мирских людей», – писал святой. В соответствии с географическим положением, преподобного Нила и его сожителей стали называть «заволжскими старцами». Символично, что лучшие из его сподвижников – иноки Дионисий и Нил (оба из княжеского рода) были учениками преподобного Иосифа Волоцкого.

Преподобный Нил Сорский принимал участие в соборах 1491 и 1503 годов, на которых рассматривались вопросы о еретиках-жидовствующих и о монастырских землях. Любвеобильный и кроткий подвижник напоминал на них о необходимости милосердия к падшим и предостерегал против соблазнов, могущих произойти среди иноков от владения землями. Тем не менее его призывы к милосердию вовсе не означали примирения с ересью, а предуп-

реждения против соблазнов сребролюбия не значили, что святой предлагал разорить все 400 общежительных русских монастырей. Более того, в монастырь преподобного Иосифа святой Нил пожертвовал (как вклад на помин своей души) список книги преподобного Иосифа «Просветитель», собственноручно им переписанной и украшенный заставками (6).

«Нелюбки» иноков Кириллова и Иосифова монастырей, учеников двух святых подвижников, начались уже после их смерти, да и те ограничились высказываниями различных точек зрения на вопросы церковных землевладений. Монахи Кириллова монастыря, ученики преподобного Нила, отстаивали слова учителя: «Чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием...» «Аще у монастырей сел не будет, – резонно возражали ученики преподобного Иосифа, – отколе взять на митрополию, или архиепископа, или епископа и на всякие честныя власти? А коли не будет честных старцев и благородных – ино вере будет поколебание...» «Божьими судьбами» церковные имения все же сохранились, – пишет в 40-х годах XVI века автор «Письма о нелюбках», свидетельствуя о своем признании в этом деле промыслительного Божия смотрения*.

---

* К сожалению, со временем понимание значения монастырского землевладения стало угасать. Уже в царствование Иоанна IV были предприняты попытки ограничения роста земельных владений церкви. В 1649 году вышло в свет «Уложение» царя Алексея Михайловича, 42-я статья 13-й главы которого запрещала дальнейший рост церковных имуществ через приобретение духовными властями вотчин. В 1718 году в результате деятельности Петра I монастыри

Широкое и свободное обсуждение русским обществом важнейших аспектов, связанных со всесторонним религиозным осмыслением своего бытия, не случайно пришлось на начало XVI века. Именно к этому времени русское самосознание поднялось до постановки судьбоносных для России вопросов о ее вселенской, промыслительной роли. Близился час прозрения – русская мысль напряженно и неуклонно торила тропку, которая во время царствования Иоанна IV вывела народ на простор ясно понимаемого, добровольно принятого служения защитника вселенского Православия.

потеряли треть числившихся за ними крестьянских дворов. И наконец, 26 февраля 1764 года Екатерина II манифестом «О разделении церковных имуществ» окончательно изъяла у монастырей все вотчины, компенсировав деньгами не более 10% их реальной стоимости. Инспирировавшаяся разнообразными «потомками» жидовствующей еретиков политика борьбы с церковными имуществами, как и следовало ожидать, скоро переросла в борьбу с монашеством. Ее центральным пунктом стал Указ Анны Иоанновны «О непострижении в монашество никого, за исключением вдовых священнослужителей и отставных солдат и о наказании ослушников», грозивший за нарушения вечной каторгой. Почти весь XVIII век, за исключением царствования Елизаветы Петровны, прошел в безуспешных попытках разрушить монашество. Но русский инок выстоял, и в XIX веке Господу Богу угодно было даровать Русской Церкви мир и покой под скипетром боголюбивых государей.

**ЯКО ЦАРЬ УПОВАЕТ
НА ГОСПОДА, И МИЛОСТИЮ
ВЫШНЯГО НЕ ПОДВИЖИТСЯ...**

ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

**НЕМЫ ДА БУДУТ УСТНЫ ЛЬСТИВЫЯ,
ГЛАГОЛЮЩИЯ НА ПРАВЕДНОГО БЕЗЗАКОНИЕ...**

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПОХИ: ЛОЖЬ И ПРАВДА

«**И** свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 5). Это евангельское изречение, пожалуй, точнее всего передает суть многовекового спора, который ведется вокруг событий царствования Иоанна Грозного. С «легкой» руки Карамзина стало считаться признаком хорошего тона обильно мазать эту эпоху черной краской. Даже самые консервативные историки-монархисты считали своим долгом отдать дань русофобской риторике, говоря о «дикости», «свирепости», «невежестве», «терроре» как о само собой разумеющихся

чертах эпохи. И все же правда рвалась наружу. Свет беспристрастности время от времени вспыхивал на страницах исследований среди тьмы предвзятости, разрушая устоявшиеся антирусские и антиправославные стереотипы.

«Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а... даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самыми элементарными показаниями здравого смысла; люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в памятниках то, чего там днем и с огнем найти нельзя, и отрицают то, что явственно прописано черными буквами по белому полю».

Этот призыв принадлежит Николаю Константиновичу Михайловскому – русскому социологу, публицисту и литературному критику второй половины прошлого века. Он был одним из редакторов «Отечественных записок», затем «Русского богатства». По убеждению – народник, близкий в конце 70-х годов к террористической «Народной воле», Михайловский не имел никаких оснований симпатизировать русскому самодержавию, и все же...

Воистину – неисповедимы пути Господни! Некогда, отвечая на упреки иудеев, возмущенных тем, что народ славит Его, Господь ответил: «Аще сии

умолчат, камень возопиет» (Лк. 19: 40). «Сии» – русские дореволюционные историки, православные лишь «по паспорту», забывшие истины веры, утратившие церковное мироощущение, отрекшиеся от соучастия в служении русского народа – «умолчали». И тогда, по слову Господа, «возопили камни».

Одним из таких «вопиющих камней» – окаменевших в мифах марксизма историков, невольно свидетельствовавших о несостоятельности богоборческих «научных» концепций – стал через много лет после Михайловского советский академик Степан Борисович Веселовский, охарактеризовавший итоги изучения эпохи Грозного так: «В послекарамзинской историографии начался разброд, претенциозная погоня за эффектными широкими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий... Эти прихотливые узоры «нетовыми цветами по пустому полю» исторических фантазий дискредитируют историю как науку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок, и затем уже приняться за постройку нового здания».

Решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений «исторической науки» оказали свидетельства иностранцев. Начиная с Карамзина, русские историки воспроизводили в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми

обливали Россию заграничные «гости», не делая ни малейших попыток объективно и не предвзято разобраться в том, где добросовестные свидетельства очевидцев превращаются в целенаправленную и сознательную ложь по религиозным, политическим или личным мотивам.

По иронии судьбы, одним из обличителей заграничного вранья стал еще один «вопиющий камень» – исторический материалист, ортодоксальный марксист-ленинец Даниил Натанович Альшиц. Вот что он пишет: «Число источников объективных – актового и другого документального материала – долгое время было крайне скудным. В результате источники тенденциозные, порожденные ожесточенной политической борьбой второй половины XVI века, записки иностранцев – авторов политических памфлетов, изображавших Московское государство в самых мрачных красках, порой явно клеветнически, оказывали на историографию этой эпохи большое влияние... Историкам прошлых поколений приходилось довольствоваться весьма путаными и скудными сведениями. Это в значительной мере определяло возможность, а порой и создавало необходимость соединять разрозненные факты, сообщаемые источниками, в основном умозрительными связями, выстраивать отдельные факты в причинно-следственные ряды целиком гипотетического характера. В этих условиях и возникал подход к изучаемым проблемам, который можно кратко охарактеризовать как примат концепции над фактом».

Действительно, богоборческие «концепции» научного мировоззрения, исключая из объектов своего рассмотрения промыслительное попечение Божие о России, ход осмысления русским народом своего нравственно-религиозного долга, ответственность человека за результаты своего свободного выбора между добром и злом – долгое время безусловно преобладали над фактической стороной русской истории, свидетельствующей о ее глубоком религиозном смысле. Не лишним будет сказать несколько слов о тех, чьи свидетельства были положены в основу этих «концепций».

Один из наиболее известных иностранцев, писавших о России времен Иоанна IV, – Антоний Поссевин. Он же один из авторов мифа о «сыноубийстве», то есть об убийстве царем своего старшего сына. К происхождению и определению целей этого измышления мы еще вернемся, а пока скажем несколько слов о его авторе.

Монах-иезуит Антоний Поссевин приехал в Москву в 1581 году, чтобы послужить посредником в переговорах русского царя со Стефаном Баторием, польским королем, вторгшимся в ходе Ливонской войны в русские границы, взявшим Полоцк, Великие Луки и осадившим Псков. Будучи легатом папы Григория XIII, Поссевин надеялся с помощью иезуитов добиться уступок от Иоанна IV, пользуясь сложным внешнеполитическим положением Руси. Его целью было вовсе не примирение враждующих, а подчинение Русской Церкви папскому престолу. Папа очень надеялся, что Поссевину будет сопутст-

воватъ удача, ведь Иоанн Грозный сам просил папу принять участие в деле примирения, обещал Риму дружбу и сулился принять участие в крестовом походе против турок.

«Но надежды папы и старания Поссевина не увенчались успехом, — пишет М. В. Толстой. — Иоанн оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразумие, которым и сам иезуит должен был отдать справедливость... отринул домогательства о позволении строить на Руси латинские церкви, отклонил споры о вере и соединении Церквей на основании правил Флорентийского собора и не увлекся мечтательным обещанием приобретения... всей империи Византийской, утраченной греками будто бы за отступление от Рима».

Известный историк Русской Церкви, Толстой мог бы добавить, что происки Рима в отношении России имеют многовековую историю, что провал миссии сделал Поссевина личным врагом царя, что само слово «иезуит» из-за бессовестности и беспринципности членов ордена давно сделалось именем нарицательным, что сам легат приехал в Москву уже через несколько месяцев после смерти царевича и ни при каких условиях не мог быть свидетелем происшедшего... Много чего можно добавить по этому поводу. Показательна, например, полная неразбериха в «свидетельствах» о сыноубийстве.

Поссевин говорит, что царь рассердился на свою невестку, жену царевича, и во время вспыхнувшей ссоры убил его. Нелепость версии (уже с момента возникновения) была так очевидна, что пот-

ребовалось «облагородить» рассказ, найти более «достоверный» повод и «мотив убийства». Так появилась другая сказка – о том, что царевич возглавил политическую оппозицию курсу отца на переговорах с Баторием о заключении мира и был убит царем по подозрению в причастности к боярскому заговору.

Излишне говорить, что обе версии совершенно голословны и бездоказательны. На их достоверность невозможно найти и намек во всей массе дошедших до нас документов и актов, относящихся к тому времени.

А вот предположения о естественной смерти царевича Ивана имеют под собой документальную основу. Еще в 1570 году болезненный и благочестивый царевич, благоговейно страшась тягот предстоявшего ему царского служения, пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад – тысячу рублей. Предпочитая мирской славе монашеский подвиг, он сопровождал вклад условием, чтобы «ино похочет постричися, царевича князя Ивана постригли за тот вклад, а если, по грехам, царевича не станет, то и поминати» (1).

Косвенно свидетельствует о смерти Ивана от болезни и то, что в «доработанной» версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после «рокового удара», а через четыре дня, в Александровской слободе. Эти четыре дня – скорее всего, время предсмертной болезни царевича.

В последние годы жизни он все дальше и дальше отходил от многомятежного бурления мирской

суеты. Эта «неотмирность» наследника престола не мешала ему заниматься государственными делами, воспринимавшимися как «Божие тягло». Но душа его стремилась к Небу. Документальные свидетельства подтверждают силу и искренность этого стремления. В сборниках библиотеки Общества истории и древностей помещены: служба преподобному Антонию Сийскому, писанная царевичем в 1578 году, «житие и подвиги аввы Антония чудотворца... переписано бысть многогрешным Иваном» и похвальное слово тому же святому, вышедшее из-под пера царевича за год до его смерти, в 1580 году. Православный человек поймет, о чем это говорит.

Высота духовной жизни Ивана была столь очевидна, что после церковного собора духовенство обратилось к нему с просьбой написать канон преподобному Антонию, которого царевич знал лично. «После канона, – пишет Иван в послесловии к своему труду, – написал я и житие; архиепископ Александр убедил написать и похвальное слово» (2). В свете этих фактов недобросовестностью версии о «сыноубийстве» и о жестокости царевича («весь в отца») кажется несомненной. Что же касается утверждений о жестокости самого Грозного царя, к ним мы вернемся позже...

Следующий «свидетель» и современник эпохи, о писаниях которого стоит упомянуть, это Генрих Штаден, вестфальский искатель приключений, занесенный судьбой в Москву времен Иоанна IV. «Неподражаемый цинизм» записок Штадена обратил на себя внимание даже советских историков.

«Общим смыслом событий и мотивами царя Штаден не интересуется, – замечает академик Веселовский, – да и по собственной необразованности он не был способен их понять. . . По низменности своей природы Штаден меряет все на свой аршин». Короче – глупый и пошлый иностранец. Хорошо, если так. Однако последующие события дают основания полагать, что он очутился в России вовсе не случайно. «Судьба», занесшая Штадена в Москву, после этого вполне целенаправленно вернула его туда, откуда он приехал.

В 1576 году, вернувшись из России, Штаден засел в эльзасском имении Люцельштейн в Вогезах, принадлежавшем пфальц-графу Георгу Гансу. Там в течение года он составил свои записки о России, состоявшие из четырех частей: «Описание страны и управления московитов»; «Проект завоевания Руси»; Автобиография и Обращение к императору Священной Римской империи.

Записки предназначались в помощь императору Рудольфу, которому Штаден предлагал: «Ваше римско-кесарское величество должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну и управлял бы ею». «Монастыри и церкви должны быть закрыты, – советовал далее автор «Проекта». – Города и деревни должны стать добычей воинских людей» (3).

В общем, ничего нового. Призыв «дранг нах Остен» традиционно грел сердца германских венценосцев и католических прелатов. Странно лишь то, что «творческое наследие» таких людей, как Генрих

Штаден, может всерьез восприниматься в качестве свидетельства о нравах и жизни русского народа и его царя.

Русское государство в те годы вело изнурительную войну за возвращение славянских земель в Прибалтике, и время было самое подходящее, чтобы убедить европейских государей вступить в антимосковскую коалицию. Штаден, вероятно, имел задание на месте разобраться с внутривосточной ситуацией в Москве и определить реальные возможности и перспективы антирусского политического союза. Он оказался хвастлив, тщеславен, жаден и глуп. «Бессвязный рассказ едва грамотного авантюриста», – таков вывод Веселовского и «произведениях» Штадена.

Само собой разумеется, его записки кишат «свидетельствами» об «умерщвлениях и убийствах», «грабежах великого князя», «опричных истязательствах» и тому подобными нелепостями, причем Штаден не постеснялся и себя самого объявить опричником и чуть ли не правой рукой царя Иоанна. Вряд ли стоит подробнее останавливаться на его записках. Да и сам он не заслуживал бы даже упоминания, если бы не являлся типичным представителем той среды, нравы и взгляды которой стали источниками формирования устойчивой русофобской легенды об Иване Грозном.

О недобросовестности иностранных «свидетелей» можно говорить долго. Можно упомянуть англичанина Джерома Горсея, утверждавшего, что в 1570 году во время разбирательства в Новго-

роде, связанных с подозрениями в измене верхов города царю (и с мерами по искоренению вновь появившейся «ереси жидовствующих»), Иоанн IV истребил с опричниками 700 тысяч человек. Можно... Но справедливость требует отметить, что среди иностранцев находились вполне достойные люди, не опускавшиеся до столь низкопробной лжи.

Гораздо печальнее то, что русские историки восприняли легенды и мифы о царствовании Иоанна Грозного так некритично, да и в фактической стороне вопроса не проявляли ложной осторожности. Чего стоит одно заявление Карамзина о том, что во время пожара Москвы, подожженной воинами Дивлет-Гирея в ходе его набега в 1571 году, «людей погибло невероятное множество... около осмисот тысяч», да еще более 100 тысяч пленников хан увел с собой. Эти утверждения не выдерживают никакой критики – во всей Москве не нашлось бы и половины «сгоревших», а число пленных Дивлет-Гирея вызывает ассоциации со Сталинградской операцией Великой Отечественной войны.

Столь же сомнительно выглядят сообщения о «семи женах» царя и его необузданном сладострастии, обрастающие в зависимости от фантазии обвинителей самыми невероятными подробностями.

Желание показать эпоху в наиболее мрачном свете превозмогло даже доводы здравого смысла, не говоря о полном забвении той церковно-православной точки зрения, с которой лишь и можно понять в русской истории хоть что-нибудь. Стоит встать на нее, как отпадает необходимость в ис-

кусственных выводах и надуманных построениях. Не придется вслед за Карамзиным гадать – что вдруг заставило молодого добродетельного царя стать «тираном». Современные историки обходят этот вопрос стороной, ибо нелепость деления царской биографии на два противоположных по нравственному содержанию периода – добродетельный (до 30 лет) и «кровожадный» – очевидна, но предложить что-либо иное не могут.

А между тем это так просто. Не было никаких «периодов», как не было и «тирана на троне». Был первый русский царь – строивший, как и его многочисленные предки, Русь – Дом Пресвятой Богородицы и считавший себя в этом доме не хозяином, а первым слугой.

СЕ БО БОГ ПОМОГАЕТ МИ...

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ КАК ОНА ЕСТЬ

Фигура царя Иоанна IV Васильевича Грозного (1530–1584) и эпоха его царствования как бы венчают собой период становления русского религиозного самосознания. Именно к этому времени окончательно сложились и оформились взгляды русского народа на самое себя, на свою роль в истории, на цель и смысл существования, на государственные формы народного бытия.

Царствование Иоанна IV протекало бурно. Со всей возможной выразительностью ее течение обнажило особенность русской истории, состоящую в том, что ее ход имеет в основе не «баланс интересов» различных сословий, классов, групп, а понимание общего дела, всенародного служения Богу, религиозного долга.

Началось царствование смутой. Будущий «грозный царь» вступил на престол будучи трех лет от роду. Реальной властительницей Руси стала его мать – Елена, «чужеземка литовского, ненавистного рода», по словам Карамзина. Ее недолгое (четыре года) правление было ознаменовано разворотом и жестокостью не столько личными, сколько происшедшими из нравов и интриг ближних бояр – бывших удельных князей и их приближенных.

По старой удельной привычке каждый из них «тянул на себя», ставя личные интересы власти и выгоды выше общенародных и государственных нужд. Численно эта беспринципная прослойка была ничтожна, но после смерти Елены, лишившись последнего сдерживающего начала, ее представители учинили между собой в борьбе за власть погром, совершенно расстроивший управление страной. Разделившись на партии князей Шуйских и Бельских, бояре, по словам Ключевского, «повели ожесточенные усобицы друг с другом из личных фамильных счетов, а не за какой-нибудь государственный порядок».

В 1547 году сгорела Москва. Пожар и последовавший за ним всенародный мятеж потрясли юно-

го Иоанна. В бедствиях, обрушившихся на Россию, он увидел мановение десницы Божией, карающей страну и народ за его, царя, грехи и неисправности. Пожар почти совпал по времени с венчанием Иоанна на царство. Церковное Таинство Миропомазания открыло юному монарху глубину мистической связи царя с народом и связанную с этим величину его религиозной ответственности. Иоанн осознал себя «игуменом всяя Руси». И это осознание с того момента руководило всеми его личными поступками и государственными начинаниями до самой кончины.

Чтобы понять впечатление, произведенное на царя помазанием его на царство, надо несколько слов сказать о происхождении и смысле чина коронации (4).

Чин коронации православных монархов известен с древнейших времен. Первое литературное упоминание о нем дошло до нас из IV века, со времени императора Феодосия Великого. Божественное происхождение царской власти не вызывало тогда сомнений. Это воззрение на власть подкреплялось у византийских императоров и мнением о Божественном происхождении самих знаков царственного достоинства. Константин VII Порфирогенит (913–959) пишет в наставлениях своему сыну: «Если когда-нибудь хазары или турки, или россы, или какой-нибудь другой из северных и скифских народов потребуе в знак рабства и подчиненности присылки ему царских инсигний: венцов или одежд, то должно знать, что эти одежды и венцы не людьми изго-

товлены и не человеческим искусством измышлены и сделаны, но в тайных книгах древней истории писано, что Бог, поставив Константина Великого первым христианским царем, через ангела Своего послал ему эти одежды и венцы».

Исповедание веры составляло неперемнное требование чина коронации. Император сначала торжественно возглашал его в церкви, и затем, написанное, за собственноручной подписью, передавал патриарху. Оно содержало Православный Никео-Царьградский Символ Веры и обещание хранить апостольское предание и установления церковных соборов.

Богу было угодно устроить так, что преемниками византийских императоров стали русские великие князья, а затем цари. Первые царские инсигнии получил Владимир Святой «мужества ради своего и благочестия», по словам святого митрополита Макария. Произошло это не просто так – «таковым дарованием не от человек, но по Божьим судьбам неизреченным претворяюще и преводяще славу греческого царства на российского царя». Сам Иван Грозный полностью разделял этой взгляд на преемственность Русского царства. Он писал о себе: «Государь наш зоветца царем потому: прародитель его великий князь Владимир Святославович, как крестился сам и землю Русскую крестил, и царь греческий и патриарх венчали его на царство, и он писался царем».

Чин венчания Иоанна IV на царство не сильно отличался от того, как венчались его предшественники. И все же воцарение Грозного стало перелом-

ным моментом: русского народа – как народа-богоносца, русской государственности – как религиозно осмысленной вероохранительной структуры, русского самосознания – как осознания богослужебного долга, русского «воцерковленного» мироощущения – как молитвенного чувства промыслительности всего происходящего. Соборность народа и его державность слились воедино, воплотившись в личности Русского Православного Царя.

Дело в том, что Грозный стал первым Помазанником Божиим на русском престоле. Несколько редакций дошедшего до нас подробного описания чина его венчания не оставляют сомнений: Иоанн IV Васильевич стал первым русским государем, при венчании которого на царство над ним было совершено церковное Таинство Миропомазания.

Помазание царей святым миром (благовонным маслом особого состава) имеет свое основание в прямом повелении Божиим. Об этом часто говорит Священное Писание, сообщая о помазании пророками и первосвященниками ветхозаветных царей в знак дарования им особой благодати Божией для богоугодного управления народом и царством. Православный катехизис свидетельствует, что «миропомазание есть таинство, в котором верующему при помазании священным миром частей тела во имя Святаго Духа, подаются дары Святаго Духа, возвращающие и укрепляющие в жизни духовной».

Над каждым верующим это таинство совершается лишь единожды, сразу после крещения. Начиная с Грозного, русский царь был единственным

человеком на земле, над кем Святая Церковь совершала это таинство дважды, свидетельствуя о благодатном даровании ему способностей, необходимых для нелегкого царского служения.

Приняв на себя груз ответственности за народ и державу, юный царь с ревностью приступил к делам государственного, общественного и церковного устройства. Послушаем Карамзина: «Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился Святых Тайн. Юное, пылкое сердце его хотело открыть себя перед лицом России: он велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного. Они собрались – и в день воскресный, после обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, с крестами, с боярами, с дружиной воинской, на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к митрополиту и сказал: «Святой владыко! Знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а вельможи не радели обо мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ –

и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали, что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда небесного!»

Тут государь поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет; оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовью христианскою. Отныне я судия ваш и защитник».

В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного венценосца жить для ее счастья, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным боярам; хотел, чтобы митрополит и святители также их простили именем Судии небесного; хотел, чтобы все россияне братски обнялись между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока...»

Повелением царским был составлен и введен в действие новый судебник. С целью всероссийского прославления многочисленных местночтимых святых и упорядочения жизни Церкви Иоанн созвал подряд несколько церковных соборов, к которым самолично составил список вопросов, требовавших

соборного решения. В делах царя ближайшее участие принимали его любимцы – иерей Сильвестр и Алексей Адашев, ставшие во главе «Избранной Рады» – узкого круга царских советников, определивших основы внутренней и внешней политики.

В 1552 году успешно закончился «крестовый» поход против казанских татар. Были освобождены многие тысячи христианских пленников, взята Казань, обеспечена безопасность восточных рубежей. «Радуйся, благочестивый Самодержец, – прислал гонца Иоанну князь Михаил Воротынский, – Казань наша, царь ее в твоих руках; народ истреблен, кои в плену; несметные богатства собраны. Что прикажешь?» «Славить Всевышнего», – ответил Иоанн. Тогда же он обрел прозвище «Грозный» – то есть страшный для иноверцев, врагов и ненавистников России. «Не мочно царю без грозы быти, – писал современный автор. – Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».

Счастлирое течение событий прервалось в 1553 году тяжелой болезнью молодого царя. Но страшнее телесного недуга оказываются душевные раны, нанесенные теми, кому он верил во всем, как себе. У изголовья умирающего Иоанна бояре спорят между собой, деля власть, не стесняясь тем, что законный царь еще жив. Наперсники царские – Сильвестр и Адашев – из страха ли, или по зависти, отказываются присягать законному наследнику, малолетнему царевичу Дмитрию. В качестве кандидатуры на престол называется двоюродный брат царя – князь Владимир Андреевич.

Россия оказывается на грани нового междуусобного кровопролития. «В каком волнении была душа Иоанна, когда он на пороге смерти видел непослушание, строптивость в безмолвных дотоле подданных, в усердных любимцах, когда он, государь самовластный и венчанный славою, должен был смиренно молить тех, которые еще оставались ему верными, чтобы они охраняли семейство его, хотя бы в изгнании», – говорит М. В. Толстой. И все же «Иоанн перенес ужас этих минут, выздоровел и встал с одра... исполненный милости ко всем боярам». Царь всех простил! Царь не помнил зла. Царь посчитал месть чувством, недостойным христианина и монарха.

Выздоровление Иоанна, казалось, вернуло силы всей России. В 1556 году русское войско взяло Астрахань, окончательно разрушив надежды татар на восстановление их государственной и военной мощи на Востоке. Взоры царя обратились на Запад. Обеспечив мир на восточной границе, он решил вернуть на Западе древние славянские земли, лишив Ватикан плацдарма для военной и духовной агрессии против Руси. Но здесь его поджидало новое разочарование. Измена приближенных во время болезни, как оказалось, вовсе не была досадной случайностью, грехопадением, искупленным искренним раскаянием и переменой в жизни.

«Избранная Рада» воспротивилась планам царя. Вопреки здравому смыслу она настаивала на продолжении войны против татар – на этот раз в Крыму, не желая понимать, что само географическое положение Крыма делало его в те времена неприступной

для русских полков крепостью. Сильвестр и Адашев надеялись настоять на своем, но царь на этот раз проявил характер. Он порвал с «Избранной Радой», отправив Адашева в действующую армию, а Сильвестра – в Кирилло-Белозерский монастырь, и начал войну на Западе, получившую впоследствии название Ливонской. Вот как рисует Карамзин портрет Иоанна того времени:

«И россияне современные, и чужеземцы, бывшие тогда в Москве, изображают сего юного, тридцатилетнего венценосца как пример монархов благочестивых, мудрых, ревностных ко славе и счастью государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоанна есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его.

Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских... Ласковый к вельможам и народу – любя, награждая всех по достоинству – щедростию искореняя бедность, а зло – примером добра, сей Богом урожденный царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!» И отвечать с умилением: «Се аз и люди яже дал ми еси Ты!»

Не менее хвалят его и наблюдатели иноземные, англичане, приезжавшие в Россию для торговли. «Иоанн, – пишут они, – затмил своих предков и могуществом, и добродетелью; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: «Иди!» – и боярин бежит; изъявит досаду вельможе – и вельможа в отчаянии; скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения.

Одним словом, нет народа в Европе, более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся, и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериной ловлей, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!»

Честно говоря, трудно понять, как после подобных описаний тот же Карамзин мог изобразить дальнейшее царствование Иоанна в виде кровавого безумия, а самого царя рисовать настоящим исчадием ада.

С высылкой предводителей боярской партии интриги не прекратились. В 1560 году при странных обстоятельствах умерла супруга Иоанна – кроткая и нищелюбивая Анастасия. Возникли серьезные

опасения, что царицу отравили, боясь ее влияния на царя, приписывая этому влиянию неблагоприятное (для бывших царских любимцев) развитие событий. Кроме того, смерть царицы должна была по замыслу отравителей положить конец и высокому положению при дворе ее братьев, в которых видели опасных конкурентов в борьбе за власть.

Произведенное дознание показало, что нити заговора тянутся к опальным вельможам – Адашеву и Сильвестру. И снова Иоанн, вопреки очевидности, пощадил жизнь заговорщиков. Сильвестр был сослан на Соловки, а Алексей Адашев взят под стражу в Дерпте, где и умер вскоре естественной смертью от горячки, лишив будущих историков возможности лишней раз позлословить о «терроре» и «жестокости царя».

Позднее Иоанн так описывал эти события: «Ради спасения души моей приблизил я к себе иерея Сильвестра, надеясь, что он по своему сану и разуму будет мне поспешником во благе; но сей лукавый лицемер, обольстив меня сладкоречием, думал единственно о мирской власти и сдружился в Адашевым, чтобы управлять царством без царя, им презираемого. Они снова вселили дух своевольтва в бояр, раздали единомышленникам города и волости; сажали, кого хотели, в думу; заняли все места своими угодниками... (Царю) запрещают ездить по святым обителям; не дозволяют карать немцев... К сим беззакониям присоединяется измена: когда я страдал в тяжкой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластия хотели, помимо

сына моего, взять себе иного царя, и не тронутые, не исправленные нашим великодушием, в жестокости сердец своих чем платили нам за оное? Новыми оскорблениями: ненавидели, злословили царицу Анастасию и во всем доброхотствовали князю Владимиру Андреевичу. И так удивительно ли, что я решился наконец не быть младенцем в летах мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавым попом и неблагодарным слугою Алексием?» (5).

Верный привычке решать дело по возможности миром, царь ограничился ссылкой Сильвестра и Адашева, не тронув более никого из их приверженцев. Надеясь разбудить совесть, он лишь потребовал от «всех бояр и знатных людей» клятвы быть верными государю и впредь не измышлять измен. Все присягнули. И что же? Князь Дмитрий Вишневицкий, воевода юга России, бросил ратников и перебежал к Сигизмунду, врагу Иоанна. Не ужившись с литовцами, переметнулся в Молдавию, вмешался там по привычке в интриги вокруг молдавского господаря Стефана, был схвачен и отправлен в Стамбул, где султан казнил его как смутьяна и бунтовщика. Так отплатил князь за доверие своему царю. Да если бы он один!

В 1564 году доверенный друг Иоанна, князь Андрей Курбский, наместник царя в Дерпте, тайно, ночью, оставил жену и девятилетнего сына, ушел к литовцам. Мало того, что он изменил царю, — Курбский предал родину, став во главе литовских отрядов в войне с собственным народом. Подлость всегда ищет оправдания, стараясь изобразить себя

стороной пострадавшей, и князь Курбский не постеснялся написать царю письмо, оправдывая свою измену «смятением горести сердечной» и обвиняя Иоанна в «мучительстве».

Насколько правдивы обвинения Курбского, видно хотя бы на примере взаимоотношений царя и святого Германа Казанского. Курбский рассказывает, что Герман был соборно избран митрополитом, но между ним и Иоанном произошел разрыв по поводу опричнины. В беседе с царем наедине (!) святитель якобы «тихими и кроткими словесы» обличил царя и тот двумя днями позже велел его то ли удушить, то ли отравить. На самом деле в современных событиях источниках нет никаких следов избрания Германа на митрополию. Наоборот, 25 июля 1566 года Казанский святитель участвовал в поставлении святого Филиппа митрополитом. А умер он 6 ноября 1567 года, благополучно прожив в мире и покое полтора года после своего «удушения» (6).

Клеветой оказывается и утверждение князя и том, что по указанию царя был раздавлен с помощью какого-то ужасного приспособления преподобный Корнилий Псковский со своим учеником Вассианом Муромцевым. На все эти ужасы нет и намека ни в одном из дошедших до нас письменных свидетельств, а в «Повести о начале и основании Печерского монастыря» о смерти преподобного (случившейся, вероятно, в присутствии царя) сказано: «От тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище». Надо обладать буйной фантазией, чтобы на основании

этих слов сделать выводы о «казни» преподобного Иоанном IV.

Мало того, из слов Курбского вытекает, что Корнилий умерщвлен в 1577 году. Надпись же на гробнице о времени смерти преподобного указывает дату 20 февраля 1570 года. Известно, что в этот самый день святой Корнилий встречал царя во Пскове и был принят им ласково — потому-то и говорит «Повесть» о том, что подвижник был «предпослан» царем в «вечное жилище» (7). Но для Курбского действительное положение дел не имело значения. Ему важно было оправдать себя и унижить Иоанна*.

Царь ответил изменнику так: «Во Имя Бога Всемогущего, Того, Кем живем и движемся, Кем цари царствуют и сильные глаголют, смиренный христианский ответ бывшему российскому боярину, нашему советнику и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому... Почто, несчастный, губишь душу изменою, спасая брненное тело бегством? Я читал и разумел твое послание. Яд аспида в устах изменника — слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы к врагу нашему, если бы не излишно миловали вас, недостойных... Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим «сильных во Израиле»; их кровью не обагрям церковей Божиих; сильные, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же щадят

---

* Не считая «обличительных» писем, Курбский написал «Историю князя великого Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими», где продолжал клеветать на царя.

их?.. Имею нужду в милости Божией, Пречистыя Девы Марии и святых угодников: наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует... Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь манихейская! Вы думаете, что Господь царствует только на небесах, диавол — во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! Везде Господня держава, и в сей, и в будущей жизни!.. Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра христианства в тебе угасла: ибо христианин умирает с любовию, с прощением, а не со злобою» (8).

История рассудила, кто прав в этом споре царя со своим бывшим советником. Труды Иоанна Васильевича завершили сложение России — сложение столь прочное, что и восемь лет злополучной Смуты (1605–1613), новые измены боярские, походы самозванцев, католическая интервенция и раскол церковный не смогли разрушить его.

«Обласканный Сигизмундом» Курбский, по словам Карамзина, «предал ему свою честь и душу; советовал, как губить Россию... убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас хана, — и скоро услышали в Москве, что 70 тысяч литовцев, ляхов, прусских немцев, венгров, волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Дивлет Гирей с 60 тысячами хищников вступил в Рязанскую область...»

Терпеть далее такое положение вещей было нельзя. Оно грозило не царю — под угрозой ока-

зывалось существование России. После долгих и мучительных колебаний Иоанн Грозный принял единственно возможное для христианина решение: вынести дело на всенародный суд. Царь прекрасно понимал, что заставить человека нести «Божие тягло» силой — нельзя. Можно добиться внешней покорности, но принять на себя «послушание», осмысленное как религиозный долг, человек должен добровольно. Народ русский должен был решить сам: желает ли он быть народом-богоносцем, хранителем Истины и жизни Православия — или отказывается от этого служения. Согласен ли народ нести все тяготы, искушения и соблазны, грозящие ему на этом пути, по слову Писания: «Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение; управи сердце твое и потерпи» (Сир. 2: 1–2)? И русский народ ответил царю: «Да!»

В начале зимы 1564 года Иоанн Васильевич покинул Москву в сопровождении верных ему ближних бояр, дворян и приказных людей «выбором изо всех городов» с женами и детьми. «Третьего декабря рано явилось на Кремлевской площади множество саней, — рассказывает Карамзин. — В них сносили из дворца золото и серебро, святые иконы, кресты... Духовенство, бояре ждали государя в церкви Успения: он пришел и велел митрополиту служить обедню: молился с усердием, принял благословение... милостиво дал целовать руку свою боярам, чиновникам, купцам: сел в сани и царицею, с двумя сыновьями...» — и уехал из Москвы.

Поездив по окрестным монастырям, побывав в Троицы, царь к Рождеству остановился в Александровской слободе, в 112 верстах от Москвы. Народ ждал, чтобы Иоанн объяснил свое странное поведение. Царь не заставил себя ждать долго.

3 января нового, 1565 года в Москву прискакал гонец Константин Поливанов. Он вез две царские грамоты. В одной из них, врученной послом митрополиту Афанасию, Грозный описывал все измены, мятежи и неустройства боярского правления, сетовал на невозможность в таких условиях нести служение царя и заключал, что «не хотя многих изменных дел терпети, мы от великой жалости сердца оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь».

В другой грамоте, адресованной московскому простонародью, купцам, всем тяглым людям и всенародно читанной на площади, Иоанн объявлял, чтобы русские люди сомнения не держали — царской опалы и гнева на них нет.

Царь не отрекался от престола, сознавая ответственность за народ и за страну. Он как бы спрашивал: «Желаете ли над собой меня, Русского Православного Царя, Помазанника Божия, как символ и знак своего избрничества и своего служения? Готовы поклониться под «иго и бремя» Богоустановленной власти, сослужить со мною, отринув личное честолюбие, жажду обогащения, междоусобицы и старые счеты?» Воистину, это был один из наиболее драматических моментов русской истории. «Все замерло, — говорит Ключевский, — столица мгно-

венно прервала свои обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли...» Странное, на первый взгляд, поведение царя на самом деле было глубоко русским, обращалось к издавна сложившимся отношениям народа и власти*.

Когда первое оцепенение москвичей прошло, столица буквально взорвалась народными сходками:

«Государь нас оставил, — вопил народ. — Мы гибнем. Кто будет нашим защитником в войнах с иноплемениками? Как могут быть овцы без пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от митрополита, чтобы он умилиствовал Иоанна, никого не желая и ничего не страшась. Все говорили ему одно: «Пусть царь казнит своих лиходеев: в животе и смерти воля его; но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем. Мы все с своими головами едем за тобою бить челом и плакаться».

То же говорили купцы и мещане, прибавляя: «Пусть царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!» Митрополит хотел немедленно ехать к царю; но в общем совете положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неопишемом смятении.

---

* Даже такой историк, как Альшиц, вынужден заметить, что «власть московского царя держалась тогда на основаниях скорее духовных, чем материальных: на традиции подчинения подданных великокняжеской власти... на поддержке со стороны Церкви». Русский царь не мог и не хотел править силой. Он желал послушания не «за страх», а «за совесть».

Все дела пресекались: суды, приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными послами свяителя Новгородского Пимена и Чудовского архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие епископы: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, архимандриты: Троицкий, Симоновский. Спасский, Андрониковский; за духовенством вельможи, князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, — все бояре, окольниковичие, дворяне и приказные люди прямо из палат митрополитовых, не захав к себе в дома; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы ударить челом государю и плакаться».

Народ сделал свой выбор. Осознанно и недвусмысленно он выразил свободное согласие «сослужить» с царем в деле Божиим — для созидания России как «Дома Пресвятой Богородицы», как хранительницы и защитницы спасительных истин Церкви. Царь понял это, 2 февраля торжественно вернулся в Москву и приступил к обустройству страны.

Первым его шагом на этом пути стало учреждение опричнины. Само слово «опричина» вошло в употребление задолго до Ивана Грозного. Так назывался остаток поместья, достаточный для пропитания вдовы и сирот павшего в бою или умершего на службе воина. Поместье, жаловавшееся великим князем за службу, отходило в казну, опричь (кроме) этого небольшого участка.

Иван Грозный назвал опричниной города, земли и даже улицы в Москве, которые должны были быть изъяты из привычной схемы административ-

ного управления и переходили под личное и безусловное управление царя, обеспечивая материально «опричников» — корпус царских единомышленников, его сослуживцев в деле созидания такой формы государственного устройства, которая наиболее соответствует его религиозному призванию. Есть свидетельства, что состав опричных земель менялся — часть их со временем возвращалась в «земщину» (то есть к обычным формам управления), из которой, в свою очередь, к «опричнине» присоединялись новые территории и города. Таким образом, возможно, что через сито опричнины со временем должна была пройти вся Россия.

Опричнина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга.

Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знаменем Честного и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный.

Как некогда богатство, опричное служение стало формой церковного послушания — борьбы за

воцерковление всей русской жизни, без остатка, до конца. Ни знатности, ни богатства не требовал царь от опричников, требовал лишь верности, говоря: «Ино по грехом моим учинилось, что наши князи и бояре учили изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

Придворный народный ум изобрел и достойный символ ревностного служения опричников; «они ездили всегда с собачьими головами и метлами, привязанными к седлам, — пишет Карамзин, — в ознаменование того, что грызут лиходеёв царских и метут Россию».

Учреждение опричнины стало переломным моментом царствования Иоанна IV. Опричные полки сыграли заметную роль в отражении набегов Дивлет-Гирея в 1571 и 1572 годах, двумя годами раньше с помощью опричников были раскрыты и обезврежены заговоры в Новгороде и Пскове, ставившие своей целью отложение от России под власть Литвы и питавшиеся, вероятно, ересью «жидовствующих», которая пережила все гонения.

В 1575 году, как бы подчеркивая, что он является царем «верных», а остальным «земским» еще надлежит стать таковыми, пройдя через опричное служение, Иоанн IV поставил во главе земской части России крещеного татарина — касимовского царя Семена Бекбулатовича. Каких только предположений не высказывали историки, пытаясь разгадать это «загадочное» поставление! Каких только мотивов не приписывали царю! Перебрали все: политическое коварство, придворную интригу, наконец,

просто «прихоть тирана»... Не додумались лишь до самого простого — до того, что Семен Бекбулатович действительно управлял земщиной (как, скажем, делал это князь-кесарь Ромодановский в отсутствие Петра I), пока царь «доводил до ума» устройство опричных областей.

Был в этом «разделении полномочий» и особый мистический смысл. Даруя Семену титул «великого князя всея Руси», а себя именуя московским князем Иваном Васильевичем, царь обличал ничтожество земных титулов и регалий власти перед небесным избранничеством на царское служение, запечатленным в Таинстве Миропомазания. Он утверждал ответственность русского царя перед Богом, отрицая значение человеческих названий.

Приучая Русь, что она живет под управлением Божиим, а не человеческим, Иоанн как бы говорил всем: «Как кого ни назови — великим ли князем всея Руси или Иванцом Васильевым, а царь, помазанник Божий, отвечающий за все происходящее здесь, — все же я, и никто не в силах это изменить».

Так царствование Грозного царя клонилось к завершению. Неудачи Ливонской войны, лишившие Россию отвоеванных было в Прибалтике земель, компенсировались присоединением бескрайних просторов Сибири в 1579–1584 годах. Дело жизни царя было сделано — Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищенная и обновленная опричниной. В Новгороде и Пскове были искоренены рецидивы жидовствования, Церковь обустроена, народ воцерковлен, долг избранничест-

ва — осознан. В 1584 году царь мирно почил, пророчески предсказав свою смерть*. В последние часы земной жизни сбылось его давнее желание — митрополит Дионисий постриг государя, и уже не Грозный царь Иоанн, а смиренный инок Иона предстал перед Всевышним Судией, служению Которому посвятил он свою бурную и нелегкую жизнь.

УПАСЕШИ Я ЖЕЗЛОМ ЖЕЛЕЗНЫМ...

ИГУМЕН ВСЕЯ РУСИ

Ряд ли можно до конца понять течение русской Истории, не разгадав личности Грозного царя. Историки давно сошлись на том, что он был самым даровитым и образованным человеком своего времени. «Муж чудного рассуждения, в науке книжного почитания доволен и многоречив», — характеризует Грозного одни из современников. «Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна... есть для ума загадка», — сетует Карамзин, готовый «усомниться в истине самых достоверных о нем известий»... Ключевский пишет о царе: «От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский московский ум».

---

* Одним из пунктов завещания Иоанна было указание освободить всех военнопленных.

Характеристики можно множить, они будут совпадать или противоречить друг другу, вызывая одно неизменное чувство неудовлетворения, недосказанности, неясности. Высокий дух и «воцерковленное» мироощущение царя оказались не по зубам осуетившимся историкам, плотной завесой тайны окутав внутреннюю жизнь Иоанна IV от нескромных и предвзятых взглядов.

Духовная проказа рационализма, лишая веры, лишает и способности понимать тех, для кого вера есть жизнь. «Еще ли окаменено сердце ваше имате? Очи имуще — не видите, и уши имущи — не слышите» (Мрк. 8: 17–18), — обличал Господь маловеров. Окаменевшие неверием сердца повлекли за собой слепоту духовную, лишив историков возможности увидеть сквозь туман наветов и клевет настоящего Иоанна, услышать его искренний, полный горячей веры голос.

Как бы предчувствуя это, сетовал Грозный царь, стenea от тягот и искушений своего служения: «Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня. Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого; утешающих я не нашел — заплатили мне злом за добро, ненавистью — за любовь».

Мягкий и незлобивый по природе, царь страдал и мучился, вынужденный применять суровые меры. В этом он удивительно напоминает своего венценосного предка — святого благоверного князя Владимира равноапостольного, отказавшегося было карать преступников, боясь погрешить против хрис-

тианского милосердия. «Боюсь греха!» — эти слова святого Владимира как нельзя лучше применимы и к Грозному царю. Несмотря на многочисленные свидетельства растущей измены, он из года в год откладывал наказание виновных. Прощал измены себе, пока было возможно. Но считал, что не имеет права простить измены делу Божию, строению Святой Руси, ибо мыслил обязанности Помазанника Божия как блюстителя верности народа своему промыслительному предназначению.

Когда в 1565 году в Александровской слободе царь принял решение силой выжечь крамолу в России, это решение далось ему страшным напряжением воли. Вот портрет царя, каким его знали до этого знаменательного дня: Иоанн был «велик ростом, строен, имел высокие плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие; серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо приятное» (9).

Когда же царь вернулся в Москву и, созвав духовенство, бояр, знатнейших чиновников, вышел к ним объявить об опричнине, многие не узнали его. Иоанн постарел, осунулся, казался утомленным, даже больным. Веселый прежде взор угас, густая когда-то шевелюра и борода поредели. Царь знал, что ему предстоит, какую ответственность он берет на себя и сколько сил потребуется от него.

Да, Иоанн Грозный карал. По подсчетам «советского» историка Р. Г. Скрынникова, жертвами «царского террора» стали три — четыре тысячи человек (10). С момента учреждения опричнины до

смерти царя прошло 30 лет. 100 казней в год, учитывая уголовных преступников. Судите сами, много это или мало. Притом, что периодическое возникновение «широко разветвленных заговоров» не отрицает ни один уважающий себя историк. Чего стоит хотя бы политическая интрига, во главе которой стоял боярин Федоров. Заговорщики предполагали во время Ливонского похода 1568 года окружить царские опричные полки, перебить их, а Грозного выдать польскому королю. Но царь, сколько мог, щадил...

Вот один из примеров. Московские казни 1570 года описаны современником событий Альбертом Шлихтингом, иностранцем. Не имея никаких причин преуменьшить масштаб (скорее наоборот), Шлихтинг рассказывает, что из 300 выведенных на казнь были казнены лишь 116 человек, а остальные помилованы и отпущены. В летописи того времени названо примерно такое же количество казненных — 120 человек. А в «Повести об Иване Грозном и купце Харитоне Белоулине», дошедшей до нас в списке конца XVI века, и вовсе говорится, что казнено было всего семеро, после чего «вестник прииде от царя, повеле всех поиманных отпустить».

При этом надо учитывать, что казни были результатом расследования по «новгородскому» и «псковскому» делу о попытках отложиться от московского царя и уйти в подданство иноверному государю. Перечни казненных за счет казны рассылались для включения в синодики (поминальные списки) по российским монастырям. Царь не желал казненным

зла, прося у Церкви святых молитв об упокоении мятежных душ изменников и предателей...

Подвижнический характер имела вся личная жизнь царя. Это ярче всего проявлялось в распорядке Александровской слободы. Шумную и суетную Москву царь не любил, наезжая туда «не на великое время». В Александровской слободе он все устроил так, как хотел, вырвавшись из церемонного и чинного порядка государевой жизни с его обязательным сложным этикетом и неизбежным лицемерием. Слобода, собственно, была монастырем в миру. Несколько сотен ближайших царских опричников составляли его братию, а себя Иоанн называл «игуменом всея Руси». (Царь не раз хотел постричься, и последний раз, после смерти сына в 1581 году, лишь единодушная мольба приближенных предотвратила осуществление этого намерения.)

Опричная «братия» носила монашеские скуфейки и черные подрясники. Жизнь в слободе, как в монастыре, регулировалась общежительным уставом, написанным лично царем. Иоанн сам звонил к заутрене, в церкви пел на клиросе, а после обедни, во время братской трапезы, по древней иноческой традиции читал для назидания жития святых и святоотеческие получения о посте, молитве и воздержании.

По благочестию в личной жизни с Грозным царем может сравниться, пожалуй, лишь царь Тишайший — Алексей Михайлович, проводивший в храме по пять часов в день и клавший ежедневно от тысячи до полутора тысяч земных поклонов с молитвой Иисусовой.

Известно, сколь трепетно и благоговейно относится Православная Церковь к богослужебным текстам. Сочинители большей их части прославлены ею как святые, свыше принявшие дар к словесному выражению духовных, возвышенных переживаний, сопровождающих человека на пути христианского подвижничества. Так вот — стихирами, писанными царем Иоанном Васильевичем, церковь пользовалась на своих богослужениях даже тогда, когда со смерти его минул не один десяток лет.

В двух крюковых стихирах начала XVII века находятся две стихиры святому митрополиту Петру (на «Господи, воззвах...») с надписью: «Творение царя Иоанна», две стихиры ему же («на исхождение» — то есть на литии) с надписью: «Творение царя и великого князя Иоанна Васильевича вся России» и две стихиры на сретенье «Пречистой Владимирской». Символично, что в Смутное время именно словами Грозного царя взывала Русская Церковь к Богородице, молясь о даровании мира и утверждении веры.

Вот одна из этих стихир: «Вострубите песню трубную, в день праздника нашего благонароচিতого. Славьте тьмы разрушение и света пришествие, паче солнца воссиявшего на всех; се бо Царица и Владычица, Богородица, Мати Творца всех — Христа Бога нашего, услышавши моление недостойных раб Своих, на милосердие преклоняется. Милостивно и видимо руце простирающе к Сыну Своему и Богу нашему о своей Руси молится, от согрешений освобождение даровать просит и праведное Его прощ-

ние возвратить. О великая милосердием Владычице! О великая щедротами Царице! О великая заступлением Богородице! Как молит Сына Своего и Бога нашего, пришествием честнаго образа Своего грады и веси избавляя! Да воспоим Царице, Царя рождшей: радуйся, промышляя христианам щедроты и милости. Радуйся, к Тебе прибегающим заступление и пристанище и избавление, спасение наше» (11).

Полно и ясно раскрывался внутренний мир царя и в его постоянном общении со святыми преподобными, иноками, юродивыми, странниками. Самая жизнь царя Иоанна началась при непосредственном участии святого мужа — митрополита Иоасафа, который, будучи еще игуменом Свято-Троицкой Сергиевой лавры, крестил будущего государя Российского прямо у раки преподобного Сергия, как бы пророчески знаменуя преемственность дела Иоанна IV по отношению к трудам великого святого. Другой святой митрополит — Макарий — окормлял молодого царя в дни его юности и первой ратной славы. Влияние первосвятителя было велико и благотворно. Митрополит был ученейшим книжником. Своим блестящим образованием Грозный во многом обязан святому Макарию, десятки лет работавшему над огромным трудом, *Минеями-Четьями*, в которых он задумал собрать все «чтомыя книги, яже в русской земле обретаются». Мудрый старец не навязывал царю своих взглядов — окормляя его духовно, — не стремился к почету, власти, и потому сумел сохранить близость с государем несмотря на все политические бури и дворцовые интриги. «О

Боже, как бы счастлива была русская земля, если бы владыки были таковы, как преосвященный Макарий да ты», — писал царь в 1556 году Казанскому архиепископу Гурию.

Особенно любил Иоанна и его добродетельную супругу преподобный Антоний Сийский, просиявший святостью жизни в тундре далекого Севера. Он приходил в Москву, беседовал с царем и пользовал его своими поучениями до кончины своей в 1556 году.

Знаменитый московский юродивый Василий Блаженный хаживал к царю, не стеснялся обличать его в рассеянности при молитве, умерял царский гнев ласковым: «Не кипятись, Иванушка...» Блаженный умер на руках у царя, предсказав ему, что наследует государство Российское не старший сын Иван, а младший — Феодор. При погребении святого царь сам с ближними боярами нес его гроб (12).

Отдельного упоминания стоит история взаимоотношений царя со святым митрополитом Филиппом, принявшим кафедру московских святителей в 1566 году. Царь сам выбрал Филиппа, бывшего тогда Соловецким игуменом. Иоанн знал подвижника с детства, когда он, малолетний царевич, полюбил играть с сыном боярина Степана Ивановича Колычева Федором, будущим митрополитом Московским.

В годы боярских усобиц род Колычевых пострадал за преданность князю Андрею (дяде царя Иоанна). Один из них был повешен, другой пытан и долго содержался в оковах. Горькая судьба родственников подтолкнула Федора на иноческий путь.

Тайно в одежде простолюдина он бежал из Москвы в Соловецкий монастырь, где принял постриг с именем Филиппа и прошел путь от послушника до настоятеля.

Филипп долго отказывался от сана митрополита, отговариваясь немощью и недостойнством. «Не могу принять на себя дело, превышающее силы мои, — говорил он. — Зачем малой ладье поручать тяжесть великую?» Царь все же настоял на своем, и Филипп стал митрополитом.

В первое время после его поставления все шло хорошо. Единодушие «священной сугубицы» — царя и митрополита — лишало боярские интриги возможности маневра, достигавшегося в их «лучшие времена» противопоставлением двух центров власти — светского и церковного.

Эту возможность они потеряли во многом благодаря предусмотрительности Грозного и самого митрополита, при поставлении «давшего слово архиепископам и епископам» и царю (как говорится об этом в нарочно составленной грамоте), «в опричнину и царский домовый обиход не вступаться и, по поставлении, из-за опричнины и царского домового обихода митрополии не оставлять». Такой грамотой сама фигура митрополита как бы выносилась за скобки всех дворцовых интриг и, более того, лишала возможности бояр даже требовать его удаления «на покой» под благовидным предлогом «неотмирности» святителя.

25 июля 1566 года после литургии в Успенском соборе царь лично вручил новопоставленному мит-

рополиту пастырский посох его святого предтечи — святителя Петра, с умилением выслушал глубоко прочувствованное слово Филиппа об обязанностях служения царского и, пригласив все духовенство и бояр в царские палаты, радушно угощал, празднуя обретение такого помощника. Но единодушие государя и первосвятителя было невыносимо тем, кто в своем высоком положении видел не основание для усиленного служения царю и России, а оправдание тщеславным и сребролюбивым начинаниям.

В июне 1567 года были перехвачены письма польского короля Сигизмунда и литовского гетмана Хоткевича к главнейшим боярам с предложением бежать в Литву. Начался розыск виновных, затем последовали казни. Митрополит ходатайствовал о смягчении участи преступников, но политику царя поддержал. «На то ли собрались вы, отцы и братия, чтобы молчать, страшась вымолвить истину? — обличал он пастырей церкви, молчаливо сочувствовавших казненным... — Никакой сан мира сего на избавит нас от мук вечных, если преступим заповедь Христову и забудем наш долг пещись о благочестии благоверного царя, о мире и благоденствии православного христианства».

Не скрывал своего сочувствия к митрополиту святитель Герман, архиепископ Казанский. Но нашлись и такие, которым самоотверженная правдивость митрополита перед царем грозила разоблачением и опалой. Среди низ выделялись: Пимен — архиепископ Новгородский, мечтавший сам занять кафедру митрополита; Пафнутий — епископ

Суздальский и Филофей Рязанский. Душой заговора, направленного на разобложение преподобного Филиппа с Иоанном IV, стал государев духовник, благовещенский протопоп Евстафий, боявшийся потерять расположение и доверие царя.

Тактика интриги была проста: лгать царю про митрополита, а святителю клеветать на царя. При этом главным было не допустить, чтобы недоразумение разрешилось при личной встрече. Кроме того, надо было найти предлог для удаления святителя Филиппа. Время шло, и злые семена лжи давали первые всходы. Царю удалось было внушить, что Филипп, вопреки обещанию, стремится вмешиваться в государевы дела.

Для митрополита не были тайной планы его врагов. «Вижу, — говорил он, — готовящуюся мне кончину, но знаете ли, почему меня хотят изгнать отсюда и возбуждают против меня царя? Потому что не льстил я пред ними... Впрочем, что бы то ни было, нее перестану говорить истину, да не тщетно ношу сан святительский». Какое-то время казалось, что заговорщики потерпят неудачу. Царь отказался верить в злонамеренность Филиппа, потребовав доказательств, которых у них не было и быть не могло.

Тогда, не надеясь найти «компромат» на митрополита в Москве, злоумышленники отправились на Соловки. Там Пафнутий Суздальский, Андрониковский архимандрит Феодосий и князь Василий Темкин угрозами, ласками и деньгами принудили к лжесвидетельству против святителя Филиппа некоторых монахов и, взяв их с собой, поспешили назад.

В числе лжесвидетелей, к стыду обители, оказался игумен Паисий, ученик святого митрополита, прельстившийся обещанием ему епископской кафедры.

Состоялся «суд». Царь пытался защитить святителя, но вынужден был согласиться с «соборным» мнением о виновности митрополита. Причем, зная по опыту, что убедить царя в политической неблагонадежности Филиппа нельзя, заговорщики подготовили обвинения, касавшиеся жизни святителя на Соловках еще в бытность его тамошним настоятелем, и это, похоже, сбило с толку Иоанна IV.

В день праздника Архистратига Михаила в 1568 году святитель Филипп был сведен с кафедры митрополита и отправлен «на покой» в московский монастырь Николы Старого, где на его содержание царь приказал выделять из казны по четыре алтына в день. Но враги святого на этом на остановились, добившись удаления ненавистного старца в Тверской Отрочь монастырь, подальше от столицы. До этих пор история взаимоотношений Грозного царя с митрополитом Филиппом очень напоминает отношения царя Алексея Михайловича с его «собинным» другом — патриархом Никоном, также оклеветанным и сосланным.

Однако торжество злоумышленников длилось недолго. В декабре 1569 года царь с опричной дружиной двинулся в Новгород для того, чтобы лично возглавить следствие по делу об измене и покровительстве местных властей еретикам-«жидовствующим». В ходе этого расследования могли вскрыться связи новгородских изменников, среди которых

видное место занимал архиепископ Пимен, с московской боярской группой, замешанной в деле устраниения святителя Филиппа с митрополии. В этих условиях опальный митрополит становился опаснейшим свидетелем.

Его решили убрать и едва успели это сделать, так как царь уже подходил к Твери. Он послал к Филиппу своего доверенного опричника Малюту Скуратова за святительским благословением на поход и, надо думать, за пояснениями, которые могли пролить свет на «новгородское дело». Но Малюта уже не застал святителя в живых. Он смог лишь отдать ему последний долг, присутствуя при погребении, и тут же уехал с докладом к царю.

Опасения заговорщиков оправдались. Грозный все понял, и лишь его всегдашнее стремление ограничиться минимально возможным наказанием спасло жизнь многим из них. Вот что пишут об этом Четьи-Минеи (за январь, в день памяти святого Филиппа):

«Царь... положил свою грозную опалу на всех виновников и пособников его (митрополита) казни. Несчастный архиепископ Новгородский Пимен по низложению с престола был отправлен в заключение в Веневский Никольский монастырь и жил там под вечным страхом смерти, а Филофей Рязанский был лишен архиерейства. Не остался забытым и суровый пристав святого — Стефан Кобылин: его постригли против воли в монахи и заключили в Спасо-Каменный монастырь на острове Кубенском. Но главным образом гнев царский постиг Соловецкий монастырь.

Честолюбивый игумен Паисий вместо обещанного ему епископства был сослан на Валаам, монах Зосима и еще девять иноков, клеветавших на митрополита, были также разосланы по разным монастырям, и многие из них на пути к местам ссылки умерли от тяжких болезней. Как бы в наказание всей братии разгневанный царь прислал в Соловки чужого постриженника — Варлаама, монаха Кирилло-Белозерского монастыря, для управления монастырем в звании строителя. И только под конец дней своих он вернул свое благоволение обители, жалуюя ее большими денежными вкладами и вещами для поминовения опальных и пострадавших от его гнева соловецких монахов и новгородцев».

Во время новгородского расследования царь оставался верен привычке поверять свои поступки советом людей опытных в духовной жизни, имевших славу святых, праведников. В Новгороде царь не раз посещал преподобного Арсения, затворника иноческой обители на торговой стороне города. Царь пощадил этот монастырь, свободный от еретического духа, и без гнева выслушал обличения затворника, подчас весьма резкие и нелицеприятные.

Характерна для царя и причина, заставившая его отказаться от крутых мер в Пскове. По дороге из Новгорода Иоанн был как-то по-особому грустен и задумчив. На последнем ночлеге в селе Любятове, близ города, царь не спал, молясь, когда до его слуха донесся благовест псковских церквей, звонивших к заутрене. Сердце его, как пишут современники, чудесно умилилось. Иоанн представил

себе раскаяние злоумышленников, ожидавших сурового возмездия и молящихся о спасении их от государева гнева. Мысль, что Господь есть Бог кающихся и Спас согрешающих, удержала царя от строгих наказаний. Выйдя из избы, царь спокойно сказал: «Теперь во Пскове все трепещут, но напрасно: я не сотворю им зла».

Так и стало, тем более что по въезде в Псков царя встретил юродивый Никола, всему городу известный праведник. Прыгая на палочке перед царским конем, он приговаривал: «Иванушка! Иванушка! Покушай хлеб-соль (жители города встречали Иоанна постной трапезой. — *Прим. авт.*), чай, не наелся мясом человеческим в Новгороде!» Считая обличения юродивого за глас Божий, царь отменил казни и оставил Псков.

Можно еще приводить примеры отношения Грозного царя к святым, праведникам, архиереям и юродивым. Но все они и дальше будут подтверждать, что поведение его всегда и во всем определялось глубоким и искренним благочестием, полнотой христианского мироощущения и твердой верой в свое царское «тягло» как Богом данное служение. Даже в гневе Иоанн пребывал христианином. Вот что сказал он Новгородскому архиепископу Пимену, уличенному в измене собственноручной грамотой, писанной королю Сигизмунду. Архиерей пытался отвратить возмездие, встретив царя на Великом мосту с чудотворными иконами, в окружении местного духовенства. «Злочестивец! В руке твоей — не крест животворящий, но оружие убийственное, ко-

торое ты хочешь вонзить нам в сердце. Знаю умысел твой... Отселе ты уже не пастырь, а враг Церкви и святой Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова!»

Приняв на себя по необходимости работу самую неблагодарную, царь, как хирург, отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены. Иоанн не обольщался в ожидаемой оценке современниками (и потомками) своего труда, говоря: «Ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не явилось никого; утешающих я не нашел — заплатили мне злом за добро, ненавистью — за любовь». Второй раз приводим мы изречение Иоанна, теперь уже с полным правом говоря: воистину так!

В отличие от историков, народ верно понял своего царя и свято чтит его память. Вплоть до самой революции и последовавшего за ней разгрома православных святынь Кремля к могиле Грозного царя приходил простой люд служить панихиды, веруя, что таким образом выраженное почитание Иоанна IV привлекает благодать Божию в дела, требующие справедливого и нелицеприятного суда.

ВОНМИ СЕБЕ, НЕ ЗАБУДИ ГОСПОДА, БОГА ТВОЕГО...

БОЯРСТВО. ОПРИЧНИНА. ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

Историки неоднократно сетовали на «загадочность» и даже на «великую загадочность» опричнины. Между тем, ничего загадочного в ней нет, если рассматривать опричнину в свете веками складывавшихся на Руси отношений народа и власти, обществ и царя. Эти «неправовые» отношения, основывавшиеся на разделении обязанностей, свойственных скорее семейному, чем государственному быту, наложили отпечаток на весь строй русской жизни.

Так, русское сословное деление, например, имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела: спасения души. И царь Иоанн IV все силы отдал тому, чтобы «настроить» этот сословный организм Руси, как настраивают музыкальный инструмент, по камертону православного вероучения. Орудием, послужившим для этой нелегкой работы, стала опричнина. Глядя на нее так, все можно понять и объяснить. Вот что действительно невозможно, так

это понимание действий Иоанна IV (в том числе и опричнины) с точки зрения примитивно-утилитарной, во всем видящей лишь «интересы», «выгоду», «соотношение сил», странным образом сочетая это с приверженностью «объективным историческим закономерностям».

Для того чтобы «настроить» русское общество в унисон с требованиями христианского мировоззрения, прежде всего требовалось покончить с понятиями «взаимных обязательств» как между сословиями, так и внутри них. Взаимные обязательства порождают упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки — и это ярче всего проявилось в таком уродливом явлении, как боярское местничество. Безобидная на первый взгляд мысль о взаимной ответственности порождает ощущение самоценности участников этой взаимосвязи, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном итоге, — к сословной или классовой вражде, по живому рассекающей народное тело.

Не разъединяющая народ ответственность «друг перед другом», неизбежно рождающая требования «прав» и забвение обязанностей, а общая, соборная ответственность перед Богом должна стать, по мысли Грозного, основой русской жизни. Эта общая ответственность уравнивает всех в едином церковном служении, едином понятии долга, единой вере и взаимной любви, заповеданной Самим Господом в словах: «Возлюби ближнего как самого себя». Вспомним царское упоминание о стремлении

«смирить всех в любовь». Перед Богом у человека нет прав, есть лишь обязанности — общие всем, и это объединяет народ в единую соборную личность «едиными усты и единым сердцем», по слову Церкви, зывающую к Богу в горячей сыновней молитве.

В таком всенародном предстоянии Богу царь находится на особом положении. Помазанник Божий, он свидетельствует собой богоугдность государственной жизни народа, является той точкой, в которой символически соединяются небо и земля, Царствие Божие и человеческое. В своем царском служении он «не от мира сего», и поэтому перед ним, как перед Богом, все равны, и никто не имеет ни привилегий, ни особых прав. «Естеством телесным царь подобен всякому человеку. Властью же сана подобен... Богу. Не имеет бо на земли вышша себе. Подобае убо (царю) яко смертну, не возноситься, и, аки Богу, не гневаться... Егда князь беспорочен будет всем нравом, то может... и мучити и прощати всех людей со всякою кротостию», — говорится в одном из сборников второй половины XVI века. К такому пониманию царской власти и старался привести Россию Иоанн Васильевич. Но на его пути встало боярство.

«...Уже к половине XV века московский великий князь был окружен плотной стеной знатных боярских фамилий, — говорит Ключевский. — Положение усугубилось вступлением на московскую службу князей, покидавших упраздненные удельные столы. — С тех пор во всех отраслях московского управления — в государственной думе совет-

никами, в приказах судьями, то есть министрами, в областях наместниками, в полках воеводами являются все князья и князья. Вслед за князьями шли в Москву их ростовские, ярославские, рязанские бояре». В этом не было бы ничего дурного, если бы объединение Великороссии и возвышение московского великого князя до уровня общенационального государя не изменило роковым образом воззрения боярства на свое место в русской жизни.

В удельные века боярин в Москве **служил**, и принадлежность к сословию означала для него прежде всего признание за собой соответствующих обязанностей. Весь XIV век — это век самоотверженного служения московского боярства общенациональным идеалам и целям. Отношения с великим князем московским складывались поэтому самые любовные. «Слушали бы во всем отца нашего владыки Алексея да старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам», — писал в духовном завещании к своим наследникам Симеон Гордый, поставляя рядом по своему значению митрополита и боярство. Святой благоверный князь Дмитрий Донской относился к боярам еще задушевнее. Обращаясь к детям, он говорил: «Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте по их службе, без воли их ничего не делайте».

Но к концу XV — началу XVI века положение изменилось. В боярстве, пополнявшемся титулованной удельной знатью, принесшей в Москву понятия о своих наследственных **правах**, установился взгляд на свое руководящее положение как на «законное»

дело — привилегию, не зависимую от воли государя. Это грозило разрушением гармонии народного бытия, основанной на сослужении сословий в общем деле, на их взаимном равенстве перед Богом и царем. «Еще при Грозном до опричнины встречались землевладельцы из высшей знати, которые в своих обширных вотчинах правили и судили безапелляционно, даже не отдавая отчета царю», — пишет Ключевский. Более того, царь, как лицо, сосредоточившее в себе полноту ответственности за происходящее в стране, представлялся таким боярам удобной ширмой, лишавшей их самих этой ответственности, но оставлявшей им все их мнимые «права». Число знатнейших боярских фамилий было невелико — не превышало двух-трех сотен, зато их удельный вес в механизме управления страной был подавляющим.

Положение становилось нестерпимым, но для его исправления царь нуждался в единомышленниках, которые могли бы взять на себя функции административного управления страной, традиционно принадлежавшие боярству. Оно в своей недостойной части должно было быть от этих функций устранено. Эти «служующие близ» государя верные получили названия «опричников», а земли, отведенные для их обеспечения, наименование «опричных». Вопреки общему мнению, земель этих было мало. Так, перемещению с земель, взятых в опричину, на другие «вотчины» подвергалось около тысячи землевладельцев — бояр, дворян и детей боярских. При этом опричина вовсе не была исключительно «антибоярским» орудием. Царь в указе об учрежде-

нии опричнины ясно дал понять, что не делит «изменников» и «лиходеев» ни на какие группы «ни по роду, ни по племени», ни по чинам, ни по сословной принадлежности.

Сам указ об опричнине появился не вдруг, а стал закономерным завершением длительного процесса поиска Иоанном Грозным наилучшего, наилучшего пути решения стоявших перед ним, как помазанником Божиим, задач. Первые его попытки в этом роде связаны с возвышением благовещенского иерея Сильвестра и Алексея Федоровича Адашева. Лишь после того, как измена Адашева и Сильвестра показала в 1560 году невозможность окормления русского народа традиционными боярскими органами управления, встал вопрос об их замене, разрешившийся четыре года спустя указом об опричнине.

Адашев сам к боярству не принадлежал. Сын незначительного служилого человека, он впервые появляется на исторической сцене 3 февраля 1547 года на царской свадьбе в качестве «ложничего» и «мовника», то есть он стлал царскую постель и сопровождал новобрачного в баню. В 1550 году Иоанн пожаловал Адашева в окольников и при этом сказал ему: «Алексей! Взял я тебя из нищих и из самых молодых людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь взыскал тебя выше меры твоей ради помощи душе моей... Не бойся сильных и славных... Все рассматривай внимательно и приноси нам истину, боясь суда Божия; избери судей правдивых от бояр и вельмож!»

Адашев правил от имени царя, «государевым словом», вознесенный выше боярской знати, — царь надеялся таким образом поставить боярское сословное своеволие под контроль. Опричнина стала в дальнейшем лишь логичным завершением подобных попыток. При этом конечным результатом, по мысли Грозного, должно было стать не упразднение властных структур (таких, как боярская дума, например), и лишь наполнение их новым, религиозно осмысленным содержанием. Царь не любил ломать без нужды.

Адашев «правил землю русскую» вместе с попом Сильвестром. В благовещенском иерее царь, известный своим благочестием (ездивший в дальние монастыри на покаяние замаливать даже незначительные грехи — «непотребного малого слова ради») — хотел видеть олицетворение христианского осмысления государственности. Однако боярская верхушка сумела «втянуть» Адашева и Сильвестра в себя, сделать их представителями своих чаяний. Адашев вмешался в придворные интриги вокруг Захарьиных — родственников Анастасии, жены царя, сдерживал в угоду удельным интересам создание единого централизованного русского войска. Сильвестр оказался не краше — своего сына Анфима он пристроил не в «храбрые» и «лутчие люди», а в торговлю, испросив для него у царя назначение ведать в казне таможенными сборами.

Царю в случае успеха боярских замыслов оставалось лишь «честь председания». Русская история чуть было не свернула в накатанную западно-евро-

пейскую колею, в которой монарх выполнял роль балансира между противоречивыми интересами различных социальных групп. Лишь после охлаждения отношений царя с прежними любимцами дело двинулось в иное направление. В 1556 году были приняты царские указы, в результате которых все землевладельцы, независимо от размера своих владений, делались служилыми людьми государства. «Речь шла об уравнивании «сильных» и «богатых» со всеми служилыми людьми в служебной повинности перед государством именно несмотря на их богатство, на их экономическую самостоятельность», — признает Альшиц. Он же пишет, что в период деятельности Адашева и Сильвестра «решался вопрос — по какому пути пойдет Россия: по пути усиления феодализма (читай: православного самодержавия. — *Прим. авт.*) или по пути буржуазного развития... То, что реформы Адашева и Сильвестра... имели тенденцию направить развитие страны на иной путь (чем предначертал Грозный. — *Прим. авт.*) в политическом устройстве и... в основе экономики, а именно — на путь укрепления сословно-представительной монархии, представляется несомненным».

Идея опричнины прямо противоположна. «Аз есмь царь, — говорил Грозный, — Божиим произволением, а не многоятежным человеческим хотением». Русский государь не есть царь боярский. Он не есть даже царь сословный — то есть общенародный. Он — Помазанник Божий. Инструментом утверждения такого взгляда на власть и стал опричный царь.

В опричнину брали только «лутчих», «по выбору». Особенно тщательный отбор проходили люди, имевшие непосредственное отношение к жизни государя. До нас дошла опись царского архива, в которой есть следующая запись: «Ящик 200, а в нем сыски родства ключников, подключников, и сытников, и поваров, и помясов, и всяких дворовых людей». На 20 марта 1573 года в составе опричного двора царя Иоанна числились 1854 человека. Из них 654 человека составляли охранный корпус государя, его гвардию. Данные, взятые из списка служилых двора с указанием окладов, обязанностей и «корма», совпадают с показаниями иностранцев. Шлихтинг, Таубе и Крузе упоминают 500–800 человек «особой опричнины». Эти люди в случае необходимости служили в роли доверенных царских порученцев, осуществлявших охранные, разведывательные, следственные и карательные функции. В их числе, кстати, находился в 1573 году молодой еще тогда опричник «Борис Федоров сын Годунов». Остальные 1200 опричников разделены на четыре приказа, а именно: Постельный, ведающий обслуживанием помещений дворца и предметами обихода царской семьи; Бронный, то есть оружейный; Конюшенный, в ведении которого находилось огромное конское хозяйство дворца и царской гвардии, и Сытный — продовольственный (13).

Опричное войско не превышало пяти — шести тысяч человек. Несмотря на малочисленность, оно сыграло выдающуюся роль в защите России: например, в битве на Молодях, в 1572 году, во время

которой были разгромлены татарские войска, а их командующий Дивей-мурза взят в плен опричником Аталькиным. Со временем опричнина стала «кузницей кадров», ковавшей государю единомысленных с ним людей и обеспечивавшей проведение соответствующей политики. Вот лишь один из примеров.

В сентябре 1577 года во время Ливонского похода царь и его штаб направили под город Смилтин князя М. В. Ноздроватого и А. Е. Салтыкова «с сотнями». Немцы и литовцы, засевшие в городе, сдать отказались, а царские военачальники — Ноздроватый и Салтыков — «у города же никоторова промыслу не учинили и к государю о том вести не учинили, что им литва из города говорит. И государь послал их проведывать сына боярского Проню Болакирева... И Проня Болакирев приехал к ним ночью, а сторожи у них в ту пору не было, а ему приехалось шумно. И князь Михайлы Ноздроватого и Ондreja Салтыкова полчане и стрельцы от шума побежали и торопяся ни от кого и после того остановилися. И Проня Болакирев приехал к государю все то подлинно сказал государю, что они стоят небрежно и делают не по государеву наказу. И государь о том почел кручинитца, да послал... Деменшу Черемисинова да велел при то сыскать, как у них деелось...» (14).

Знаменитый опричник, а теперь думный дворовый дворянин Д. Черемисинов расследовал на месте обстоятельства дела и доложил царю, что Ноздроватый и Салтыков не только «делали не гораздо, не по государеву наказу», но еще и намеревались завладеть имуществом литовцев, если те оставят город.

«Пущали их из города душою и телом», то есть без имущества. Черемисинов быстро навел порядок. Он выпустил литовцев из города «со всеми животы — и литва тотчас город очистили...» Сам Черемисинов наутро поехал с докладом к царю. Князя Ноздроватого «за службу веле государь на конюшне плетьми бить. А Ондreja Салтыкова государь бить не велел». Тот «отнимался тем, что будто князь Михайло Ноздроватый ему государеву наказу не показал, и Ондрею Салтыкову за тое неслужбу государь шубы не велел дать».

В необходимых случаях руководство военными операциями изымается из рук воевод и передается в руки дворовых.

В июле 1577 года царские воеводы двинулись на город Кесь и заместничались. Князь М. Тюфякин дважды досаждал царю челобитными. К нему было «писано от царя с опаскою, что он дурует». Но не желали принять росписи и другие воеводы: «А воеводы государевы опять замешкались, а к Кеси не пошли. И государь послал к ним с кручиною с Москвы дьяка посольского Андрея Щелкалова... из Слободы послал государь дворянина Даниила Борисовича Салтыкова, а веле им итить х Кеси и промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними».

Как видим, стоило воеводам начать «дуровать», как доверенное лицо царя — дворовый, опричник Даниила Борисович Салтыков был уполномочен вести войска «мимо» воевод, то есть отстранив их от командования. Только что препиравшиеся между собой из-за мест князя все разом были подчинены

дворовому Д. Б. Салтыкову, человеку по сравнению с ними вовсе «молодому».

О том, что опричнина не рассматривалась как самостоятельная ценность и ее длительное существование изначально не предполагалось, свидетельствует завещание царя, написанное во время болезни в Новгороде в 1572 году. «А что есьми учинил опричнину, — пишет Грозный, — и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов». Я, мол, по мере своих сил показал, как надо, а выбор конкретных способов действия за вами — не стесняю ничем.

Земщина и опричнина в конце концов смешались, и последняя тихо отмирала по мере осмысления правящим классом России своего религиозного долга, своего места в общерусском служении. Тем более, что мощным фактором становления такого общего мировоззрения стали земские соборы, первый из которых был созван Иоанном IV еще в начале его царствования, в 1550 году (по другим источникам — в 1547 году). Это был «собор примирения», в ходе которого перед собранными «из городов всякого чину» людьми царь обещал загладить все невзгоды лютого боярского правления.

Собор мыслился как символический акт, возвращающий народу и царю утраченное в смуте междоусарствия единство. «По всем этим чертам, — пишет Ключевский, — первый земский собор в Москве представляется каким-то небывалым в европейской истории актом покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах». «Вниде страх в

душу мою, — расскажет позже Иоанн Грозный о религиозных переживаниях, подсказавших ему идею собора, — и трепет в кости моя, и смирился дух мой, и умилился и познах своя согрешения». Заметим, что покаяние было взаимным — народ тоже каялся в грехах перед властью. Это превратило соборы в инструмент борьбы со всякой смутой путем утверждения всенародного церковного единства.

До конца XVI века земские соборы собирались еще три раза — в 1566, 1584 и 1598 годах. Исключая собор 1566 года, решавший вопросы войны и мира, которые требовали в тех условиях всенародного одобрения, остальные соборы созывались для предотвращения междуцарствия и подтверждения религиозно-мистического единства народа и царя. Этим же целям служили знаменитый собор 1613 года, положивший конец развалу русского государства и католическим проискам, призвав на Российский престол новую династию и засвидетельствовав соборной клятвой свою вечную верность роду Романовых как Богом данных России царей.

ГОСПОДИ, СИЛОЮ ТВОЕЮ ВОЗВЕСЕЛИТСЯ ЦАРЬ...

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

По смерти грозного царя на «громоносный престол» властителя России взошел его младший сын от первого брака — Феодор. Юный венценосец явил подданным пример кротости, сострадательности, глубокой набожности, целомудрия и тихой семейной жизни. Молитвами этого неторопливого в движениях и всегда тихо, ласково улыбавшегося «блаженного на троне» русские люди не без основания приписывали величие и благоденствие державы. По выражению летописца, «Господь возлюбил смирение царево», и дары Божии обильно излились на Феодора Иоанновича.

Высота духовной жизни Феодора Иоанновича не оградила, однако, страну от происков боярской спеси. Зная его необыкновенную кротость, нашлись сановники, считавшие, что со вступлением на престол этот двадцатисемилетний государь станет послушной игрушкой в их руках. В первую же ночь по смерти Иоанна боярская верхушка выслала из сто-

лицы многих государственных людей, известных верностью Грозному царю. Некоторых заключили в темницы, а к родственникам вдовствующей царицы — Нагим приставили стражу, обвиняя их в каких-то злых умыслах. Казалось, дело сделано: нет уже строгого и властного государя, новый царь не опасен, наступающий период безвластия как нельзя более удобен для установления боярского правления.

Но на пути осуществления таких замыслов встал народ, осознавший себя соборным и державным, видевший в Русском царе олицетворение этих качеств и залог богоугодного жития. Узнав о высылках и заточениях, Москва взволновалась, подозревая боярскую измену. Отряды воинов ходили по улицам, на площадях стояли пушки. Волнение улеглось не ранее чем бояре торжественно присягнули Феодору и на следующее утро письменно обнародовали его воцарение, послав гонцов по всем русским землям с указом молиться о душе усопшего государя и счастливым царствованием нового.

Назначили день царского венчания. Соборной грамотой утвердили его священные обряды. Во избежание попыток вовлечения в интриги членов августейшей семьи вдовствующую царицу с малолетним Дмитрием послали в Углич, дав ей приличную ее положению свиту — стольников, стряпчих, детей боярских и стрельцов для охраны. Созвали Великую земскую думу из знатнейшего духовенства, дворянства и всех именитейших людей с целью упорядочения государственной жизни, облег-

чения народных тягостей и рассуждения о благосостоянии державы.

И все же покоя не было. По Москве ходили слухи о незаконном властолюбии бояр. Указывали на Бельского, отравившего будто бы Иоанна и теперь злоумышляющего на Феодора. (По прошествии четырех столетий невозможно, конечно, определить с точностью ни роль Бельского, ни справедливость обвинений, тайными распространителями которых считают князей Шуйских. Несомненно одно — вокруг трона закручивалась воронка очередной вельможной интриги, и опять боярские склоки грозили России нестроениями и скорбями.) Народ почуял новую опасность для самодержавия — и глас всеобщего возмущения раздался по столице.

Во мгновение ока составилось ополчение: 20 тысяч вооруженных людей всех чинов и сословий устремились к Кремлю, где едва успели затворить ворота, собрать для защиты горстку стрельцов и думу для совещания. Но горожане не были склонны к переговорам с боярской думой: захватив царьпушку, они подкатили ее к Флоровским воротам и начали приготовления к штурму. Стало совершенно ясно, что лишь царь может успокоить народ.

На вопрос боярской делегации, состоявшей из князя Ивана Мстиславского, боярина Никиты Романовича, дьяков Андрея и Василия Щелкаловых: «Что нужно восставшим?» — народ отвечивал: «Бельского! Выдайте нам злодея! Он мыслит извести царский корень!» Устрашенный Бельский «искал безопасности в государевой спальне, трепетал и мо-

лил о спасении» (Карамзин). Повелением Феодора он был выслан из Москвы. Тогда народ, крича: «Да здравствует царь с верными боярами!» — мирно разошелся по домам.

Непререкаемым свидетельством единства народа и царя, их сознательного сослужения в деле соборного и державного строительства Православной России стало торжество венчания Феодора Иоанновича на царство, состоявшееся 31 мая 1584 года после сорокадневных заупокойных молитв об усопшем самодержце.

«Собралось бесчисленное количество людей на Кремлевской площади, так что воины могли едва очистить путь для духовника государева, когда он нес, при звоне всех колоколов, из царских палат в храм Успения святыню Мономахову, животворящий крест, венец и бармы (Годунов нес за духовником скипетр). Невзирая на тесноту беспримерную, все затихло, когда Феодор вышел из дворца со всеми боярами, князьями, воеводами, чиновниками: государь в одежде небесного цвета, придворные в золотой — и сия удивительная тишина провожала царя до самых дверей храма, также наполненного людьми всякого звания: ибо всем россиянам дозволялось видеть священное торжество России, единого семейства под державою отца-государя.

Во время молебна окольные и духовные сановники ходили по церкви, тихо говоря народу: «Благоговейте и молитесь!» Царь и митрополит Дионисий сели на изготовленных для них местах, у врат западных, и Феодор среди общего безмолвия

сказал первосвятителю: «Владыко! Родитель наш, самодержец Иоанн Васильевич оставил земное царство и, приняв ангельский образ, отошел на царство небесное; а меня благословил державою и всеми хоругвями государства; велел мне, согласно с древним уставом, помазаться и венчаться царским венцом, диадимою и святыми бармами; завещание его известно духовенству, боярам и народу. И так, по воле Божией и благословению отца моего, соверши обряд священный, да буду царь и помазанник!»

Митрополит, осенив Феодора крестом, отвечивал: «Господин, возлюбленный сын церкви и нашего смирения, Богом избранный и Богом на престол возведенный! Данною нам благодатию от Святаго Духа помазуем и венчаем тебя, да именуешься самодержцем России!» Возложив на царя животворящий крест Мономахов, бармы и венец на главу, с молением, да благословит Господь его правление, Дионисий взял Феодора за десницу, поставил на особенном царском месте и, вручив ему скипетр, сказал: «Блюди хоругви великия России!» Тогда архидьякон на амвоне, священники в алтаре и клиросы возгласили многолетие царю венчанному, приветствуемому духовенством, сановниками, народом, с изъявлением живейшей радости, и митрополит в краткой речи напомнил Феодору главные обязанности венценосца: долг хранить закон и царство, иметь духовное повиновение к святителям и веру к монастырям, искреннее дружество к брату, уважение к боярам, основанное на их родовом старейшинстве, милость к чиновникам, воинству и всем людям.

«Цари нам вместо Бога, — продолжал Дионисий, — Господь вверяет им судьбу человеческого рода, да блюдут не только себя, но и других от зла; да спасают мир от треволнения и да боятся серпа небесного! Как без солнца мрак и тьма господствуют на земле, так и без учения все темно в душах: будь же любомудр или следуй мудрым; будь добродетелен: ибо едина добродетель украшает царя, едина добродетель бессмертна. Хочешь ли благоволения небесного? Благоволи о подданных... Не слушай злых клеветников, о царь, рожденный милосердным!.. Да цветет во дни твои правда; да успокоится отечество!.. И возвысит Господь царскую десницу твою над всеми врагами, и будет царство твое мирно и вечно в род и род!» Тут, проливая слезы умиления, все люди воскликнули: «Будет и будет многолетно!»

Никогда не пришлось народу жалеть об этом пожелании. Карамзин, перу которого принадлежит описание венчания, говорит, что царствование Феодора казалось современникам милостью Божией, золотым веком, в течение которого Россия наслаждалась неведомыми дотоле величием и миром. В виде смиренного богомольца ходил Русский Царь с Царицею пешком из монастыря в монастырь — молитвой царской крепла и цвела земля Русская. На страже ее государственных интересов — внутренних и внешних — стояло правительство Бориса Годунова, повелевавшего в делах мирских именем царским разумно и смело, восполняя смиренную «неотмирность» царя своей энергией, волей и преданностью делу.

В 1591 году мирное царствование Феодора было омрачено страшным преступлением — в Угличе злодеи умертвили царевича Димитрия, наследника Российского престола, последнего отпрыска царствующего рода Рюриковичей. Тайна этого преступления, открывшего путь Смуте с ее многочисленными самозванцами-лжедмитриями, не разгадана до сих пор: кто убил, зачем убил, как убил — эти вопросы так и не получили достойных доверия ответов. Аще бы не Господь прославил угодника Своего — убиенного отрока Димитрия, принявшего, по словам святого патриарха Иова, «заклание неповинно от рук изменников своих», сомнительным мог бы считаться и сам факт убийства царевича (а не случайной его смерти от детской неосторожности) — столь противоречивы и путаны свидетельства о событии (1).

Загадка заключается в том, что убийство малолетнего царевича **никому** не сулило никаких политических выгод. Не говоря о Годунове, который, разумеется, отношения к преступлению не имел ни малейшего, боярская верхушка тоже со смертью наследника ничего не приобретала: во-первых, у Феодора вполне мог родиться сын, его законный преемник на Российском престоле, а во-вторых, даже в случае пресечения династии, что казалось весьма маловероятным (кто мог предвидеть построиг Ирины?), боярство не имело никаких шансов на власть — народные волнения 1584 года в Москве это ясно доказывали.

Смерть царевича могла быть выгодна только тому, кто стремился уничтожить саму Россию,

нанося удар в наиболее чувствительное место ее церковно-государственного организма, провоцируя гражданскую войну и распад страны. В связи с этим небезосновательной выглядит версия о религиозно-символическом характере убийства царевича, олицетворявшего собой будущее Православной русской государственности. Косвенными свидетельствами в ее пользу служат сегодня многочисленные доказательства ритуального характера убийства Царственных Мучеников в Екатеринбурге в 1918 году.

Не раз и не два являл Феодор Иоаннович пророческую прозорливость в судьбах государства и будущем отдельных людей.

В 1594 году крымский хан Кази-Гирей сделал коварный набег на русские земли. Неожиданно, в то самое время, когда его послы вели лицемерные переговоры о мире, он вторгся в Россию и почти беспрепятственно дошел до подмосковного села Коломенское. Лишь под самыми стенами Москвы наспех собранное русское войско вступило в бой с татарскими отрядами.

За ходом битвы наблюдал весь город — стены, башни и колокольни были усыпаны вооруженными и безоружными горожанами, исполненными любопытства и ужаса: зверства татарской резни еще живо терзали народную память. Никогда ранее не видала Москва полевой битвы на пригородных равнинах — бывали приступы и осады, но не сражения в поле. «В эти роковые часы, когда сильно трепетало сердце и в столетних старцах московских, — пишет М. В. Толстой, — один человек наслаждался спокойствием

души непоколебимой: тот, чье имя вместе с Божиим призывалось русскими воинами в пылу битвы, тот, за кого они умирали перед стенами столицы — сам государь!»

После долгой молитвы царь смотрел на битву из окна высокого терема, когда за его спиной раздавался тихий плач: плакал «один добрый боярин», опасаясь за судьбу столицы и государя. Увидев слезы, Феодор со своей обычной тихой улыбкой ласково сказал боярину: «Не плачь, будь спокоен. Завтра не будет хана» (2).

Пророчество царское сбылось в точности. Битва длилась весь день и кончилась с наступлением темноты, не дав решительного перевеса ни одной из сторон. Тем не менее ночью, за час до рассвета, хан со своими полками почему-то бежал. В погоню за беглецом отправилась русская рать под предводительством Годунова, а москвичи, проснувшись, узнали, что хана нет и опасность миновала. Не мудрено, что молитвы царские люди считали защитой более надежной, чем пушки и мечи.

Чествуя Годунова как победителя над погаными, царь Феодор во время праздничной трапезы, в виду собравшихся бояр, духовенства и синклита «в умилении признательности» — как казалось тогда — снял с себя золотую царскую гривну и надел ее на Бориса. Четыре года спустя, по успении Феодора и пресечении на Российском престоле династии Рюриковичей, собрался Земский собор для призвания на царство нового государя. На этом соборе преподобный Иов — первый русский патриарх, свиде-

тельствую о Божием избрании Годунова на служение Русского Православного Царя, раскрыл присутствующим тайный, прообразовательный смысл давнего поступка Феодора. По словам патриарха, царь, исполненный Святого Духа, возложением принадлежности царского достоинства — гривны — ознаменовал будущее державное служение Годунова, искони предопределенное небом...

В 1596 году нетленные мощи святого митрополита Алексия было решено перенести в новую серебряную раку. Во время этого торжества Феодор, подзвав Годунова, велел ему коснуться мощей и сказал: «Осязай святыню, правитель рода христианского! Управляй им и впредь с ревностью. Ты достигнешь желаемого; но все суета сует и тление на земле».

Сбылось, как предрек государь, — ревностным правлением Годунов возвел Россию на невиданную высоту, поставив, казалось, непоколебимые основания ее духовной, хозяйственной и военной мощи. Даже пресечение династии, связанное со злодейским убиением царевича Дмитрия, не поколебало мирного течения русской жизни: Борис был призван на престол единодушно и совершенно законно. И все же суетность и тленность мирского величия явили себя в событиях его царствования полно и ясно: последний год был омрачен успехами первого самозванца-лжедмитрия, а вслед за смертью Годунова внезапно рухнула в пучину смуты вся земля, необъяснимо легко и быстро изменившая законному наследнику престола в пользу расстриги-вероотступника, присвоившего себе чужое имя.

Предвидя беды, ожидающие Россию, Феодор на смертном одре засвидетельствовал их промыслительную, богоугодную роль. В конце 1597 года царь впал в тяжелую болезнь. 6 января близость смерти стала очевидной для всех, и ближайшее окружение государя собралось у его одра в ожидании последнего самодержавного волеизъявления — завещания о судьбе сиротеющей страны. Патриарх Иов от лица всея земли обратился с этим вопросом к умирающему. «Свет в очах меркнет, — скорбно возгласил первосвяtitель, — праведник отходит к Богу... Государь! Кому приказываешь царство, нас сирых и свою царицу?» Не желая пугать присутствующих грядущей бурей, которую надлежало им пережить, просветленный близостью кончины и приобщением Святых Тайн (за два часа до смерти святитель Иов соборовал, исповедал и причастил царя), Феодор ответил: «В царстве, в вас и в царице волен Господь Всевышний...» Слова пророческие, ибо Богу угодно было, чтобы судьбы Руси, окунувшейся вскоре в огненное искушение Смуты, текли вопреки всякому человеческому предвидению.

Царица Ирина решительно отказалась от престола, несмотря на завещание самого Феодора и мольбы народа. Известная мягкосердечием и милосердием, царица оставалась непреклонна — стены Новодевичьего монастыря укрыли под своим покровом смиренную инокиню Александру, отринувшую вместе с мирским именем власть и славу царского венца.

Годунов, кроткий и невластолюбивый, принял русскую державу вопреки собственному желанию, благочестиво страшась ответственности и тягот, налагаемых служением государя. Раз за разом отвергал он все приглашения и просьбы, не остановившись перед двукратным отвержением соборно выраженного призвания, давши клятву никогда не искать и не принимать престола царского. Лишь под угрозой отлучения от церкви удалось сонму архиереев принудить его к принятию венца.

Патриарх Иов, до последней возможности борющийся за утверждение на русском престоле законных государей — Бориса и его сына, Феодора, видя всеобщее безумие, клятвопреступления и измены, подвергаясь сам насилию и угрозам, был понужден оставить патриаршество и сослан в Старицкий монастырь.

Что, как не предвидение испытаний и бед, предстоящих его ближайшим сподвижникам, заставило царя Феодора на смертном одре столь уклончиво ответить на простой вопрос о престолонаследии, тем более, что в составленном загодя завещании он недвусмысленно поручал державу супруге? Завершая праведную жизнь блаженной кончиной, государь подтверждал Божие смотрение в грядущих испытаниях Руси...

Божьими судьбами злодеяние в Угличе пресекло на Русском престоле род Рюриковичей, завершив тем самым семивековой период истории, в ходе которого Россия просветилась Евангельским светом, в скорбях и лишениях выстрадала понимание своей

промыслительной роли, осознанно и свободно приняла эту роль как всенародное церковное послушание, привела в соответствие с ним все стороны своей жизни, превратившись из конгломерата языческих племен в Святую Русь, Дом Пресвятой Богородицы, Вселенское Православное Царство.

Впереди ждали ее новые искушения, соблазны и страдания — вехи восхождения к Престолу Господню, подножием которого судил ей стать всемогущий Промысел Божий, по слову Священного Писания: «Грядущего ко Мне не изжену вон» (Ин. 6: 37).

ГРЕХОПАДЕНИЯ КТО РАЗУМЕЕТ...

ПСИХОЛОГИЯ СМУТЫ

История учит, что времена общественных нестроений и смут особенно четко и ясно обнажают состояние народной души. Смута — отсутствие общепризнанных авторитетов и силовых механизмов контроля над общественным сознанием — дает полный простор для выявления истинных и ложных ценностей. Наносное и пришлое спадает, как шелуха, и сквозь хаос и разноголосицы мятущегося, обезумевшего времени проступают черты бессмертной народной души в ее неизменном стремлении к Небу, к покою и счастью религиозно осмысленного, богоугодного жития.

Смута есть искушение, посылаемое соборной душе народа как дар, как мученический венец, дабы предоставить ему возможность явить силу своей веры, верность родным святыням и крепость духа перед лицом соблазнов и искушений, скорбей и недоумений, злобных нападков и разрушительной ненависти. Шестьсот лет после крещения Руси русский народ мужал и креп под сенью Креста Христова,

под отеческим, пастырским надзором церковным. Шестьсот лет восходил он «из силы в силу», преодолев родовые распри, княжеские междоусобицы, католическую агрессию на западе и татарское нашествие на востоке, осознав свое великое служение хранителя Истины, приведя в соответствие с ней все стороны народной жизни. И лишь после всего этого, достигнув в меру высокой христианской духовности, сподобилась Русь подвергнуться огненному искушению Смуты начала XVII века.

Историки до сей поры гадают: каковы действительные, глубинные причины этого катаклизма, его главные движущие силы, его влияние на дальнейший ход русской истории. Ни один мало-мальски последовательный ученый не может избежать этих вопросов, но... Как всегда, наука — точная и компетентная в области фактической, материальной, внешней — оказывается бессильна там, где потребны объяснения, выходящие за рамки формальных, логически-рассудочных построений.

Карамзин и Ключевский, Соловьев и Платонов по-своему подробно, можно даже сказать исчерпывающе исследовали фактическую последовательность событий, их политическую, хозяйственную и сословную подоплеку. И с этой точки зрения картина Смуты вполне ясна. Неясным остается все же главный вопрос — **почему** вдруг Русское царство, молодое и бурно растущее, народ которого объединен общностью кровной, вероисповедной и государственной, оказалось вдруг вверженным в череду

кровавых внутренних потрясений, которые едва не подвели черту под его существованием.

Расхожие утверждения о Смуте как о последствии «тиранического правления Ивана Грозного» — эффектны и броски, но исторически несостоятельны. Династический кризис, череда неурожайных лет, несовершенство административно-государственного механизма управления страной — все это, конечно, могло иметь место и в совокупности дать **повод** к волнениям и беспорядкам. Но именно повод, а не **причину**. Ее, как показывает наш исторический опыт, необходимо искать в сфере духовной, ибо именно там — все начала и концы бытия человеческого.

Находит свое объяснение при таком взгляде на события и Смута. Ее религиозной основой, ее духовной первопричиной стал грех гордыни, который, явившись сатанинским искушением самовластья, соблазнил соборную душу Руси. В суете и беспорядках, сопровождавших невиданное ранее, диковинное для Руси дело — смену династии, народ не сумел удержать смиренное сознание промыслительности русской жизни. Вопреки богоустановленному порядку он восхитил себе Божие право — счел себя источником власти, присвоил право решать, какой быть России далее.

В упоении мятежа люди как бы обезумели, забыв, что источник власти на земле один — Бог Всемогуший, засвидетельствовавший о Себе: «Аз есмь Бог-ревнитель. Славы Моея иному не дам». Поэтому-то и была Русь предана скорбям и искушениям Смуты до тех пор, пока люди не одумались, не

раскаялись и не отреклись (на Соборе 1613 года) от притязания на самовластие, подклонившись вновь под «иго и бремя» власти богоданной, воплощенной Помазанником, — Православным Русским Царем*.

ГОДУНОВ

Первые годы царствования Бориса Годунова не давали никаких оснований для тревог, явив собой вершину державной мощи Русского государства. Сам Годунов, являвшийся реальным правителем Руси с 1588 года, когда ему официальным решением думы было даровано право самостоятельно сношаться с иностранными государями, показал себя как дальновидный и опытный политик.

В области внутренней политики он уверенно опирался на массу мелкого служилого люда, составлявшего административный каркас государства, всемерно поддерживал взгляд на сословные и гражданские обязанности своих подданных как на религиозное служение и безусловно придерживался идеалов «симфонии властей» в отношениях с Русской Церковью.

---

* То же самое можно сказать и о второй русской Смуте, последовавшей за катастрофой 1917 года. Народ безропотно (даже, более того — с кошунственным «энтузиазмом») принял отречение Государя-Императора Николая II, присвоив себе право распоряжаться его богоданной властью. Результат — жуткий и кровавый, как то было и 300 лет назад — налицо. Таким же станет и финал — ибо до тех пор, пока не будет отвергнут порочный принцип «народовластия», пока мы не возвратим себе понимание божественного происхождения власти — не кончится нынешняя Смута.

В области внешней — предпочитал войне средства мирные и ненасильственные, подняв тем не менее мощь России на невиданную высоту.

Продолжая политику Иоанна Грозного, Борис стремился на западе дать Руси выход к Балтийскому морю, на востоке и юго-востоке — укреплял границы, закреплял за державой недавно обретенные сибирские пространства.

Сами обстоятельства его восшествия на престол весьма знаменательны, с точки зрения характеристики политических нравов того времени. Ведя свой род от татарского мурзы Чета (в крещении Захарию), поступившего на службу Ивану Калите еще в XIV веке, Борис принадлежал к его младшей ветви, выдвинувшейся лишь во время опричнины, в то время как старшая линия рода — Сабуровы — числили себя среди знатнейших русских родов еще с XV века. Будучи всевластным правителем государства, опираясь на безграничное доверие царя, он все же ясно понимал, что его положение в боярской среде не дает ему прочных надежд на самостоятельную, тем более первенствующую роль после успения государя.

Поэтому представляется вполне естественным, что, памятуя о боярских смутах, он совершенно искренне отказывался от царского венца, когда тот был ему предложен собором. В историографии стало общим местом обвинение Бориса в тайном властолюбии, завистливости и тщеславии. Человек грешен, и Годунов, конечно, не был исключением, но в свете достоверно известных фактов подобные обвинения

видятся все же как явное и неоправданное преувеличение.

Когда в девятый день после кончины царя Федора Иоанновича было торжественно объявлено, что вдова его Ирина отказывается от царства и удаляется в монастырь, Россия оказалась перед труднейшим выбором. «Сия весть, — пишет Карамзин, — поразила Москву: святители, дума, сановники, дворяне, граждане собором пали пред венценосною вдовою, плакали неутешно, называли ее материю и заклинали не оставлять их в ужасном сиротстве; но царица, дотоле всегда мягкосердая, не тронулась молением слезным: ответствовала, что воля ее неизменна и что государством будут править бояре, вместе с патриархом, до того времени, когда успеют собраться в Москву все чины Российской державы, чтобы решить судьбу отечества по вдохновению Божию. В тот же день Ирина выехала из дворца Кремлевского в Новодевичий монастырь и под именем Александры вступила в сан инокини. Россия осталась без главы, а Москва — в тревоге, в волнении...

Где был Годунов и что делал? Заключился в монастыре с сестрой, плакал и молился с ней. Кажется, что он, подобно ей, отвергнул мир, величие, власть, кормило государственное и предал Россию в жертву бурям; но кормчий неусыпно бодрствовал, и Годунов в тесной келии монастырской твердой рукой держал царство!

Сведав о пострижении Ирины, духовенство, чиновники и граждане собрались в Кремле, где государственный дьяк и печатник Василий Щелкалов,

представив им вредные следствия безначалия, требовал, чтобы они целовали крест на имя думы боярской. Никто не хотел слышать о том; все кричали: «Не знаем ни князей, ни бояр; знаем только царицу; ей мы дали присягу и другой не дадим никому; она и в черницах мать России». Печатник советовался с вельможами, снова вышел к гражданам и сказал, что царица, оставив свет, уже не занимается делами царства и что народ должен присягнуть боярам, если не хочет видеть государственного разрушения. Единогласным ответом было: «И так да царствует брат ее!» Никто не дерзнул ни противоречить, ни безмолвствовать, все восклицали: «Да здравствует отец наш, Борис Федорович! Он будет преемником матери нашей царицы!» Немедленно всем собором пошли в монастырь Новодевичий, где патриарх Иов, говоря именем отечества, заклинал монахиню Александру благословить ее брата на царство, ею презренное из любви к жениху бессмертному, Христу Спасителю, — исполнить тем волю Божию и народную — утишить колебание в душах и в государстве — отереть слезы россиян, бедных, сирых, беспомощных и снова восстановить державу сокрушенную, доколе враги христианства еще не уведали о вдовстве Мономахова престола. Все проливали слезы — и сама царица-инокия, внимая первосвятителю красноречивому. Иов обратился к Годунову; смиренно предлагал ему корону, называл его свышеизбранным для возобновления царского корени в России, естественным наследником трона после зятя и друга, обязанного всеми успехами своего владычества

Борисовой мудрости» (1). Что же Борис? Он «клялся, что никогда, рожденный верным подданным, не мечтал о сане державном и никогда не дерзнет взять скипетра, освященного рукою усопшего царя-ангела, его отца и благодетеля; говорил, что в России много князей и бояр, коим он, уступая в знатности, уступает и в личных достоинствах; но из признательности к любви народной обещается вместе с ними радеть о государстве еще ревностнее прежнего. На сию речь, заблаговременно сочиненную, патриарх отвечал такую же, и весьма плодovitую, исполненную движений витийства и примеров исторических; обвинял Годунова в излишней скромности, даже в неповиновении воле Божией, которая столь явна в общенародной воле; доказывал, что Всевышний искони готовил ему и роду его на веки веков державу Владимирова потомства, Федоровую смертью пресеченного, напоминал о Давиде, царе Иудейском, Феодосии Великом, Маркиане, Михаиле Косноязычном, Василии Македонском, Тиберии и других императорах византийских, неисповедимыми судьбами небесными возведенных на престол из ничтожества; сравнивал их добродетели с Борисовыми; убеждал, требовал и не мог поколебать его твердости ни в сей день, ни в следующие — ни пред лицом народа, ни без свидетелей — ни молением, ни угрозами духовными. Годунов решительно отрекся от короны.

Но патриарх и бояре еще не теряли надежды: ждали великого собора, коему надлежало быть в Москве через шесть недель по смерти Феодора; то

есть велели съехаться туда из всех областных городов людям выборным: духовенству, чиновникам воинским и гражданским, купцам, мещанам. Годунов хотел, чтобы не одна столица, но вся Россия призвала его на трон, и взял меры для успеха, всюду послав ревностных слуг своих и клеветов: сей вид единогласного свободного избрания казался ему нужным — для успокоения ли совести? Или для твердости и безопасности его властвования?..* Борис жил в монастыре, а государством правила дума, советуясь с патриархом в делах важных; но указы писала именем царицы Александры и на ее же имя получала донесения воевод земских. Между тем ока-

---

* Как и в случае с Иоанном Грозным, Карамзин (а вслед за ним и большинство историков более позднего времени) никак не желает допустить мысли о благонамеренности Годунова. И опять, так же, как в описании царствования Грозного, Карамзин вынужден из-за этого нежелания мириться с вопиющей непоследовательностью, нелогичностью собственного описания правления царя Бориса. То он утверждает, что «первые два года его царствования казались лучшим временем России», характеризуя Бориса как «ревностного наблюдателя всех уставов церковных и правил благочиния, трезвого, воздержанного, трудолюбивого, врага суетных забав и пример жизни семейственной», то укоряет его за «злодейство». Конечно, в натуре человеческой встречаются порой сочетания качеств самых противоречивых и разных, но, думается, есть все основания считать Годунова человеком вполне благонамеренным, сыном своей эпохи, со всеми присущими ей достоинствами и недостатками. Настойчивые попытки многих исследователей найти в характере Бориса одну из причин обрушившихся на Россию бед объясняются довольно просто: не умея или не желая вникнуть в духовную подоплеку событий, историки искали «виноватого». Переноса на пространство истории свой ежедневный бытовой опыт, они стремились найти «того, кто все испортил», ибо это давало разуму, лишенному веры, иллюзию обретенной истины. Возможно, эти мотивы не всегда были осознанны и не у всех одинаково сильны, но они просто неизбежны для современного рационалистического подхода к познанию истории. В обширной цитате из карамзинского труда мы оставили все эти противоречия без изъятий, полагая, что читатель сам составит себе мнение о степени справедливости наших рассуждений.

зывались неповиновение и беспорядок: в Смоленске, в Пскове и в иных городах воеводы не слушались ни друг друга, ни предписаний думы. ... Носились слухи о нападении хана крымского в пределы России, и народ говорил в ужасе: «Хан будет под Москвою, а мы без царя и защитника!» Одним словом, все благоприятствовало Годунову, ибо все было им устроено!

В пятницу, 17 февраля, открылась в Кремле дума земская, или государственный собор, где присутствовали, кроме всего знатнейшего духовенства, синклита, двора, не менее пятисот чиновников и людей выборных из всех областей, для дела великого, небывалого со времен Рюрика: для назначения венценосца России, где дотоле властвовал непрерывно, уставом наследия, род князей варяжских и где государство существовало государем; где все законные права истекали из его единственного самобытного права: судить и рядить землю по закону совести. Час опасный: кто избирает, тот дает власть и, следовательно, имеет оную: ни уставы, ни примеры не ручались за спокойствие народа в ее столь важном действии; и сейм кремлевский мог уподобиться варшавским: бурному морю страстей, гибельных для устройства и силы держав. Но долговременный навык повиновения и хитрость Борисова представили зрелище удивительное: тишину, единомыслие, уветливость во многолюдстве разнообразном, в смеси чинов и званий. Казалось, что все желали одного: как сироты, найти скорее отца — и знали, в ком искать его. Граждане смотрели на дворян, дворяне — на вельмож, вельможи — на патриарха. Известив собор, что

Ирина не захотела ни царствовать, ни благословить брата на царство и что Годунов также не принимает венца Мономахова, Иов сказал: «Россия, тоскуя без царя, нетерпеливо ждет его от мудрости собора. Вы, святители, архимандриты, игумены, вы, бояре, дворяне, люди приказные, дети боярские и всех чинов люди царствующего града Москвы и всей земли Русской! Объявите нам мысль свою и дайте совет, кому быть у нас государем. Мы же, свидетели представления царя и великого князя Феодора Иоановича, думаем, что нам мимо Бориса Феодоровича не должно искать другого самодержца». Тогда все духовенство, бояре, воинство и народ единогласно ответствовали: «Наш совет и желание то же: немедленно бить челом государю Борису Феодоровичу и мимо его не искать другого властителя для России».

Восстановив тишину, вельможи в честь Годунова рассказали духовенству, чиновникам и гражданам следующие обстоятельства: «Государыня Ирина Феодоровна и знаменитый брат ее с самого первого детства возрастали в палатах великого царя Иоанна Васильевича и питались от стола его. Когда же царь удостоил Ирину быть своею невесткою, с того времени Борис Феодорович жил при нем неотступно, навывая государственной мудрости. Однажды, узнав о недуге сего юного любимца, царь приехал к нему с нами и сказал милостиво: «Борис! Страдаю за тебя как за сына, за сына как за невестку, за невестку как за самого себя!» — поднял три перста десницы своей и промолвил: «Се Феодор, Ирина и Борис; ты не раб, а сын мой». В последние часы жизни, всеми

оставленный для исповеди, Иоанн удержал Бориса Феодоровича при одре своем, говоря ему: «Для тебя обнажено мое сердце. Тебе приказываю душу, сына, дочь и все царство: блюди или дашь за них ответ Богу». Помня сии незабвенные слова, Борис Феодорович хранил яко зеницу ока и юного царя, и великое царство». Снова раздались крики: «Да здравствует государь наш Борис Феодорович!» И патриарх воззвал к собору: «Глас народа есть глас Божий: буди, что угодно Всевышнему!»

В следующий день, февраля 18-го, в первый час утра, церковь Успения наполнилась людьми: все, преклонив колена, духовенство, синклит и народ, усердно молили Бога, чтобы правитель смягчился и принял венец; молились еще два дни, и февраля 20-го Иов, святители, вельможи объявили Годунову, что он избран в цари уже не Москвою, а всею Россиею. Но Годунов вторично отвечал, что высота и сияние Феодорова трона ужасают его душу; клялся снова, что и в сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видел слезы, слышал убеждения самые трогательные и был непреклонен; выслал искусителей, духовенство с синклитом из монастыря и не велел им возвращаться. Надлежало искать действительнейшего средства: размышляли — и нашли. Святители в общем совете с боярами установили петь 21 февраля во всех церквях праздничный молебен и с обрядами торжественными, с святынею веры и отечества, в последний раз испытать силу убеждений и плача над сердцем Борисовым; а тайно, между собою, Иов, архиепис-

копы и епископы условились в следующем: «Если государь Борис Феодорович смилуется над нами, то разрешим его клятву не быть царем России; если не смилуется, то отлучим его от Церкви; там же, в монастыре, сложим с себя святительство, кресты и панагии, оставим иконы чудотворные, запретим службу и пение во святых храмах; предадим народ отчаянию, а царство — гибели, мятежам, кровопролитию, — и виновник сего неисповедимого зла да ответствует пред Богом в день Суда страшного!»

В сию ночь не угасали огни в Москве: все готовились к великому действию — и на рассвете, при звуке всех колоколов, подвиглась столица. Все храмы и дома отворились: духовенство с пением вышло из Кремля; народ в безмолвии теснился на площадях. Патриарх и владыки несли иконы, знаменитые славными воспоминаниями: Владимирскую и Донскую, как святые знамена Отечества; за клиром шел синклит, двор, воинство, приказы, выборы городов; за ними устремились и все жители московские, граждане и чернь, жены и дети, к Новодевичьему монастырю, откуда, также с колокольным звоном, вынесли образ Смоленской Богоматери навстречу патриарху: за сим образом шел и Годунов, как бы изумленный столь необыкновенно торжественным церковным ходом; пал ниц перед иконой Владимирскою, обливался слезами и воскликнул: «О Мать Божия! Что виною Твоего подвига? Сохрани, сохрани меня под сенью Твоего крова!» Обратился к Иову с видом укоризны и сказал ему: «Пастырь великий! Ты дашь ответ Богу!» Иов отвечивал: «Сын возлюбленный!

Не снейдай себя печалью, но верь провидению! Сей подвиг совершила Богоматерь из любви к тебе, да устыдишься!» Он вошел в церковь святой обители с духовенством и людьми знатнейшими; другие стояли в ограде; народ — вне монастыря, занимая все обширное Девичье поле. Собором отпев литургию, патриарх снова, и тщетно, убеждал Бориса не отвергать короны; велел нести иконы и кресты в келии царицы: там со всеми святителями и вельможами преклонил главу до земли... И в то самое мгновение, по данному знаку, все бесчисленное множество людей, в келиях, в ограде, вне монастыря, упало на колени с воплем неслыханным; все требовали царя, отца, Бориса! Патриарх, рыдая, заклинал царицу долго, неотступно, именем святых икон, которые пред нею стояли, — именем Христа Спасителя, Церкви, России дать миллионам православных государя благонадежного, ее великого брата...

Наконец услышали слово милости: глаза царицы, дотоле нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По изволению Всесильного Бога и Пречистой Девы Марии возьмите у меня единокровного брата на царство, в утешение народного плача. Да исполнится желание ваших сердец, ко счастью России! Благословляю избранного вами и преданного Отцу Небесному, Богоматери, святым угодникам московским и тебе, патриарху, и вам, святители, и вам, бояре! Да заступит мое место на престоле!» Все упали к ногам царицы, которая, печально взглянув на смиренного Бориса, дала ему повеление властвовать над Россиею. Но он еще изъявил нехотение;

страшился тягостного бремени, возлагаемого на слабые рамена его; просил избавления; говорил сестре, что она из единого милосердия не должна предавать его в жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умом робким не дерзал возноситься до сей высоты, ужасной для смертного; свидетельствовался оком всевидящим и самой Ириною, что желает единственно жить при ней и смотреть на ее лицо ангельское. Царица уже настояла решительно. Тогда Борис как бы в сокрушении духа воскликнул: «Буди же Святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый и не вниди в суд с рабом Твоим! Повинуюсь тебе, исполняя желание народа».

Святители, вельможи упали к ногам его. Осенив животворящим крестом Бориса и царицу, патриарх спешил возвестить дворянам, приказным и всем людям, что Господь даровал им царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздев руки на небо, славили Бога: плакали, обнимали друг друга. От келий царицыных до всех концов Девичьего поля гремели клики: «Слава! Слава...» Окруженный вельможами, теснимый, лобзаемый народом, Борис вслед за духовенством пошел в храм Новодевичьей обители, где патриарх Иов, пред иконами Владимирской и Донской, благословил его на государство Московское и всея России; нарек царем и возгласил ему первое многолетие...» (2).

Итак — лишь угроза тяжкой ответственности на Страшном Суде Христовом заставила «васстолюбца» принять многократно отвергнутый венец. Избрание нового монарха было совершено в

полном соответствии с законами человеческими и, что важнее всего, — запечатлено благословением церковным как свидетельством богоугодности сего избрания. Казалось бы, Россия успешно миновала опасный период безвластия, и может теперь под умелым правлением Бориса безмятежно множить свое материальное благосостояние и преуспевание религиозное, духовное. Но... прошло лишь несколько лет, как грянула страшная Смута.

КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЕ

В 1601 году митрополит Ростовский Иона объявил патриарху и царю, что в Чудовом московском монастыре «недостойный инок Григорий хочет быть сосудом дьявольским». И действительно, молодой сын стрелецкого сотника Юрий Отрепьев, принявший по пострижении имя Григорий, вел себя на редкость странно. Проявляя большие способности, — шутя, Отрепьев усваивал то, что другим не давалось, — он в то же время вольничал в делах веры, вызывая этим подозрения в ереси. Но главное, в моменты откровенности он говаривал монастырской братии, что со временем непременно будет царем на Москве.

Годом позже, по рассмотрении дела, Борис Годунов велел дьяку Смирному-Васильеву отправить Григория за ересь на Соловки или в Белозерские пустыни — на покаяние. Однако, при пособничестве другого дьяка, свойственника Отрепьевых, Евфимье-

ва, Григорий вместо отправки на далекий неласковый север бежал в Литву. Чем только не пришлось ему там заниматься: якшался с сектантами-анабаптистами, разбойничал в казацкой шайке старшины Герасима Евангелика, учился в латинской школе в Гоще...

Заимев духовника-иезуита, Отрепьев «открылся» ему в час тяжкого «смертельного» недуга, что он якобы есть Дмитрий, законный наследник русского трона. В 1604 году папский нунций Рангони представил его в Кракове польскому королю Сигизмунду. Тот признал Лжедмитрия сыном Иоанна, обещал поддержку, но официально в его защиту выступать не стал, разрешив, однако, своим шляхтичам «в частном порядке» помочь восстановлению «законного наследника» на престоле русских государей. Тогда же Лжедмитрий тайно перешел в католичество и подписал брачный контракт с Мариной Мнишек, дочерью сандомирского воеводы, широким жестом «подарив» невесте Новгород и Псков, а будущему тестю — княжества Смоленское и Северское.

15 августа 1604 года, собрав разношерстное войско из нескольких тысяч польских авантюристов, двух тысяч малороссийских казаков-головорезов и небольшого отряда донцов, Лжедмитрий начал поход на Россию. Полгода погуляв по западнорусским областям и выиграв несколько стычек, 21 января 1605 года он был наголову разбит пятидесятитысячным русским войском под Добрыничами, едва при этом спасшись с несколькими ближайшими соратниками. Казалось, конец неминуем, и окончательная

расправа с самозванцем представлялась лишь делом времени, когда 13 апреля в Москве внезапно скончался царь Борис.

Все вдруг изменилось как по волшебству. Уже 7 мая победоносное московское войско в полном составе перешло на сторону Лжедмитрия. 1 июня законный наследник престола, сын царя Бориса Феодор — «отроча зело чудно, благолепием цветуще, от Бога преукрашен яко цвет дивный» (3) — вместе с матерью был убит в Москве приверженцами самозванца. 20 июня Лжедмитрий торжественно въехал в Москву. Патриарх Иов, бесстрашно обличавший преступника, был низложен, и 21-го числа новоиспеченный лжепатриарх, архиепископ Рязанский грек Игнатий совершил «таинство» «венчания на царство» победившего самозванца.

Клятвопреступление стало фактом. Народ, еще недавно столь настойчиво звавший Бориса на царство, присягавший ему как богоданному государю, попрал обеты верности, отринул законного наследника престола, попустил его злодейское убийство и воцарил над собой самозванца и вероотступника, душой и телом предавшегося давним врагам России.

Вот где таится подлинная причина Смуты, как бы ни казалось это странным отравленному неверием и рационализмом современному уму. Совершилось преступление против закона Божиего, которое и повлекло дальнейшие гибельные последствия всеобщего разора и мятежа*.

---

* В самом деле, ведь нам не кажется странным, например, что невозможно безнаказанно нарушить законы физические, законы бытия материального мира. Никому не придет в голову, скажем, выходить

Хорошо понимая, какими гибельными последствиями может грозить подобное отступничество земле Русской, патриарх Иов с духовенством до последней возможности стоял за царя законного. При жизни Бориса он по всей России разослал грамоты с повелением совершать ежедневное молебствие об успехах оружия царского и всенародно проклинал самозванца. Когда Годунов скоропостижно скончался, патриарх благословил всех присягать на верность сыну его, царевицу Феодору.

Когда же измена стала явной, русский перво-святитель, не убоившись гнева самозванца, в храме, во время богослужения велегласно обличал обезумевших клятвopеступников. Не имея возможности сладить с непокорным старцем, Лжедмитрий велел низложить его силой. Узнав об этом, Иов снял с себя

из дома через окно десятого этажа. Закон всемирного тяготения своим естественным действием накажет такого безумца. Но, помимо мира материального, существует и мир духовный, невидимый, законы которого ничуть не менее определенны и категоричны, чем те, что управляют движением материи. Это и неудивительно, ибо Творец и Основоположник законов — и тех, и других — один и тот же, Сказавший: «Аз есмь, и несть Бог разве Мене...» Законы же, приданные Им религиозно-нравственной области человеческого бытия, предполагают непременно обязательными веру и верность, карая, как злостное и непростительное нарушение, пагубное своеволие и гордое самовластие, особенно в священной области русской истории, являющейся местом действия непостижимого человеческого разумом Промышления Божия. Полностью подтверждает это и наша недавняя история. Разве не повторили мы в начале XX столетия прегрешения наших предков? Разве из пустой суетности и тщеславия, в погоне за миражами материального благополучия, в ослеплении гордыни мы не отвергли богоучрежденный порядок бытия земли Русской? Но от подобных причин подобные же бывают и следствия. Отсюда кровь гражданской войны, ужасы террора и коллективизации, гнет «застоя» и позор нынешней «демократии». Жаль только, что и после всего этого мало кто видит настоящие причины русской трагедии. Что тут сделаешь? — «Имеющий уши да слышит...»

панагию, положил ее у чудотворной иконы Владимирской Божией Матери и воззвал молитвенно вслух всего народа: «Владычице Богородице! Здесь возложена на меня панагия святительская, с нею исправлял я слово Сына Твоего и Бога нашего и двенадцать лет хранил целость веры. Ныне, ради грехов наших, как вижу, бедствует царство, обман и ересь торжествуют. Спаси и утверди Православие молитвами к Сыну Твоему...» (4).

ВЕЛИКОЕ РАЗОРЕНИЕ

Мута между тем продолжала углубляться. Не процарствовав и года, самозванец был свергнут народным восстанием и убит. Новым, «боярским» царем стал Василий Шуйский, возведенный на трон по договору между знатнейшими родами московской аристократии. Именно он годом ранее возглавлял то самое московское войско, которое разгромило ватаги самозванца под Добрыничами. После воцарения Лжедмитрия Василий возглавил боярскую оппозицию новому монарху, был уличен им в заговоре, приговорен к смертной казни, но, видимо, из боязни боярского мятежа — прощен, выслан из Москвы и тут же возвращен обратно.

Опирая свою власть на тесный круг высшей московской знати, Василий стал первым в русской истории царем, который, вступая на престол, клялся ограничить свое самодержавие боярской думой.

С точки зрения политической это могло означать только одно: государственная власть слабела, теряла силу и авторитет. Ее священный ореол, омраченный клятвопреступлением, боярским произволом и соглашательством с иноверцами, — померк, и новый государь был вынужден искать опоры трону уже не в религиозно-нравственной, мистической области, но в «балансе интересов и сил» представителей сословной верхушки, раздираемой вечными местническими противоречиями и спорами.

Тем временем страна гибла в мятежах и распрях. Прошло лишь несколько месяцев после того, как воцарился Шуйский, а Москва уже была осаждена войсками приверженцев «законной династии», требовавших низложить «самозванного царя Василия». Их предводителем был Иван Болотников — то ли беглый холоп, то ли мелкопоместный тульский дворянин, пришедший в Россию то ли из Венгрии, где он воевал с турками, возглавляя десятитысячный казачий корпус, то ли из Италии, куда попал, будучи галерным рабом на турецком корабле, взят том итальянцами в плен... (5).

Не успело правительство принять меры против этого мятежника, как на южных рубежах появился Лжедмитрий II, пришедший в Россию во главе отряда польских авантюристов. К нему тут же примкнули остатки войск Болотникова, казаки и часть южнорусского дворянства. Через год новый самозванец уже стоял под стенами Москвы.

Борьба правительственных войск под предводительством молодого отважного полководца

Скопина-Шуйского против второго самозванца, несмотря на свою успешность, спровоцировала новый виток Смуты. В поисках союзников московское руководство обратилось за помощью к Швеции, и отряд скандинавских наемников принял участие в боях с Лжедмитрием II. Но за его спиной стояла польская шляхта, а сама Речь Посполитая находилась в то время в состоянии войны со Швецией. Это и было использовано королем Сигизмундом III как повод для открытой интервенции против России.

Участие иноземцев в Смуте придало ей особую остроту. В сентябре 1609 года двенадцатитысячное польское войско при поддержке десяти тысячного казацкого корпуса вторглось в Россию*. Интервенты осадили Смоленск, героическая оборона которого сковала их главные силы на целых два года, Внезапная смерть Скопина-Шуйского и предательство шведского отряда наемников в решающий момент кампании 1610 года не позволили русским отрядам освободить город. Провинция практически вышла из-под контроля центрального правительства в Москве. Да и в самой столице было неспокойно.

---

* Если иноверцы преследовали при этом свои вековые цели: ослабление России и уничтожение Православия, то казацкая вольница шла в поход просто пограбить и погулять. Единоверные православной Москве и единокровные ее народу казаки не имели никаких собственных целей. Война была их ремеслом, их образом жизни, независимо от того воевали ли они с турками, крымцами, поляками или отрядами Шуйского. Формальным основанием их участия в походе было, конечно, стремление «восстановить законную династию». Когда же стало ясно, что у поляков иные цели, охладели и их отношения с казацким старшиной. Дикий, вольный нрав казаков, их приверженность Православию и высокие боевые качества надолго запомнились в Москве, став впоследствии основанием для создания казацкой оборонительной «прослойки» на неспокойных окраинах Русской державы.

Дело кончилось тем, что 17 июля Москва разразилась очередным мятежом, в ходе которого Василий Шуйский был свергнут с престола, пострижен в монахи и выдан полякам, которые заточили его в темницу, где Шуйский и скончался два года спустя. Договориться между собой о новом государе бояре уже не смогли, овладеть ситуацией в городе оказались неспособны. Опасаясь нового мятежа, «семибоярщина» пошла на заключение договора с командующим польскими войсками гетманом Жолкевским о признании русским царем польского королевича Владислава IV.

Но единожды вступив на скользкий путь предательства, остановиться невозможно, и 21 сентября 1610 года, опасаясь народного возмездия за сговор с иноземцами и не умея его предотвратить, бояре решились на открытую измену. Тайно, ночью, «семибоярщина» впустила в город оккупационный корпус интервентов, состоявший из 3,5-тысячного отряда польско-литовских солдат и 800 немецких ландскнехтов. В условиях полного хаоса, административного и военного развала этого оказалось достаточным для того, чтобы с октября реальная власть в русской столице сосредоточилась в руках польского коменданта Гонсевского.

Практически одновременно с этими событиями в июле 1610 года началась и война Швеции против России. Непримиимые соперники, поляки и шведы проявили трогательное единодушие в деле разграбления русских земель, норовя отхватить у России кусок пожирнее да побольше, пока

страна истекала кровью в хаосе смутного безвременья.

Открытая шведская интервенция началась пограничными столкновениями с населением Корельского уезда. Спустя месяц командующий шведским войском Делагарди предпринял неудачную осаду Ивангорода, а в сентябре осадил Корелу. Дело это, однако, оказалось гораздо более сложным, чем можно было сперва предположить. Героическая оборона крепости продолжалась почти год, а широкое партизанское движение создало при этом серьезную угрозу безопасности оккупантов.

Летом 1611 года шведские войска начали наступление на Новгород, на который его западные соседи зарились уже не одно столетие. И здесь, так же, как и в Москве, роковую роль сыграла измена боярской верхушки, потерявшей сознание своего национального и религиозного долга, страшившейся лишь за политические и сословные привилегии. 16 июля бояре впустили интервентов в Новгород. Показательно, как схоже развивались события в русской столице и в северных областях государства. Начав политическую торговлю с иноземцами, остановиться на полпути было уже никак нельзя, потому договор, заключенный между шведами и новгородскими боярами о признании русским царем одного из сыновей шведского короля Карла IX, стал закономерным результатом предательства русских национальных интересов.

К весне следующего, 1612 года под властью шведов уже находились Копорье, Ям, Иванго-

род, Орешек, Гдов, Порхов, Старая Русса, Ладога, Тихвин. Казалось, раздираемая усобицей Русь, лишенная столицы, регулярного войска, системы государственной власти, последних выходов к европейским торговым путям, — доживает последние дни...

ПОКАЯНИЕ

Между тем, по мере разрастания Смуты появились и первые признаки духовного прозрения, осознания ее причин, раскаяния в совершившемся клятвopепреступлении. В первом Лжедмитрии распознали вероотступника и еретика, «окаянного законопреступника и сатанина угодника», задумавшего разрушить промыслительное устройство земли Русской, оторвать Русь от Бога, Которому она веками стремилась служить без обмана и лести. Нечестивец покусился на самое святое — «отпаде от православной веры, яко и самому образу Божию поругатися, и церкви Божия олтари хотел разорити, и монастыри и обиталища иноческие раскопати» (6).

Предательство духовное закономерно завершилось и изменой государственной: «умысли окаянный сотворити и наполнити Московское государство поганых иноверцев Литвы, и жидов, и поляков, и иных скверных, яко и русских людей в них мало зрети» (7). Чаша терпения народного переполнилась, и судьба самозванца была решена.

После его смерти был сведен с кафедры и заключен в Чудовом монастыре лжепатриарх Игнатий, возведенный Лжедмитрием I на кафедру без соборного избрания, с тем, чтобы способствовать и потворствовать католическим симпатиям нового владыки России. Законным предстоятелем Русской Церкви стал патриарх Гермоген, бывший до того митрополитом Казанским, известный твердостью в вере и духовным разумением.

31 июня 1606 года при его непосредственном участии было совершено прославление нетленных мощей убиенного царевича Димитрия, «дабы утешить верующих и сомкнуть уста неверным». Царствование прежней династии пресеклось насильственно, и акт прославления державного отрока стал одновременно актом всенародного покаяния в этом злодействе. Новый государь, Василий Шуйский, нес раку с мощами лично, на плечах — из-за города и до собора Архангельского — «как бы желая усердием и смирением очистить себя», по словам летописца, от прежних прегрешений*.

Вслед за тем, желая снять несправедливую опалу с памяти последнего русского венценосца, он велел пышно и великолепно перенести тело царя Бориса, убиенного царевича Феодора и его матери Марии в Сергиеву лавру. «Но еще не довольно смирился перед Богом царь Василий, — написал позже церковный историк, — чтобы погасить гнев Божий на Россию за нечистоты сердечные, за клятвопрес-

---

* Некогда Шуйский, будучи послан в Углич для расследования дела о смерти отрока, поддержал версию о «случайном самоубийстве» царевича.

тупления и цареубийство. Повсюду начались волнения: сначала только потому, что Василий избран одною Москвою; далее стали говорить, что... Дмитрий спасся из Москвы во время восстания народного; появились и новые самозванцы» (8).

Всем стало ясно, что для укрощения Смуты необходимы меры не только административные, государственные, но прежде всего — религиозно-нравственные, духовные. Тогда царь и собор положили принести всенародное покаяние. В связи с этим, «для великого государя и земского дела» патриарх Гермоген пригласил в столицу своего славного предшественника — святителя Иова. «Молим со усердием святительство твое, — писал он архиерею-исповеднику, — и колена преклоняем: сподоби нас видети боголепное лице твое и слышати пресладкий глас твой... до сподобит премилостивый Бог за молитвы святые твои Российское государство жити в мире и в покое и в тишине» (9).

Казалось, к людям вернулось понимание того, как должны решаться вопросы и укрощаться нестроения в Православном Царстве Русском. Казалось, что понимание это готово претвориться в деяния, которые положат конец усобице на Руси. Казалось, что народ прозрел и желает лишь одного — искупить свой грех.

«Иов приехал и (20 февраля 1607 года) явился в соборном храме Успения, извне окруженном и внутри наполненном несметным количеством людей. Он стоял у патриаршего места в виде простого инока, но возвышаемый в глазах зрителей памятью его зна-

менитости и страданий за истину, смирением и святостью, отшельник, вызванный почти из гроба примирить Россию с небом. В глубокой тишине общего безмолвия и внимания поднесли Иову бумагу и велели патриаршему архидиакону читать ее на амвоне. В сей бумаге народ (и только один народ, а не царь) молил Иова отпустить ему, именем Божиим, все его грехи перед законом, строптивость, ослепление, вероломство; клялся впредь не нарушать присяги, быть верным государю; требовал прощения живым и мертвым, дабы успокоить души клятвопреступников и в другом мире; винил себя во всех бедствиях, ниспосланных Богом на Россию, но не винился в цареубийствах, приписывая убиение Феодора и Марии одному самозванцу; наконец молил Иова благословить царя, бояр, христолюбивое воинство и всех христиан, до торжествует царь над мятежниками и да насладится Россия счастьем тишины.

Иов отвечив грамотой, заблаговременно, но действительно им сочиненною, писанною известным его слогом, умилительно и красноречиво. Тот же архидиакон читал ее народу. Изобразив в ней величие России, созданное умом и счастьем ее монархов, Иов соболезновал о гибельных следствиях Димитриева заклания... напомнил единодушное избрание Годунова в цари и народное к нему усердие, дивился ослеплению народа, прельщенного бродягою, говорил: «Я давал вам страшную на себя клятву в удостоверение, что он самозванец; вы не хотели мне верить, и сделалось то, чему нет примера ни в священной, ни в светской истории». Описав все измены, бедствия

отечества и Церкви, свое изгнание, гнусное царевубийство, если не совершенное, то по крайней мере допущенное народом, воздав хвалу Василию, «царю святому и праведному», за великодушное избавление России от стыда и гибели, Иов продолжал: «Вы знаете, убит ли самозванец; знаете, что не осталось на земле и мерзкого тела его, а злодеи дерзают уверять вас, что он жив и есть истинный Димитрий! Велики грехи наши пред Богом, «в сии лета последняя», когда вымыслы нелепые, когда сволочь гнусная, тати, разбойники, беглые холопы могут столь ужасно возмущать отечество!» Наконец, исчислив все клятвопреступления, не исключая и данной Лжедмитрию присяги, Иов именем небесного милосердия, своим и всего духовенства объявил народу разрешение и прощение, в надежде, что он не изменит снова царю законному, и добродетель верности, плодом чистого раскаяния, умилоустивит Всевышнего, да победят врагов и возвратят государству мир с тишиною.

Действие было неопишное. Народу казалось, что тяжкие узы клятвы спали с него и что Сам Всевышний устами праведника изрек помилование России. Плакали, радовались, и тем сильнее тронуты были вестию, что Иов, едва успев доехать из Москвы в Старицу, и преставился. Мысль, что он, уже стоя на пороге вечности, беседовал с Москвою, умиляли сердца. Видели в нем мужа святого, который в последние минуты жизни и в последних молениях души своей ревностно занимался судьбою горестного отечества, умер, благословляя его и возвестив ему умилоустивление неба» (10).

Сперва показалось, что начали сбываться благие надежды, что чаще гнева Господня исходит свои последние скорбные капли. Молодой, отважный полководец Михаил Скопин-Шуйский — доверенное лицо царя Василия и любимец народа — рядом блестящих побед укрепил Московское государство, утопающее в пучине крамол. Но упованиям этим осуществиться было не дано. В расцвете сил, на 23-м году жизни, юный военачальник внезапно скончался, и Смута разбушевалась с новой силой.

17 июля 1610 года в Москве мятежники свели с престола царя Василия. Напрасно патриарх Гермоген с жаром и твердостью защищал законного государя, напрасно изъяснял народу, что нет спасения там, где нет благословения свыше, что измена царю есть богоборчество, что новое клятвопреступление не избавит, но лишь глубже погрузит Россию в пучину безначалия. Забылось в народе недавнее соборное раскаяние, в боярах проснулись всегдашние властные междоусобные счеты — и Москва оказалась во власти произвола и зависти, властолюбия и тщеславия, лицемерия и вражды.

Еще почти три года страданий и мук понадобилось Руси, чтобы вновь вернуться к мысли о том, что лишь покаяние в совершенных беззакониях и всеобщее, соборное избрание нового монарха, благословленное Церковью и принятое всем народом, могут спасти положение. Дважды за это время ходили русские полки освобождать столицу. Первое (рязанское) ополчение под предводительством Прокопия Ляпунова оказалось безуспешным, но на второй раз

войско князя Пожарского добилось своего — Москву очистили от поляков. 27 октября 1612 года капитулировал последний польский гарнизон в Кремле.

В числе других знатных пленников тогда был освобожден и отрок Михаил Романов-Юрьев, будущий Самодержец Всероссийский, основатель и первенец новой династии Русских Православных Государей. Опасаясь поляков (да и своих мятежников), он с матерью, инокиней Марфой, тут же покинул Москву, уехав в свою костромскую вотчину.

В столице же тем временем «бояре и воеводы писали во все города всяким людем, чтобы изо всех городов всего Российского царствия были к Москве митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, и из дворян, детей боярских, гостей, торговых, посадских и уездных людей, выбрав лучших, крепких и разумных — по сколько человек пригоже — для Земского Совета и для Государского сбирания прислали к Москве ж» (11). Собирался Великой Собор, Совет Всея Земли, который должен был решить, как жить России дальше.

На этот раз духовный разум и здравый смысл взяли верх. Несмотря на первоначальные волнения и несогласия, порешили «Литовского и Шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных не Православной веры на Московское государство не избирать», а «быти на всех великих преславных Российских государствах Государем всей Руси Самодержцем, Михаилу Феодоровичу Романову-Юрьеву... служить и прямить ему во всем, против его всяких недругов и изменни-

ков стояти крепко и неподвижно, и биться до смерти». 21 февраля 1613 года Михаил Феодорович был торжественно провозглашен Государем и Великим Князем Всея Руси Самодержцем. Благодарственное молебствие о здравии Богом избранного Государя, совершившееся во всех церквах с колокольным звоном, и всенародная присяга заключили это достопамятное событие.

Дело было за малым. Сам новоизбранный царь ничего еще не ведал о своем державном достоинстве, хоронясь в костромской глубинке. Потому для испрошения его согласия было отправлено особое посольство из духовных и светских чинов, с инструкциями и грамотами. Можно долго рассказывать о том, как отказывался от высокого избрания юный государь, как упорно не давала сыну своего материнского благословения старица Марфа. Казалось, уговоры бессмысленны.

Тогда послы и народ прибегли к последнему средству, испытанному уже однажды при избрании на царство Бориса Годунова. Они решили поколебать благочестивые сердца Михаила и Марфы напоминанием о великой ответственности за все могущие последовать для Отечества бедствия. «То ли угодно вам, — спросили они, — чтобы наши недруги торжествовали, попирали нашу православную веру, чтобы православные христиане были в расхищении и пленении? Все это: и поругание веры, и осквернение церквей, и гибель бесчисленного безгосударного народа, и междоусобные брани, и неповинную кровь взыщет Бог на вас в день Страшного

и праведного Своего Суда...» (11). Такое увещевание возымело силу, и согласие на царство было, наконец, получено. 1 июля 1613 года в Москве состоялось и Таинство Венчания: Россия вновь обрела законного и богоданного Государя.

Особенно ярко понимание религиозного смысла произошедшего проявляется в заключительных словах соборной клятвы, данной народом на Совете Всея Земли. Преступление против государства и государя признается в ней равно преступлением церковным, религиозным, направленным против промыслительного устройства земли Русской и достойного самых тяжких духовных кар. «Если же кто не похощет послушати сего соборного уложения, — говорит клятва, — которое Бог благословил, и станет иное говорить, таковой, будь он священного чину, от бояр ли, воинов или простых людей — по священным правилам Святых Апостолов и Седьми Вселенских Соборов... да будет извержен из чину своего и от Церкви Божией отлучен, и лишен приобщения Святых Христовых Таин, как раскольник Церкви Божией и всего православного христианства мятежник... и да не будет на нем благословения отныне и до века, ибо, нарушив соборное уложение, сам попал под проклятие».

Не под этими ли клятвами ходим мы и до сей поры, люди русские? Ужели водовороты страшной смуты XX века не заставят нас оглянуться на века минувшие, дабы усвоить их уроки? Дай нам Бог силы и разума, веру и жажду истины и праведности, которые не раз помогали уже предкам нашим выходить из самых затруднительных положений!..

ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ САМ В СЕБЕ, НЕ УСТОИТ

РАСКОЛ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ

Расколом принято называть произошедшее во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной Церкви части верующих, получивших название старообрядцев, или раскольников. Значение Раскола в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности.

О Расколе писали многие. Историки — каждый по-своему — толковали его причины и разъясняли следствия (большей частью весьма неудовлетворительно и поверхностно).

Рационализированные научные методики и широкая эрудиция ученых мужей оказались беспомощны там, где для решения вопросов требовалось понимание духовных, таинственных глубин народного сознания и благодатного церковного устройства.

Непосредственным поводом для Раскола послужила так называемая «книжная справа» — процесс исправления и редактирования богослужебных текстов. Не один историк останавливался в недоумении перед трудным вопросом: как столь ничтожная причина могла породить столь великие следствия, влияние которых мы до сих пор испытываем на себе? Между тем ответ достаточно прост — беда в том, что его не там искали. Книжная справа была лишь **поводом**, причины же, настоящие, серьезные, лежали гораздо глубже, коренясь в основах русского религиозного самосознания.

Религиозная жизнь Руси никогда не застаивалась. Обилие живого церковного опыта позволяло благополучно решать самые сложные вопросы в духовной области. Наиболее важными из них общество безоговорочно признавало соблюдение исторической преемственности народной жизни и духовной индивидуальности России, с одной стороны, а с другой — хранение чистоты вероучения независимо ни от каких особенностей времени и местных обычаев.

Незаменимую роль в этом деле играла богослужебная и вероучительная литература. Церковные книги из века в век являлись той незыблемой материальной скрепой, которая позволяла обеспечить непрерывность духовной традиции. Поэтому неудивительно, что по мере оформления единого централизованного Русского государства вопрос о состоянии книгоиздания и пользования духовной литературой превращался в важнейший вопрос церковной и государственной политики.

Еще в 1551 году Иоанн IV созвал собор, имевший целью упорядочить внутреннюю жизнь страны. Царь самолично составил перечень вопросов, на которые предстояло ответить собранию русских пастырей, дабы авторитетом своих решений исправить изъяны народной жизни, препятствовавшие душеспасению и богоугодному устройению Русского царства.

Рассуждения собора были впоследствии разделены на сто глав, откуда и сам он получил название Стоглавого. Предметом его внимания, среди многих других, стал и вопрос о церковных книгах. Их порча через переписывание неподготовленными писцами, допускавшими ошибки и искажения, была очевидна для всех. Собор горько жаловался на неисправность богослужебных книг и вменил в обязанность протопопам и благочинным исправлять их по хорошим спискам, а книг не пересмотренных не пускать в употребление. Тогда же возникло убеждение, что надо завести вместо писцов типографию и печатать книги.

После Стоглава вплоть до половины XVII века дело исправления книг существенных изменений не претерпело. Книги правились с добрых переводов по славянским древним спискам и неизбежно несли в себе все ошибки и неисправности последних, которые в печати становились еще распространеннее и тверже. Единственное, чего удалось достигнуть, было предупреждение новых ошибок — патриарх Гермоген установил для этого при типографии даже особое звание книжных справщиков.

В Смутное время печатный дом сгорел, и издание книг на время прекратилось, но, как только обстоятельства позволили опять, за издание взялись с завидным рвением. При патриархе Филатере (1619–1633), Иоасафе I (1634–1641) и Иосифе (1642–1652) труды, предпринятые по этой части, доказали необходимость сверки не по славянским спискам, а по греческим оригиналам, с которых когда-то и делались первоначальные переводы.

В ноябре 1616 года царским указом поручено было архимандриту Сергиевской лавры Дионисию, священнику села Климентьевского Ивану Наседке и канонархисту лавры старцу Арсению Глухому заняться исправлением Требника. Справщики собрали необходимую для работы литературу (кроме древних славянских рукописей было у них и четыре греческих Требника) и принялись за дело с живым усердием и должной осмотрительностью. Арсений хорошо знал не только славянскую грамматику, но и греческий язык, что давало возможность сличения текстов и обнаружения многочисленных ошибок, сделанных позднейшими переписчиками.

Книгу исправили — себе на беду. В Москве огласили их еретиками, и на соборе 1618 года постановили: «Архимандрит Дионисий писал по своему изволу. И за то архимандрита Дионисия да попа Ивана от церкви Божией и литургии служити отлучаем, да не священствуют». Пока происходили соборные совещания, Дионисия держали под стражей, а в праздничные дни в кандалах водили по Москве в назидание народу, кричавшему: «Вот

еретик!» — и бросавшему в страдальца чем ни попадя.

Восемь лет томился в заточении архимандрит, пока патриарх Филарет не получил в 1626 году письменный отзыв восточных первосвятителей в защиту исправлений, произведенных Дионисием. Как первый, дальний еще раскат грома предвещает грядущую бурю, так этот случай с исправлением Требника стал провозвестником Раскола. В нем с особой отчетливостью отразились причины надвигающейся драмы, и потому он достоин отдельного обстоятельного рассмотрения.

Дионисия обвинили в том, что он «имя Святой Троицы велел в книгах марать и Духа Святого не исповедует, яко огонь есть». На деле это означало, что исправители полагали сделать перемены в словословиях Святой Троицы, содержащихся в окончании некоторых молитв, и в чине водосвятного молебна исключили (в призывании ко Господу «освятить воду сию Духом Святым и огнем») слова «и огнем», как внесенные произвольно переписчиками.

Бурная и резкая отповедь, полученная справщиками, осуждение и заточение Дионисия кажутся большинству современных исследвателей совершенно несоответствующими малости его «проступка»*. Неграмотность и сведение личных счетов не может удовлетворительно объяснить произошедшее. Ис-

---

* Даже церковные авторитеты, известные своей широкой эрудицией, — такие, как отец Георгий Флоровский (в его «Путиях русского богословия»), недоуменно говорят о «неясности дела», о том, что «мы с трудом можем сообразить, почему справщиков судили и осудили с таким надрывом и возбуждением».

правление в большинстве случаев сводилось просто к восстановлению смысла, да и против справщиков выступали не только малоученые уставщики лавры, но и московское духовенство. Ученый старец Антоний Подольский написал даже против Дионисия обширное рассуждение «Об огне просветительном»...

Причина непонимания здесь — как и во многих иных случаях, одна: оскудение личного духовного опыта, присущего настоящей, неискаженной церковной жизни. Его значение невозможно переоценить. Мало того, что он дает человеку бесценный внутренний стержень, живую уверенность в смысле и цели существования — в масштабах исторических он служит единственным связующим звеном в бесконечной череде сменяющих друг друга поколений, единственным мерилom преемственности и последовательности народной жизни, единственной гарантией понимания нами собственного прошлого. Ведь содержание этого духовного опыта не меняется, как не меняется Сам Бог — Его неисчерпаемый источник.

Что касается осуждения Дионисия, то оно прямо связано с той ролью, какую играли понятие благодатного огня в православной мистике. Дело в том, что описать достоверность и точно благодатные духовные переживания человека невозможно. Можно лишь образно засвидетельствовать о них. В этих свидетельствах, рассеянных во множестве на страницах Священного Писания и творений Святых Отцов, чуть ли не чаще всего говорится об огне. «Огонь пришел я низвесть на землю: и как желал

бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12: 49) — свидетельствует Сам Господь о пламени благочестивой ревности, любви и милосердия, которым пламенело Его сердце.

«Духа не угашайте» (1 Сол. 5: 19), — призывает христиан первоверховный апостол Павел. «Я всеми силами молюсь о вас Богу, чтобы Он вверг в ваши сердца огонь, да возможете право править вашими намерениями и чувствами и отличать добро от зла», — говорил своим духовным чадам Антоний Великий, древний основатель скитского монашеского жития. Учитывая высочайший уровень личного благочестия на Руси в начале XVII века, полноту и глубину благодатного опыта не только среди иночества, но и у большинства мирян, с этой точки зрения вряд ли покажется странной болезненная реакция общества на правку Дионисия.

В ней усмотрели противоречие с самой духовной жизнью Церкви, заподозрили опасность пренебрежительного, бестрепетного отношения к благодати Божией, «огнем попадающей» терние грехов человеческих. Опасность эта в общественном сознании, еще не успокоившемся после мятежей Смутного времени, прочно связывалась с ужасами государственного распада и державной немощи. По сути дела Дионисий был прав — слова «и огнем» действительно являлись позднейшей вставкой, подлежащей исправлению, но и противники его вовсе не были невеждами и мракобесами.

Дело исправления оказалось вообще трудным и сложным. Речь шла о безупречном издании чинов

и текстов, переживших вековую историю, известных во множестве разновременных списков — так что московские справщики сразу были вовлечены во все противоречия рукописного предания. Они много и часто ошибались, сбивались и запутывались в трудностях, которые могли бы поставить в тупик и сегодняшних ученых*.

Впрочем, для успешности работ было сделано все что можно. Непрестанное внимание уделялось предприятию на самом высоком уровне. «Лета 7157 (1649), мая в девятый день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси указу, и по благословлению господина святителя (патриарха. — *Прим. авт.*) Иосифа... велено было ехать в Иерусалим» (1). Следствием указа стало отправление на Восток за древними достоверными списками книг келаря Арсения Суханова, исколесившего в поисках таковых не одну сотню верст и вывезшего в Россию около 700 рукописей, 498 из которых были собраны им в Афонских монастырях, а остальные обреты в «иных старожитных местах» (2).

25 июля 1652 года патриаршество всея Руси принял новгородский митрополит Никон. Связанный с государем Алексеем Михайловичем узами тесной личной дружбы, одаренный недюжинными способностями ума и волевым, решительным характером, он с присущей ему энергией взялся за дела

* Понятие «исправного издания» далеко не однозначно, и самый вопрос о соотношении славянского и греческого текстов тоже не прост и не может быть сведен к проблеме «оригинала» и «перевода». Тем более сложной становилась работа из-за ее принудительной спешности, ибо книги правились для практической нужды, ради немедленного употребления.

церковного устройства, среди которых важнейшим продолжало числиться дело исправления книг. В тот день вряд ли кому могло прийти в голову, что служение Никона будет прервано драматическими событиями: Расколом, борьбой за самостоятельность церковной власти, разрывом с царем, соборным судом и ссылкой в дальний монастырь — в качестве простого поднадзорного монаха.

Через два года по вступлении на престол перво-святителя России патриарх созвал русских архиереев на собор, где была окончательно признана необходимость исправления книг и обрядов. Когда первая часть работы была проделана, то для рассмотрения ее Никон созвал в 1656 году новый собор, на котором вместе с русскими святителями присутствовали два патриарха: Антиохийский Макарий и Сербский Гавриил. Собор одобрил новоисправленные книги и повелел по всем церквам вводить их, а старые отбирать и сжигать*.

Казалось бы, все происходит в полнейшем соответствии с многовековой церковной практикой, ее традициями и не может вызвать никаких нареканий. Тем не менее именно с этого времени появляются в среде духовенства и народа хулители «новшеств», якобы заводимых в Церкви и в государстве Русском всем на погибель.

---

* Следует сказать, что жгли книги не почему-либо иному, как из глубокого уважения к ним. Содержащую священные тексты книгу — пусть она даже содержит ошибки, делающие ее неприемлемой, — нельзя просто выбросить или порвать. Ее должно сжечь, ибо огонь есть символ очищения. Так же, кстати, уничтожаются иконы, вышедшие из употребления по старости или испортившиеся.

Царю подавали челобитные, умоляя защитить Церковь. Про греков, считавшихся источниками «новшеств», говорили, что они под турецким игом изменили Православию и предались латинству. Никона ругали изменником и антихристом, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах. Несмотря на то, что подавляющее большинство населения признало дело «книжной sprawy» с пониманием и покорностью, общество оказалось на грани новой Смуты.

Патриарх принял свои меры. Павел, епископ Коломенский, отказавшийся безоговорочно подписать соборное определение, одобрявшее исправления, был лишен сана и сослан в Палеостровский монастырь, другие вожди Раскола (протопопы Аввакум и Иоанн Неронов, князь Львов) также разсланы по дальним обителям. Угроза новой Смуты отпала, но молва о наступлении последних времен, о близком конце света, о патриаршей «измене» продолжала будоражить народ.

С 1657 года в результате боярских интриг отношения царя с патриархом стали охладевать. Результатом разрыва стало оставление Никоном Москвы в 1658 году и его добровольное самозаточение в Воскресенской обители. Восемь лет пробыл патриарх в своем любимом монастыре. Восемь лет столица оставалась без «настоящего» патриарха, обязанности которого самим же Никоном были возложены на Крутицкого митрополита Питирима. Положение становилось невыносимым, и в конце концов недоброжелатели первосвященника добились своего: в конце

1666 года под председательством двух патриархов — Антиохийского и Александрийского, в присутствии десяти митрополитов, восьми архиепископов и пяти епископов, сонма духовенства черного и белого состоялся соборный суд над Никоном. Он постановил: лишить старца патриаршего сана и в звании простого монаха отослать на покаяние в Ферапонтов-Белозерский монастырь.

Казалось бы, с опалой главного сторонника исправления книг и обрядов дело «ревнителю старины» должно пойти в гору, но в жизни все произошло иначе. Тот же собор, что осудил Никона, вызвал на свои заседания главных распространителей Раскола, подверг их «мудрствованию» испытанию и проклял как чуждые духовного разума и здравого смысла. Некоторые раскольники подчинились материнским увещаниям Церкви и принесли покаяние в своих заблуждениях. Другие — остались непримиримыми.

Таким образом религиозный Раскол в русском обществе стал фактом. Определение собора, в 1667 году положившего клятву на тех, кто из-за приверженности неисправленным книгам и мнимо-старым обычаям является противником Церкви, решительно отделило последователей этих заблуждений от церковной паствы...

Раскол долго еще тревожил государственную жизнь Руси. Восемь лет (1668–1676) тянулась осада Соловецкого монастыря, ставшего оплотом старообрядчества. По взятии обители виновники бунта были наказаны, изъявившие покорность Церкви и царю — прощены и оставлены в прежнем положении. Через

шесть лет после того возник раскольнический бунт в самой Москве, где сторону старообрядцев приняли, было, стрельцы под начальством князя Хованского. Прения о вере по требованию восставших проводились прямо в Кремле в присутствии правительницы Софии Александровны и патриарха.

Стрельцы, однако, стояли на стороне раскольников всего один день. Уже не следующее утро они принесли царевне повинную и выдали зачинщиков. Казнены были предводитель старообрядцев попарасстрига Никита Пустосвят и князь Хованский, замышлявшие поднять новый мятеж.

На этом прямые политические следствия Раскола заканчиваются, хотя раскольничьи смуты долго еще вспыхивают то тут, то там — по всем необъятным просторам Русской земли. Раскол перестает быть фактором политической жизни страны, но как душевная незаживающая рана — накладывает свой отпечаток на все дальнейшее течение русской жизни.

Как явление русского самосознания, Раскол может быть осмыслен и понят лишь в рамках православного мировоззрения, церковного взгляда на историю России.

Уровень благочестия русской жизни XVII века был чрезвычайно высок даже в ее бытовой повседневности. «Мы выходили из церкви, едва волоча ноги от усталости и непрерывного стояния, — свидетельствует православный монах Павел Алеппский, посетивший в это время Москву в свите Антиохийского патриарха Макария. — Душа у нас расставалась с телом от того, сколь длительны у них

и обедни и другие службы... Что за крепость в их телах и какие у них железные ноги! Они не устают и не утомляются... Какое терпение и какая выносливость! Несомненно, что все эти люди святые: они превзошли подвижников в пустынях» (3), — удивлялся Павел россиянам.

Слова его, конечно, не следует воспринимать буквально. Да и длительное стояние в церкви само по себе еще ни о чем не говорит. Однако всякий, имеющий внутренний молитвенный опыт, знает по себе, сколько невыносимо тягостно пребывание в храме «по обязанности» и как незаметно летит время, когда Господь посещает наше сердце духом ревностной, пламенной молитвы, совокупающей воедино все силы человеческого естества «миром Божиим, превосходящим всякое разумение» (Флп. 4: 7).

Помня об этом, мы по-новому оценим и ту приверженность обряду, то благоговение перед богослужебной формой, которые, несомненно, сыграли в Расколе свою роль. Говоря «умрем за единый аз» (то есть за одну букву), ревнители обрядов свидетельствовали о высочайшем уровне народного благочестия, самым опытом связанного со священной обрядовой формой.

Только полное религиозное невежество позволяет толковать эту приверженность богослужебной форме как «отсталость», «неграмотность» и «неразвитость» русских людей XVII века. Да, часть из них ударились в крайность, что и стало поводом для Раскола. Но в основе своей это глубокое религиозное чувство было здоровым и сильным — доказатель-

ством служит тот факт, что, отвергнув крайности Раскола, Православная Церковь доселе сохранила благоговейное почтение к древним церковным традициям.

В каком-то смысле именно «избыток благочестия» и «ревность не по разуму» можно назвать среди настоящих причин Раскола, открывающих нам его истинный религиозный смысл. Общество расколосось в зависимости от тех ответов, которые давались на волновавшие всех, всем понятные в своей судьбоносной важности вопросы:

— Соответствует ли Россия ее высокому служению избранницы Божией?

— Достоин ли несет народ русский «иго и бремя» своего религиозно-нравственного послушания, своего христианского долга?

— Что надо делать, как устроить дальнейшую жизнь общества, дабы обезопасить освященное Церковными Таинствами устройство жизни от разлагающего, богоборческого влияния суетного мира, западных лжеучений и доморощенный соглашателей?

В напряженных раздумьях на эти темы проходил весь XVII век. Из пламени Смуты, ставшей не только династическим кризисом, политической и социальной катастрофой, но и сильнейшим душевным потрясением, русский народ вышел «встревоженным, впечатлительным и очень взволнованным». Временной промежуток между Смутой и началом петровских реформ стал эпохой потерянного равновесия, неожиданностей и громогласных споров, небывалых и неслыханных событий.

Этот драматический век резких характеров и ярких личностей наиболее пронизательные исторические не зря называли «богатырским» (С. М. Соловьев). Неверно говорить о «замкнутости», «застое» русской жизни в XVII столетии. Напротив, то было время столкновений и встреч как с Западом, так и с Востоком — встреч не военных или политических, которые Руси издавна были не в новинку, но религиозных «идеологических» и мировоззренческих.

«Историческая ткань русской жизни становится в это время как-то особенно запутанной и пестрой, — пишет церковный историк. — И в этой ткани исследователь слишком часто открывает совсем неожиданные нити... Вдруг показалось: а не стали уже и Третий Рим царством дьявольским, в свой черед... В этом сомнении исход Московского царства. «Иного отступления уже не будет, zde бо бысть последняя Русь»... В бегах и нетях, вот исход XVII века. Был и более жуткий исход: «деревян гроб сосновый», гарь и сруб...» (4).

Многочисленные непрерывные испытания утомили народ. Перемены в области самой устойчивой, веками незыблемой — религиозной — стали для некоторых умов искушением непосильным, соблазном гибельным и страшным. Те, у кого не хватило терпения, смирения и духовного опыта, решили — все, история кончается. Русь гибнет, отдавшись во власть слуг антихристовых. Нет более ни царства с Помазанником Божиим во главе, ни священства, облеченного спасительной силой благодати. Что остается? Спасаться в одиночку, бежать,

бежать вон из этого обезумевшего мира — в леса, в скиты. Если же найдут — и на то есть средство: запереться в крепком срубе и запалить его изнутри, испепелив в жарком пламени смолистых бревен все мирские печали...

Настоящая причина Раскола — благоговейный страх: не уходит ли из жизни благодать? Возможно ли еще спасение, возможна ли осмысленная, просветленная жизнь? Не иссяк ли церковный источник живой воды — покоя и мира, любви и милосердия, святости и чистоты? Ведь все так изменилось, все сдвинулось со своих привычных мест. Вот и Смута, и книжная справа подозрительная... Надо что-то делать, но что? Кто скажет? Не осталось людей духовных, всех повывели! Как дальше жить? Бежать от жгучих вопросов и страшных недоумений, куда угодно бежать, лишь бы избавиться от томления и тоски, грызущей сердце...

В этом мятежном неустройстве — новизна Раскола. Ее не знает Древняя Русь, и «старообрядец» на самом деле есть очень новый душевный тип.

Воистину, глядя на метания Раскола, его подозрительность, тревогу и душевную муку (ставшую основанием для изуверства самосжигателей), понимаешь, сколь страшно и пагубно отпадение от Церкви, чреватое потерей внутреннего сердечного лада, ропотом и отчаянием.

Все претерпеть, отринуть все соблазны, пережить все душевные бури, лишь бы не отпасть от Церкви, только бы не лишиться ее благодатного покрова и всемогущего заступления — таков религиоз-

ный урок, преподанный России тяжелым опытом Раскола.

ПАТРИАРХ НИКОН

Самосознания народа не существует в «чистом» виде — это всего лишь отвлеченное понятие, помогающее духовно осмыслить исторический путь России. И все же оно есть и действует как реальная, осязаемая сила, особенно ясно и отчетливо являя себя в деятельности исторических личностей переломных эпох, когда вихрь событий выносит на поверхность жизни глубинные пласты народной психики, мобилизует душевные силы народа, его религиозно-нравственные резервы...

Выдвигая на историческую авансцену людей, воплотивших в себе лучшие народные качества, Русь как бы приоткрывает покров таинственности, печатлеющий ее Божественное предназначение, ее промыслительное служение. Одним из таких людей несомненно является патриарх Никон. Внимательное рассмотрение его драматического жития помогает многое понять в непредсказуемой русской судьбе.

Святейший патриарх Никон, во святом крещении Никита, родился в 1605 году в селе Вельдеманове Княгининского уезда Нижегородской губернии. Рано лишившись матери и вытерпев много горя от злой мачехи, смысленный мальчик сумел выучить-

ся грамоте, а приобщившись через чтение и личное благочестие к дарам церковной благодати, возревновал об иноческом служении.

Двенадцати лет от роду он тайно ушел в Макарьевский Желтоводский монастырь и восемь лет пробыл там послушником, готовясь принять монашеский постриг. За это время отрок хорошо изучил церковные службы, в монастырской библиотеке приобрел обширные познания, набрался духовного опыта, удивляя братию силой своего характера и строгостью жизни.

Тем не менее Никите пришлось покинуть обитель, уступая просьбам родственников, — он вернулся домой и женился. Вскоре его пригласили священником в соседнее село, где с молодым умным пастырем познакомились московские купцы, приехавшие на знаменитую Макарьевскую ярмарку. Они же уговорили его перейти на священническое место в Москву, где отец Никита и прослужил около десяти лет. Когда прижитые в браке дети умерли, он убедил жену принять постриг, а сам удалился в Анзерский скит Соловецкого монастыря.

Постригшись там с именем Никона, он предался суровым подвигам благочестия. Со временем переселившись в Кожеезерский монастырь, в 1643 году был избран там игуменом. Будучи тремя годами позже в Москве по монастырским делам, Никон впервые встретился с царем Алексеем. Величественная наружность игумена, его умные речи и широкое образование произвели на молодого, искренне прилежавшего Церкви государя неизгладимое впе-

чатление. С того времени началось их сближение, перешедшее вскоре в тесную дружбу.

Желая иметь своего «собинного» друга возле себя, царь повелел перевести его архимандритом московского Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница Романовых. Алексей Михайлович часто приезжал в обитель молиться за упокой своих предков. В свою очередь Никон должен был каждую пятницу являться к государю для доклада о нуждах бедных, обиженных и угнетенных. Совместная благотворительность сближала их еще сильнее.

В 1648 году Никону было определено стать митрополитом Новгородским. От царя он получил особые полномочия — наблюдать за всем управлением и освобождать по своему усмотрению узников из темниц. На втором году его архиерейства в городе вспыхнул бунт: народ по незнанию принял хлеб, вывозимый в Швецию (в счет выкупа за православных беглецов, искавших у России защиты), за признак боярской измены. Владыка бесстрашно вышел к мятежникам, вразумляя бунтовавших сперва кротко, а затем со всей силой митрополичьей власти и архипастырского дерзновения. Чернь избивала его до полусмерти. Очнувшись, Никон собрал последние силы, отслужил литургию в Софийском соборе и крестным ходом пошел на бунтующих. Пораженные его твердостью, они смирились, просили прощения и ходатайства Никона перед царем.

«О, крепкий воине и страдальче Царя Небесного, о, возлюбленный мой любимче и сослужебниче, святой владыко, — писал Никону царь двумя года-

ми позже, приглашая его в Москву принять участие в выборах нового патриарха взамен почившего Иосифа. — Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам... а без тебя отнюдь ни за что не примемся». Влияние Никона росло несмотря на боярское недовольство, и на соборе в Москве он был назван в числе «двоюнадесяти духовных мужей», которые по велению царя были представлены духовенством в качестве кандидатов «ко избранию на патриарший престол».

22 июля съехавшемуся на собор священству было предложено возвести достойнейшего из них — «мужа благоговейного и преподобного» на патриарший престол. Митрополит Казанский Корнилий известил царя об избрании Никона, но согласие последнего последовало далеко не сразу. Разумея тяготы предстоящего служения, зная о враждебном отношении к нему со стороны боярства, Никон долго отказывался. Даже приведенный против воли в Успенский собор Кремля, он не соглашался и там.

Лишь тогда, когда царь и все присутствовавшие пали на землю и со слезами просили его не отречься вновь, он, умиленный, согласился, но потребовал от присутствующих обязательства «содержать евангельские догматы и соблюдать правила святых апостолов и законы благочестивых царей». «Если обещаетесь слушаться меня, — просил Никон, — как вашего главного архипастыря и отца во всем, что буду возвещать вам о догматах Божиих и о правилах, в таком случае я, по вашему желанию, не стану больше отречься от великого архиерейства». Царь, бояре и освященный собор произнесли

пред святым Евангелием и чудотворными иконами обет исполнять предложенное Никоном, после чего он занял место патриарха всея Руси.

«Тесная дружба соединяла Никона с царем. Вместе молились они, рассуждали о делах, садились за трапезу. Патриарх был восприемником детей царских. Ни одно государственное дело не решалось без участия Никона. Великий ум последнего впечатлен на счастливых годах царствования Алексея», — пишет церковный исследователь, осмысливая роль патриарха в русской жизни той поры с высоты XX столетия.

Державные заслуги превосвятителя велики и несомненны. Он сыграл чуть ли не решающую роль в деле присоединения Малороссии. Благословил царя на войну с Польшей ради воссоединения русских земель. Отправляясь в 1654 году в поход, Алексей оставил Никона правителем государства, несмотря на очевидное недовольство родовитых бояр. По возвращении с войны, встреченный патриархом в Вязьме, царь от радости при свидании наградил Никона титулом «великий государь».

«Отец и богомолец» царский, «великий государь, святейший Никон, патриарх Московский и всея Руси» стал ярчайшим и авторитетнейшим выразителем русского взгляда на «симфонию властей» — основополагающую идею православной государственности, утверждающую понимание власти духовной и светской как самостоятельных религиозных служений, церковных послушаний, призванных взаимными гармоничными усилиями управлять «народ

Божий» во благонравии и покое, необходимых для спасения души. В предисловии к Служебнику, изданному в августе 1655 года по его благословению, говорится, что Господь даровал России «два великия дара» — благочестивого и христоролюбивого великого государя-царя и святейшего патриарха.

«Богоизбранная сия и богомудрая двоица», как вытекает из текста, есть основа благополучия и благоденствия Руси. «Да даст же (Господь) им, государям, по пророку (то есть согласно пророческим словам Священного Писания — *прим. авт.*), желание сердец их... да возрадуются все, живущие под державою их... яко да под единым их государским повешением вси, повсюду православнии народи живущие, утешительными песньми славят воздвигшего их истиннаго Бога нашего», — говорится в заключении. Именно нарушение этого взаимного сочетания властей, ставшее следствием целого ряда причин политического, религиозного и личного характера, легло в основание последовавшей драмы (а в перспективе более длительной — привело к ужасам советского богоборчества после Октябрьской революции).

Никон был суров и строг — равно к себе и царю — там, где дело касалось духовного здоровья общества, авторитета Церкви и ее способности благотворно влиять на государственные институты России. «Патриаршие стрельцы постоянно обходят город, — писал упоминавший уже диакон Павел Алеппский, — и как только встретят священника и монаха нетрезвого, немедленно берут его в тюрьму и подвергают всякому поношению... Замеченные в

пьянстве или нерадивом исполнении пастырских обязанностей ссылаются в сибирские монастыри»*.

Трепетали перед Никоном и государевы люди. Его требовательность и непреклонность казались гордым боярам оскорбительными. «Неколи-де такого бесчестья не было, чтобы ныне государь выдал нас митрополитам», — роптали недовольные сановники. «Что же должны были они чувствовать, когда Никон сделался... вторым «великим государем», начал давать свои приказы и указы..., заставлял их стоять перед собою и с покорностью выслушивать его волю, публично обличал их за то или другое, не щадя их имени и чести? Могли ли они не употребить всех своих усилий, чтобы свергнуть Никона?! — говорит Макарий, митрополит Московский, автор обширного труда по истории Церкви.

В 1658 году царю подали жалобу на Никона. Благовидным предлогом для нее стало обвинение патриарха в неприемлемых нововведениях, а настоящей целью — поколебать его положение, «вбить клин» между государем и первосвященником**. Пат-

---

* О патриарших стрельцах и вообще о материальном положении Церкви стоит сказать отдельно. Да, Никон увеличивал церковные имения вопреки Уложению 1649 года, запрещавшему делать это. Он фактически упразднил Монастырский приказ, который должен был ведать духовенством по гражданским делам. Но в то же время никогда еще в казну государства не поступало столь великий церковных сборов, как при Никоне. На случай войны сам патриарх выставлял в поле 10000 ратников; еще столько же воинов давали монастыри. Тем, кто обвиняет Никона в неумном властолюбии, недурно бы подумать о том, какое применение могла найти эта армия в начавшейся распре царя и патриарха, если бы последний действительно был властолюбив.

** Что касается «нововведений», то беспристрастное исследование показывает ошибочность устоявшегося взгляда на Никона как на глав-

риарх окружил себя недоступным величием, «возлюбил стоять высоко, ездить широко», — сетуют жалобщики. Это обвинение — в посягательстве на права и целостность царской власти — стало мощным орудием, с помощью которого недоброжелатели Никона последовательно и терпеливо разрушали его дружбу с царем.

На самом деле великолепие и пышность патриаршего двора не имели ничего общего с честолюбивыми устремлениями, в которых упорно обвиняли святейшего. Они ни в коем случае не простирались на его личную жизнь, по-прежнему отличавшуюся суровой аскезой. Величие Церкви и ее первостепенную роль в русской жизни — вот что должны были, по замыслу Никона, знаменовать его торжественные, величественные богослужения.

«Мы были поражены изумительной правильностью и порядком всех этих церемоний и священнодействий, — пишут свидетели-иностранцы. — Несмотря на то, что мы чувствовали сильный холод и великую усталость вследствие долгого стояния без движения, мы забывали об этом от душевного восхищения, созерцая такое торжество Православия». К подобному отзыву нечего добавить...

Подозрительность и клевета одних, уязвленное самолюбие и неуемное тщеславие других, малодушие и неразумение третьих делали свое дело. Посте-

---

ного вдохновителя и проповедника неоправданных новшеств. Именно он, возревновав против икон латинского письма, велел отобрать такие иконы у всех, кто их имел. У некоторых бояр он распорядился сжечь вывезенные с Запада картины и органы. Тщательно соблюдая все церковные службы, патриарх всегда имел при себе во время богослужения древнейшие требники, для сличения образов и молитв.

пенно отношения Алексея Михайловича с патриархом стали охладевать, и охлаждение это неизбежно проявлялось в делах. Царь отменил некоторые распоряжения патриарха, стал назначать священников и игуменов без согласования с Никоном. Наконец, летом 1658 года произошел открытый разрыв.

«Царское величество на тебя гневен, — объявил святейшему князь Юрий Ромодановский, посланник царя. — Ты пренебрег царское величество, и пишешься великим государем, а у нас один великий государь — царь».

Внешности обвинений не стоит придавать слишком большое значение, зато их действительный смысл несомненен. Боярство, сумевшее в данном случае вовлечь в свои планы царя, заявляло о намерении существенно усилить влияние государства в церковной жизни, одновременно сократив воздействие Церкви на светскую власть (7).

Никон хорошо понимал губительность подобных притязаний. В то же время он ясно сознавал, что открытое междоусобие, «силовое» сопротивление царской воле со стороны духовной власти может вызвать в России очередную смуту, результаты которой станут трагедией для всей Руси, подорвав многовековые корни, питающие религиозную основу русского бытия*. После длительных молитвен-

---

* Это лучше всего подтверждается дальнейшим течением российской истории. Общество, столь чуткое религиозно, столь трепетно и напряженно хранящее сознание своего мистического предназначения, даже на эти — относительно слабые — потрясения ответило трагедией Раскола. Можно только догадываться, какова была бы судьба страны и народа, если бы патриарх избрал путь открытого сопротивления, публичного обличения и жесткого противостояния светской власти.

ных размышлений он выбрал единственно возможный для себя путь: незаконным притязаниям не подчиняться, в открытое противостояние не вступать; указывая на нетерпимость положения, рассчитывая на отречение и покаяние со стороны светской власти, оставить кафедру Московского первосвященника и удалиться в подмосковный Воскресенский монастырь.

Отринув советы своих ближних бояр «престать от такового дерзновения и не гневать великого государя», патриарх утром 10 июля, после совершения литургии и произнесения положенного поучения из бесед Иоанна Златоуста, объявил вслух, что он оставляет патриаршую кафедру, поставил к Владимирской иконе Божией Матери патриарший посох и в ризнице написал письмо царю.

Смущенный царь желал успокоить Никона, но их примирение никак не входило в планы боярской верхушки. Посланный Алексеем князь Трубецкой вовсе не имел расположения мирить патриарха с царем, и вместо успокоительных речей обрушил на первосвященителя град упреков. Никон обличил посланника в недостойных интригах, переоблачился и пешком отправился из Кремля на Иверское подворье. Народ простосердечно плакал и держал двери храма, пытаясь предотвратить отшествие архипастыря. С подворья патриарх уехал в Воскресенскую обитель, откуда прислал благословение управлять делами церковными митрополиту Питириму Крутицкому, оставив за собой три монастыря, особенно близких и дорогих своему сердцу. Царю написал теплое, трогательное

письмо, в котором смиренно просил о христианском прощении за свой скорый отъезд.

Бывали на Руси и раньше случаи оставления престола иерархами, но такого принародного ухода (и сохранения за собой патриаршего звания без управления делами) не случалось. Никон становился как бы живым укором для тех, кто настраивал царя против первосвященника.

В своих монастырях патриарх устроил житие образцовое и благочинное. Всех странников и богомольцев приказывал поить и кормить по три дня даром, в монахи принимал безвкладно, всем давая платье за счет обители. В праздники всегда трапезовал с братией и сам лично омывал ноги всем богомольцам и заезжим путникам (8).

Впрочем, былая дружба с государем давала время от времени себя знать, пугая бояр возможностью возвращения Никона. Царь утвердил оставление за ним трех просимых монастырей с вотчинами, справлялся о его здоровье, во время набега крымского хана заботился о безопасности. Извещая патриарха письмом о болезни боярина Морозова (свояка и бывшего воспитателя), попутно просил простить его, если была от него святейшему какая-либо «досяда». Никон ответил сердечным письмом — казалось, отношения снова налаживаются.

Но надежде этой не суждено было сбыться. Интриги и злоречие приносили свои горькие плоды — несколькими взаимными резкостями патриарх и царь оборвали тонкую нить возрождающегося единомыслия окончательно. В 1662 году в качестве

последнего аргумента Никон пишет «Разорение» — обширное сочинение, насчитывающее более 900 страниц текста, в опровержение мнений своих противников и в защиту своей позиции (9).

Время шло, и положение Русской Церкви, лишенной законного управления, становилось нестерпимым. Наконец, в 1666 году в Москве собрались на собор русские пастыри, прибыли и специально приглашенные по этому поводу царем патриарх Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, имея полномочия от остальных православных патриархов для решения судьбы Никона.

Решением соборного суда было: лишить Никона патриаршества и священства, сослать его в Ферапонтов монастырь. «Отселе не будеши патриарх, и священная да не действуеши, но будеши яко простой монах», — торжественно объявили судьи Никону. Однако народ любил его, несмотря на происки бояр и определения суда, так что удаляя бывшего патриарха из Москвы, опасаясь волнений, его окружили многочисленной стражей, а к москвичам обратились с пространном манифестом, перечислявшим «вины» низложенного первосвященителя.

Царь не держал на Никона зла. По его воле положение узника в монастыре не было обременительным: ему позволено было иметь свою церковь, богослужения в которой совершали священноиноки патриаршего рукоположения, добровольно последовавшие за ним в заточение.

В монастыре Никона почитали все больше. Любя труды подвижнические, он расчищал лесные

участки, разрабатывал поле для посевов хлебов и овса. Толпы народа стекались к нему за благословением. Алексей Михайлович присылал опальному иноку подарки, они обменивались грамотами. Радовался Никон второму браку царя, женившегося на Наталии Кирилловне Нарышкиной, и рождению царевича Петра. «От отца моего духовного, великого господина святейшего Никона иерарха и блаженно-го пастыря — аще же и не есть ныне на престоле, Богу так изволившу — прощения прошу и разрешен-ния», — написал царь в своем завещании.

Узнав о смерти монарха, Никон прослезился и сказал: «Воля Господня да будет... Подражая учителю своему Христу, повелевшему оставлять грехи ближним, я говорю: Бог простит покойного...»

С воцарением Феодора Алексеевича положение Никона ухудшилось. Из Москвы был удален его доброжелатель боярин Артамон Матвеев, потеряли значение благоволившие к нему Нарышкины. Первенствующее значение при дворе получили Милославские и Хитрово, враги ссыльного архипастыря. Его перевели в Кириллов монастырь, где Никону предстоял «последний период испытаний, из которого вышел он как золото, искушенное в горниле» (М. В. Толстой). Страдая от угара в дымных кельях, теряя остатки здоровья, старец едва не скончался от «невыразимого томления», помышляя лишь о вечности, оставив мирские попечения и житейскую суету.

Мудрая тетка царя, царевна Татьяна Михайловна, всегда относившаяся к Никону с большой

любовью, убедила нового государя поставить перед собором вопрос о дозволении старцу вернуться в Воскресенскую обитель, братия которой подала челобитную с мольбой о судьбе ссыльного первосвященника. Патриарх Иоаким долго не соглашался, но весть о принятии Никоном схимы и его плачевном телесном состоянии решила дело: благословение на возвращение было дано.

День своего освобождения Никон предугадал заранее по тайному благодатному предчувствию. Ко всеобщему изумлению он вдруг велел своей келейной братии собраться и отдал распоряжение готовиться в путь. Путь этот, ставший его последним земным странствием, послужил одновременно дорогой его духовного торжества.

В сретение старцу выходили насельники окрестных монастырей, стекавшиеся местные жители благоговейно просили архипастырского благословения. Но силы уже окончательно оставляли его, и 17 августа 1681 года в обители Всемилоственного Спаса Никон мирно почил в кругу своих верных сподвижников и духовных чад.

Царь Феодор, не зная еще о преставлении Никона, послал ему навстречу свою карету. Узнав же о случившемся и прочитав завещание усопшего, в котором святитель назначал его своим душеприказчиком, с умилением сказал: «Если так святейший Никон патриарх возложил на меня всю надежду, воля Господня да будет, и я его в забвении не положу». Участвуя в погребении, государь сам на плечах своих нес гроб с телом покойного, а после, незадолго

до собственной кончины, испросил у сопшем разрешительные грамоты четырех патриархов, восставливающие Никона в патриаршем достоинстве и признававшие церковные его заслуги...

Историки часто сетуют на то, что поведение Никона в споре с государственной властью было политически непродуманным, противоречивым и непоследовательным. Не умея объяснить этого в умном и волевом патриархе, они придумали сказку о его «своенравии» и «тяжелом характере». Слов нет, у каждого человека свои слабости, и Никон не был исключением, но вся его деятельность, тем не менее, была строго последовательна и ясно осознана — чтобы увидеть это, надо лишь взглянуть на нее с церковной точки зрения.

В Никоне с совершенной полнотой отразилось самосознание Русской Церкви, самосознание духовной власти, твердо разумеющей свое высочайшее призвание и величайшую ответственность: отвергающей возможность каких-либо уступок и послаблений в святой области ее пастырских попечений; тщательно хранящей Божественный авторитет священноначалия и готовой исповеднически защищать его перед лицом любых искушений и скорбей.

«Непоследовательность» и «противоречивость» поведения патриарха, пример которым видят, как правило, в его «необъяснимом», «непродуманном» решении оставить кафедру (что укрепляло позиции врагов, «без боя» ослабляя влияние самого первосвященника), коренится, на самом деле, в глубинах православного мировоззрения. Никон прекрас-

но понимал все извивы политических интриг. Но разумея промыслительность происходящего, памятуя изречение Священного Писания о том, что «сердце цареве в руке Божией», первосвятитель с определенного момента отстранился от придворной борьбы, полагая свою личную судьбу и будущее Отечества и Церкви полностью на усмотрение Божие»*.

ТИШАЙШИЙ ГОСУДАРЬ

Царствование Алексея Михайловича являет собой взору внимательному и пытливому поучительную картину того, сколь плодотворно сказывается на жизни государственной неспешное, тихое, религиозно осмысленное самосознание власти. Несмотря на Раскол, несмотря на драматическую судьбу Никона и кризис русской «симфонии властей», царствование это можно назвать одним из самых плодотворных и удачных в русской истории.

Традиционная точка зрения современной исторической «науки» предполагает, что в XVII веке Московская Русь как общественный, государственный, культурный, политический и военный орга-

---

* Господь не посрамил Своего верного слугу, даровав ему венец исповедника и страстотерпца, а России приложив еще несколько десятилетий относительного покоя и душевного мира перед новым тяжким испытанием — эпохой крутой, беспощадной ломки привычных, старинных, устоявшихся обычаев и правил... Все познается в сравнении — умеренность и рассудительность Никона особенно проясняется, когда взгляду исследователя предстает эпоха Петра I, судорожная и мятежная.

низм совершенно изжила себя, и лишь воцарение Петра I, царя-реформатора, вдохнуло в страну новую жизнь. О Петре I речь особая, что же касается Московской Руси, то деятельность Тишайшего царя блестяще опровергает этот убогий вывод*.

Симпатии историков к Петру и их неприязнь к Руси допетровской объясняется психологически просто: человек всегда приветствует то, что ему понятно, близко, и отвергает, недолюбливает то, чего понять он не в состоянии. Это даже не вина, а достойная всяческой жалости беда современного массового сознания.

Именно Алексей Михайлович окончательно возвращает России земли Малороссии, отторгнутые от нее враждебными соседями в лютую годину татарского нашествия. Именно он ведет с Польшей — давним и непримиримым врагом Руси — необыкновенно трудную войну и оканчивает ее блестящей победой. Именно он, получив в наследство страну бедную, еще слабую силами и средствами после Смуты, но уже стоящую пред лицом множества государственных и общественных задач, — начинает эпоху реформ, причем реформ неторопливых и продуманных, захвативших область юридическую и экономическую, военную и религиозную.

---

* В близорукости современных историков нет, впрочем, ничего удивительного. Восторжествовавший уже в конце XVIII века материалистический взгляд на историю, ныне безраздельно господствующий в этой области, исключает правильное понимание Московской Руси, полагавшей в основание своего бытия вопросы религиозно-церковные, духовные, мистические. Не зря эпоха эта являет нам высочайший взлет русского духа, расцвет русской святости.

Одно лишь знаменитое «Уложение» Алексея Михайловича, именуемое иначе «Свод всех законов», могло бы, по словам исследователя XX века, «составить славу целого царствования» (10). А ведь оно — лишь малая толика того, что успел совершить Тишайший властелин России*.

Было окончательно утверждено дело исправления богослужебных книг, принят Новоторговый устав, издана Кормчая книга, не говоря уж о массе законоположений, призванных упорядочить русскую жизнь. Во внешней политике стратегическая инициатива после долгих лет застоя снова перешла к Москве. Литва и Польша окончательно утратили наступательный порыв, отступив в отношениях с Русью на роль стороны обороняющейся, без надежды на победу.

Сказанного достаточно, чтобы объяснить необходимость повнимательнее присмотреться к личности самого царя, которого историки признают человеком, воплотившим в себе наиболее характерные черты государственного, религиозного и бытового мировоззрения своих современников...

Россияне искренне любили своего монарха. Самая наружность государя располагала в его пользу: в живых голубых глазах светилась искренняя

---

* «Уложение» 1649 года стало первым полным сводом законов, действующих на всей территории Русского государства. Оно содержало 25 глав, построенных по тематическому признаку и разделенных на 967 статей. В подготовке столь обширного документа участвовала целая комиссия во главе с князем Н. И. Одоевским, назначенная земским собором 16 июля 1648 года. Уже в 1649 году было осуществлено три издания «Уложения». Книга разошлась огромным по тем временам тиражом: с 1650 по 1654 год в разные города России было продано 1173 экземпляра.

доброта, лицо было полно и румяно, ободряя и обнадеживая собеседника выражением добродушной приветливости, не мешавшей, впрочем, серьезности и важности, приличествующей Августейшей особе. Полная фигура царя сохраняла осанку величавую и чинную, подчеркивая сознание Алексеем Михайловичем важности и святости сана, возложенного на него Самим Господом Богом.

Редкие душевные достоинства царя пленяли даже иностранцев. Их отзывы говорят о том, что «царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями... он покорил себе сердца всех своих подданных, которые столько же любят его, сколько и благоговоят перед ним» (11). При своей неограниченной власти, отмечают они, «царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью честь, ни на чью жизнь...» Он «такой государь, какого бы желали иметь все христианские народы, но немногие имеют» (12).

В домашней жизни он (как, впрочем, и его державные предшественники) являл собой образец умеренности и простоты. Три, много если четыре, комнаты рядом, одна возле другой, служили для него весьма достаточным помещением. Были они не особенно обширны, своим простором равняясь обычной крестьянской избе (три сажени в длину и столько же в ширину). Внутреннее убранство покоев тоже не многим отличалось от крестьянского: те же лавки вдоль стен, та же утварь, и лишь кресло для самого государя — роскошь невиданная — выдавало с первого взгляда комнату царя (13).

Знаменитый исследователь старинного русского быта Иван Егорович Забелин, опубликовавший в начале века обстоятельное многотомное исследование «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (14), так описывает распорядок дня Алексея Михайловича:

«Государь вставал обыкновенно часа в четыре утра. Постельничий, при пособии спальников и стряпчих, подавал государю платье и одевал его. Умывшись, государь тотчас выходил в Крестовую палату, где его ожидали духовник или крестовый поп и крестовые дьяки. Духовник или крестовый священник благословлял государя крестом, возлагая его на чело и ланиты, причем государь прикладывался ко кресту и потом начинал утреннюю молитву; в то же время один из крестовых дьяков поставлял перед иконостасом на налое образ святого, память которого праздновалась в тот день. По совершении молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался к этой иконе, а духовник окроплял его святою водою...

После моления крестовый дьяк читал духовное слово — поучение из особого сборника «слов», распределенных для чтения в каждый день на весь год... Окончив крестовую молитву, государь, если почивал особо, посылал ближнего человека к царице в хоромы спросить о ее здоровье, как почивала? Потом сам выходил здороваться с нею в переднюю или столовую. После того они вместе слушали в одной из верховых церквей заутреню, а иногда и раннюю обедню.

Между тем, с утра же рано собирались во дворец все бояре, думные и ближние люди — «челом ударить государю» и присутствовать в Царской Думе... Поздоровавшись с боярами, поговорив о делах, государь в сопровождении всего собравшегося боярства шествовал, в часу девятом, к поздней обедне в одну из придворных церквей. Если же тот день был праздничный, то выход делался... в храм или монастырь, сооруженных в память празднуемого святого. В общие церковные праздники и торжества государь всегда присутствовал при всех обрядах и церемониях. Поэтому и выходы в таких случаях были гораздо торжественнее.

Обедня продолжалась часа два. Едва ли кто был так привержен к богомолью и к исполнению всех церковных обрядов, служб, молитв, как царь. Один иностранец рассказывает о царе Алексее Михайловиче, что он в пост стоял в церкви часов по пяти или шести сряду, клал иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полуторы тысячи.

После обедни, в комнате в обыкновенные дни государь слушал доклады, челобитные и вообще занимался текущими делами... Заседание и слушание дел в комнате оканчивалось около двенадцати часов утра. Бояре, ударив челом государю, разъезжались по домам, а государь шел к столовому кушанию, к которому иногда приглашал некоторых из бояр, самых уважаемых и близких...

После обеда государь ложился спать и обыкновенно почивал до вечерни часа три. В вечерню

снова собирались во дворец бояре и прочие чины, в сопровождении которых царь выходил в верховую церковь к вечерне. После вечерни иногда тоже случались дела и собиралась Дума. Но обыкновенно все время после вечерни до ужина государь проводил уже в семействе или с самыми близкими людьми. Во время этого отдыха любимейшим занятием государя было чтение церковных книг, в особенности церковных историй, поучений, житий святых и тому подобных сказаний, а также и летописей.

Оканчивая день после вечернего кушания, государь снова шел в Крестовую и точно так же, как и утром, молился около четверти часа...» (14)

Подумайте, каким внутренним умиротворением, каким ясным и покойным сознанием смысла своего существования, пониманием своего долга нужно обладать для того, чтобы жить в таком одновременно неспешном и сурово-аскетическом ритме. Сколь глубокое религиозное чувство надо иметь, чтобы из года в год, из поколения в поколение поддерживать этот уклад, зримо являя собой народу пример благочестия и чинности, трудолюбия и сердечной набожности. Вера, являемая жизнью, вера опытная, неложная, глубокая — такова первооснова этого бытия. Так жила Россия, так жил и Русский Царь, соединяясь со своим народом связью самой глубинной и прочной из всех возможных...

Подобно государевым покоем, не многим отличался от крестьянского и царский стол. Блюда самые простые: ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага, а иногда только коричневая вода — украшали трапе-

зу Алексея Михайловича. Но и этот стол никакого сравнения не имел с тем, который государь держал во время постов. Великим постом, например, царь обедал лишь три раза в неделю: в четверг, субботу и воскресенье, а в остальные дни довольствовался куском черного хлеба с солью, соленым грибом или огурцом. Рыбу государь за время поста вкушал лишь дважды, строго соблюдая все семь постных седмиц.

«В Великий и Успенъев посты готовятся ествы: капуста сырая и гретая, грузди, рыжики соленные — сырые и гретые, и ягодные ествы, без масла — кроме Благовещеньева дня, и есть царь в те посты, в неделю (то есть в воскресенье. — *Прим. авт.*), во вторник, в четверг, в субботу по одиножды в день, а пьет квас, а в понедельник, и в среду, и в пятницу во все посты не ест и не пьет ничего, разве для своих и царицыных, и царевичевых, и царевниных именин», — рассказывает современник Алексея Михайловича.

Государь имел ясное и твердое понятие о божественном происхождении царской власти и ее богоустановленном чине. «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди Своя на востоке и на западе, на севере и на юге вправду», — сказал он как-то князю Ромодановскому. В одном из писем советникам царь писал: «А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя... чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам, боярам, с нами единодушно люди Его разсудити вправду, всем равно».

Понимание промыслительности бытия рождало в Алексее Михайловиче мировоззрение чинное и светлое, неспешное и внимательное к мелочам. «Хоть и мала вещь, — говаривал царь, — а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, — ничтоже зазрит, никтоже похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин и образец положены по мере. Без чина же всякая вещь не утвердится и не укрепитя; безстройство же теряет дело и возоставляет безделье». Как не пожалеть, что нынешнее безблагодатное воззрение на мир лишило нас способности чувствовать сердцем ту великую вселенскую упорядоченность, ту стройную чинность и чистую гармонию бытия, которой так дивился Тишайший Царь, которая возводит верующего человека к созерцаниям светлым и тихим, возвышенным и умиротворенным.

Вера, возносящая человека над суетой и смутной мирских передраг, и в скорби делала государя добрым утешителем и разумным советчиком. У князя Одоевского внезапно умер сын Михаил — в самом расцвете сил. Отец в то время был по делам в Казани. Царь сам, особым письмом известил его о горькой потере, присовокупив утешения, свидетельствующие о своей высокой духовной настроенности. Описав благочестивую кончину князя, который после причастия «как есть уснул; отнюдь рыдания не было, ни терзания», Алексей Михайлович присовокупил: «Радуйся и веселися, что Бог совсем свершил, изволил взять с милостию Своею; и ты принимай с радостью сию печаль, а не в кручину себе

и не в оскорбление... Нельзя, чтоб не поскорбеть и не прослезиться, — прослезиться надобно, да в меру, чтоб Бога наипаче не прогневать!..»

Были у царя, как и у всякого человека, свои слабости. Хоть он и получил от современников прозвание Тишайшего*, но бывал по временам весьма резок и вспыльчив. Осерчав на кого-нибудь, давал, случалось, царь волю и языку — награждая провинившегося нелестными эпитетами, и рукам — оделяя чувствительными тумаками. Впрочем, гнев царский был мимолетен и отходчив — частенько после вспышки Алексей Михайлович сыпал «пострадавшего» милостями, сам просил мира и слал богатые подарки, всемерно стараясь загладить размолвку.

При всем своем природном уме и богатой начитанности царь не любил споров, в отношениях с приближенными бывал податлив и слаб. Пользуясь его добротой, окружающие бояре своевольничали, порой забирая власть над тихим государем. В этом, пожалуй, кроется и разгадка драматических взаимоотношений царя с патриархом. Государь не нашел в себе сил противиться боярскому нажиму, а Никон не счел возможным подстраиваться под интересы знати, жертвуя — хотя бы и на время — законными интересами Церкви.

В исторических оценках минувших эпох людям свойственно проявлять максимализм и нетер-

---

* Это лишний раз доказывает, как глубоко проникал народный взгляд в самую сущность явлений. Чутко уловив главное содержание характера государя — тишину и безмятежие его духовного мира, всепроникающую религиозную осмысленность жизни, народ именно эти черты отразил в прозвище царя, минуя, как несущественные частности, человеческие слабости Алексея Михайловича.

пимость. С высоты прошедших столетий все кажется простым и ясным, соблазн поделить людей на «хороших» и «плохих», «наших» и «чужих» оказывается столь силен, что незаметно для себя живую и сложную историческую ткань русской жизни начинают безжалостно кроить и мять в угоду предвзятой, безжизненной схеме. Боль человеческой души, борьба духа с грешными, страстными порывами падшего человеческого естества, лежащая в основании всего человеческого бытия, оказываются при таком подходе совершенно вне поля зрения горе-исследователей.

Лишь обогатившись духовным опытом Церкви, познанием тайн, лежащих в основе жизни мятущегося и алчущего правды человеческого сердца, можно разорвать порочный круг «черно-белого» исторического сознания, приблизившись к пониманию его действительного, ненадуманного многоцветия. Вглядываясь в прошлое, возгреем в себе любовь и милость, покаяние и сочувствие — и оно отдаст нам свои секреты, увидев в нас друзей и продолжателей, а не прокуроров и судей.

Все это необходимо помнить особенно тогда, когда приступаешь к рассмотрению эпох переломных и беспокойных, исторических деятелей крупных и своеобразных. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон воплотили в себе характер и свойства той бурной эпохи. Вся она — с мятежностью Раскола и духовной высотой уходящей Московской Руси; с растущей державной мощью России и соблазнами нарушения симфонии властей; с проникающим в

страну влиянием богоборческого Запада и народной приверженностью древним родным святыням — отразилась в двух этих незаурядных людях, как солнце отражается в малых каплях росы или дождя.

Россия вступала в период тяжелых духовных испытаний, соблазнов и скорбей, дарованных ей Господом как очистительное пламя, долженствующее в горниле своем родить чистое золото живой, трепетной веры — уже навек, до Страшного Суда назначенной сиять на Русской земле. Мы и ныне горим в этом огне — спасительном, но скорбном и жгучем. На пути нашей истории, в ее хитросплетениях и извивах привечает Господь трудников своих, готовых на терпение и на подвиг — каждый в меру своих сил — во славу Божию, на пользу Святой Руси. Таковыми трудниками явили себя царь Алексей и патриарх Никон — потому и помнит их Россия среди бесчисленных достойных сыновей своих.

ПОРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН...

РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ XIX ВЕКА

«**О**собенность России заключалась в полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, — во всем объеме ее общественного и частного быта. В этом состояла главная сила ее образованности...» Так определил своеобразие русской судьбы Иван Васильевич Киреевский, один из основателей славянофильства (1). К моменту, когда им были написаны эти строки, девять столетий русской истории безоговорочно подтверждали такой вывод. И все же XIX век, не предвещавший вначале, как казалось, никаких неожиданностей и волнений, стал эпохой жесточайшего кризиса русского религиозного самосознания — кризиса, во многом предопределившего дальнейшую трагическую судьбу России.

То было время бурного развития науки и философии, литературы и искусства — «золотой век» русской классической культуры. Время исканий и надежд, разочарований и прозрений, пора оконча-

тельной потери соборного духовного равновесия народа, подорвавшая вековые устои русской православной государственности.

От XVIII века России досталось тяжелое наследие. Судорожная эпоха Петра, разметавшая русскую старину в погоне за европейскими новшествами, сменилась господством череды временщиков, мало любивших Россию и еще меньше понимавших неповторимые особенности ее характера и мировоззрения. Едва успевшая передохнуть за время царствования государыни Елизаветы Петровны, страна вновь оказалась ввергнута в водоворот религиозных, политических, экономических и военных перемен и нововведений, продолжавших размывать традиционные ценности бытия Святой Руси.

Православная Церковь была унижена и ослаблена: ликвидирована каноническая форма ее управления (патриархат), изъятием церковных земель подорвано благосостояние духовенства и возможности церковной благотворительности, резко сокращено количество монастырей — светочей христианской духовности и православного образования. Самодержавие как принцип правления (предполагающий религиозно осознанное отношение к власти как к церковному служению, послушанию) все более искажалось под влиянием идей западноевропейского абсолютизма*.

---

* Это особенно характерно для царствования Екатерины II. Позднее, в царствование таких государей, как Николай I, Александр III и Николай II, здоровый христианский взгляд на царскую власть вновь возвращался, но это уже не могло само по себе остановить губительные процессы в России.

Крепостное право, оправданное как тяжкая необходимость (а в своей начальной стадии — и как несомненное благо), становилось явлением все более ненормальным. Пока крепостными были все сословия (а до 1762 года дворянин был также «прикреплен» к обязательной государственной службе (царю), как крестьянин — к хлебопашеству у помещика), положение представлялось справедливым и естественным. Но последовавшие за освобождением дворянства искажения сословного строя привели к тому, что сословия начали различаться не столько по разности служения Богу и Царю, не столько по разным **обязанностям**, сколько по **правам**, что противоречило русскому историческому опыту.

Раскол между массами простого народа, продолжавшими придерживаться традиционных взглядов на жизнь, и его «образованной» (сказать бы — одурманенной!) частью усугублялся засилием среди высшей чиновной бюрократии иноверцев и инородцев. В целом, к началу XIX века существовавшему искажению подверглись основы русского жизнеустройства, те зиждительные силы, которыми Русь утверждалась и крепла: Православная Церковь лишилась своего канонического устройства, Царская власть попала под влияние светского мировоззрения, общенародное всесословное единство оказалось подорванным.

И все же русский народ в целом продолжал оставаться державной опорой православной государственности, соборным хранителем истин веры. «Расщепление» самосознания затронуло первоначально

численно ничтожную часть общества, родившую из своей среды множество «течений общественной мысли». Часть из них оказала в дальнейшем серьезное влияние на все области российской жизни.

ЗАПАДНИЧЕСТВО

Это явление, которое вернее было бы назвать «чужебесием», не испытывало недостатка внимания от историков. Исследовательский материал, посвященный западничеству в тех или иных его формах, — огромен, и в своей большей части откровенно пристрастен, хвалебно-комплиментарен и необъективен. На деле же — современное положение России во многом является результатом воплощения в жизнь именно западнических идей.

Основной из них является идея «прогресса» в том виде, как она была сформулирована западноевропейской мыслью XVIII века. Человечество развивается (от низшего к высшему, от простого к сложному) по единым для всех народов законам, они неизбежно проходят одни и те же ступени развития, — утверждают «прогрессисты». На вершине этой лестницы находится Западная Европа*. Россия значительно отстала в своем развитии (показательно, что одной из причин отставания было тут

---

* Воистину, смешно и одновременно печально наблюдать, сколь неразнообразны приверженцы подобных идей. Вот уже два столетия прошло, а песня все та же — о «передовом» Западе и «отсталой» России. Господи, и когда-то мы одумаемся?

же объявлено Православие — консервативно, мол, и несовременно), и единственная возможность «исправить» положение — срочно европеизировать всю русскую жизнь.

«Стоя вне времени, — писал Чаадаев в своих знаменитых «Философических письмах», — мы... ничего не восприняли из преемственных идей человеческого рода... Сначала — дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть...»* (2). Эти «Письма» стали настоящим манифестом западничества, и умножавшиеся последователи Чаадаева не преминули довести заложенные в них мысли до своего логического завершения. В. С. Печерин (1807–1885), поэт и филолог, профессор Московского университета — эмигрировавший, перешедший в католичество и ставший бенедиктинцем-священником, написал страшные и безысходные в своей откровенности строки:

Как сладостно отчизну ненавидеть!!
И жадно ждать ее уничтоженья...

---

* И все же еще крепко было тогда русское общество! Воззрения Чаадаева столь странными показались его современникам, что они сочли его не вполне нормальным, а государь Император Николай I даже прислал для наблюдения и помощи собственного врача. Позже «прогрессивные» историки толковали это как «произвол тирана»: объявил-де здорового человека сумасшедшим. Но это было мнением чуть ли не всего общества — иначе Чаадаев не стал бы потом писать в свое оправдание «апологию сумасшедшего», утверждая, что его просто не так поняли.

Они стали настоящим лозунгом западников и «отпочковавшихся» от них многочисленных антиправославных, антинациональных, антигосударственных нигилистических движений. Те из них, кто не решался безоговорочно присоединиться к страшному русоненавистническому лозунгу Печерина, захлеб твердили о своей пламенной любви к России, но... России идеальной, «исправленной» по европейской мерке, лишенной досадных пережитков национальной и вероисповедной самобытности. В отношении же к России, реально существовавшей, проявлялось самое трогательное единодушие. Разница заключалась лишь в степени насилия, допущавшегося во имя «прогрессивных» преобразований. Вот тому примеры.

Белинский признавал православное духовенство «гнусным». «Я понял французскую революцию, — писал он, — понял и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделиться от братства с человечеством... Я теперь в новой крайности, — это идея социализма, которая стала для меня идеей новой, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и в ней*. Я все более и более гражданин вселенной... Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать

---

* Обратите внимание на религиозный характер социалистических, коммунистических идей, столь ярко тут проявившийся. Православию была противопоставлена антирелигия, вере в Бога, добро и правду — вера в якобы безмерные собственные возможности, благотворность насилия и абсолютную ценность земного, материального бытия. Позже Луначарский назовет «учение Маркса» «пятой великой религией, сформулированной иудейством... подаренной титаном-евреем пролетариату и человечеству».

счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную».

Герцен призывал «ненавидеть из любви, презирать из гуманности». Что ненавидеть, что презирать? Да все то же — Русь, на которую он бесстыдно клеветал всю жизнь из-за границы, из эмиграции, сокрушаясь, как «ужасно жить в России», как «медленно течет глубокая и грязная река... России, с ее аристократами, бюрократами, офицерами, жандармами и императором, — бесформенная и безгласная масса низости, раболепства, жестокости и зависти, увлекающая и поглощающая все...»

В основании западничества как религиозного и культурного явления, как болезни русского национального самосознания лежат причины прежде всего духовного, мистического характера. Та благодатная полнота внутренней жизни, то понимание скоротечности земного бытия, что так характерны для русской истории допетровского периода, достигались прежде всего великим трудом церковного послушания. Сердечная чистота и душевная просветленность, покойная, ясная вера и мирное, благожелательное мировоззрение всегда являлись плодами, появлению которых должна была безусловно предшествовать длительная подвижническая жизнь.

Такая жизнь (ошибается тот, кто мыслит ее исключительно монастырской аскезой) доступна каждому, ибо главный подвиг, на который призван всякий человек, есть борьба со злом в самом себе. Церковные правила лишь помогают в этой борьбе, придавая ей некоторую упорядоченность и органи-

зованность. Готов человек принять на себя этот нелегкий труд — и Господь не оставит его Своей милостью, подаст «во время благопотребное» живое, опытное свидетельство истин веры, предошущение тех благ, что, по слову Апостола, «око не виде, ухо не слыша и на сердце человеческое не взыдоша» (1 Кор. 2: 9).

Если же человек, потакая гордыне и себялюбию, отказывается нести «иго и бремя» Божьего тягла, то и Сам Господь отступает благодатию от его непокорной души, предоставляя ей влачиться в земной жизни под воздействием бесовского лукавства и собственных страстей. Тогда теряет несчастный своеволец «образ здравых словес», способность непредвзято и верно оценивать самого себя и мир вокруг. Тогда тучная почва страстей в изобилии производит из себя нелепые и губительные учения, искусительные помыслы и разрушительные чувства.

В таком-то отказе от внутреннего, осененного церковною благодатию душевного труда и лежит первопричина всех русских бед...

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

Славянофильство стало первой исторически сложившейся формой русского консерватизма. В середине XIX века, в Москве, группа европейски образованных интеллектуалов (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и дру-

гие), ощутив угрозу самому бытию России, которая таилась в ускорявшемся «расцерковлении» общественного сознания, объединилась, чтобы дать свои ответы на волновавшие общество вопросы о русском предназначении, путях дальнейшего развития российской государственности, целях России в ее внутренней и внешней жизни.

Не удовлетворяясь плодами западноевропейского просвещения, славянофилы обратились в своих поисках к изучению русской истории, к вероучению Православной Церкви. «Все, что препятствует правильному и полному развитию Православия, — писал Иван Киреевский, — все то препятствует развитию и благоденствию народа русского, все, что дает ложное и не чисто православное направление народному духу и образованности, все то искажает душу России и убивает ее здоровье нравственное, гражданское и политическое. Поэтому, чем более будут проникаться духом Православия государственность России и ее правительство, тем здоровее будет развитие народное, тем благополучнее народ и тем крепче его правительство и, вместе, тем оно будет благоустроеннее, ибо благоустройство правительственное возможно только в духе народных убеждений».

И все же, несмотря на стремление вернуться в лоно чистой русской церковности, слиться с истоками народной жизни, основами бытия России — ясного понимания сущности русского пути, русского служения славянофильство в целом так и не достигло. По-разному понимали члены кружка природу и

цель Самодержавия, по-разному оценивали современные события. Эта разногласия мешала движению, а с кончиной его основоположников (И. В. Киреевского в 1856-м, А. С. Хомякова и К. С. Аксакова в 1860-м) оно окончательно потеряло мировоззренческое единство, распавшись на несколько самостоятельных, весьма различных между собой течений. Частично выродившись в чистый либерализм, славянофильство сумело все же дать жизнь и таким конструктивным явлениям, как имперская русская идея и идеология панславизма.

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В XIX ВЕКЕ

В том виде, в каком эта идея была оформлена русской консервативной мыслью XIX века, ее нельзя признать полностью соответствующей церковному вероучению о промыслительном предназначении России. Мощная централизованная государственность, рассматриваемая Церковью лишь как средство к «житию мирному, во всяком благочестии и чистоте», как условие удобнейшего и скорейшего спасения душ человеческих, как «ограда церковная», обеспечивающая надежную защиту народным святыням, — эта государственность приобретала в глазах русских империалистов самостоятельное, самодовлеющее значение.

Быть русским, согласно такому воззрению, не значит быть великороссом, украинцем или бело-

русом по факту этнического происхождения. Быть русским — не значит быть православным по вероисповеданию. Быть русским — значит быть верноподданным Императора Всероссийского, гражданином Империи, носителем имперской идеи.

«Есть в России одна господствующая народность, один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свой обычай, — писал один из лучших русских публицистов конца XIX века М. Н. Катков. — Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти — в Царе, в живом, всеповершающем олицетворении этого единства.

В России есть господствующая Церковь, но в ней же есть множество всяких исключаящих друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разнохарактерные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти. Все разнородное в общем составе России, все, что, может быть, исключает друг друга, враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству Русская земля есть

живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли»*.

При всем понимании того, что в основании подобных воззрений (в отличие от русофобствующего западничества) лежат побуждения несомненно благонамеренные и во многом совершенно здравые, нельзя не видеть, что умаление внутреннего, религиозного, духовно-нравственного начала русской государственности в угоду ее внешнему могуществу и блеску как раз и привело к катастрофе — революции 1917 года. Призрачна и непрочна любая сила, любая мощь, если она не основывается на твердом фундаменте духовного единства — теперь, после того, что пришлось пережить России в XX веке, мы можем сказать это со всей определенностью.

ПАНСЛАВИЗМ

Если империализм — это соблазн государственной мощи, то панславизм стал для России «соблазном крови», попыткой соделать национальный фактор опорой русского бытия.

Согласно этому мировоззрению, историческая миссия России состоит в том, чтобы объединить единокровных братьев-славян, образовать могучий

---

* Эта имперская идея, но уже «освобожденная» и от Православия, и от Самодержавия, легла впоследствии в основание идеологии «евразийства», а отчасти и «национал-большевизма», расцветшего в короткий промежуток времени между концом Великой Отечественной войны и началом хрущевской «оттепели». Попытки реанимировать ее можно увидеть и сегодня.

культурный, хозяйственный, политический и военный Славянский Союз во главе с Русью для того, чтобы устоять перед натиском враждебного Запада. Вторая цель — создать необходимые условия для гармоничного и беспрепятственного развития великой славянской культуры, являющей собой высший культурно-исторический тип развития человечества. Славянский мир призван разрешить все вопросы, поставленные перед человечеством развивающейся цивилизацией, и роль России — всемерно содействовать этому.

Крупнейшими идеологами панславизма можно назвать Н. Я. Данилевского, И. С. Аксакова, Р. А. Фадеева, О. Ф. Миллера и других русских мыслителей. Генерал Фадеев, известный военачальник и публицист, писал: «Мы можем быть лишь тою личностью, какую нас Бог создал — славянскую по роду и русскую по виду...» «Нам нужно славянство не для того только, чтобы с его помощью самим стать опять славянами». Основания для великой славянской мировой миссии он видел в том, что славянство есть «последняя арийская, то есть прогрессивная порода, выступающая на сцену света; особая религиозная основа, исключительно чистая, просвещавшая до сих пор личную совесть людей, но в общественном отношении лежавшая под спудом...»

Всего несколько десятилетий прошло с той поры, как граф Сергей Семенович Уваров, министр народного просвещения в правительстве Николая I, гениально сформулировал основы русской жизни в

знаменитом трехсоставном лозунге: «Православие, Самодержавие, Народность».

Уходящая Русь оставила его России грядущей как духовное и политическое завещание — но как мало оказалось людей, способных правильно понять и верно оценить всю необходимость строгого и бережного соблюдения именно такой последовательности русских зиждительных начал.

Державная мощь должна стоять первой, — решили патриоты-государственники, ревнители имперской идеологии. «Самодержавие, Православие, Народность» — получилось у них. Да нет же, возражали панслависты, именно народное, национальное начало является основным. Их лозунг выглядел как «Народность, Самодержавие, Православие». И что же? Сегодня, по прошествии стольких лет и по пролитии столь великой крови в хаосе русских смут, мы просто обязаны ясно понять сколь губительными оказались все эти внешние благонамеренные перестановки.

Ибо без веры, без Церкви, без святынь России нет и не может быть...

НИГИЛИЗМ

Нигилизм как форма самосознания русской интеллигенции есть идея тотального отрицания. Сформировавшись как слой безродный, бескорневой, лишенный мало-мальского понятия о настоящей ду-

ховной жизни, но наделенный безмерной интеллектуальной гордыней, интеллигенция стала главным разрушителем традиционных ценностей русской жизни. Нигилизм явился закономерным итогом отщепенчества «образованного» слоя России от основ подлинно русского мировоззрения. При этом нравственное убожество нигилизма, отвергавшего религию, да и вообще всякую независимую этику и мораль (вот они — истоки «классового подхода к явлениям»), подменявшего моральные категории началами «пользы» и «удовольствия» — ничто перед жутью его практического применения.

Возрастая в лоне западничества, нигилизм воспринял в себя его худшие черты. Появившийся на исторической сцене разночинец (точнее сказать — «бесчинец», лишенный традиционных сословных связей в жизни) придал явлению еще более дикие формы. Началась, по меткому выражению протоиерея Георгия Флоровского, «роковая болезнь — одичание умственной совести». «Человеческая личность шире истины» — это безумное утверждение «народника» Михайловского* становится определяющим характер времени. Утрачивается сама потребность в Истине, теряется познавательное смирение перед действительностью, и в безбожной «свободе» человек являет собой жалкую картину средоточия разрушительных и губительных страстей.

---

* Бердяев называет его «властителем дум левой интеллигенции». Хороша интеллигенция, избирающая себе таких «властителей» и руководствующаяся в своих «думах» такими учениями! Интересно сравнение с днем сегодняшним: 150 лет минуло, а ничего не изменилось. Увы! Они так ничего и не поняли, так ничему и не научились...

Все было бы не столь ужасно, если бы вождями нигилизма остались люди, подобные Чернышевскому и Добролюбову: недоучившиеся семинаристы, разгневанные разночинцы и разочаровавшиеся поповичи (а оба кумира «передовой общественности» вышли из духовного сословия) не являли собой серьезной опасности. Убогость их мировоззрения и скудость творческих возможностей вскоре породили бы ответную реакцию (что, кстати, и случилось, когда в конце века интеллигенция ударилась в богоискательство). Но, к несчастью, дело этим не кончилось, и нигилизм стал страшным орудием в руках настоящих изуверов-фанатиков.

Эти люди не строили никаких иллюзий. Они видели зло, всемерно потворствовали и сознательно служили ему. «Страсть к разрушению есть творческая страсть», — слова Михаила Бакунина говорят сами за себя... Нужно зажечь мировой пожар, разрушить старый мир, а для этого все средства хороши. Русь расчетливо и цинично звали к топору, предполагая (весьма основательно, как показала история) в хаосе страшного русского бунта достичь своих богоборческих целей.

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

Под этим условным названием скрывается явление, практически не исследованное до сих пор. Самосознание русского чиновничества, бывшего опорой

и основой государственной власти в Императорской России, до сих пор оставалось за рамками внимания историков. Мы как-то традиционно удовлетворялись карикатурными персонажами гоголевского Городничего, грибоедовского Скалозуба и иных подобных им литературных фигур, совершенно забывая, что с петровских времен влияние бюрократии (далеко не всегда отрицательное) постоянно росло, а после реформ Сперанского (и проводившейся в том же духе политики Николая I) чиновничество фактически несло на своих плечах весь груз ответственности за судьбу России.

Простая справедливость требует признать несомненные заслуги русского чиновника в устройении и упорядочении всех областей жизни страны, во всех успехах и победах Империи, во всем том, что составило славу и доблесть России в XVIII–XIX веках. Столь же безусловна и несомненна огромная доля вины чиновной бюрократии в катастрофе, постигшей Россию в начале XX века. Потому-то и представляет значительный практический интерес анализ мировоззрения русского административного сословия.

В жизни оно выражалось не языком идей, понятий или слов, а языком законов, практических действий и политических решений. Даже и не будучи оформлена словесно, идеология, лежащая в основании этих решений и действий, была вполне определена и ясна. В ее истоках лежало представление о ведущей, решающей роли государства во всех областях человеческой жизни.

К сожалению, искажение основ русского домостроительства не обошло стороной и государственный аппарат. Стремление подчинить ему всякую человеческую деятельность, все проявления человеческого духа вступало в явное противоречие с православным мировоззрением. Утратив чуткость к благодатному духу Церкви, рассматривая ее лишь как один из государственных институтов, этакий «департамент по улучшению нравов народа», бюрократия стремилась поставить под контроль светской власти все стороны церковной деятельности, да и само духовенство.

При таком развитии событий Самодержавное Царство, издавна одухотворявшееся идеалами служения и долга, мало-помалу превращалось в абсолютистскую монархию по западноевропейскому образцу, а сам Самодержец — в простого главу государственного аппарата (нечто вроде современного президента, наделенного неограниченными полномочиями). Не случайно Лев Тихомиров — раскаявшийся террорист-народоволец, ставший впоследствии выдающимся теоретиком монархизма, — назвал как-то абсолютизм «идеей демократической».

Искажалась сама идея Божественного происхождения верховной власти, размывались ее религиозные, вероисповедные основы. Согласно бюрократическому воззрению на Царя как на главу административной системы управления государством, он якобы «делегирует» часть своей власти каждому чиновнику. Кажется, Константин Леонтьев, понимавший и чувствовавший, какие опасности гро-

зят России, метко выразил эту идею так: «каждый урядник есть тоже немножко Помазанник Божий». Призванный Господом к великому служению, русский народ постепенно низводился к роли детали в грандиозном государственном механизме Империи.

Многие видели эти искажения и в меру сил пытались исправить их, но лишь немногие понимали, к чему все это может привести...

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ, К КОТОРЫМ НЕ ПРИСЛУШАЛИСЬ

«**К**ак бы ни была громадна власть государственная, она утверждается ни на чем ином, как на единстве духовного самосознания между народом и правительством, на вере народной: власть подкапывается с той минуты, как начинается раздвоение этого на вере основанного сознания», — писал Константин Петрович Победоносцев, предупреждая общество о возможных страшных последствиях «расцерковления» русского самосознания (4). — «На **правде** основана всякая власть, и поелику правда имеет своим источником и основанием Всевышнего Бога и закон Его, в душе и совести каждого естественно написанный, — то и оправдывается в своем глубоком смысле слово: **несть власть, аще не от Бога...**» (Рим. 13: 1).

Знаменитый обер-прокурор Святейшего Синода, пользовавшийся полным доверием и поддержкой

монарха, Победоносцев приложил немало сил, чтобы остановить сползание России в пропасть. «Великое и страшное дело — власть, — пытался втолковать он осуетившемуся обществу, — потому что это дело **священное**... Власть — **не для себя** существует, но ради Бога, и есть **служение**, на которое **обречен** человек. Отсюда и безграничная, страшная сила власти, и безграничная, страшная тягота ее» (5).

Неспособная понять высоту и важность предлагавшегося ей поучения, «либеральная общественность» возненавидела Победоносцева, клеймя его «реакционером» и «мракобесом». «В каком невежестве и в какой дикости ума растет и развивается эта масса недоучек или пролетариев науки, — сокрушался он, — воспитанная на статьях либеральных газет, на нелепых прокламациях, на подпольных памфлетах, на слухах и сплетнях, из уст в уста передающихся...»

Не желая отступать перед чернью, Победоносцев сражался за Россию до конца. «Мне ставится в вину дело, — писал он Николаю II, — которое я считаю в нынешнее время самым важным и нужным для России делом, — ибо в народе вся сила государства, и уберечь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений — можно только посредством Церкви...» (6).

В своей борьбе Константин Петрович не был одинок, но — мало, ох, мало было у него соратников. Одним из них — выдающимся во всех отношениях — стал Лев Александрович Тихомиров.

Участник заговора против Александра II, террорист, известный в подполье под кличкой «Тигрыч», приятель Желябова, Лаврова и Плеханова, без пяти минут жених Софьи Перовской, беглец, эмигрировавший из России, спасаясь от полиции, — он неожиданно раскаялся, был прощен Александром III и, вернувшись на родину, превратился в крупнейшего теоретика монархизма, редактора самой монархической газеты России — «Московских ведомостей», советника Столыпина.

«Вопрос сегодня стоит так: возрождение или гибель», — писал Тихомиров, предупреждая общество о существовании могущественных сил, заинтересованных в разрушении России. «Еще в 1879–1881 годах, — говорил он, — я, переживая жизнь заговорщика, почувствовал, что мы все... воображая делать все по-своему, действуем, однако, словно пешки... ввиду достижения цели не нашей, а какой-то нам неизвестной... Я уже давно не мог отрешиться от ощущения какой-то всемогущей руки, нами двигающей...» (7).

Осознание спасительной роли Церкви пришло к Тихомирову позже, «впоследствии, когда мой хаос мыслей начал улегаться, и я действительно... отрекся от старых нелепых идеалов, стал христианином, понял цели жизни личной, а потому и социальной...» (8). С этого момента бывший народоволец-террорист превратился в православного патриота, национально мыслящего приверженца традиционного русского самодержавия. До самой смерти (он умер в 1923 году, пережив кошмар революции и граждан-

скую войну) Тихомиров не перестал утверждать, что русский идеал требует «не разрушать общество, а хранить его и улучшать, вести по возможности к совершенству», что такое совершенство — «не разделение, а союз: союз людей с Богом, Государства с Церковью и братский союз людей между собой».

В последние десятилетия перед революцией немногие уже понимали это во всей полноте и определенности. «Молиться надо! — писал в 1901 году русский духовный писатель Сергей Александрович Нилус. — Что-то грозное, стихийное, как тяжелые свинцовые тучи, навалилось непомерною тяжестью над некогда светлым горизонтом Православной России. Не раз омрачался он: тысячелетняя жизнь нашей родины не могла пройти без бурь и волнений в области духа, но корабль Православия, водимый Духом Святым среди явившихся косматых волн, смело и уверенно нес Россию к цели ее, намеченной в Предвечном Совете...

Бог избрал возвеличенную Им Россию принять и до скончания веков блюсти Православие — истинную веру, принесенную на землю для спасения нашего Господом Иисусом Христом. Мановением Божественной Десницы окрепла Православная Русь на диво и страх врагам бывшим, настоящим и... будущим, но только при одном непременном условии — соблюдении в чистоте и святости своей веры.

С непонятной жаждой новизны стремились мы вступить в XX век. Точно некая незримая сила толкала нас разорвать необузданным порывом цепи,

связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого... Наши первые шаги на пути нового столетия ознаменовались ярко и резко выраженными стремлениями сбросить с себя ярмо устоев нашей духовной жизни, и в безумии своем мы первый удар нанесли под самое сердце свое — в наше Православие» (9).

Плоды не заставили себя долго ждать: через 16 лет после написания этих строк Россия рухнула в бездну.

ПЛАЧ МОЙ...
*РУССКАЯ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ГЛАЗАМИ ПОДВИЖНИКОВ ЦЕРКВИ*

Ртечение XIX века в России не было, пожалуй, ни одного сколь-либо значительного духовного авторитета, не предупреждавшего общество о губельных последствиях расцерковления русской жизни. Преподобный Серафим Саровский и оптинские старцы, митрополит Филарет Московский, святители-подвижники Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, святой праведный отец Иоанн Кронштадтский и глинский старец Порфирий — целый сонм просвещенных благодатию Божией прозорливцев предостерегал, обличал, вразумлял, молил: одумайтесь! Отриньте лукавую мудрость века сего, вернитесь к жизни, основанной на камне веры и Законе Божиим...

Но увы! Назидая и врачуя, даже Господь Всемогущий не насилует свободной воли человека, соблюдая неприкосновенным наше богоподобие, дарованное при сотворении и предполагающее произвольный выбор и полную ответственность за его последствия. Россия, ослепленная своим внешним величием и державным блеском, выбирая, каким путем ей идти дальше, все больше и больше уклонялась от пути духовного — тяжелого, тесного, но единственно спасительного и правого.

Обер-прокурор Святейшего Синода граф Александр Петрович Толстой не раз обращался к оптинским старцам, прося вразумления и совета. Дважды, в 1866 и 1871 годах, писал он к преподобному Амвросию по случаям исключительным, нуждаясь в духовном толковании становившихся ему известными тревожных намерений. Старец отвечал, что знамения сии могут означать «настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества всюду распространяется, всюду проникает».

Отмечая опасность положения, он писал Толстому: «Если и в России, ради презрения заповедей Божиих и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви, и ради других причин, оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, то есть в Апокалипсисе Иоанна Богослова...» В 1878 году отошел от земной суеты в жизнь вечную знаменитый старец Глинской пусты-

ни архимандрит Илиодор. За несколько лет до кончины он сподобился пророческого видения, о котором поведал своим ближайшим духовным чадам.

«Пришли мы к нему один раз, — повествует иеромонах Домн, присный ученик старца, — вечером, и застали его в келии сидяща скорбна и даже уныла. В келии старца был полумрак; горела одна лампада. Старец встретил нас молчаливым благословением и сидел безмолвный и скорбный. Сели и мы «при ногу учителеву», ожидая, когда сам он благословит начать беседу. И невольно сердце наше исполнилось какого-то тяжкого предчувствия.

И обратил к нам слово свое старец великий:

«Чадца мои! Видите вы меня ныне скорбна. Поведаю вам, откуда мне и сия скорбь належит. На сих днях читал я Откровение святого апостола и тайнозрителя Иоанна Богослова; и возжелала душа моя уведать: доколе же Господу Богу угодно будет долготерпеть все умножающимся беззакониям мира. И был я в духе, и вижу: се восходит от востока звезда пресветлая и великая, и вокруг той звезды — звезды меньше, но тоже яркие и светлые. Прошла эта звезда со своими звездами по небосклону и склонилась к западу. И сказал мне некий голос:

Се — звезда Императора Александра Благословенного!

Посем иную звезду узрел я восходящей с окружающими ее звездами. И та звезда, и те звезды горели блеском великим и славным, и так же прошли они по небесному своду, и так же сокрылись на западе. И голос возвестил мне:

Се — звезда Императора Николая Павловича!

И иную звезду увидел я на востоке, и была та звезда, как и прежние, окружена звездами; но яркий свет их был, как цвет крови. И звезда та не дошла до своего запада и исчезла как бы в преполовении пути своего. И было мне грозное и страшное слово:

Се — звезда ныне царствующего Государя Александра Николаевича. А что пресеченным путь его зришь, то ведай: Царь сей среди бела дня лишен будет жизни рукой освобожденного им раба на стогнах верноподданной столицы. Безумное, страшное свершится злодеяние!»

И исполнились при этих словах сердца наши великой скорби и жалости. Уже были, правда, покушения на жизнь Государя, но душа наша не допускала даже помысла и насильственной смерти венчанного Помазанника Божия, которую уже провидел духом Богодухновенный старец... Старец же продолжал:

«И вижу я на востоке иную звезду, окруженную своими звездами. Вид же, величина и блеск ее превосходили все виденные до того звезды. Но и сей звезды дни таинственно были сокращены.

Се — звезда Императора Александра III! — возвестил мне вещий голос.

И посем узрел я...»

Но далее старец уже не продолжал своей речи, и, склонив главу, тихо заплакал. Прослезились, на него глядя, и мы, и, помолчав мало, спросили:

— Что же дальше?

— Поведаю вам, чадца, только одно, неции от zde стоящих возжелают смерти, но смерть убежит от них...»* (10).

Наблюдая все усиливающееся богоотступничество в русском народе, его постепенный отход от веры и Церкви, горевал и святитель Феофан, затворник Вышенский. Велегласно предупреждал подвижник о неотвратимости кары Божией, свидетельствовал, что выльется она в форму кровавой революции, приводил в пример Францию с ужасами якобинского террора.

«Сколько знамений показал Господь над Россией, — писал он, — избавляя ее от врагов сильнейших, и покоряя ей народы. Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения, — в святых мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей Руси! И однако ж, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм, и гносеологические бредни с Божественным Откровением.

Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели мы не образуемся? И будет, наконец, то же и у нас, что,

---

* Старец почил в 1878 году. Этот его разговор с учениками происходил в 1872-м или 1873-м. Предсказаны: гибель Александра II от рук бомбиста-народовольца, апогей русской государственной мощи при Александре III и его внезапная смерть (славившийся огромной силой и железным здоровьем Государь скончался неожиданно для всех), потрясения, ожидавшие страну в царствование Николая II. Впервые беседа старца была опубликована С. Нилусом уже в самом начале XX века. В настоящей редакции она взята из издания 1911 года (11).

например, у французов... Что там сделалось в малом объеме, того надобно ожидать со временем в больших размерах... Спаси нас, Господи!»

«Нас увлекает просвещенная Европа, — сетует святитель. — Да! Там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят к нам. Вдохнув этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня». «Западом и наказывал и **накажет** нас Господь, а нам в толк не берется. **Завязли в грязи западной по уши**, и все хорошо. Есть очи, но не видим, есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Пошли свет Твой и истину Твою!» «Если у нас все пойдет таким путем, то что дивного, если и между нами повторится конец осьмнадцатого века **со всеми его ужасами**? Ибо от подобных причин подобные бывают и следствия!»

Замечательно то, что сам Феофан Затворник — кротчайший благоднейший и любвеобильный архипастырь — был немилосердно суров и беспощадно строг ко всем сеятелям безверия и нечестия. Говорят, что одной из причин его ухода с епископской кафедры в затвор была именно необыкновенная, голубиная кротость подвижника, мешавшая ему делать необходимые выговоры и замечания неисправным подчиненным (12). И вот такой кротчайший святитель со всей суровостью обрушивается в своих письмах на богоборцев-материалистов, требуя запретить им разлагать народ под угрозой... **смертной казни!**

«Всюду ахают и охают: Беда! Беда! И беда видна, — пишет он. — Но никому и в голову не прихо-

дит загородить и завалить источник беды. Как шла французская революция? Сначала распространились материалистические воззрения. Они пошатнули и христианские, и общерелигиозные убеждения. Пошло повальное неверие: Бога нет, человек — ком грязи, за гробом нечего ждать...

Что у нас? У нас материалистические воззрения все более приобретают вес и обобщаются... Выходит, что **и мы на пути к революции**. Как же быть? Надо свободу замыслов пресечь — зажать рот журналистам и газетчикам. Неверие объявить государственным преступлением. Материальные воззрения чрез школы распространяются... Кто виноват в этом? Правительство. Оно позволило. Следовательно, кому следует все это пресечь? Правительству».

В своем призыве к власти вспомнить ее верозащитный долг, осознать себя как гарант преемственности русской жизни и соблюдения неприкосновенными ее исконных святынь владыка Феофан не был одинок. Могучий глас Кронштадтского старца, святого праведного отца Иоанна, вторил грозным предупреждениям архиерея.

«Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, — предрекал он, — и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и свои беззакония. Виновно и высшее правительство, потворствующее беспорядкам... Безнаказанность в России в моде, ею щеголяют... Так и впредь будет при слабом управ-

лении бедное отечество, когда-то ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов...» «Да, через посредство державных лиц Господь блюдет благо царств земных и особенно благо мира Церкви Своей, не допуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать ее, — и величайший злодей мира, который явится в последнее время, Антихрист, не может появиться среди нас по причине самодержавной власти, сдерживающей бесчинное шатание и нелепое учение безбожников» (13).

О потрясениях, ожидающих осуетившийся мир, задолго до революции предупреждал святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский.

«Идут, идут страшнее волн Всемирного потопа, истребившего весь род человеческий; идут волны лжи и тьмы, окружают со всех сторон, готовы поглотить вселенную, истребляют веру во Христа, разрушают на земле Его Царство, подавляют Его учение, повреждают нравы, притупляют, уничтожают совесть, устанавливают владычество всезлого миродержца».

«Когда мир будет провозглашать и превозносить свое преуспеяние, водворение высшего благоденствия, нерушимого спокойствия, «тогда внезапно нападет на них всегубительство (1 Сол. 5: 3)... К чему, в видах Божиих, существовать долее миру, когда мир, то есть человечество, отвергает совершенно ту цель, для которой предоставлено ему Богом странствование на земле...»

Кратковременная земная жизнь принимается за вечность, — сетовал святитель, — все силы души и тела истощаются человеком... приносятся в жертву нелепой, несбыточной мечте: истощаются они на устройство высшего плотского благоденствия... Льстит гибельная мечта человекам на всем пути земной жизни; изменяет им на конце жизни, предаёт их действительности, оставляет ни с чем. Они вступают в вечность, нисколько не подготовленные к ней, нисколько не ознакомленные с нею. Этого мало: они вступают в нее, усвоив себе настроение, вполне враждебное к ее духовным благам, к собственному благополучию в ней. Где место за гранями времени для таких плевелов? Нет и не может быть для них иного места во вселенной, как в бездне ада...» (14).

Прошло лишь несколько десятилетий с момента написания этих строк, и России на собственном жестоком опыте пришлось убедиться в их справедливости. Бездна ада разверзлась перед ней еще на земле — ужасы революции превзошли все, что могло измыслить человеческое предвидение. Многие тогда (жаль, что поздно!) поняли справедливость горьких слов святителя Феофана: «Издавна охарактеризовались у нас коренные стихии жизни русской, так сильно и полно выражающиеся привычными словами: Православие, Самодержавие, Народность. Вот что надобно сохранять! Когда ослабеют или изменятся сии начала, русский народ перестанет быть русским. Он потеряет тогда свое священное трехцветное знамя».

ОТЫДИТЕ ОТ МЕНЕ, ДЕЛАЮЩИИ БЕЗЗАКОНИЕ

ТВОРЦЫ КАТАКЛИЗМОВ

Жизнь всякого народа, всякого человеческого сообщества зиждется на единстве мировоззрения, определяющего моральные, этические и религиозно-нравственные нормы поведения. Жизнь личная и семейная, общественная и государственная в равной степени зависят от того, что признается людьми допустимым, а что нет, что почитается за благо, а что — за зло, какой смысл полагается в человеческом бытии и какова его высшая, вечная, непреходящая цель.

На протяжении всей истории человечества именно религия являлась тем нравственно-организующим, скрепляющим началом, которое объединяло народы вокруг идеалов, придавало крепость национальным государствам и единообразие национальному характеру. Различия в быте, психологии, семейном укладе и исторической судьбе народов и

стран коренятся прежде всего в области религиозной, духовной.

Понятно, что столкновения противоречивых, порой взаимоисключающих религиозных вероучений, содержащих «разноименный» духовный заряд, не могли обойтись без потрясений. Подавляющее большинство войн имело в истории характер религиозный, а такие глобальные военные противостояния, как, например, вооруженная борьба ислама и христианства, длились, то затухая, то вспыхивая вновь, на протяжении многих веков.

Но ни одно из подобных столкновений ни по ожесточенности борьбы, ни по масштабам, ни по своим последствиям не может сравниться с религиозной войной, вот уже два тысячелетия упорно и непрерывно ведущейся иудаизмом против Церкви Христовой. Духовные начала двух сторон совершенно противоположны и непримиримы. Дело в том, что современный иудаизм не имеет в христианском понимании никакого положительного религиозного содержания. С того момента, как иудеи распяли Мессию, Иисуса Христа, Сына Божиего, Которого они должны бы были принять с благоговением и любовью, ибо именно им Бог доверил знание о том, что Христос придет спасти человека от греха, — с этого момента основой иудаизма стало воинствующее антихристианство.

Отсюда все сложности русско-еврейских отношений, ибо Святая Русь веками сознавала себя как защитницу и главную хранительницу христианских святынь, равно в области духовной и госу-

дарственной. Рассуждая о русской истории, говоря о причинах помрачения религиозного самосознания русских людей, приведшего к гибели православную российскую государственность, невозможно избежать обсуждения этого вопроса. Тема давно назрела, надо лишь подойти к ней без ненависти и злобы, раздражения и лукавства — с искренним желанием понять...

Во-первых, следует четко уяснить себе, что нам предстоит проблема духовная, проблема межрелигиозных, но вовсе не межнациональных отношений. Церковь не делит и никогда не делила своих чад по национальному признаку. В сонме православных святых лик подвижников-евреев (начиная с апостолов) занимает свое место наряду с угодниками Божиими, призванными благодатию Его из среды иных народов — безо всякого различия. Смешение понятий религиозных и национальных частично имеет свое оправдание в том, что именно религия определяет национальный характер народа в целом, однако ставить здесь знак равенства было бы опрометчиво.

Это, кстати, хорошо понимали в дореволюционной России. Следствием подобного понимания и явился тот факт, что Император Всероссийский не разделял своих подданных по национальной принадлежности. У него не было подданных татар, якутов или лезгинов — нет! Были подданные православного, мусульманского или иудейского вероисповедания. Если бы из этого понимания были сделаны своевременные и правильные выводы, мы, возможно, избежали бы многих скорбей и тягот...

Во-вторых, необходимо осознать, что суть проблемы заключается в непримиримом противоречии двух религиозных мировоззрений, соответственно определяющих идеалы народного бытия, нравственные нормы и понимание смысла жизни. Противостояние это обостряется тем, что в самосознании обоих народов чрезвычайно сильны идеи избранничества, мессианства, особого служения.

Здесь, пожалуй, мы приближаемся к пониманию главной причины многих катаклизмов, потрясавших русскую жизнь на протяжении веков. «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мрк. 10, 45), — засвидетельствовал Христос, проходя Свой крестный путь. Жертвенность и самоотвержение стали основополагающими заповедями христианской нравственности. В полном соответствии с нею русское самосознание всегда воспринимало свое избранничество как обязанность **послужить** ближним своим. Русский народ сознавал свою задачу народа-богоносца в том, чтобы **служить** хранителем истин веры, давая возможность **любому желающему** припасть к этому источнику живой воды, приснотекущему в жизнь вечную и блаженную.

Иное понимание избранничества предполагает иудаизм. «Евреи приятнее Богу нежели ангелы», «как человек в мире высоко стоит над животными, так евреи высоко стоят над всеми народами на свете» (1), — учит Талмуд. Это вероучение основывается на том утверждении, что иудеи Самим Богом избра-

ны для господства и должны всемерно стремиться к достижению этой цели. Отсюда проистекает еще одно фундаментальное положение иудаизма, гласящее, что иудей не имеет никаких нравственных обязательств перед иноверцем. Понятия справедливости и милосердия, честности и благодарности, с этой точки зрения, неприменимы к христианину или мусульманину, ибо они, строго говоря, не могут даже считаться людьми...

Итак: православное понимание своего избранничества есть понимание обязанности **служить ближнему своему**.

Избранничество же иудея есть **избранничество на господство** над окружающими людьми.

Понятно, что соприкосновение столь разительно отличающихся взглядов на жизнь и на свое место в ней не могло не вызывать явлений болезненных, разрушительных, катастрофичных. Русская история — лучшее тому подтверждение.

Иудейские купеческие колонии появились на русских землях в эпоху расцвета Киевской Руси, поддерживавшей оживленные торговые связи с богатой Византией на востоке и христианскими государствами Западной Европы. Но уже в 1069 году произошел первый конфликт, в результате которого они надолго потеряли право селиться в России.

Летопись Нестора так описывает случившееся: «Киевляне же... жидов многих побили... за то, что сии... христианам вред чинили». Когда же мятеж закончился свержением князя Святополка, покровительствовавшего иноверцам, и вместо него «прият

Владимир престол со удовольствием всего народа», тогда «просили его всенародно о управе на жидов, что... при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились; они же многих прельстили... Владимир же отвечал им: «... Для того немедленно созову князей на совет».

И вскоре послал всех звать по Киеву. Когда же князи съехались на совет у Выдобича, по долгом рассуждении установили закон таков: «Ныне из всея Руския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впускать...» (2).

На протяжении многих веков русская государственная власть строго следила за выполнением этого решения. Ересь «жидовствующих», занесенная иудеями в Новгород в конце XV века и серьезно осложнившая церковную и государственную жизнь на целых 30 лет, только усилила подозрительность. Российские самодержцы хорошо запомнили преподанный им урок.

«Жидам ездити в Россию с торгами не пригоже, — говорил Иоанн Грозный, — для того, что от них многия лиха делаются, что отравные зелья привозили в Россию и христиан от христианства отводили» (3). То, что во время Смуты начала XVII века за Лжедмитрия II выдавал себя ловкий авантюрист еврейского происхождения, лишь подтвердило правительность опасений.

«Хочу видеть у себя, — говорил Петр I, — лучшие народы магометанской и языческой веры, нежели жидов: они — плуты и обманщики. Я искореняю

зло, и на распложаю его». Несмотря на это, иудеи все же проникали на территорию империи, так что уже Екатерина I в своем указе «О высылке жидов из России», вышедшем 26 апреля 1727 года, повелела «тех всех выслать вон из России за рубеж немедленно, и впредь их ни под каким образом в Россию не впускать и того предостерегать во всех местах накрепко» (4).

Государыня Елизавета Петровна высказалась по этому поводу еще определеннее: «Жида в нашей империи под разными видами жительство продолжают, от чего не иного какого плода, но токмо, яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников нашим верноподданным крайняго вреда ожидать должно... Оных ни под каким видом в нашу империю ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в христианской вере... таковых крестя, жить им позволить...» (5).

Последнее высказывание Государыни особенно примечательно, ибо подтверждает отсутствие националистической подоплеки в действиях русской власти: иудей, принимавший Православие (аще таковой находился), обладал совершенно теми же правами, что и любой другой российский подданный. Более того, когда в состав России в конце XVIII века в результате так называемых «разделов Польши» вошли земли с проживающими на них иудеями, общим числом около миллиона душ, русское правительство приняло все меры для обеспечения их равноправия. Указом Екатерины II от 1791 года они были уравнены в правах с купцами, ремесленниками и мещана-

ми тех городов и местечек, в которых проживали на момент присоединения к Российской империи.

Повелением Александра I в 1802 году был даже образован специальный «комитет о благоустройстве евреев». Но как только выяснилось, что его деятельность клонится к тому, чтобы разработать перечень мер, направленных на смягчение религиозно-бытовой обособленности иудейских общин, — кагалы (органы местного самоуправления иудеев) заняли по отношению к комитету резко отрицательную позицию. На всех иудеев был наложен ими специальный «процентный сбор, необходимый для устранения намерения правительства относительно евреев» (6). Проще говоря, путем специального тайного налога были собраны огромные суммы для подкупа чиновников и приостановления «неблагоприятного» развития событий, что и было сделано. О влиянии иудеев говорит также тот факт, что по их «просьбам» (обильно, разумеется, подкрепленным деньгами), в результате интриг от деятельности комитета был устранен Г. Р. Державин, знаменитый русский поэт, занимавший тогда место министра юстиции.

Быстро растущая финансовая и политическая мощь иудейской диаспоры в Европе вызвала серьезную озабоченность христианских правительств. Она особенно усилилась после того, как по всему континенту в 1848 году прокатилась судорога революций, слишком похожих друг на друга, чтобы быть случайными, слишком хорошо скоординированных, чтобы быть стихийными, слишком ясно выказавших свой антихристианский характер, чтобы это

могло остаться незамеченным. Эта волна разбилась о подножие трона Императора Всероссийского, но стало ясно, что разрушительный процесс, набиравший силу со времен Великой французской революции, перешел в новое качество.

«Миром управляют совсем не те, кого считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами», — предупреждал Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд, лидер консервативной партии Англии, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 годах. «Существует политическая сила, редко упоминаемая, — говорил он, — я имею в виду тайные общества. Невозможно скрыть, а потому и бесполезно отрицать, что значительная часть Европы покрыта сетью этих тайных обществ подобно тому, как поверхность земного шара покрыта сейчас сетью железных дорог... Они... стремятся к уничтожению всех церковных установлений», — констатировал Дизраэли, возмущаясь, что «почтенные граждане Англии, столь бережливые и религиозные, аплодируют маневрам тех, кто нападает на собственность и на Иисуса Христа, видя в этом прогресс либерализма».

Будучи сам крещеным евреем, Дизраэли мог не бояться столь модных сегодня обвинений в «антисемитизме», и поэтому еще в 1846 году предупреждал, что готовящаяся «мощная революция развивается полностью под еврейским руководством» (7).

Вскоре после смерти лорда Биконсфилда, последовавшей в 1881 году, его худшие опасения получили новое документальное подтверждение. Некто

Джон Редклиф опубликовал в Англии «Обозрение политико-исторических событий за последнее десятилетие», в которое он включил попавшую к нему запись выступления иудейского раввина на одном из тайных собраний (8).

«Христианская Церковь — один из опаснейших наших врагов, — сказал раввин, — и мы должны упорно трудиться, чтобы ослабить ее влияние. Мы должны сколько возможно стараться привить к умам, преданным христианской религии, идеи свободомыслия, скептицизма, раскола, вызывать религиозные препирательства и споры в многочисленных ответвлениях и сектах христианства. Будем действовать логически, начнем с унижения и умаления качеств их священнослужителей; объявим им открытую войну, вызовем подозрение к их набожности, благочестию и поведению хотя бы орудиями осмеяния и издевательства...

Сколько уже веков ученые наши упорно и отважно борются с крестом, и ничто до сего времени не заставило их отступить. Народ наш постепенно возвышается и власть его с каждым днем увеличивается... Восемнадцать веков принадлежали врагам нашим, но век настоящий и будущие должны нам принадлежать — нам, народу Израиля, и это будет так...

Каждая война, каждая революция, каждое политическое или религиозное потрясение в христианском мире приближают нас к тому моменту, когда высшая цель наша будет достигнута нами...*

---

* Я намеренно не касаюсь в этой работе знаменитых «Протоколов

Подвигаясь таким образом шаг за шагом вперед по начертанному пути и соблюдая свойственные нам стойкость и твердость, мы оттесним христиан и уничтожим их влияние. Уже мы будем диктовать миру, во что он должен верить, что чтить и что проклинать. Может быть, некоторые личности и восстанут против нас... но покорные и невежественные массы будут нас слушать и держать нашу сторону. Раз мы будем хозяевами прессы, от нас будет зависеть внушать те или иные понятия о чести, добродетели, прямоте характера... Мы с корнем вырвем веру и поклонение тому, что до сих пор боготворилось христианами; увлечение страстями будет в наших руках орудием, которым мы уничтожим все, что еще возбуждает благоговение христиан...

Только этим путем сможем мы во всякое время поднять массы и направить их к саморазрушению, к революциям, то есть к любой из тех катастроф, которые все более и более приближают нас к достижению нашей конечной цели — **царствовать на земле...**»

Механизм провоцирования и разжигания смуты, столь откровенно описанный в этой речи, был запущен во всю мощь уже во время первой русской революции 1905–1907 годов. Даже беглый обзор русской жизни того времени показывает, что никаких

Сионских мудрецов», но наличие в речи раввина и в тексте «Протоколов» обширных совпадений, часто буквальных, заставляет думать, что оба документа, несмотря на десятилетнюю разницу в опубликовании, восходят к единому первоисточнику. Это, во всяком случае, опровергает то расхожее, но беспочвенное обвинение, которое приписывает фабрикацию «Протоколов» то ли русской охранке, то ли Сергию Нилусу — их первому широкому публикатору.

«объективных» (а особенно столь любимых историками-материалистами хозяйственных, экономических) причин для беспорядков не было.

Судите сами.

Финансовое состояние России было чуть ли не самым устойчивым в мире. Рубль свободно конвертировался, его золотое содержание росло даже во время войны с Японией. Сама эта война прошла для внутренней жизни империи практически незаметно — налоги выросли всего на 5%. В то же время как либеральная пресса не уставала обличать «реакционное самодержавие» во всех смертных грехах, личные доходы граждан — рабочих, служащих и крестьян — выросли за 20 лет почти в шесть раз. За то же время вдвое увеличилась протяженность железных дорог, удвоился и сбор хлеба. Русские товары на Дальнем Востоке вытесняли японские и английские в силу своей дешевизны и традиционно высокого качества (9).

И все же революция грянула... Стоит, пожалуй, еще раз сказать, что главные причины всех русских бед нам надо искать в самих себе. Что никакие злоумышленники не смогли бы раскачать русскую государственность, если бы мы сами не ослабили ее, подточив духовные основы державной мощи России. Что значительная часть чиновной администрации давно уже тяготела к либеральной западной псевдокультуре, несовместимой с истинами Православия. Что интеллигенция в своем огромном большинстве была прямо враждебна Церкви, придерживаясь откровенно атеистических или спиритически-окультур-

ных воззрений. Что молодежь, лишенная здорового духовного развития, легко попадала в сети экстремистских организаций, прикрывавших звонкой фразеологией заурядный политический терроризм...

Можно еще долго перечислять внутренние причины, соделавшие русский колосс столь чувствительным к революционным бациллам. И все же первый натиск смуты, поддержанной всею мощью международных антихристианских организаций, был отбит. Ни назойливая антиправительственная пропаганда прессы, ни призыв к самым низменным инстинктам толпы, ни беспрецедентный террор (начиная с 1905 года и до подавления революции, ежедневно погибали от 10 до 18 человек — в большинстве своем государственных служащих), ни обильные иностранные вливания (один лишь Яков Шифф, глава иудейского финансового лобби в США, потратил миллионы долларов на помощь Японии и революционную пропаганду среди русских солдат)* не сломили Русь (10).

Ибо несмотря ни на что, в народной толще вера оказалась еще слишком крепкой. И наряду с теми, кто бездумно поддался лукавым призывам и принял участие в беспорядках, под хоругвями и крестами выступили люди, считавшие своим священным долгом защитить устои веры и основы православной русской государственности.

---

* Под нажимом того же Шиффа и его единомышленников в 1911 году США разорвали торговый договор с Россией. В 1916 году американский агент русской разведки опять сообщил, что Шифф финансирует революционеров, что они «без всякого сомнения приняли решение перейти к действию», а на их тайном собрании «было доложено... что положение совершенно подготовлено» (11).

При первых же раскатах революционного грома власть, тронутая тленом либерализма и безволия, растерялась. Полиция исчезла с улиц, а кое-где даже губернаторы поспешили приветствовать «прогрессивные перемены». Именно тогда, видя, что власть недееспособна, народ смог взять дело спасения Отчизны в свои руки. В 1905 году массы выходят на улицы. С одной стороны, действуют боевики террористических организаций, агитаторы леворадикальных партий и уголовные элементы, с другой — возмущенные ревнители порядка и спокойствия. В октябре 1905 года почти во всех городах происходят столкновения.

Тогда на волне противостояния смуте стали быстро развиваться и расти православно-патриотические партии и организации. Русское собрание и Союз Михаила Архангела, Союз Русского Народа и Монархическая партия, другие общественные союзы и объединения встают на пути дальнейших потрясений. И революция отступает...

Типичными пунктами программ правых партий (которые с «легкой» руки советской исторической «науки» до сих пор представляются человеку, мало сведущему в этом вопросе, некими зловещими организациями) были следующие требования (на примере Русского Собрания):

— Православная Церковь должна сохранить в России господствующее положение... Голос ее должен быть выслушиваем законодательной властью в важнейших государственных вопросах;

— Царское Самодержавие должно основываться на постоянном единении Царя с народом;

— Племенные вопросы в России должны решаться сообразно готовности отдельной народности служить России... в достижении общегосударственных задач... Все попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом не должны быть допускаемы;

— Верховным мерилom деятельности государственного управления... должно быть народное благо, причем государство, открывая достаточно простора для местного самоуправления, должно блюсти, чтобы это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических (12).

Это была платформа, которая смогла тогда сплотить здоровые силы русского общества. Но творцы революции быстро учли все свои ошибки: когда через десять лет на Россию накатила новая революционная волна, православно-патриотические группы были искусно разобщены и противопоставлены друг другу (вспомним намерение богоборцев соделать человеческие страсти главным орудием достижения своих целей), высшие эшелоны власти парализованы масонским политическим заговором, а многократно усиленная Думой пропагандистская антиправительственная кампания беспрепятственно подорвала народное доверие к Государю и его министрам... Так готовился 1917 год.

ВАШ ОТЕЦ — ДИАВОЛ, И ВЫ ХОТИТЕ ИСПОЛНЯТЬ ПОХОТИ ОТЦА ВАШЕГО

ДЕМОНЫ РЕВОЛЮЦИИ

В 1917 году Россия была потрясена социальной катастрофой, самой страшной и кровавой из всех известных человечеству. Ни по грандиозным масштабам, ни по своей жестокости, ни по продолжительности (ибо она не окончилась до сих пор) русская революция не знает себе равных. И тем не менее, несмотря на многодесятилетний опыт безмерных скорбей и невероятных тягот, мы в большинстве своем так и не поняли — что же произошло (и происходит) с Россией, какая сила превратила цветущую, бурно развивающуюся страну сперва в арену кошмарной братоубийственной бойни, затем в огромный концлагерь, в полигон разнузданного, откровенного и циничного богоборчества, а в завер-

шение всего отдала одураченную, ограбленную и преданную Русь «на поток и разграбление» алчной своре международных преступников и проходимцев, действующих под глумливой вывеской «демократии».

Не разобравшись во всем этом, не осознав причин нашей великой всенародной беды, не поняв, как действуют разрушительные механизмы, запущенные на Русской земле много лет назад, не сможем мы восстановить здоровое, естественное течение русской жизни, обезвредить ядовитые всходы безбожия и сатанизма, воскресить Святую Русь.

ВОСПОМИНАНИЯ КНЯЗЯ ЖЕВАХОВА

Среди свидетельств крестных страданий России особое место занимает книга воспоминаний товарища (говоря современным языком — первого заместителя) обер-прокурора Святейшего Синода князя Николая Давыдовича Жевахова. Он занимал этот высокий пост с 15 сентября 1916 года по 1 марта 1917-го, когда был арестован «революционными солдатами» по приказу Керенского. Заняв должность по личному распоряжению Государя, знавшего глубокую религиозность князя и его твердые державные убеждения, Жевахов, естественно, рассматривался «новой» властью как опасный враг. Для нас же немаловажным будет тот факт, что он являлся духовным чадом знаменитого оптинского старца Анатолия и

согласился на работу в Синоде по его прямому благословению.

После освобождения из-под ареста, зная, что очередное столкновение с «революционной» властью наверняка станет для него роковым, Жевахов тайно покинул Петроград. С этого момента для него началась, по его собственному выражению, «скитальческая жизнь, полная невзгод, страданий, лишений, но в то же время и удивительных, чудесных проявлений милости Божией». Немало по странствував по вздыбившейся России, побывав и «под белыми», и «под красными», Жевахов в конце концов оказался за границей, где и издал свои воспоминания. Их первый том вышел в Мюнхене в 1923-м, а второй — в Сербии, в 1928 году. Значительная его часть посвящена анализу того явления, которое в официальной «советской» историографии получило название «Великая Октябрьская социалистическая революция».

«Задача революции 1917 года — пишет Жевахов, — заключалась в уничтожении России и образовании на ее территории... опорного пункта для последующего завоевания западноевропейских христианских государств... Впереди стояли гонения на Православную Церковь, расхищение несметных богатств России, поголовное истребление христианского населения, мучения, пытки, казни, воскресали давно забытые страницы истории, о которых помнили только особо отмеченные Богом люди... Предупреждали о наступлении этого момента преподобный Серафим Саровский, Илиодор Глинский, Иоанн Кронштадтский и мудрецы-миряне, один пе-

речень имен которых мог бы составить целую книгу, но им никто не верил...

И когда наступил этот — давно предвозвещенный — момент, то его не только не узнали, а наоборот, думали, что «новыми» людьми строится «новая» Россия, создаются «новые» идеалы, указываются «новые» пути к достижению «новых» целей. Везде и повсюду только и были слышны «новые» слова, люди стали говорить на «новом», непонятном языке, и с тем большим изуверством и ожесточением уничтожали все «старое», чем больше стремились к этому «новому», с коим связывали представления о земном рае.

В действительности же происходило возвращение к такому седому, покрытому вековой пылью **старому**, происходила не «классовая» борьба, или борьба «труда с капиталом», торжествовали не эти глупые, рассчитанные на невежество масс лозунги, а была самая настоящая, цинично откровенная борьба жидовства с христианством, одна из тех старых попыток завоевания мира... какая черпала свои корни в древнеязыческой философии халдейских мудрецов и началась еще задолго до пришествия Христа Спасителя на землю, повторяясь в истории бесчисленное количество раз одинаковыми средствами и приемами.

Ни для верующих христиан, привыкших с доверием относиться к Слову Божию, ни для честных ученых, видевших в достижениях науки откровение Божие, не было **ничего нового** в этих попытках уничтожить христианство и завоевать мир, и только

безверие, с одной стороны, и глубокое невежество, с другой, не позволяли одураченным людям видеть в происходящем отражения давно забытых страниц истории» (1).

Сегодня для нас такое свидетельство чрезвычайно важно, ибо указывает, подтверждая, на **религиозный характер** второй, Великой Русской Смуты, продолжающейся и по сию пору. Православная Церковь сформировала и воодушевила русскую государственность, даровала народному бытию великую цель и вечный смысл бытия, образовала наш национальный характер, соделав его драгоценным ковчегом для благоговейного хранения Истин Божественного вероучения. Русская духовность неразделимо срослась с державностью, и уничтожить одно без другого было просто невозможно.

Потому-то издавна, осторожно и терпеливо, маскируясь и лукавя, подтачивали русоненавистники и богоборцы это соборное единство. Программы, имевшие своей целью уничтожение России как оплота христианской государственности в мире, были спланированы не вчера и выполнялись тщательно и неуклонно.

«К концу 1917 года все эти программы были уже окончательно выполнены, — пишет Жевахов, — и по всей России царил неопикуемый террор, посредством которого новая власть закрепляла позиции, завоеванные глупостью, изменой и предательством вожаков русского народа.

Вся Россия буквально заливалась потоками христианской крови, не было пощады ни женщинам,

ни старикам, ни юношам, ни младенцам. Изумлением были охвачены даже идейные творцы революции, не ожидавшие, что работа их даст в результате такие моря крови. Не удивлялись только те, кто помнил § 15 «Сионских протоколов», где говорится: «Когда мы, наконец, окончательно воцаримся при помощи государственных переворотов, всюду подготавливаемых... мы постараемся, чтобы против нас уже не было заговоров. Для этого мы немилосердно казним всех, кто встретит наше воцарение с оружием в руках...»

Развал России явил такую грандиозную картину разрушения во всех областях государственной, общественной и личной жизни, что потребуются не только тома для описания этой картины, но и великий талант, способный передать потомству весь ужас пережитого...

Придет время, когда правдиво написанная «История русской революции» сделается настольной книгой для каждого честного, мыслящего христианина — как грозное предостережение грядущим поколениям, как свидетельство попранных гордым человеком законов Божьих, как страшный результат противления воле Божьей».

И действительно, духовной первопричиной русской трагедии XX века стало помрачение религиозно-нравственного самосознания народа, поддавшегося льстивым посулам земных, тленных благ и ради них отвергшегося того великого служения народа-богоносца, которое было даровано ему свыше и составляло смысл русской жизни на протяжении

многих веков. Стоило пошатнуться краеугольному камню веры, как все огромное здание русской государственности обрушилось, похоронив под своими обломками неисчислимые жертвы материалистического обмана.

Более того, религиозная энергия и сила русской души, до того верой и правдой служившие делу спасения, делу торжества евангельской нравственности и истины Христовой, потеряв православную опору, были легко «перенацелены» на достижение безумных, губительных псевдорелигиозных целей: «торжества мировой революции», «интернациональной солидарности», «построения коммунизма» и тому подобных химер, скрывавших за привлекательной внешностью смертельное для России богоборческое содержание. Творцы революции, обладая многовековым опытом организации антихристианских социальных катаклизмов, рассчитали точно. Они знали, что всякий народ — дитя. Русский же народ, сверх того — дитя доверчивое, доброе и простосердечное. Одурачив его сказками о «народовластии», «всеобщем равенстве», «классовой справедливости», веру России подвергли страшному, огненному, кровавому испытанию.

«Разрушалась Россия сознательно, — говорит Жевахов, — и ее развал явился не результатом теоретических ошибок и заблуждений идейных борцов революции, желавших взамен дурного старого создать что-то лучшее и новое, как думали и продолжают даже теперь думать незрелые люди, а выполнением давно задуманных, гениально разра-

ботанных программ, обрекавших Россию на **вымирание**».

Факты, приводимые князем в своих воспоминаниях, столь жутки, что невольно возникает вопрос: стоит ли **такое** помнить? К сожалению, помнить это надо, чтобы ужас пережитого стал надежным препятствием на пути всех и всяческих русоненавистников, новых обманщиков и разорителей России. Итак, укрепив свои сердца незлобием и кротостью, исполнив их христианским милосердием, наберемся мужества и — **взглянем тяжелой правде в глаза**.

«С молитвой за несчастных, невинно замученных жертв богоборческого фанатизма подойдем ближе к местам их мучений и страданий, — призывает Жевахов, — войдем в глубь кровавых застенков, где миллионы православных христиан кончали свои счета с жизнью среди оргий обезумевших сатанистов, войдем туда не для праздного любопытства, а во имя долга перед человечеством, чтобы поведать всему миру о том, что мы там увидели... и чему до сих пор еще так мало верят. Не верят потому, что никакое воображение не в силах нарисовать картины таких ужасов, какие испытала великая христианская Россия, очутившись в когтях вампира, высасывающего ее кровь... Будем помнить, что все эти ужасы, все то, что рассматривается Европой как «сказка» или преувеличение... станет ясным и понятным, если мы не забудем основную цель русской революции — истребление христианского населения России».

Этой страшной цели была подчинена деятельность всех «силовых» структур новорожденной советской власти, служившей на деле лишь декорацией, скрывавшей зловещий механизм воинствующего человеконенавистничества. С полной ясностью и циничной откровенностью он явил себя в деятельности ЧК, укомплектованной в подавляющем большинстве инородцами и иноверцами, ставшей по роду своей деятельности настоящей «всероссийской бойней», возведшей на уровень официальной государственной задачи убийства, пытки и истязания людей.

Говорит Жевахов:

«Никакое воображение не способно представить себе картину этих истязаний. Людей раздевали догола, связывали кисти рук веревкой и подвешивали к перекладинам с таким расчетом, чтобы ноги едва касались земли, а потом медленно и постепенно расстреливали из пулеметов, ружей или револьверов. Пулеметчик раздроблял сначала ноги для того, чтобы они не могли поддерживать туловища, затем наводил прицел на руки и в таком виде оставлял висеть свою жертву, истекающую кровью... Насладившись мучением страдальцев, он принимался снова расстреливать их в разных местах до тех пор, пока живой человек не превращался в кровавую массу и только после этого добивал ее выстрелом в лоб. Тут же сидели и любовались казнями приглашенные «гости», которые пили вино, курили и играли на пианино или балалайках...

Часто практиковалось сдирание кожи с живых людей, для чего их бросали в кипяток, делали надре-

зы на шее и вокруг кисти рук, щипцами стаскивали кожу, а затем выбрасывали на мороз... Этот способ практиковался в харьковской чрезвычайке, во главе которой стояли «товарищ Эдуард» и каторжник Саенко. По изгнании большевиков из Харькова Добровольческая армия обнаружила в подвалах чрезвычайки много «перчаток». Так называлась содранная с рук вместе с ногтями кожа. Раскопки ям, куда бросали тела убитых, обнаружили следы какой-то чудовищной операции над половыми органами, сущность которой не могли определить даже лучшие харьковские хирурги... На трупах бывших офицеров, кроме того, были вырезаны ножом или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу — советская звезда, на груди — орденские знаки; были отрезаны носы, губы и уши... На женских трупах — отрезанные груди и сосцы, и пр. и пр. Много людей было затоплено в подвалах чрезвычайек, куда загоняли несчастных и затем открывали водопроводные краны.

В Петербурге во главе чрезвычайки стоя латыш Петерс, переведенный затем в Москву. По вступлении своем в должность «начальника внутренней обороны» он немедленно расстрелял свыше 1000 человек, а трупы приказал бросить в Неву, куда сбрасывались и тела расстрелянных им в Петропавловской крепости офицеров. К концу 1917 года в Петербурге оставались еще несколько десятков тысяч офицеров, уцелевших от войны, и большая половина их была расстреляна Петерсом, а затем жидом Урицким. Даже по советским данным, явно ложным, Урицким были расстреляны свыше 5000 офицеров.

Переведенный в Москву, Петерс, в числе прочих помощников имевший латышку Краузе, залил кровью буквально весь город. Нет возможности передать все, что известно об этой женщине-звере и ее садизме. Рассказывали, что она наводила ужас одним своим видом, что приводила в трепет своим неестественным возбуждением... Она издевалась над своими жертвами, измышляла самые жестокие виды мучений преимущественно в области половой сферы и прекращала их только после полного изнеможения и наступления половой реакции. Объектами ее мучений были главным образом юноши, и никакое перо не в состоянии передать, что эта сатанистка производила со своими жертвами, какие операции проделывала над ними... Достаточно сказать, что такие операции длились часами, и она прекращала их только после того, как корчившиеся в страданиях молодые люди превращались в окровавленные трупы с застывшими от ужаса глазами...

Ее достойным сотрудником был не менее извращенный садист Орлов, специальностью которого было расстреливать мальчиков, которых он вытаскивал из домов или ловил на улицах... Если мои сведения кажутся неправдоподобными, а это может случиться — до того они невероятны, и с точки зрения нормальных людей недопустимы, то я прошу проверить их, ознакомившись хотя бы только с иностранной прессой, начиная с 1918 года, и просмотреть газеты «Victoire», «Times», «Le Travail», «Journal de Geneve», «Journal des Debats» и другие...

В Киеве чрезвычайка находилась во власти латыша Лациса. Его помощниками были изверги Авдохин, жидовки «товарищ Вера», Роза Шварц и другие девицы. Здесь было полсотни чрезвычайек, но наиболее страшными были три, из которых одна помещалась на Екатерининской ул., № 16, другая на Институтской ул., № 40 и третья на Садовой ул., № 5... В одном из подвалов чрезвычайки, точно не помню какой, было устроено подобие театра, где были расставлены кресла для любителей кровавых зрелищ, а на подмостках, то есть на эстраде, которая должна была изображать собой сцену, производились казни.

После каждого удачного выстрела раздавались крики «браво», «бис» и палачам подносились бокалы шампанского. Роза Шварц лично убила несколько сот людей, предварительно втиснутых в ящик, на верхней площадке которого было проделано отверстие для головы. Но стрельба в цель являлась для этих девиц только шуточной забавой и не возбуждала уже их притупившихся нервов. Они требовали более острых ощущений, и с этой целью Роза и «товарищ Вера» выкалывали иглами глаза или выжигали их папиросой, или же забивали под ногти тонкие гвозди.

В Киеве шепотом передавали любимый приказ Розы Шварц, так часто раздававшийся в кровавых застенках чрезвычайек, когда ничем уже нельзя было заглушить душераздирающих криков истязуемых: «Залей ему глотку горячим оловом, чтобы не визжал, как поросенок»... И этот приказ выполнялся с бук-

вальной точностью. Особенную ярость вызывали у Розы и Веры те из попавших в чрезвычайку, у кого они находили нательный крест. После невероятных глумлений над религией они срывали эти кресты и выжигали огнем изображение креста на груди или на лбу своих жертв...

Практиковались в киевских чрезвычайках и другие способы истязаний. Так, например, несчастных втискивали в узкие деревянные ящики и забивали их гвоздями, катая ящики по полу...

Когда фантазия в измышлении способов казни истощалась, тогда страдальцев бросали на пол и ударами тяжелого молота разбивали им голову пополам с такой силой, что мозг выдавливался на пол. Это практиковалось в чрезвычайке, помещавшейся на Садовой, №5, где солдаты Добровольческой армии обнаружили сарай, асфальтовый пол которого был буквально завален человеческими мозгами...

В Полтаве неистовствовал чекист «Гришка», практиковавший неслыханный по зверству способ мучений. Он предал лютой казни 18 монахов, приказав посадить их на заостренный кол, вбитый в землю. Этим же способом пользовались и чекисты Ямбурга, где на кол были посажены все захваченные на Нарвском фронте офицеры и солдаты. Никакое перо не способно описать мучения страдальцев, которые умирали не сразу, а спустя несколько часов, извиваясь от нестерпимой боли. Некоторые мучились даже более суток. Трупы этих великомучеников являли собой потрясающее зрелище: почти у всех глаза вышли из орбит...

В Благовещенске у всех жертв чрезвычайки были вонзенные под ногти пальцев на руках и ногах граммофонные иголки.

В Омске пытали даже беременных женщин, вырывали животы и вытаскивали кишки.

В Казани, на Урале и в Екатеринбурге несчастных распинали на крестах, сжигали на кострах или же бросали в раскаленные печи...»

Человеколюбие и милосердие по отношению к читателям этих строк требует ограничить цитирование — не всякое сердце способно вместить в себя тот груз горечи и скорби, какой неизбежно ложится тяжким бременем на каждого, прикасающегося к страшным тайнам русской революции. Мы оставим за рамками нашего труда дальнейшие описания насилий и мучений, страшных последствий искусственно созданного голода, погубившего миллионы людей, сделавшего обыденностью ужасы трупоядения и людоедства. Мы воздержимся от публикации списка главных палачей России — почти сплошь нерусских — дабы не обострять национальной обиды, не давать места бесу злобы и вражды. Надо лишь твердо помнить, что все пережитое нашим народом окажется напрасным, а сами мы станем предателями и изменниками великого русского дела, если не сделаем должных выводов из горького опыта, доставшегося нам безмерной, невосполнимой ценой...

Правильная оценка феномена Октябрьской (да и Февральской тоже) революции — ключ к пониманию всей русской истории советского периода, с ее многочисленными загадками и противоречиями,

героическими свершениями и позорными провалами. Только овладев этим ключом, можно рассчитывать, что он откроет дверь к русскому возрождению, к воскресению Святой Руси, а не к новой эпохе гибельных катаклизмов.

РЕЛИГИЯ НЕНАВИСТИ

Силы, сокрушившие русскую православную государственность, вовсе не думали удовлетвориться достигнутым. Следующими шагами, по мысли вдохновителей революции, должны были стать мероприятия по «расхристианиванию» русского самосознания, и, более того, формированию антихристианского мировоззрения, антицеркви — как организационной основы богоборчества и кадровой, структурной опоры сознательного сатанизма. Первые 25 лет после революции стали временем напряженной борьбы русского народа за сохранение своих православных святынь, когда террору, лжи и насилию Россия противостояла верою, терпением, исповедничеством и страстотерпчеством.

Долгие годы атеистической пропаганды сделали свое дело — сейчас мы склонны видеть в собственной истории действие причин хозяйственных, военных и политических, почти не отдавая себе отчета в том, что все они — только следствия духовного состояния общества, порывов буруеваемой страстями души человеческой. И все же целый ряд

исторических свидетельств подтверждает: попытки насадить на русской земле сатанинские культы были преднамеренными и целенаправленными.

В 1921 году датчанин Хеннинг Келер издал в Берлине книгу под названием «Красный Сад» (2). В том же году отзывы о его книге и перепечатки из нее появились и в русской антибольшевистской печати (3). Воспоминания Келера, немало повидавшего в развороченной России, представляют для нас значительный интерес. Он, например, описывает церемонию открытия в городе Свяжске памятника... Иуде Искаротскому, предателю Иисуса Христа.

Келер попал в Свяжск (сам он ошибочно называет его Свяжгородом) по пути из Алатыря в Казань как раз в день «торжества». По этому случаю в городе состоялся парад двух полков Красной армии и команды бронепоезда. Председатель местного совета произнес «пламенную» речь, в которой говорил о том, что решение поставить памятник именно Иуде было принято не сразу. Сперва в качестве кандидатов на эту высокую «честь» фигурировали Люцифер (то есть сам сатана) и Каин, «так как оба они были угнетенными, мятежниками, революционерами».

Но, к сожалению, сказал председатель, образ Люцифера не вполне согласуется с материалистическим мировоззрением, что же касается Каина — его существование исторически не подтверждено. Поэтому было решено поставить памятник «человеку, в течение двух тысяч лет презиравшемуся капиталистическим обществом, предтече мировой революции — Иуде Искароту...»

Наблюдатель пишет, что даже в окружавшей оратора распропагандированной толпе не все разделяли его мнение. Слышались какие-то протестующие возгласы, некоторые истово крестились. Когда настал момент открытия памятника и покров упал к ногам присутствующих, их взорам открылась буро-красная гипсовая фигура человека — больше натуральной величины — и искаженным, обращенным к небу лицом, судорожно срывавшего с шеи веревку.

Если это не вызов Богу и не гимн сатане — то что?

Нелишне будет, наверное, упомянуть и о бронепоезде, команда которого участвовала в параде. Он носил имя Карла Маркса и возглавлялся матросом Балтийского флота. Келеру довелось путешествовать на нем, и его описания тоже плохо вяжутся с нашими устоявшимися стереотипами о «комиссарах в пыльных шлемах».

Поезд, пишет Келер, был первоклассный, заграничной работы, с пушками, помещенными во вращающейся бронированной башне, пулеметами и тремя пульмановскими вагонами. На особой платформе помещались аэроплан и автомобиль. В одном из вагонов находилось особое купе, обитое шелками и увешанное картинами, с полом, покрытым персидским ковром. Купе это занимала некая дама, бывшая в команде заведующей хозяйством, пулеметчицей, «советчицей» командира и «сестрой милосердия» одновременно. Остается только догадываться об источниках такой роскоши...

Гражданская война дала многочисленные примеры изощренного религиозного изуверства. Одно из доказательств широкого распространения этих жутких явлений — «доказательство, крепкое своей проверенностью очевидцами, ошеломляющее своей незамаскированной жестокостью и издевательской наглостью» (4), — опубликовала газета «Ялтинский вечер» в феврале 1920 года.

В конце мая 1919-го Белая армия вела бои за обладание Мелитополем. Эта операция была возложена на Сводно-гвардейский полк под командованием полковника Лукошко, в состав которого, в частности, входил 4-й стрелковый гвардейский батальон. Им противостояли части знаменитой дивизии Дыбенко. 2 июня, в районе села Черниговка Бердянского уезда рота четвертого батальона под командованием полковника Ухтомского вела бой с превосходящими силами противника. Во время отступления князь Ухтомский был ранен, и когда стало ясно, что вынести его не удастся, он, во избежание пыток, которым мог подвергнуться в плену у красных, приказал одному из офицеров застрелить его, что и было выполнено. Кроме Ухтомского, на поле боя был оставлен еще 21 человек — раненые и убитые.

Через два часа деревня была взята фланговым ударом двух сотен кубанских казаков из частей генерала Виноградова. Были найдены тела всех 22 оставленных ранее бойцов. Но — в каком виде! На всех трупах осмотр обнаружил следы ритуального религиозного глумления. Самое святое для христиан — крестные страдания Спасителя — всегда

служили объектом самых неистовых проклятий христоненавистников. Издеваясь над жертвами, они символически повторяли страшное преступление богоубийства, подтверждая свое отвержение Сына Божиего. Множество подобных мучеников канонизированы Православной Церковью, и память о них свято чтится верующими... Так вот — на всех 22 трупах оказались пробиты ладони и ступни (язвы от гвоздей, прободавших руки и ноги Спасителя), проколот левый бок (рана, нанесенная Христу римским стражником), и на лбу сорвана полоска кожи (след тернового венца). Кошунство было произведено как над трупами, так и над живыми еще людьми, скончавшимися во время этой пытки.

Страждет и трепещет сердце человеческое, когда приходится говорить о столь печальных событиях. Повторюсь еще раз, «паки и паки реку» — не для того, чтобы призывать к отмщению, ворошу я страницы забытого прошлого. «Мне отмщение, и Аз воздам», — провозгласил Господь, оставив на нашу долю милосердствовать о павших и бдеть, дабы не повторялось, умножаясь, зло.

Уроки истории, страдания ушедших поколений обязывают живущих к делам веры и благочестия — и грош нам цена, если мы не усвоим должных выводов, не положим в основание нашей жизни добытый великими страданиями и обильной кровью опыт...

**ЗНАЮ ТВОИ ДЕЛА;
ТЫ НОСИШЬ ИМЯ, БУДТО ЖИВ,
НО ТЫ МЕРТВ!**

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

РУССКОЕ РАССЕЯНИЕ

 удороги революции и гражданской войны, терзавшие Россию несколько лет подряд, выплеснули за границы страны более двух миллионов беженцев. Еще так недавно изобильная и богатая, стоявшая на пороге великой победы в Мировой войне — Российская Империя лежала в руинах, среди которых обезумевшие люди продолжали убивать друг друга: одни — во имя кровавых химер «мировой революции» и «диктатуры пролетариата», другие — в тщетной надежде вернуть назад то, что уже невозможно было вернуть никакими силами.

Страна буквально взорвалась вынужденными переселенцами. Полярные порты Мурманска и Ар-

хангельска вынесли в мир северную волну эмигрантов, рассеявшихся по всей Европе. Южная волна, пройдя через залитую слезами и кровью Украину и разоренный Крым, хлынула на турецкие берега и Балканский полуостров. Западная волна, перевалив через фронты братоубийственной бойни, обрушилась на Прибалтику, Польшу и Чехословакию. На Дальнем Востоке прокатившийся через Сибирь многотысячный поток беженцев затопил Маньчжурию, Китай, Корею и Японию.

К 1920 году в одной только Германии скопилось около 560 тысяч русских эмигрантов. Около 100 тысяч обосновалось в Манчжурии, 40 тысяч в Канаде, 20 тысяч в Соединенных Штатах. Даже в Южной Америке и Австралии образовались русские общины численностью соответственно 3000 и 1700 человек.

Эмиграция состояла преимущественно из представителей «простого» народа и осколков той самой интеллигенции, которая столь усердно готовила революцию, Тысячи политиков, журналистов, адвокатов, врачей, инженеров, коммерсантов, промышленников, священников и чиновников были причудливо перемешаны в ней с десятками и сотнями тысяч офицеров и нижних чинов, казаков и обыкновенных крестьян, бежавших от большевистского террора и голодной смерти.

Очутившись в новой, неизвестной, чуждой среде, русские беженцы не встретили ни сострадания, ни понимания. Пока невзгоды их сохраняли еще печать новизны, они возбуждали интерес и лю-

бопытство — не более того. Впрочем, и это быстро проходило, уступая место равнодушию, если не раздражению и враждебности. Отдельные отрядные исключения только подтверждали это печальное правило, а после того, как в 1921 году советское правительство лишило эмигрантов российского гражданства, ко все прочим бедам русского рассеяния добавилась еще полная юридическая беззащитность. «Нансеновские паспорта» — бледно-зеленые удостоверения личности, которые Лига Наций выдавала русским, не имевшим гражданства, лишь подчеркивали бездомность их обладателей и делали из них подозрительных бродяг, в любой стране находящихся вне закона*.

Невежество западного обывателя не знало пределов. Князь Андрей Лобанов-Ростовский, отпрыск старинного рода, восходящего к Рюриковичам, вспоминал, как в 1920 году, на вопрос одной американки о том, чем он был занят во время войны, он ответил, что служил в Русской армии. «Правда? — удивилась она. — Я не знала, что Россия участвовала в войне». И, немного подумав, добавила: «Видимо, русские там не особенно отличились».

Лишившись Родины и оказавшись в чуждом, бездушном мире, эмигранты страшной ценой заплатили за свое право на безопасную жизнь после лишений и ужасов революции. Утеря родных корней

---

* Набоков, например, вспоминал, что иметь «нансеновский паспорт» было все равно, что быть незаконнорожденным или преступником, отпущенным под честное слово. Из «страны проживания» можно было вылететь в два счета просто за нарушение правил перехода улицы.

и тоска по своей обезображенной коммунизмом Родине означали для многих из них медленную духовную смерть. Впрочем, и физическое существование в водоворотах прижимистого, хищного и холодного Запада давалось нелегко. Великий князь Александр, например, для того, чтобы поправить свои дела, вынужден был отдать редчайшую коллекцию монет за пять процентов ее довоенной номинальной стоимости по каталогу. Через десять лет в газете «Таймс» он увидел объявление, в котором тот же швейцарский перекупщик предлагал одну из этих монет, «купленную у члена русской императорской семьи», за сумму, в сто раз большую, чем та, которую в свое время получил Александр за всю коллекцию целиком.

Если такова была жизнь бывшей знати, то люди простые и небогатые зачастую бедствовали всерьез, прозябая на грани нищеты и голодной смерти. Восток и Запад, Европа и Азия были к ним равно неласковы. В борделях Пекина и Сингапура в 20-х годах количество русских проституток, гонимых в притоны крайней нуждой, возросло до таких размеров, что на жаргоне злочных мест Харбина и Шанхая всякая белая проститутка стала называться «русской девочкой...»

Для большинства беженцев революция стала жестоким уроком, наглядно показавшим, к чему приводит отторжение от вековых святынь и освященных Церковью начал государственного мироустройства. За исключением относительно немногочисленной группы масонов и группировавшихся вокруг них либералов, а также остатков левых, «на-

родных» и «социалистических» партий, так ничего и не понявших в произошедшем, эмиграция была явно «правой», то есть православной и монархической.

Боль утрат и взаимные обиды, умело подогревавшиеся изнутри и извне агентами советских спецслужб, порождали в ее среде противоречия и недоразумения, громкие споры и взаимные обвинения — но все это бурление касалось большей частью вопросов сиюминутно-политических, партийно-групповых.

Вероисповедное и мировоззренческое единство притом все же сохранялось, чему в решающей мере способствовала Русская Православная Церковь, сформировавшая в странах рассеяния свой клир из числа архиереев и священников, оказавшихся в вынужденном изгнании.

Неисповедимы пути Господни — всемогущему промыслу Его угодно было опять сделать судьбы русского народа эпицентром мировой истории. В обеих своих частях: страждущей и страдающей под гнетом богоборцев в России, с одной стороны, а с другой — рассеявшейся по всему свету в поисках лучшей доли, русские люди сыграли ключевую роль в бурных событиях XX столетия. Но если значение Советского Союза в этих процессах бесспорно и общеизвестно, то влияние русского рассеяния, оставшегося единственным свободным носителем традиционного русского самосознания, почти не изучено и предано незаслуженному забвению.

Чтобы правильно его оценить, необходимо разобратся в том, что представляла из себя послево-

енная Европа, каковы были явные и скрытые пружины и механизмы, определявшие ее хозяйственную, политическую, культурную и духовную жизнь.

ЗА КУЛИСАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМЫ

Первая мировая война и последовавшая за ней европейская смута до предела обнажили язвы и противоречия, разъедавшие общественную и государственную жизнь континента. Бациллы духовной заразы, сразившей Россию, давно (и весьма успешно) вели свою разрушительную работу и в других странах. Безумная бойня, не принесящая успехов и выгод никому кроме транснационального финансового капитала, лишь усугубила положение. Даже при самом беглом взгляде на ее политические, социальные и экономические последствия всякому добросовестному наблюдателю становилось ясно: так долго продолжаться не может.

Версальский мирный договор перекроил государственные границы в Европе столь неестественно и прихотливо, что это просто исключало их долговечность и стабильность. Не лучше обстояло дело и с экономикой. В своих довоенных границах государства представляли из себя цельные, исторически сложившиеся хозяйственные организмы. Австро-Венгрия, например, гармонично сочетала в своем составе промышленные области Богемии с сельскохозяйственными венгерскими угодьями. После войны это

органическое единство было расколото на ряд самостоятельных, взаимно подозрительных государств: Чехословакию, Венгрию, Австрию. Каждое из них, отгородившись от соседей, утратило прежнюю возможность здорового товарообмена и угодило в тиски жестокого экономического кризиса*.

Доведенный до нелепости принцип «самоопределения наций» торжествовал всюду, и его разрушительные последствия не замедлили сказаться. Хотя этот новый порядок и льстил самолюбию новоявленных правителей, но широкие слои рабочего населения не получили от него ничего, за исключением ухудшения условий жизни — поэтому вместо мира и покоя послевоенные годы отмечены ростом глухого недовольства и опасного брожения низов, надолго попавших под влияние демагогических коммунистических лозунгов.

Русские изгнанники занимали в этом раскладе особое место. Революционный взрыв, разметавший их по всему свету, сделал беженцев из России носителями уникального, трагического опыта, выводы из которого предстояло усвоить всей Европе, если она не желала повторения российской трагедии у себя. По сути дела, вся межвоенная история Европы явила собой попытку осмыслить этот катаклизм и извлечь из него соответствующие политические уроки**.

---

* Вам это ничего не напоминает? Например, распад Советского Союза? Количество исторических параллелей, доходящих иногда до буквального сходства, просто потрясает. Везде один и тот же сценарий. Видимо, и авторы те же. Вообще, изучая историю Европы в XX столетии, следует все время иметь в виду события нашей «перестройки». Убийственные выводы напрашиваются сами собой.

** Скажем сразу: она полностью провалилась. Утративший свою

В этот период два параллельных процесса определяли жизнь континента.

Во-первых, повсюду, пользуясь послевоенной разрухой, политической неразберихой и всеобщим разочарованием, спекулируя на трудностях жизни и социальном расслоении обществ, поднимали голову организации и движения, подобные тем, что привели Россию к краху. Одновременно с этим мировая закулиса, вдохновляясь крушением традиционного европейского политического баланса, приступила к активным попыткам внедрить в жизнь Европы наднациональные, надгосударственные структуры, которые должны были со временем стать зародышами властных институтов единого мирового масонского сверхправительства.

Во-вторых, в глубинах национального самосознания народов зрело все более ясное понимание опасностей, которыми им грозило дальнейшее развитие событий в таком направлении. Это понимание вызвало к жизни целый ряд политических движений, ставивших своей целью воспрепятствовать эрозии национальной государственности и традиционных ценностей народной жизни.

Первая тенденция быстро воплотилась в серии неудавшихся «социалистических» — по типу российской — революций. Баварская советская рес-

---

некогда христианскую основу Запад, ставший глухим и нечувствительным ко гласу духовного вразумления, проглядел глубочайшие религиозные корни потрясавшего континент кризиса. Воинствующий рационализм помешал правильно понять и нейтрализовать грозившие Европе опасности. Результат — моря крови, пролитые в новой мировой войне, политический и культурный закат Европы и безудержная духовная деградация «цивилизованного мира».

публика просуществовала в 1919 году всего месяц, столь не недолговечными оказались ее венгерская и словацкая копии. Это поражение было, однако, быстро компенсировано. В том же 1919 году в качестве одного из главных итогов войны и символа грядущего политического объединения Европы была учреждена Лига Наций, впервые в истории открыто провозгласившая своей целью создание всеобъемлющих надгосударственных, интернациональных «механизмов взаимодействия».

Вторая тенденция ознаменовалась формированием идеологии и политической практики, известными сегодня под общим названием «фашизм». Это явление, ошибочно кажущееся нам теперь неким мировоззренческим монолитом, на деле представляло собой довольно пестрый конгломерат национальных движений, весьма различно проявлявших себя в разных странах. Получив официальное рождение в Италии (все в том же 1919 году! Сколько знаменательных совпадений — не правда ли?) и наиболее полное развитие в Германии, он начал свое существование как идеология народного единства и христианского консерватизма, но, не сумев удержаться на первоначальной высоте, выродился в мировоззрение откровенного расизма в его худших, языческих формах*.

Уже в начале 20-х годов стало ясно: от того, как сложится развитие и взаимное влияние этих двух тенденций зависят дальнейшие судьбы мира. Никто не мог осознавать этого столь хорошо и полно, как

---

* Думайте, русские люди, думайте! Сегодня перед нами — тот же вопрос, тот же выбор, и не дай нам Бог повторить давно известные ошибки!

русские беженцы, еще не остывшие после домашних революционных бурь. Именно их влияние в значительной мере способствовало тому, что в разных концах Европы ширилось понимание, как работают механизмы кризиса, потрясающего континент. Россия являла собой наглядный результат кошмарных последствий их работы, а эмигранты в подавляющем большинстве на основании личного опыта свидетельствовали о справедливости и обоснованности европейских опасений.

Дальнейшие события, оставившие в идеологической, политической и военной истории XX века столь страшный, кровавый след, подтвердили худшие предположения. Рухнула историческая Россия, исчез «удерживающий» мировое зло, и результаты не замедлили сказаться — дьявольская машина разрушения, «расхристианивания» Европы заработала на полную мощность.

Но — обо всем по порядку.

ЛИГА НАЦИЙ

В начале XX столетия древняя религиозная идея о мировом господстве избранной «свыше» элиты, наиболее ясно выраженная в талмудических мессианских чаяниях, вплотную подошла к своему политическому воплощению. Устранение с международной арены русской православной государственности, развал внутриевропейского баланса и невиданный

рост технических возможностей управления обществом позволили приступить к практической деятельности по созданию интернациональных политических, экономических, юридических и иных механизмов реализации этого глобального замысла.

Решительным шагом на таком пути стало образование Лиги Наций — всемирной организации, имевшей, согласно уставу, своей целью «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». Официальное утверждение Лиги состоялось на Парижской мирной конференции (1919–1920). Ее устав явился частью Версальского мирного договора, закреплявшего результаты первой мировой войны. Первоначально членами организации объявили себя 44 государства, и еще 20 были приняты впоследствии, по мере того, как расширялись масштабы деятельности Лиги.

«Власть над человечеством, мировая гегемония... такова определенная цель, к которой со зловещим упорством стремится темная сила религиозного богоборчества и тайного политического диктата», — писал один из виднейших русских эмигрантов, бывший депутат Государственной Думы Н. Е. Марков, анализируя причины появления и механизмы функционирования Лиги Наций. «Достижение этой цели, — предупреждал он, — идет по двум главным направлениям: во-первых, по линии внутреннего разложения национального духа народов и последующего захвата влияния и власти изнутри и, во-вторых, по линии соединения доселе самостоятельных государств в международный

союз с постепенным лишением прежних государств их прав и возможностей осуществлять свою национальную волю» (1).

В доказательствах обоснованности подобных опасений не было недостатка. Так, 19 апреля 1926 года французская газета «Аксьон Франсэз» опубликовала сенсационный документ — материалы «Конгресса масонов союзных и нейтральных стран», проходившего под патронажем Великой Ложи Франции с 28-го по 30 июня 1917 года в Париже. Уже пригласительный циркуляр на конгресс без обиняков заявлял, что последний «имеет своей задачей нахождение способов создания Лиги Наций». На первом же заседании была определена и цель собрания: «Подготовить Соединенные Штаты Европы, создать наднациональную власть, которая должна будет решать споры между нациями». Предусматривалось также обеспечить «облегченную практику обязательного, полного действия международного права», которое «должно быть вооружено такими санкциями, какие заранее остановят те нации, которые поддались бы искушению изменить своему слову» — то есть подчиниться Лиге.

Создание мировой антихристианской диктатуры объявлялось в одной из резолюций конгресса «конечной целью, к которой в течение стольких веков стремилось масонство», и «освобождением человечества от всякого морального, религиозного, политического и экономического порабощения»*.

---

* А ну-ка, что это вам напоминает? Верно — Организацию Объединенных Наций! Эта могучая современная наследница старой Лиги и сегодня ускоренными темпами осуществляет реализацию ее

«Откройте Версальский договор, — комментировала газета напечатанный документ. — На первых его страницах, где помещены статьи об организации Лиги Наций, вы увидите те же принципы, те же доктрины, выраженные часто в тех же выражениях и приводящие к тем же последствиям...»

Здесь, пожалуй, имеет смысл сделать одно немаловажное отступление. Частое упоминание об осознанном и спланированном участии определенных сил, организаций или религиозных движений в разрушительных, гибельных процессах, ставящих сегодня мир на грань духовной, культурной, политической и военной катастрофы, нуждается в определенном комментарии.

Здоровое понимание исторического развития, без сомнения, не имеет ничего общего с концепцией «мирового заговора», рассматривающей чуть ли не всю историю человечества в качестве результата сознательной и целенаправленной деятельности жидо-масонских злоумышленников. Столь упрощенное толкование истории, свойственное, как правило, весьма агрессивным и примитивным идеологиям расистского толка, будучи примененным практически, может привести к последствиям трагическим и непоправимым.

Нет, зло, в каком бы виде оно ни пыталось реализовать себя, как бы ни простирало свое влияние и

масонских положений во всех уголках земного шара. В них ничего не изменилось. Снова — «объединенная Европа» (от Атлантики до Урала), или иначе как — не имеет значения), снова — разговоры о «международном правовом пространстве». Есть даже новые достижения, например действия «миротворческих сил», карающих ослушников...

власть в среде человечества, никогда не определяло и не будет определять жизнь людей. Промысел всемогущего, непостижимого, неведомого Божества и свободная воля человека — вот две силы, движущие мировой исторических процесс!

Да, бывают люди, сообщества, религиозные системы и целые государства, злоупотребляющие свободой нравственного выбора и склоняющиеся — сознательно или неосознанно — ко злу как к своему духовному и деятельному источнику. Да, их политическая, социальная и религиозная практика исторически преемственна и может быть ретроспективно отслезена до глубокой древности. Существуют и отшлифованные веками технологии этой разрушительной практики. Но — не существует и не может существовать в мире силы, способной управлять ходом общественного развития, и уж тем более — предопределять его результат.

Силы зла обретают в современном мире все большую власть. Но происходит это не из-за того, что их носители как-то по-особому умны и предусмотрительны. Нет, зло возрастает по мере того, как мы сами (!) отступаем от Заповедей Божиих, добровольно отсекая себя от животворного Источника добра и правды, справедливости и любви. Это не есть результат «заговора», но печальное следствие всемирной апостасии и может быть правильно понято и оценено лишь в рамках христианской эсхатологии, но не примитивных поисков виноватых во всем «заговорщиков».

Впрочем, сие не отменяет наших обязанностей по мере сил бороться со злом во всех его формах, в том числе и социально-организованной — политической, экономической или религиозной...

Теперь вернемся к Лиге Наций. Ее двадцатилетняя деятельность (формально организация была распущена в апреле 1946 года, но фактически ее деятельность прекратилась уже в декабре 1939-го, после решения об исключении СССР) не увенчалась особым успехом. Государства-участники не спешили расстаться со своими суверенными правами. Более того, когда притязания Лиги вступили в непримиримое противоречие с государственными интересами Германии и Японии, обе эти страны (соответственно в октябре и марте 1933 года) заявили о своем выходе из организации. В предчувствии грядущих катаклизмов Советский Союз тоже не слишком стеснял себя соблюдением устава Лиги. Советско-финская война 1939–1940 годов стала для нее последним, непосильным испытанием — и в преддверии второй мировой войны она практически распалась, так и не оправдав надежд своих создателей.

ФАШИЗМ

Где название этого явления происходит от латинского слова «fascis», что значит — пучок, связка прутьев. Декларируя таким образом необходимость общенародной солидарности как основы обществен-

ной жизни, фашизм первоначально появился на европейской сцене в качестве довольно незатейливого консервативного мировоззрения национально-государственного единства. Оно активно, решительно и все более успешно противостояло волнам космополитизма и «пролетарского интернационализма», затопившим континент после победы российской революции и окончания первой мировой войны.

На заре своего существования фашизм ничем особенным не выделялся, по-своему продолжая традиции европейского национального консерватизма. Заявляя о своем «надклассовом» характере, опираясь на патриотические чувства широких масс и их стремления обуздать «дикий» спекулятивный рынок, добиться социальной защиты и справедливости — он уверенно увеличивал число приверженцев, соединяя национальные, государственные лозунги с критикой экономической системы капитализма. Тогда, казалось, ничто не предвещало ему столь бурной и кровавой судьбы.

Большая часть элементов фашистского мировоззрения имела довольно длительную и весьма респектабельную историю. С известной долей условности можно утверждать, что они начали складываться около двухсот лет назад как реакция консервативной Европы на катастрофу Великой французской революции с ее очевидным разрушительным политическим и религиозным масонским модернизмом.

С этой точки зрения, среди отдаленных предшественников Франко и Салазара, Гитлера и Муссолини можно назвать даже знаменитого австрийс-

кого канцлера Клеменса Меттерниха, вдохновителя контрреволюционного «Священного Союза» монархов Европы, или Отто фон Бисмарка, первого рейхсканцлера Германской Империи, «железом и кровью» объединившего немецкую нацию в великое и могучее государство. При желании этот список может быть дополнен, например, лордом Биконсфилдом, премьером Великобритании, известным борцом с тайными политическими обществами, и другими, не менее громкими именами.

Формально первая фашистская организация была создана итальянскими антикоммунистами в марте 1919 года. Вскоре аналогичные движения, каждое по-своему развивавшее идеи итальянских коллег, возникли по всей Европе, апеллируя к национальной гордости и традиционным ценностям народов континента.

В сущности этого феномена хорошо и быстро разобрались русские эмигранты. «Муссолини сохранил многое старое: принцип частной собственности, церковь, религию, семью, личную инициативу, отвергнув лишь воинственный принцип борьбы классов, — писала эмигрантская газета «Возрождение» в одной из своих редакционных статей, озаглавленной «Торжество фашизма». — Такое возвращение на новых началах к старому пути эволюции человеческого общества, с которого Европа свернула после французской революции, казалось европейским снобам безбожной теорией материалистического прогресса не только недостаточно радикальным, но и прямо реакционным, тогда как коммунизм был

как будто прогрессом. И мало-помалу идеи фашизма, с одной стороны, и коммунизма — с другой, становились знаменем двух противоположных лагерей, на которые разделилась европейская политическая мысль» (2).

Еще более отчетливо ту же точку зрения выразил М. Георгиевский, исполнительный секретарь «Национально-трудового союза нового поколения» — русской молодежной зарубежной организации. «Два лагеря противостоят во всеоружии друг другу и готовятся к борьбе, — констатировал он. — Их разделяют не только экономические счета, но и идейные расхождения. Миру предстоит борьба двух мировоззрений. Будущая война будет своего рода религиозной войной... Еврейство и демократия пылают лютой ненавистью к фашизму. Им отвечает презрение и ненависть противного лагеря» (3).

Национально-консервативное движение в Европе многим русским беженцам представлялось продолжением той борьбы, которую у себя на родине проиграла Белая гвардия. «Целый ряд народов добился победы своей Белой Идеи — Италия, Португалия, Германия, Венгрия», — писал в 1938 году Иван Солоневич (4). Немудрено, что в среде эмиграции во всех концах земли начали возникать профашистские группы и организации, самая крупная из которых под названием «Российский Фашистский Союз» образовалась в Харбине и к 1938 году насчитывала, по разным оценкам, от 10 до 23 тысяч членов и 48 отделов в 18 странах (5).

Социально-экономические и политические успехи фашизма, позволившие ему прийти к власти во многих странах и установить в них относительное материальное благополучие и классовый мир, привлекали всеобщее внимание, которому отдали дань предприниматели, ученые, писатели и даже папа римский. «Конечно, не одни русские эмигранты видели в фашизме источник жизненной силы, — свидетельствует Джон Стефан, профессор Гавайского университета, автор обширной монографии «Русские фашисты». — То и дело в 20-е и даже 30-е годы ведущие европейские интеллектуалы (приходят в голову Пиранделло, Т. С. Элиот, Йейтс, Лоуренс, Паунд и Шоу) выражали восхищение Муссолини. Да и не только европейцев влекло к фашизму. В 1932 году Чан Кайши заявил: «Фашизм — это то, что Китаю сейчас нужно больше всего». Семью годами позже в нью-йоркском Гарлеме негритянские активисты основали откровенно фашистское «движение за мир в Эфиопии». В высшей степени изменчивый фашизм внедрялся в сознание мечтателей-радикалов всех мастей...» (6).

Подведем итоги. Межвоенные годы стали эпохой бурного развития национального консерватизма по всему миру. Этот факт, равно как и то, что развитие консервативного движения завершилось торжеством вульгарного нацизма, новой мировой бойней и окончательным, повсеместным утверждением космополитических идеалов и ценностей, требует внимательного и вдумчивого осмысления.

Как бы трудно, больно и тяжело нам ни было, чего бы это нам ни стоило, мы должны обязательно во всем разобраться. Демифологизировать, наконец, историю XX века, понять ее скрытые пружины и механизмы, оценить с учетом такого опыта нынешнее положение России и избежать повторения роковых ошибок прошлого. Для этого неизбежно надо найти ответы на следующие вопросы:

1. Что послужило причиной вырождения европейской национально-консервативной идеологии в агрессивное, бездуховное мировоззрение откровенного расизма и националистической нетерпимости?
2. Как могло случиться, что естественное стремление народов к национальному самоутверждению было использовано мировой закулисой для разжигания расовой ненависти и новой мировой войны, окончательно подорвавшей внутренние жизненные силы Европы?
3. Каковы роль и место русского народа и русского самосознания во всех этих событиях? Какие уроки должны мы из них извлечь, какие выводы сделать?

Величайшие жертвы, понесенные Россией в Великой Отечественной войне, страдания и скорби, причиненные нацизмом миллионам людей во всем мире, глобальные последствия мирового военного столкновения и пересмотр его геополитических итогов в результате распада СССР и краха «мирового социализма» — все это заставляет искать ответы особенно ответственно и тщательно.

Похоже, что многие из них таятся в извилах германской истории 20–30-х годов...

РУССКИЙ НЕМЕЦ

МАКС ЭРВИН ФОН ШОЙБНЕР-РИХТЕР

Чем пристальнее мы будем вглядываться в подробности эволюции немецкой национальной идеологии в межвоенный период, тем очевиднее будет для нас главный вывод — ее деградация и конечный крах стали неизбежными в тот момент, когда национал-социализм отверг христианскую духовную традицию. Национальное самосознание оказалось отсеченным от животворных истин веры, гармонично соединяющих в себе смирение и мужество, доблесть и кротость, силу и милосердие. В результате оно стало беззащитным перед соблазнами и искушениями расовой гордыни, имперского властолюбия и пагубного, безудержного тщеславия. Это грехопадение тем более показательно и наглядно, что начиналось все в Германии весьма многообещающе — при активном участии русской эмиграции, вносившей в движение христианские начала нравственного и государственного мировоззрения.

Некоторое время даже казалось, что под влиянием «русской идеи», активными проводниками которой стали беженцы из России, Германия примет

у нее эстафету борьбы за сохранение христианской государственности в Европе.

«Русские... оказали, несомненно, крупную услугу немцам в деле пробуждения их национального самосознания, и неудивительно, что на этой почве между ними возникло тесное единение и дружная совместная работа, — писал позже князь Жевахов, непосредственный и активный участник событий. — Заслуга же немцев заключалась в том, что они отнеслись к русским не как к беженцам, требующим материальной помощи, а как к подлинным культуртрегерам, и воспринимали их рассказы о зверствах большевизма и завоеваниях еврейства в России как угрозу их собственному бытию, как великую мировую опасность, грозившую всему христианству, цивилизации и культуре.

Немцы поняли, что у них нет выбора, что нужно или погибать под тяжестью Версальского договора, или со смелостью отчаяния вступить в единоборство... что никакие компромиссы невозможны, и что такую борьбу нужно начать немедленно.

И на трагическом фоне всеобщей придавленности и нищеты, сквозь толщу неопишуемых страданий и подневольного труда, не знавшего отдыха, стали мало-помалу вырисовываться признаки грядущего возрождения, обновляющего самый дух великой нации...» (7).

Под знаком таких надежд, коим — увы! — не суждено было воплотиться в жизнь, прошли годы, которые в истории немецкого национального консерватизма, равно как и в истории русской эмигра-

ции, неразрывно связаны с именем «русского немца» Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера.

Российский гражданин, выпускник Рижского университета, благочестивый христианин и убежденный монархист, он на собственном опыте извещал все прелести революции и государственного распада Российской Империи. В своей родной Курляндии он дважды сражался со смутой — в 1905 году в составе русской армии, а в 1918–1919 годах под знаменами германского рейхсвера. Красивый и легкий в общении, богатый и щедрый, он привлекал к себе множество людей. В 1920 году судьба привела его в Мюнхен, переполненный, как и вся Германия, русскими беженцами.

К этому времени балтийские немцы, бывшие в значительной своей части искренними российскими патриотами, сохранившими верность династии Романовых, одинаково хорошо владевшие русским и немецким языками, образовали очень прочное промежуточное звено между правым флангом русской эмиграции и развивавшимся немецким национальным движением. Шойбнер-Рихтер сыграл в этом деле исключительную, выдающуюся роль.

Не будучи дворянином от рождения (приставку «фон» он получил от жены), Шойбнер-Рихтер имел, тем не менее, обширные связи. В круг его знакомых входил стальной магнат Фриц Тиссен, герой войны генерал Эрих Людендорф, великий князь Владимир Кириллович и другие примечательные лица. Такие знакомства давали широкие возможности, которыми он не замедлил воспользоваться.

Своим главным делом Шойбнер-Рихтер считал создание прочного союза русских монархистов с немецкими националистами для борьбы с международной заразой интернационального большевизма, реставрации германской монархии и восстановления дома Романовых на Российском престоле. Когда он впервые встретился с Гитлером, ему даже приходилось скрываться, ибо берлинские власти разыскивали его за участие в «капповском путче» — неудавшемся монархическом заговоре, организованном группой «национального объединения» в марте 1920 года.

То, как все это выглядело тогда со стороны, ясно описал Жевахов, вспоминая потом: «Я... неожиданно оказался в самом центре бурного, здорового национального движения, смягчившего у меня горечь сознания той печальной роли, какую сыграла Германия в отношении России в роковую для обеих стран войну. Общение же с выдающимися представителями этого движения: графом Эрнестом Ровентловым, Людвигом Мюллер фон Гаузенем, Шойбнер-Рихтером, Арно Шикеданцом и многими другими, видевшими в своем деле... не только немецкое национальное дело, а святое дело защиты христианства от угрожающей ему опасности, еще больше расположило меня к этому движению, заставило меня с чувством глубочайшего уважения преклониться перед этими самоотверженными идейными работниками, смело и безбоязненно выступавшими в защиту попираемого достояния Христова, и притом в один из самых тяжелых моментов жизни их родины» (8).

Подобные намерения и идеи легли в основание объединенного русско-немецкого народного фронта под названием «Aufbau» — «Возрождение», организованного Шойбнер-Рихтером в конце 1920 года. Их глашатаем и провозвестником стал журнал с одноименным названием, имевший своей целью «доказать необходимость... того, что в будущем национальная Германия и национальная Россия должны идти по одному пути» (9).

Весной 1921 года под эгидой «Aufbau» был созван очень представительный съезд русских монархистов, состоявшийся в курортном баварском местечке Бад-Рейхенхалле. Делегаты съехались туда со всего света. Даже из далекой Маньчжурии прислал своего представителя атаман Семенов. Казалось, съезд сумеет заложить прочную основу политического единства внутри правого крыла русской эмиграции и организации ее тесных, дружеских связей с набирающим силу национально-освободительным движением в Германии.

Влияние Шойбнер-Рихтера непрерывно росло. Встретившись с Гитлером, он вступил в партию и вскоре стал ее главным идеологом, что дало Жевахову потом повод утверждать, что «Шойбнер-Рихтер... явился в буквальном смысле основоположником того идейного движения, какое вынесло на поверхность жизни германского народа Гитлера, и должно было в своем дальнейшем развитии связать Россию и Германию узами неразрывной и вечной дружбы, воскресив заветы тройственного Священного Союза» (10).

Из последней фразы видно, как сильно разошлась впоследствии реальная практика нацизма с первоначальными благостными предположениями*.

Отправным пунктом этого трагического расхождения стала гибель самого Шойбнер-Рихтера от шальной пули во время мюнхенского «пивного» путча. Он был убит в тот момент, когда рука об руку с Гитлером шагал по Резиденцштрассе. Впрочем, это только одна из версий, ибо точных данных об обстоятельствах его смерти нет, а Жевахов называет их «невыясненными», туманно намекая на возможность «заказного» убийства.

Как бы то ни было, начиная с этого момента немецкое национальное движение постепенно отвергло христианство в качестве своего духовного фундамента, скатившись, в конце концов, к худшим формам оккультизма, восточной мистики и неприкрытого язычества. С этого же времени начало активно формироваться то явление, которое сегодня известно миру под названиями «национал-социализм» или «немецкий фашизм».

Гитлер сожалел о гибели соратника. Сказал: «Все заменимы, но только не он!», — запечатлел его как мученика в посвящении к «Майн Кампф» и... забыл все, чему его Шойбнер-Рихтер учил. На место главного идеолога и философа нацизма выдвинулся Альфред Розенберг, пламенный ревнитель расовой

---

* Священный Союз — союз монархов России, Австрии и Пруссии во имя подавления в Европе революционных смут и укрепления христианской государственности. Образова его, государи клялись подчинить весь порядок взаимных отношений «высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя» и «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями святой веры».

теории и восторженный певец превосходства «германской крови».

ДОКТРИНА РОЗЕНБЕРГА

Надо с сожалением отметить, что влияние русской культуры и русского самосознания на события в Германии вовсе не было однозначным. Если в своей здоровой, христианской части это влияние олицетворялось Шойбнер-Рихтером, то его болезненную, разлагающуюся и деградирующую часть не менее полно выразил Альфред Розенберг.

Он родился в 1893 году в Таллине (тогда — Ревеле), в семье сапожника. Учась в Рижском университете, состоял с Шойбнер-Рихтером в одном студенческом союзе, долго жил в Петербурге, а с началом войны перебрался в Москву, где благополучно избежал призыва в армию. Революция застала его за проектированием крематория с дорическими колоннами и романскими сводами. Сорванный ее вихрем с насиженного места, Розенберг побывал даже членом Пролеткульта, прежде чем в 1919 году судьба забросила его в Мюнхен, где он и начал свою блестящую политическую карьеру (11).

Еще живя в России, он пробовал вести богемный образ жизни, был вхож в Религиозно-философское общество и социал-демократические круги, знал Блока, Мережковского, Троцкого (12). Видимо, с той поры он и унаследовал в качестве мировоззре-

ния едкую смесь экономической демагогии социал-демократов, смутные религиозно-философские понятия и тягу к нездоровой мистике, на которой были буквально помешаны столичные «декадентские» литературные салоны*.

Основательно перебродив, эта смесь в 1930 году излилась бурным потоком на страницы его главного труда — объемистой книги под названием «Миф XX века», которая вскоре разошлась огромными тиражами и стала наряду с «Майн Кампф» Гитлера бестселлером «третьего рейха».

Славян Розерберг не жаловал, к русской эмиграции (несмотря на то, что по-русски говорил лучше, чем по-немецки) относился полуснисходительно-полуодобрительно, и то — лишь потому, видно, что помнил молодые годы, проведенные в России. В его понимании русские были слишком мечтательны и ленивы, невежественны и склонны к анархии. Они не сумели сохранить изначальную чистоту расы, гарантирующую жизнеспособность, и потому не смогли противостоять разлагающемуся влиянию революционеров-инородцев. Лишь немцы — умные, дисциплинированные и храбрые — могли противостоять надвигающейся на мир опасности и спасти Европу.

Что именно нужно спасать, он, похоже, представлял слабо, ибо исторические христианские цен-

---

* Приверженность верхушки «третьего рейха» к оккультным, мистическим учениям хорошо известна. Эзотерические культы всегда привлекали к себе тех, кто не способен к внутреннему напряженному духовному труду и желает постигнуть религиозные истины рационалистическим путем в готовом виде. Любопытно, что Гитлер, упоминая в своих речах о Боге, никогда не уточнял, какого именно «бога» он имеет в виду (13).

ности европейской культуры и уж тем более идеалы церковного мировосприятия остались для него совершенно недоступными. Этот печальный факт предопределил характер его учения и, в конечном итоге, послужил главной причиной краха нацизма как в духовной, так и в политической, военной областях.

«Все великие и творческие нации в истории имели и имеют свое особое самосознание, в этом выражается их «национализм», — писал протоиерей Сергей Булгаков, анализируя религиозные корни немецкого фашизма. — Современный «расизм» есть одна из его разновидностей, имеющая свои особые характерные черты, которые в своем контексте слагаются в целое мировоззрение, действительную идеологию. Ее главным идеологом является в настоящее время А. Розенберг, книга которого «Миф XX века» имеет распространение уже в 900 тысяч экземпляров и выражает собой, очевидно, господствующее в настоящее время мировоззрение и самочувствие немцев. Помимо своего литературного блеска и остроты, она заслуживает внимания именно как симптом духовного состояния...

Розенберговский расизм есть философия истории, но прежде всего это есть религиозное мироощущение, которое должно быть понято в отношении к христианству» (14).

Булгаков был прав. Именно в этом отношении вскрывается глубинный смысл событий, потрясших мир в 30-е и 40-е годы и определивших тенденции его развития на десятилетия вперед. Ибо оказывается, что в религиозных, мистических глубинах

германский нацизм со своими геополитическими притязаниями, и его главный «видимый» противник — нацизм еврейский, реализованный политически в доктринах сионизма, религиозно же — в форме талмудического иудаизма, **имеют единый источник**, вдохновляющий их претензии на мировое господство: **воинствующее антихристианство**, коренящееся в бездонной ненависти дьявола-человекоубийцы к Сыну Божию, Спасителю мира и Искупителю человечества от рабства греху и злу.

«Неизбежно напрашивается неожиданное заключение следующего содержания, — констатировал о. Сергей, — расизм как национал-социализм, в котором одновременно и с одинаковой силой подчеркиваются оба мотива — и социализм, и национализм, представляет собой нечто иное, как... повторение, или, по крайней мере, вариант иудейского мессианизма... Еще раз повторяем: германский расизм воспроизводит собою иудейский мессианизм, который является противником и соперником христианства уже при самом его возникновении...» (15).

Таким образом, немудрено, что при внешней непримиримости именно эти два движения стали, каждое по-своему, определяющими факторами и движущими силами всемирной апостасии в XX веке. В равной степени враждебные русскому народу, как носителю и главному хранителю христианского национального самосознания, они явились также первопричинами двух тяжелейших катастроф, потрясших Россию в этом столетии: революции и Великой Отечественной войны.

Неизвестно, насколько полно и ясно сознавал это сам Розенберг. О Православии он в своей книге вовсе не поминает (хотя говорит о «древней восточной церковности» — осуждающе, конечно), то ли потому, что считал Россию «исторической обочиной», то ли из-за пристального внимания к претензиям католичества на мировую гегемонию. В любом случае — христианству достается сполна.

«Христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен и должен быть заменен единственным символом — свастикой», — писал этот создатель «германской религии будущего». «Те, которые его созерцают, думают о народной чести, о жизненном пространстве, о национальной свободе и социальной справедливости и жизнеобновляющем плодородии».

«Старая иудейско-сирийская церковность сама себя развенчивает...» «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не Распятый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий. А если Он не может светить, то и Евангелия умерли...» «Идеал любви к ближнему должен быть безусловно подчинен идее национальной чести...» «В интересах властолюбивой римской церкви было выставлять подчиняющееся смирение как сущность Христа, чтобы получить возможно больше слуг, воспитанных согласно этому «идеалу». Исправить это изображение есть дальнейшее неотложное требование немецкого движения к обновлению...» «Личность Иисуса вскоре после Его смерти была нагружена и срастворена со всяческим избытком переднеазиат-

ских, еврейских и африканских переживаний», — такими и подобными им утверждениями наполнены писания Розенберга.

Что же предлагается взамен «устаревшего» христианства? А вот что: «Вера, воплощенная в яснейшее знание, что северная кровь представляет собою то таинство, которое заменило и преодолело древние таинства...» «Честь и свобода (понимаемая как произвол. — *Прим. авт.*) суть в последнем счете не внешние свойства, но сверхвременные и сверхпространственные сущности...» «Душа означает расу, видимую изнутри, и наоборот: раса есть внешняя сторона души...» «Бог, которого мы почитаем, не существовал бы, если бы не существовала наша душа и наша кровь... Поэтому является делом нашей религии, нашего права, нашего государства все, что защищает, укрепляет, пронизает честь и свободу этой души».

Надо ли объяснять, кем, с точки зрения христианина, является этот «бог» Розенберга? Самообожаящая гордыня — вот духовный идол нацизма, в жертву которому приносится все: милосердие, сострадание, любовь, совесть и справедливость. Конечно, среди рядовых фашистов, замороженных превдопатриотической риторикой лидеров, мало кто признавал, какому «богу» они служат, но это не меняет дела — дьявольская сущность учения реализовывала себя свойственным ей образом, злобно, агрессивно и напористо.

Это с особой ясностью проявлялось в исторических концепциях нацизма. «После 1918 года, —

писал Розерберг, — древняя северная расовая душа пробудилась к новому, высшему сознанию. Она понимает, что равнопризнанное существование разных, взаимно исключающих друг друга ценностей не может иметь места, как она великодушно мнила возможным его допустить на свою теперешнюю гибель...

Она понимает, что расово и душевно сродное может соединиться, но чуждое безошибочно устраняется, а если нужно, то и уничтожается. Не потому, чтобы это было ложно или плохо само по себе, но потому, что чуждо, разрушает внутреннее строение нашего существа. Мы чувствуем теперь обязанность отдать себе отчет о нас самих с последней ясностью: или познать высшую ценность и руководящие идеи германского запада, или же себя духовно и телесно извергнуть. Никогда».

Результаты этого маниакального самосознания известны. У Европы был свой, похоже последний, шанс на волне национальных движений вернуться к здоровой христианской духовности, хотя бы даже и в ущербных исторических формах католичества и протестантизма. Она упустила его, разделившись на два противоположных, одинаково бездуховных лагеря — «либерально-демократически-космополитически-модернистский» и «консервативно-агрессивный, фашистский». Закат Европы состоялся. Остается молить Милосердного Бога о снисхождении и вразумлении — «не ведают бо, что творят...»

Для тех, кто «имея очи — видит», страшный опыт фашизма дает наглядный пример того, какую

жуткую разрушительную энергию несут в себе бездуховные антихристианские мировоззрения даже тогда, когда они прикрываются религиозно-национальными идеями. В этом случае, избегая прямых богоборческих выпадов, они с еще большей ловкостью скрывают свою гибельную сущность под слоем социальной и философской демагогии, освящая «свыше» путь, «иже мнится человекам прав быти», — по слову Священного Писания (Притч. 14: 12), но, — «последняя же его приходят во дно ада». И люди творят зло, сеют ненависть и беспощадно уничтожают ближних, в полной уверенности, что «с нами Бог»*.

Этот урок нам необходимо усвоить так же твердо, как и урок русской революции, ибо в сущности они говорят об одном и том же — о соблазнах, искажениях национального самосознания и ужасных результатах, к которым эти соблазны приводят. Такое знание мы обильно оплатили русской кровью, и не дай Бог, чтобы эта цена оказалась напрасной.

---

* Такая надпись была выбита на пряжках ремней у гитлеровских солдат.

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ СЕДОХОМ И ПЛАКАХОМ...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Революционный шок не мог не сказаться на русском самосознании. В значительной части общества шел процесс пересмотра своих убеждений. В советской России он искусственно стимулировался террором, голодом, информационной блокадой населения и оголтелой, воинствующей богоборческой пропагандой властей. Однако почти в той же степени (только, конечно, в ином направлении) изменения в мировоззрении коснулись и русской эмиграции.

Первым делом они затронули русских западников. После того, как развитие западничества в России закончилось катастрофой*, а за рубежом русские люди смогли увидеть этот вождеденный ранее Запад без прикрас — оно практически прекратило свое существование в качестве самостоятельной ос-

---

* Даже Бердяев говорил о том, что марксизм первоначально возник в России как «крайняя форма западничества».

новы религиозных, философских, исторических и литературно-художественных мировоззрений.

Конечно, западничество не исчезло, ибо не исчезли (наоборот — усилились) мировые силы, поддерживавшие и питавшие его в России на протяжении долгих лет. Но утерев свою прежнюю привлекательность для интеллигенции, откровенное западничество практически полностью выродилось в политическую идеологию, не отягощенную лишней «философией». Идеологию, которая преследовала практические цели: поддержку всех мероприятий международной закулисы по улучшению России и созданию на континенте сверхнациональной власти*.

Немногочисленные оставшиеся за рубежом политики-западники или призывали «не проглядеть позитивного начала в революции», разумея под ним разрушение исторической, «деспотической» России, или занимались интеллектуальным обеспечением масонской идеологии Лиги Наций. Этому совершенно не противоречит тот факт, что значительная часть эмиграции надеялась с помощью западных держав тем или иным способом восстановить в России национальное правительство. В этом случае Запад рассматривался лишь как служебное политическое средство, тем более, что и Советский Союз многими

---

* В этом состоянии российское западничество пребывает и до сих пор. Только чудовищным невежеством масс, навязанным русскому обществу десятилетиями тотального «промывания мозгов» и информационным террором «демократических» средств массовой информации, можно объяснить тот факт, что эта давно «протухшая» идеология оказалась столь привлекательной и действенной в руках «архитекторов перестройки».

воспринимался только как Русская земля, завоеванная и оккупированная оголтелой богоборческой, антирусской, сатанинской силой.

Такой взгляд на события для «новых западников» был тоже неприемлем. Передовой Запад, с их точки зрения, должен был теперь стать опорной базой для создания интернационального сверхгосударства. «Русский» профессор-эмигрант А. Н. Мандельштам писал, например: «Нам кажется, что человечество идет к следующей схеме будущей конструкции мира.

1. Союз всех народов, ведающий общими интересами всего человечества.

2. В пределах этого союза большие группировки государств, связанных общими интересами.

3. Наконец, отдельные автономные государства в пределах каждой группы народов, в компетенцию которых входит защита чисто местных государственных интересов» (1).

В русском зарубежье уже в 1920 году выделилась группа, активно поддерживавшая такие идеи. Она получила название «Российского общества лиги народов», выпустила в свет свою программу-воззвание и объявила, что «с особенною силою настаивает на том», чтобы «демократические основы» стали обязательными для всех государств и чтобы международные организации «осуществили всеобщее разоружение и обладали реальной силой для приведения в исполнение своих решений» (2).

Строго говоря, после Октябрьской революции западничество вообще вряд ли может быть отнесено

к течениям собственно русской мысли. Оно до сих пор представляет собой не столько явление нашего национального самосознания, сколько инструмент его искажения и разрушения. Но если отвержение «классического» западничества русским сознанием после революции можно считать свершившимся фактом, то его скрытое влияние в той или иной мере продолжало проявлять себя довольно активно.

Проводниками такого влияния в разной степени стали представители либерального крыла русской эмиграции. Учитывая ее крайнюю пестроту, все эти терминологические определения, разумеется, весьма условны, но все же очевиден тот факт, что многие русские мыслители за рубежом — от Бердяева и о. Сергия Булгакова до Лосского и Федотова, — несмотря на значительную разницу во взглядах, несли на себе «родимые пятна» западного мировоззрения.

Часто вполне благонамеренные и по-своему патриотичные, все они болели страшной родовой, наследственной болезнью русской интеллигенции: интеллектуальной гордыней, лишаящей человека способности смиренно и благоговейно воспринимать тысячелетний церковный опыт выстраданного и прочувствованного христианского мироощущения. Для них истинная, духовная, «небесная» Россия так навсегда и осталась тайной за семью печатями, а понятие «Святая Русь» — принадлежностью старинных былин и народных сказок.

В их произведениях здравые мысли причудливо перемешаны с явными заблуждениями. Будь то

о. Сергей Булгаков с его софианским еретичеством, или «рыцарь свободы», «нецерковный христианин» Бердяев, высказывавший порой откровенно антихристианские мысли, или кто другой — неспособность отрешиться от своего интеллигентского (а у многих — марксистского) прошлого неизменно давала себя знать. При этом чуть ли не единственной, объединяющей их всех чертой являлось неприятие, отторжение идеи русского богоизбранничества в ее классической церковной форме, понять которую им просто не было дано.

«Духовный провал идеи Москвы как Третьего Рима был именно в том, что Третий Рим представлялся как проявление царского могущества, мощи государства, сложился как Московское царство, потом как Империя, и наконец, как Третий Интернационал», — писал Бердяев. — «Идеология Москвы, как Третьего Рима, способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, а не процветанию церкви, не возрастанию духовной жизни. Христианское призвание русского народа было искажено»... «Желание царя было законом для архиереев и в церковных делах. Божье воздавалось кесарю... Понимание христианства было рабье. Трудно представить себе большее искажение христианства, чем отвратительный Домострой» (3).

Вот уж, воистину, с большой головы — на здоровую! На самом деле как раз «трудно представить себе» утверждения, более далекие от истинного положения вещей! Впрочем, подобных авторов это всегда мало смущало. Для них, как часто это бывает

в вопросах религиозных, непреодолимым препятствием на пути духовного возрастания стала проблема личного подвижничества, церковного послушания. Ведь для того чтобы воспринять благодатный опыт, лежащий в основании зрячей, живой веры, человек должен совершить немалый внутренний труд, уготовить себя к этому шествием по пути подвижнической борьбы с грехами и страстями в собственном сердце.

Многим такое оказалось не под силу. Избегая тяжких душевных трудов, они предпочитали просто хаять то, чего не могли понять. Знаменитая лиса из басни Крылова говорила в таких случаях: «Зелен виноград!» На самом же деле не созревшими для принятия истин веры оказались души тех, кто упорно не желал подклонить выю своего высокоумия и своеволия под иго церковного увещевания, вразумления и послушания...

Несколько особняком стоит в русской эмиграции так называемая «школа евразийцев». Она возникла в 1921 году одновременно (хоть и независимо) с выходом в Праге знаменитого сборника «Смена веков», выдвинувшего программу примирения с русской революцией. Один из авторов такой программы прямо писал: «Мы... признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны» (4).

Те же идеи проскальзывали и у евразийцев. В целом, конечно, движение евразийства исходило из вполне благонамеренных начал: необходимости объективного, взвешенного анализа причин и пос-

ледствий крушения исторической России; желания найти и в советской мрачной действительности исторически преемственные по отношению к русской жизни черты; понимания того, что революция, как это ни печально, есть свершившийся факт и что «это надолго». И все же недосказанность и некоторая размытость идеологии, отрицание — весьма резкое — дореволюционных порядков в России и стремление хоть как-то примирить эмиграцию с «советской» действительностью давали основание злым языкам третировать евразийство как «православный большевизм» или «плод незаконной связи славянофильства и коммунизма».

Кроме того, разоблачение некоторых приверженцев движения в их тайных связях с ОГПУ давали повод для подозрений в подконтрольности самой школы спецслужбам советской России. Но все же в евразийстве были и конструктивные, здоровые черты.

«Евразийцы — православные люди. И Православная Церковь есть тот светильник, который нам светит», — заявлял П. Н. Савицкий, признанный глава движения. «Евразийство стоит на почве православия, исповедуя его как единственную подлинную форму христианства, и признает, что именно в качестве единственной истинной веры Православие и могло сыграть в русской истории роль творческого стимула», — вторил ему князь Н. С. Трубецкой, один из наиболее универсальных мыслителей русского зарубежья. Несомненной истиной являются утверждения евразийцев о том, что «коммунисти-

ческий шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода европеизации», что «из опыта коммунистической революции вытекает некоторая истина, одновременно новая и старая: здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом, религией; безрелигиозная государственность должна быть отвергнута» (Савицкий).

Однако главного в русской жизни евразийцы понять не смогли. Бесперспективным оказался сам путь, по которому они прошли, — путь поисков объединяющих, системообразующих факторов государственности, народности и разгадку судьбы России в отвлеченных этнокультурных, географических началах (отсюда и само название — евразийство). Своеобразие и уникальность русской истории есть следствие причин духовных, результат особого служения, возложенного Промыслом Божиим на наш народ. Эти причины и это своеобразие ни в коем случае не сводимы ни к географическим, ни к этническим, ни к культурным, политическим или любым другим факторам российской действительности (5).

Искать разгадку русской судьбы в особенностях ее географического, геополитического или этнокультурного положения на евразийском материке — дело заведомо бесплодное. Оно чревато многочисленными соблазнами, ибо манит миражами «особой роли» России в «континентальной» линии развития человечества, а русское самосознание традиционно быстро откликается на любой мессианс-

кий зов^{*}. Все это не позволяет говорить о подлинной конструктивности евразийского мировоззрения в целом. Оно «отказывается от причастности к стержню русской истории, — сказал М. Назаров (один из участников четвертого всезарубежного съезда русской молодежи) уже в 1990 году, — и отходит от христианского понимания судеб мира в географическое толкование» (6)...

Не менее напряженно и активно, чем евразийцы, пытались осмыслить произошедшее с Россией и в правых, консервативных кругах русского зарубежья. Трагедия этого направления в русском самосознании заключалась в том, что оно не имело в обозримом будущем никаких практических перспектив. Одни надежды сменялись другими, но богоборческий режим в СССР продолжал свое существование год за годом, десятилетие за десятилетием, лишь крепчая и усиливаясь. Казалось, нет в мире силы, способной сокрушить этот мрачный колосс, простирающий после победы во Второй мировой войне свою власть на половину Европы и достигший экономической и военной мощи, которая позволяла ему влиять на события в самых отдаленных уголках земли.

---

^{*} Неудивительно, что сегодня евразийство как бы приобрело в России «второе дыхание». После развала советской империи и краха коммунистического мировоззрения патриотическое русское движение ищет опоры для своего стихийного державного сознания вне догм «исторического материализма». Трудно винить современных патриотов за то, что духовные ценности русской жизни пока многим из них не доступны в своем полном объеме. Отсюда приверженность евразийству — оно проще и понятнее православно патриотического мировоззрения. Это болезнь роста. Как этап развития современного русского самосознания, с трудом возвращающегося на свою духовную родину — в Церковь, она не столь и страшна. Но будет ужасно, если патриотическое движение остановится на этом в своем развитии.

Природа человека требует деятельности. Устоять в вере — просто «устоять» — во все века было делом самым сложным, глубинным содержанием всякого рода христианского подвижничества. Стояние «под куполом и крестом» и стало содержанием мучительного, изнуряющего подвига для тех русских людей, которые в Православной России видели единственно возможную форму существования своего народа и не позволили себе увлечься новизной всякого рода «переосмыслений» русского служения, требовавшими в обмен на подаваемую ими иллюзорную историческую перспективу отречения от коренных начал русского национального самосознания.

Но это не значит, что русская консервативная мысль спала. Нет, она продолжала жить своей напряженной внутренней жизнью, мучительно переживая все произошедшее со страной и народом.

«В чем заключались наши заблуждения? Почему в прах рассыпались все наши начинания? Почему четырехлетняя, самоотверженная борьба белых армий окончилась скорбным исходом?» Эти вопросы были у всех на слуху. Однако далеко не у всех доставало мужества дать на них честные, нелицеприятные ответы, как сделал это, например, барон А. В. Меллер-Закомельский уже в 1923 году.

«Страшную внутреннюю болезнь мы пытались лечить наружными средствами, — написал он. — Мы боролись с большевизмом как с явлением политическим... Но в глубокой скорби о своем бессилии, в горестном изгнании и оторванности от род-

ной земли многие из нас поняли, наконец, что большевизм есть лишь острый кризис вековой болезни духа влюбленной в Запад русской интеллигенции...

Мы пренебрегли своим родным культурным богатством, пренебрегли великой сокровищницей нашей родной Церкви и бешено помчались по пути «прогресса» к миру земного рая, к антихристову царству социализма. Многие из нас поняли, наконец, что мы сами были заражены тою же болезнью, от которой хотели излечить Россию, с той лишь разницей, что в нас она протекала в ползучей, скрытой форме, а в большевизме она прорвалась бурно и страстно.

В ужасе мы отвернулись от страшных язв большевизма, в ужасе бросились прочь от одержимых бесами. И в нашем слепом, рефлекторном порыве к спасению мы не ощутили своей собственной немощи, своей духовной нищеты. Мы поняли слишком поздно (и сколь многие из нас не поняли и до сих пор), что у «бесноватых», которых мы бросились усмирять, было какое-то отчаянное, заблудшее искание истины, что в нем они обладали своей внутренней правдой и силой, которых не имели мы.

Отрицательный, дьявольский, планетарный порыв большевизма победит лишь равный или превосходящий своей широтою идеал положительный. Антихристианский социализм-коммунизм есть явление религиозное, и только религиозным подъемом христианской веры возможна над ним победа. Смирненно сокрушаясь о немощи своей, в сострадании и покаянии, в любви к заблудшим своим братьям будем искать истинный путь к исцелению. Не кован-

ный ненавистью и местью меч, а меч-крест, светлое знамение Христово — «сим победиши» — даст нам силу победы. Разрушительный пафос отвергших Христа бесноватых победим созидательным пафосом боговдохновенного зодчества.

Но мы оказались недостойными поднять Крест Господень и, не победив дьявола духом своим, не могли победить его земного воинства. Сами зараженные злом, мы зла победить не смогли, мы были «раздавлены царством». Но в муках своих грехов и заблуждений, в покаянном страдании, верю — мы обретем силу победы. Будем верить, что пройдя через годы ужасных гонений, падая и поднимаясь, закаленная в борениях, очищенная искупительной мукой своей, мученическая Православная Церковь Российская встанет осиянная благодатью и явит миру свет, который разгонит тьму...

На распутьях духовной жизни соблазняют страшные призраки. Уже предреволюционное русское творчество, стоявшее на грани великих исторических свершений и потому, может, особенно интенсивно и интуитивно восприимчивое, полно этой жуткой призрачностью. Во всем чувствуется какой-то ужасный подмен. Русское религиозное сознание мучится страшным вопросом: где Христос и где антихрист?.. Нам не дано больше «быть ни там, ни тут». В последней борьбе Христа и антихриста каждый должен сделать свой выбор или обречь себя на небытие. Ибо дано нам видеть и уразуметь, что через мертвые пустыни безбожия, по окровавленным камням революций, шествует отвергшее Христа че-

ловечество к миру земного рая — к антихристову царству...

И не полемическим отрицанием иудаизма и отравленной им Европы, не административными мерами, ограждающими государство от еврейского засилия, одержим мы окончательную победу. Каждый из нас должен осознать то великое сокровище, которым мы обладает во Христе и Его Православной Церкви, то огромное культурное богатство, которое сокровенно таится в недрах русского духа и, не оборачиваясь на меркнувший Запад, с верою приступить к боговдохновенному зодчеству подлинной христианской России. Воздвигнув твердыню Веры, не убоимся зла» (6).

К этому вряд ли можно что-либо добавить. Такое убеждение русская православная эмиграция пронесла через десятилетия изгнания. «Всякому разумному верующему русскому человеку должно быть совершенно ясно, — говорил в 1968 году архиепископ Аверкий, бесспорный духовный лидер русского зарубежья, — что если первое Смутное время продолжалось всего лишь 15 лет, а нынешнее, второе, во много раз более страшное, Смутное время длится уже свыше 50 лет, и до сих пор нет пока и не видно никакого просвета, то это только потому, что нет прежней горячей веры в русских людях, нет настоящего искреннего покаянного чувства, нет подлинной действенной молитвы и должного упования на помощь свыше...

Неверие, безбожие, нравственная нечистоплотность и распущенность, нигилизм и космополитизм,

небрежение и презрение ко всему исконно родному и святому — все это должно стать совершенно чуждым душе русского человека, если он действительно хочет видеть Родину воскресшей к новой жизни» (7).

Сказанные 25 лет назад в Америке, слова эти как нельзя более применимы к сегодняшней России. Неужели мы не прислушаемся к ним?..

СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ, И ТЬМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...

Революция и гражданская война стоили России громадных жертв. За период 1917–1921 годов погибли восемь миллионов человек, а объем промышленной продукции в 1920 году составил лишь 13,8% от «царского», довоенного 1913-го (1). Еще большим был ущерб моральный, религиозно-нравственный, духовный, который невозможно измерить никакими цифрами. Жестоко оборванной оказалась многовековая государственная и церковная традиция, служившая неизменной опорой русского бытия при всех его прежних нестроениях и кризисах. В залитой кровью, разоренной, покрытой дымом пожарищ стране российская история вступила в свою новую, «советскую» эпоху...

30 декабря 1922 года I Всесоюзный съезд Советов утвердил Декларацию об образовании СССР. Таким образом официально завершился процесс уничтожения исторической России и определился ее новый геополитический преемник. На деле же вся

история Советского Союза — это тяжелая, жесткая, изнурительная борьба русского народа за возрождение его духовного и государственного величия. Отсюда — все вопиющие противоречия этого периода нашей истории, его героические свершения и позорные провалы.

Мало-мальски подробный анализ «истории СССР» требует самостоятельного и кропотливого исследования. Мы попробуем дать лишь краткие характеристики ее главнейшим этапам, определить основные тенденции национального самосознания, подвергшегося за это время мощнейшим насильственным воздействиям, постараемся осознать промыслительное содержание этого невероятного испытания, выпавшего на долю нашего народа.

С точки зрения господствующей идеологии (имея в виду не убогую закосневшую марксистско-ленинскую догму, а реальное самосознание власти, определявшей курс государственного развития), советскую эпоху русской истории можно условно разделить на пять периодов:

1. Агрессивно-русоненавистнический, начавшийся с момента революции и продолжавшийся до начала Великой Отечественной войны.

2. Национал-большевистский, охватывающий военные годы и строительство советской империи, завершившийся со смертью Сталина в 1953 году.

3. Интернационально-коммунистический, облекшийся в форму псевдолиберальной реакции на «культ личности» и совпадающий по времени с хрущевской «оттепелью».

4. Имперско-бюрократический, «застойный», включающий в себя почти два десятилетия брежневского правления с небольшим адроповско-черненковским «довеском», когда дряхлеющий колосс СССР существовал уже «по инерции», лишенный какого-либо жизнеспособного внутреннего идеологического содержания.

5. Либерально-демократический, горбачевский; по сути — ликвидационный. В ходе его исчерпавшая себя коммунистическая верхушка шаг за шагом предавала собственную страну, ее национальные интересы и народ в поисках выхода из мировоззренческого политического и духовного тупика, в котором оказался прогнивший режим. Этот путь закономерно закончился развалом СССР в декабре 1991 года.

Сегодня, с высоты нашего горького и страшного опыта, пора приступить к изучению недавнего русского прошлого непредвзято и объективно — «не плача, не смеясь, но понимая», говоря словами древнего философа (Спиноза).

РАЗОРЕНИЕ

«**К** тебе — обольщенный, несчастный русский народ, сердце мое горит жалостью до смерти, — писал в 1918 году Святейший Патриарх Тихон. — Оскудеша очи мои в слезах, смутится сердце мое (Плач 2: 11) при виде твоих тяжких страданий, в предчувст-

вии еще больших скорбей» (2). Увы! — эти горькие слова вешего старца стали пророческими. Первые десятилетия советской власти оказались временем широкомасштабного антирусского геноцида. «Рабоче-крестьянское» правительство советской России стремилось уничтожить рабочих и крестьян так же, как и буржуазный класс населения, ибо его целью было истребление русского народа как главнейшего оплота христианской культуры» (3) — свидетельствует князь Жевахов.

Достижения этой цели добивались тремя главными способами. Наиболее активная, образованная и способная часть населения выкашивалась методами жесточайшего террора. Мы уже касались этого вопроса ранее и здесь нет смысла повторяться. Шли годы, ЧК переименовали в ОГПУ, затем в НКВД, менялись люди, но кровавая суть учреждения — ликвидация русской национальной элиты — оставалась неизменной.

Но даже эта гигантская убойная машина имела ограниченную пропускную способность. Даже ее мощностей не хватало. Оказалось, что многовековая подвижническая жизнь Руси, освященная высокими христианскими идеалами, соделала источником сопротивления новым порядкам весь народ, всю его жизнь — от бытовой повседневной текучки до исповеднического служения религиозным святыням. Несмотря на гигантские кровопускания гражданской войны и массовых репрессий, Россия упорно отторгала строителей «светлого будущего».

Большевистская верхушка прекрасно понимала, что только насилие может обеспечить ей политическое будущее. И в помощь террору на этом пути она призвала искусственный голод, масштабы которого, превышая всякое человеческое разумение, позволяли решить сверхзадачу момента — парализовать ужасом огромную страну, лишить оглушенный невиданным бедствием народ воли к сопротивлению и физической возможности противостоять творимому злу.

«Ссылки большевиков на неурожай столь же бессовестны, как и все прочее, исходящее от советской власти, — писал Жевахов. — Голод был вызван умышленно, и это видно из того, что население вымирало от него в наиболее цветущих и плодородных губерниях, и тем сильнее, чем выше были урожаи. И это потому, что чем выше были урожаи, тем сильнее советская власть грабила население, лишая его даже семян на обсеменение полей.

Вызван был голод следующими причинами:

1) истреблением помещиков и уничтожением крупного землевладения;

2) социализацией земли и непомерными налогами, что сразу же сократило посевную площадь более чем наполовину;

3) открытым грабежом хлеба путем насильственного захвата его для нужд Красной Армии, что вызвало повсеместно массовые восстания, подавляемые самыми беспощадными мерами и сплошным избиением беззащитного и голодного населения;

4) вывозом хлеба за границу в количестве, обрекавшем население на голодную смерть» (4).

Третьим способом борьбы с народом, которую последовательно и упорно вело советское правительство, стали жесточайшие гонения на Церковь, гонения на святыни народные, оказавшиеся возможными, в свою очередь, лишь благодаря повсеместному террору и голоду. Общеизвестно страшное по своему цинизму письмо Ленина членам Политбюро, в котором он отмечает, что покончить с сопротивлением «черносотенного духовенства» можно именно «сейчас, когда царит повсеместный голод», и единственный способ для этого — «расстрелять как можно больше» представителей церковной иерархии.

«Забыты и попораны заповеди Христовы в любви к ближним, — обличал богоборцев патриарх Тихон, — ежедневно доходят до нас известия об ужасах и зверских избиениях ни в чем не повинных людей, виновных разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности...

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения...

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только

жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей, загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной» (5).

От 100 тысяч дореволюционных священников уже с 1919 году осталось всего 40 тысяч. В этом жутком состоянии антиправославного террора страна находилась непрерывно, год за годом. Как только в очередной раз выяснялось, что Россия быстро, не смотря ни на что, залечивает раны братоубийства, репрессий и голода, вовсе не собираясь отречься от веры предков и своей великой судьбы, власть вновь и вновь — расчетливо, цинично и беспощадно — ввергала народ в очередную кровавую мясорубку — будь то «коллективизация», «ежовщина» или «безбожная пятилетка». Все это сопровождалось безудержным шабашем русоненавистничества, безраздельно царившего в кремлевских верхах и агитационно-пропагандистском аппарате партии.

«Будь проклят патриотизм!» — этот лозунг Троцкого яснее всего определял официальное отношение власти к собственной стране. Все большевистские вожди наперегонки хаяли русский народ, как будто это был побежденный, но все еще опасный враг*. Зиновьев призывал «подсекать головку нашего русского шовинизма», «каленным железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм...» Бухарин разъяснял соотечественникам: «Мы, в качестве бывшей великодержавной на-

---

* Страшно подумать, что для многих из них это действительно было именно так, причем вполне осознанно.

ции должны поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям» и требовал поставить русских «в положение более низкое по сравнению с другими» (6).

«Решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии» (7), — провозглашал Сталин, как бы подводя итог всей этой вакханалии. И многочисленные проворные помощники спешили реализовать очередное гениальное указание вождя.

Академик Покровский — главный историк страны — требовал запретить само понятие «русская история»: как реакционное.

«Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? Что же! Вечная память тебе» (8), — кликушествовали пролетарские поэты (Александровский), выполняя свой «интернациональный долг».

В отношении православия позиция властей была еще более жесткой. Один из соратников Дзержинского, чекист Рогов записал в своем дневнике: «Одного не пойму: красная столица и церковный звон? Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстреливать, церкви под клуб — и крышка религии» (9). В 1928 году Сталин, начиная коллективизацию, жаловался в одном из своих интервью на «реакционное духовенство», отравляющее души масс. «Единственное, о чем надо пожалеть, — сказал он, — что духовенство не было с корнем ликвидировано».

«Жалоба» «великого пролетарского вождя» была, конечно, услышана. В 1932 году была объяв-

лена «безбожная пятилетка». К 1936 году планировалось закрыть последнюю церковь, а к 1937-му — добиться того, чтобы имя Божие в России вообще перестало упоминаться.

Время если и вносило коррективы в эту кощунственную кампанию, то лишь меняя обвинительную терминологию. Расстреливали же одинаково рьяно и быстро: в 1919-м — просто так или за «контрреволюцию», в 1937-м — за организацию, скажем, «церковно-фашистского центра»*. Кажется, ничто уже не спасет Россию от медленной, мучительной смерти — равно физической и духовной. Но Господь судил иначе: страшное потрясение новой великой войны в очередной раз — вопреки всем человеческим расчетам — изменило русскую судьбу.

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ

Строго говоря, советская власть никогда не была монолитной. Причем это касается самого ее содержания, а вовсе не только скорпионьих междоусобиц «рабоче-крестьянских» кремлевских владык.

Дело в том, что прямое порабощение народа — предприятие в России практически невыполнимое, поэтому методы непосредственного насилия

---

* 21 сентября 1937 года Особой тройкой областного управления НКВД в Нижнем Новгороде по такому обвинению был приговорен к расстрелу митрополит Нижегородский Феофан (Туляков). Вообще же, только за один этот год исчезли без следа 35 русских архиереев, сгинув в кромешных недрах НКВД и ГУЛАГа.

сочетались у большевиков с активным идеологическим, агитационным воздействием. Для прикрытия своего губительного содержания такая идеология неизбежно должна драпироваться в одежды человеколюбия. Притом, чем более жестокой и человеконенавистнической становилась она в своей реальной повседневной практике, тем более «возвышенной», «идеальной», запредельной должна была быть ее официальная, пропагандистская цель.

Именно так — используя псевдомессианские мотивы «последнего и решительного боя», спекулируя на естественном многовековом стремлении людей к «царству всеобщего братства и справедливости», разрушителям удалось обольстить русский народ, замутить и исказить его исконное христианское самосознание, искалечить и растлить соборную душу России, привычно, легко и быстро откликавшуюся на всякий мессианский зов. Народ согрешил, поверив лукавым вождям и лживым пророкам, — он поддался дьявольскому соблазну: собственными усилиями, без Бога построить «рай на земле».

Только такая великая, всемирная, абсолютная цель могла в какой-то мере оправдать в глазах русского человека те невероятные жертвы, которые год за годом требовала от него «пролетарская» власть. Только поверив, что все они необходимы для достижения окончательного, вечного мира и «всечеловеческого братства», мог русский человек, скрепя сердце, согласиться на утерю своих привычных ценностей. Многие из тех, кто громил древние святыни и безжалостно уничтожал «классовых врагов», де-

лали это, искренне веря, что вот, еще одно, последнее усилие — и распахнутся сияющие ворота в то самое «светлое будущее», которое им так уверенно обещали.

По сути дела, доктрина коммунизма узурпировала, извратив и опошлив, те неисчерпаемые источники могучей религиозной энергии, которые веками питали русскую жизнь, обеспечивая духовное здоровье народа и величие державы.

Но такая узурпация имела свои неизбежные «издержки». Главная из них заключалась в том, что — в своем большинстве — благонамеренные и доверчивые русские коммунисты принимали всерьез все провозглашенные лозунги. Они бесхитростно и рьяно стремились к созидательному труду, искренне намереваясь строить то сказочное царство всеобщего братства, о котором твердило «единственно верное» учение. Разрушительная, губительная сила дьявольского «совдеповского» механизма в этой вязкой благонамеренной среде слабела год от года, несмотря ни на какие усилия «посвященных» механиков, безраздельно, казалось, контролировавших все его важнейшие элементы.

Практически сразу же после революции в административно-управленческом сословии СССР сложились две фракции, две различные партии, непримиримые по своему отношению к стране, в которой они властвовали. Одна часть искренне ненавидела Россию и ее народ, видя в ней лишь полигон для испытания новых идей или запал для взрыва «мировой революции». Вторая, в меру своего ис-

каженного понимания, все же радела об интересах страны и нуждах ее населения. Борьба между этими фракциями длилась — то затихая, то разгораясь с новой силой, но не прекращаясь ни на миг; — вплоть до уничтожения СССР в 1991 году*.

Великая Отечественная война стала в этой борьбе переломным этапом. Уже к концу 30-х годов созрели предпосылки для пробуждения русского патриотизма и национального самосознания народа, которым к тому времени два десятилетия кряду правили, от имени которого беззастенчиво выступали откровенные русофобы — по большей части инородцы, превратившиеся в настоящий привилегированный, «эксплуататорский» класс. Когда же война со всей остротой поставила вопрос о физическом выживании русского народа и существовании государства в национальной политике советского руководства произошел настоящий переворот.

Нет, ни одна из догм официального коммунистического мировоззрения не была отвергнута, ни даже слегка пересмотрена. Но реальное содержание «идеологической работы в массах» изменилось резко и принципиально, обретя несомненные национал-патриотические черты**. При этом — надо от-

---

* Развал СССР, конечно, не прекратил, ни лишь обострил эту борьбу. В новых условиях, в иных формах — она ведется и сейчас. И несмотря на внешние неудачи ревнителей возвращения России на свой исторический путь, пробуждающееся в обществе традиционное русское самосознание дает основание надеяться, что не до конца отринул нас Господь, что Святая Русь еще может воспрянуть во всей силе и славе своего державного величия!

** Срочно подыскивались соответствующие цитаты из творений пролетарских вождей. Но поскольку найти их у Ленина было просто невозможно, а Сталин ничего подходяще-программного сказать еще не успел, приспособивались, используя что придется и обосновы-

дать Сталину должное — пересмотр осуществлялся решительно и целенаправленно во всех областях: от культурно-исторической до религиозной.

Русская история и национальная культура из объектов глумления, грязных оскорблений и нападок вдруг превратились объект почитания, вернулись на свое законное, почетное место. И несмотря на то, что сделано это было весьма избирательно и непоследовательно, результаты не замедлили сказаться повсюду — на фронте и в университетских аудиториях, среди партийных функционеров и простых крестьян.

Ученые вдруг заговорили о том, что «обличения русского народа» могут быть «по вкусу» лишь «тем историкам, которые не сумели понять глубоких дарований, великой умственной, социальной и технической энергии, заложенных в русском народе», что «насмешки... над невежеством и варварством русского народа» антинаучны, что подобные обвинения есть «злостный миф, заключающий в себе суждения большей части европейцев о России и русских людях...» Вдруг оказалось, что на подобный «обвинительный акт» у России есть достойный ответ, причем «отвечает уже не наука, а вся многообразная жизнь русского народа» (10).

Столь же серьезными были изменения и в области церковно-государственных отношений. 4 сен-

---

вая всплеск национально-патриотического усердия такими, например, старыми (еще дореволюционными, 1913 года) сталинскими тезисами: «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую бюрократию». Вот уж воистину — было бы желание, а цитата найдется!

тября 1943 года на совещании, проходившем в одной из загородных резиденций Сталина, было решено пересмотреть государственную политику в области религии. В том же день в Кремле он принял специально доставленных по такому случаю из разных концов страны виднейших православных иерархов: патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского), ленинградского архиерея митрополита Алексея (Симанского) и экзарха Украины митрополита Николая (Ярушевича).

Сталин — подчеркнуто — начал беседу с того, что высоко отозвался о патриотической деятельности Православной Церкви, отметив, что с фронта поступает много писем с одобрением такой позиции духовенства и верующих. Затем поинтересовался проблемами Церкви.

Результаты этой беседы превзошли всякие ожидания. Все до единого вопросы, которые были поставлены иерархами, говорившими о насущных нуждах клира и паствы, были решены положительно и столь радикально, что принципиально изменили положение Православия в СССР. Было принято решение о созыве архиерейского собора и выборах патриарха, престол которого 18 лет пустовал из-за препятствий со стороны властей. Договорились о возобновлении деятельности Священного Синода. В целях подготовки кадров священнослужителей решили вновь открыть духовные учебные заведения — академии и семинарии. Церковь получила возможность издания потребной религиозной литературы — в том числе периодической.

В ответ на поднятую митрополитом Сергием тему о преследовании духовенства, о необходимости увеличения числа приходов, об освобождении архиереев и священников, находившихся в ссылках, тюрьмах, лагерях и о предоставлении возможности беспрепятственного совершения богослужений, свободного передвижения по стране и прописки в городах — Сталин тут же дал поручения «изучить вопрос». Он, в свою очередь, предложил Сергию подготовить список священников, находящихся в заточении, и немедленно получил его, ибо такой список, заранее составленный, был митрополитом предусмотрительно захвачен с собой.

Итоги внезапной «перемены курса» стали поистине ошеломляющими. В несколько ближайших лет на территории СССР, где к началу войны оставалось, по разным данным, от 150 до 400 действующих приходов, были открыты тысячи храмов, и количество православных общин доведено, по некоторым сведениям, до 22 тысяч! Значительная часть репрессированного духовенства была возвращена на свободу. Прекратились прямые гонения на верующих и дикие шабаши «Союза воинствующих безбожников», сопровождавшиеся святотатственным пропагандистским разгулом (11).

Русь оживала. Церковь выстояла. В беспримерной по своему размаху и ожесточению войне с Православием богборцы были вынуждены отступить*.

---

* Необходимо отметить, однако, что «примирение» с властью далось церковной иерархии дорогой ценой компромиссов, безусловно, болезненных для православного сознания. В первую очередь, это касается участия священноначалия в кампании прославления Ста-

Знаменитый сталинский тост на победном банкете — «за великий русский народ» — как бы подвел окончательную черту под изменившимся самосознанием власти, соделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии*. Православному читателю будет небезынтересно узнать, что ни Гитлер, начиная роковую для него войну с Россией, ни Сталин, завершая ее столь знаменательным тостом, вероятно, понятия не имели о пророчестве, еще в 1918 году произнесенном в Москве блаженным старцем, схимонахом Аристоклием. «По велению Божию, — говорил он, — со временем немцы войдут в Россию и тем спасут ее (от безбожия. — *Прим. авт.*). Но в России не останутся и уйдут в свою страну. Россия же затем достигнет могущества больше прежнего».

Могущество СССР как геополитического преемника Российской Империи после второй мировой войны безусловно возросло до невиданных размеров. Внутри же его правящей элиты по-прежнему

лина, что было безоговорочным условием «примирения». «Глубоко тронутые сочувственным отношением нашего всенародного Вождя, Главы Советского Правительства И. В. Сталина к нуждам Русской Православной Церкви, приносим Правительству нашему общесоборную искреннюю благодарность», — писали «вождю всех народов» съехавшиеся в 1943 году на архиерейский собор епископы. Конечно, все это было вынужденным и не отражало их действительной точки зрения, но факт остается фактом — антихристианская диктатура в СССР не изменила своей внутренней сущности, она лишь приспособилась к новым условиям.

* Роль национального чувства в таком тандеме была, безусловно, второстепенной. «Догматы» коммунизма оставались неизблемыми, но все же, все же... Державная инерция русского самосознания пробила себе дорогу даже сквозь их откровенно русоненавистнические заросли. Это был первый признак того, что дни режима сочтены, сколь бы мощным и неколебимым ни выглядел он со стороны.

шла смертельная борьба «националистов» и «космополитов». Фракцию внутрипартийных «славянофилов» к тому времени возглавил Жданов.

С 1944 года он работал секретарем ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам, до этого 10 лет совмещал работу в Центральном Комитете с руководством Ленинградской партийной организацией, имел широкие связи, крепкий «тыл» в партийных низах и являлся одним из самых влиятельных советских вельмож. В 1946 году Жданов выступил с резким осуждением «безродных космополитов», что — применимо к области мировоззрения и культуры — означало признание глубинных, многовековых национальных корней русского самосознания. В развитие этих новых идеологических установок ЦК в том же году принял ряд постановлений, «канонизировав» таким образом процесс «разоблачения и полного преодоления» всяких проявлений космополитизма и низкопоклонства перед реакционной культурой буржуазного Запада.

Торжество «националистов» оказалось, однако, недолговечным. Главным противником Жданова во внутрипартийной борьбе был всемогущий Берия. И если в прямом столкновении он проиграл, то в области тайных интриг удача оказалась на его стороне. Два года спустя, когда Жданов умер, Берия использовал замешательство противников для того, чтобы «раскрутить» в Ленинграде — главном оплоте внутрипартийного национализма — грандиозный процесс по типу довоенных судебных инсценировок, под прикрытием которого попытался осуществить

чистку партийного аппарата от «перерожденцев-националистов»*. И хотя внешне все это выглядело иначе, есть серьезные основания предполагать, что реальная подоплека событий была именно такой.

В 1955 году в солидном американском журнале *US News and World Report* появилась любопытная статья. Она содержала запись беседы с неким Николаем Хохловым, перебежчиком, «бывшим агентом советской секретной полиции», специально приглашенным для этой цели в редакцию. В ходе беседы Хохлов довольно откровенно описал развитие конфликта между Ждановым и Берией. По его словам, эпицентром столкновения стал «еврейский вопрос», ибо «евреи часто считают себя не только гражданами страны, где они проживают, но и членами международного сионистского движения... Жданов и его группа не могли этого им простить. Поэтому он и некоторые другие начали против евреев борьбу».

Далее Хохлов сказал, что как только Жданов умер, Берия и Абакумов немедленно организовали процесс в Ленинграде. Они говорили что в составе группы, обвинявшей евреев в космополитизме, не настоящие коммунисты, но «русские шовинисты». В результате лица, занимавшие очень высокие посты, попали под суд. Некоторые были расстреляны, другие посажены в тюрьму» (13).

---

* Любопытно, что «цивилизованный мир», приходивший потом в негодование по поводам гораздо более мелким — будь то суд над Гинзбургом... Щаранским или гонения на Буковского — этот процесс, один из крупнейших по числу расстрельных приговоров, просто не заметил. Даже эмигрантские газеты оставили его без особого внимания. А зря!

Стоит добавить, что вряд ли будет разумным безусловно принимать на веру все сказанное и делать какие-либо категорические выводы. Скорее всего ход внутривластной борьбы был далеко не так прост и однозначен, но достоверно проследить его извилистый путь в таинственных глубинах огромного государственного аппарата советской империи почти невозможно*. История КПСС хранит множество тайн, и не исключено, что их содержание известно лишь живым свидетелям — а много ли осталось таких? Как бы то ни было, но последние годы сталинской эпохи стали ареной новой вспышки противостояния.

Весьма показательно, что на этот раз она захватила не только Россию (СССР), но и вассальные государства «социалистического лагеря». Так, совершенно неожиданно для всех, осенью 1952 года в Праге был арестован ряд высокопоставленных партийных функционеров. Мгновенно состоявшийся суд был суров — 13 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания и немедленно расстреляны как участники «сионистского заговора». Sensацией стал национальный состав осужденных, 11 из которых были евреями. Впервые с момента революции «проклятый вопрос» открыто становился в повестку дня. На официальном партийном жаргоне

---

* После «ленинградского дела» минуло лишь несколько лет, когда «космополит» Берия вдруг затеял — на этот раз в Москве — «дело кремлевских врачей», переполошившее весь мир своей «антисемитской» направленностью. Впрочем, не менее убедительна и та версия, которая предполагает, что конечным результатом интриги, развернувшейся вокруг этого процесса, должно было стать падение самого Берии.

это прозвучало так: «Сионисты и правительство Израиля являются агентами американского империализма».

Бесмысленно гадать, насколько согласованными были действия чехословацкого лидера Готвальда со Сталиным, какова вообще личная роль того или иного действующего лица этой исторической драмы*. Но московский процесс «кремлевских докторов», начало которому положило заявление ТАСС от 13 января 1953 года и который, с определенной точки зрения, был просто «братом-близнецом» пражского судилища, должен был, похоже, ознаменовать собой окончательную победу «национал-большевизма» уже во всемирном масштабе. В этой связи весьма знаменательной кажется чрезвычайно своевременная (для некоторых) смерть «вождя мирового пролетариата», последовавшая 5 марта, и почти одновременная с ней (14 марта) кончина Клемента Готвальда. Эта внезапная развязка стала в то же время исходным моментом идеологического реванша и торжества «классического» интернационального коммунизма, довольно быстро восстановившего пошатнувшиеся было позиции...

Близилась новая эпоха — эпоха хрущевской «оттепели».

---

* Всего за несколько дней до своей смерти Сталин распорядился напечатать в газете «Красная Звезда» заявление о том, что борьба против сионизма «не имеет ничего общего с антисемитизмом. Сионизм — враг трудящихся всего мира, евреев не менее, чем не-евреев» (цит. по книге Дугласа Рида «Спор о Сионе». С. 412).

ОТТЕПЕЛЬ

Для хрущевской «оттепели» характерны два главных момента, оказавших наиболее существенное влияние на развитие советского общества. Первый из них — значительная либерализация форм и методов государственного управления. Второй — отказ от национально-патриотического элемента официальной идеологии, ее окончательный перевод на интернациональные рельсы, сопровождавшийся новым витком антицерковных гонений.

Обе эти тенденции стали результатом процесса «десталинизации», последовавшего за смертью «великого вождя» и расстрелом Лаврентия Бери, олицетворявшего собой политическое господство тайной полиции. Понимание того, что неисчислимы человеческие жертвы, понесенные Россией за последние десятилетия, грозят подорвать жизнеспособность Советского Союза, а также стремление избежать в будущем опустошительных кровавых разборок в собственной среде, толкнуло руководство страны на значительное смягчение режима. Методы массовых репрессий и индивидуального террора с этого момента перестают рассматриваться им в качестве главных рычагов управления обществом, оставаясь в арсенале власти в качестве вспомогательных средств.

Такое смягчение стало одним из важнейших факторов, предопределивших крах режима задолго

до его фактического развала. Долгие годы гигантская машина сталинской империи создавалась в расчете на доведенное до совершенства умение управлять людьми с помощью насилия. Расстрелы и лагеря в этой системе государственно-политических координат вовсе не были исторической случайностью или «прихотью тирана». Они выполняли чрезвычайно важную «санитарную» роль, обеспечивая строгое единство идеологии, послушание и эффективную деятельность вертикали административного управления, контроль над огромным чиновничьим сословием, действенную хозяйственную систему, безжалостно и быстро отсекая при этом все, что могло составить хотя бы малейшую угрозу четкому функционированию государственной машины СССР и стран-сателлитов.

Это была глубоко продуманная, универсальная, внутренне логичная и по-своему совершенная структура власти, основанная на доведенном до естественного завершения материалистическом мировоззрении. Начала «целесообразности» и «пользы», вытеснившие в самосознании власти понятия ее религиозно-нравственного долга, справедливости, совести, чести, закономерно привели к торжеству зла в его крайних богоборческих формах.

Именно потому столь недолговечным оказался период терпимого отношения советской власти к русскому православию. Мощная оппозиция «примиренческому» курсу Сталина достаточно сильно заявила о себе еще при его жизни, почти сразу же после того, как в 1943 году наметился по-

ворот к нормализации церковно-государственных отношений.

В постановлении ЦК ВКП (б) от 7 сентября 1944 года «Об организации научно-просветительской пропаганды» впервые не были определены задачи «решительной борьбы за преодоление религиозных пережитков» и «бескомпромиссного наступления на реакционную поповщину», столь характерные для аналогичных документов предыдущих лет. Подобное умолчание в директивном документе вызвало у партийных активистов, привыкших на лету ловить малейшее изменение политической конъюнктуры «наверху», растерянность и глухое недовольство.

Через четыре года это недовольство приобрело вполне осязаемые формы — под давлением «антирелигиозников» Сталин в 1948 году дал согласие на разработку специального постановления ВПК (б) «О задачах антирелигиозной, атеистической пропаганды в новых условиях», подготовка которого была поручена Михаилу Суслову. В полном соответствии с богоборческой традицией 20–30-х годов, авторы документа предлагали придать антирелигиозной пропаганде «наступательный» и «решительный» характер, обосновывая очередное форсированное наступление на религию необходимостью обеспечить скорейший переход «от социализма и коммунизму» (14).

Но в конце концов Сталин — более дальновидный и прагматичный, чем большинство его оголтелых соратников — все же настоял на своем. Подго-

товка документа была свернута. Более того, к концу 40-х годов из лексикона партийных и государственных документов практически исчезли сами термины «антирелигиозная» или «атеистическая» работа. Не было их и в отчетном докладе ЦК ВКП (б) XIX съезду партии, который в октябре 1952 года представил делегатам Маленков. Впервые на съезде партии вообще был обойден молчанием вопрос о задачах антирелигиозной пропаганды.

Но после смерти Сталина ситуация резко изменилась. В числе первых же постановлений ЦК по идеологическим вопросам, подготовленных под руководством Хрущева в 1954 году, своей резкой антицерковной направленностью выделялись два документа: «О крупнейших недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Они недвусмысленно знаменовали собой конец «золотого десятилетия» относительного церковно-государственного мира и фактически возвращали общество на 20 лет назад, во времена «безбожной пятилетки».

Единственным препятствием на пути возрождения массового антиправославного террора стала общая установка властей на смягчение репрессивной деятельности, связанная, как уже говорилось, в первую очередь, с их тревогой за собственную судьбу. Это помешало буквальному повторению тех времен, когда открытое исповедование веры являлось вполне достаточным поводом для ареста и расстрела. В рамках же, предусмотренных новым псевдоли-

беральным подходом, антиправославная кампания разгулялась вовсю.

Сам «дорогой Никита Сергеевич» обещал народу через несколько лет показать по телевизору «последнего попа». Но особенно жесткие административные меры против Церкви были приняты после нового решения ЦК КПСС, связанного с очередными «недостатками научно-атеистической пропаганды», появившегося на свет в октябре 1958 года. Запрещалось принимать в монастыри лиц моложе 30 лет, в семинариях и академиях возбуждалось обучение лиц со средним специальным или высшим светским образованием; отменялось право патриархии оказывать финансовую помощь приходам, монастырям, духовным школам; ряд ограничений хозяйственной деятельности Церкви был направлен на подрыв ее экономической базы.

В течение четырех последующих лет кампания шла по нарастающей, в результате чего была насильственно закрыта большая часть монастырей (в 1945 году их было 89), духовных школ (подготовивших после войны несколько тысяч священнослужителей со специальным богословским образованием), а количество православных приходов за 10 лет «атеистической пропаганды» (1954–1963) сократилось в несколько раз (примерно с двадцати до восьми тысяч). Только за четыре последних «хрущевских» года (1961–1964) по религиозным мотивам в СССР были суждены 1234 человека (15).

Показательно, что, учитывая опыт своих прежних неудач, особое внимание богоборцы на этот

раз уделили попыткам задуть Церковь ее же собственными руками. Епископов заставляли подписывать «добровольные» отказы от «ненужных» храмов, согласия на закрытие «лишних» приходов и монастырей. Одновременно подачками — спецавтомобиль «Чайка» для обслуживания патриарха, государственные награды «в связи с юбилеем» — старались погасить в среде священноначалия волну недовольства. Политика «кнута и пряника» — древняя как мир — была вновь использована с тем, чтобы растлить духовенство изнутри, подорвать благодатное церковное единство, взять под контроль настроения верующих, дискредитировать иерархию в глазах простых прихожан...

Одновременно с гонениями на Церковь из лексикона официальной пропаганды практически исчезло слово «русский». Понятие патриотизма, отказаться от которого после невиданного роста государственной, военной мощи страны и ее усиливавшегося влияния на международной арене не представлялось возможным, — допускалось в употреблении только в сочетании с терминами «советский» и «социалистический». Понятие «пролетарский интернационализм», использовавшееся в советской идеологической практике для подавления русского национального самосознания, вновь обрело первостепенное значение в государственном мировоззрении СССР. При этом так же, как 30 лет назад, Россия и русский народ рассматривались в качестве подручных средств «одноразового использования» для разжигания «мировой революции» — теперь

им была уготована та же роль в деле «построения коммунизма», долженствовавшего утвердиться, согласно всем руководящим документам, чуть ли не со дня на день.

В этом состоянии советское общество застыло на два десятилетия. Эпоха «застоя» — как бы последняя пауза русской истории перед ее новым, резким и драматическим поворотом.

ЗАСТОЙ

Имперско-бюрократический период советской истории являет нам зрелище удивительное и противоречивое. Он сочетает в себе расцвет экономической, военной и политической мощи СССР с полной идеологической деградацией коммунистической доктрины, ее редкостным мировоззренческим бессилием, породившем в обществе почти что открытое презрение к лживому коммунистическому официозу и глухое брожение, инстинктивный поиск утраченных святынь.

Никогда за всю свою тысячелетнюю историю страна не поднималась столь высоко в области государственного величия: влияние советской сверхдержавы простиралось вплоть до самых отдаленных уголков земли, ни один мало-мальски существенный вопрос мировой политики не мог разрешиться без ее участия. В то же время никогда еще в области духовной не падала Россия столь низко: почти семь

десятилетий непрерывных социальных катаклизмов, оголтелой русофобии и ожесточенного богорочества неузнаваемо искалечили национальное самосознание народа, подорвали религиозные корни русского бытия, довели нравственное состояние общества до критически низкого уровня.

За всем этим внимательно следили из-за рубежа. Запад по-прежнему — как и сто, и двести лет назад — видел для себя в России главную угрозу. В этой связи небезынтересно проследить, как менялось отношение западных держав к Советскому Союзу на протяжении всей его истории. Краткий период враждебности, последовавший вслед за Октябрьской революцией и вызванный боязнью того, что «большевистская зараза» может распространиться по всему континенту, быстро сменился периодом отчетливого «потепления». Это произошло практически сразу, как только стало ясно, что «мировая революция» не состоится. До тех пор, пока главной жертвой кровавого режима оставался русский народ, это положение вполне устраивало «цивилизованных» европейцев. Более того, признанные европейские (еврейские) интеллектуалы — такие, как Фейхтвангер, — после посещения Советского Союза (в 1937 году) находили его даже привлекательным, а Сталина — вполне приличным политиком.

Положение круто изменилось вслед за тем, как советское руководство в рамках национал-большевистской доктрины взяло курс на смягчение антирусской направленности режима. И если до тех пор, пока шла мировая война, Запад был вынужден сдер-

живать свои чувства, то сразу вслед за ее окончанием они проявились отчетливо и недвусмысленно.

«Посеяв в России хаос, — говорил в 1945 году американский генерал Аллен Даллес, руководитель политической разведки США в Европе, ставший впоследствии директором ЦРУ, — мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа; окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому

не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества» (16).

Годом позже — 5 марта 1946 года — в Фултоне со своей знаменитой антисоветской речью, положившей начало «холодной войне», выступил Уинстон Черчилль. Размах начавшейся вслед за тем антироссийской пропагандистской кампании поразил даже издававших виды русских эмигрантов.

«Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви, — писал Иван Ильин, раньше и яснее других почувствовавший, в чем дело. — Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас: и для самоуспокоения внушают себе... что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший

к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов...

Европейцам нужна **дурная Россия: варварская**, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленить, **завоевательная**, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная, религиозно-разлагающая**, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; **хозяйственно-несостоятельная**, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии»* (17).

Хрущевская «оттепель» не принесла Западу успокоения. Несмотря на возврат к интернациональному коммунизму и отказ от опоры на русское национальное самосознание СССР оставался для «свободного мира» источником сильнейшего беспокорства по нескольким причинам. *Во-первых*, образование «мировой системы социализма», а проще говоря — мощного советского геополитического блока, надежно прикрытого «ядерным щитом» СССР, исключало возможность силового изменения

---

* Господи, все повторяется в этом мире! Вспомним же XIX век: «Попробуйте вразумить просвещенную Западную Европу насчет России... Не вразумите! У нее нет даже органа для понимания России» (И. С. Аксаков) (18). «Европа Россию не знает, потому что не хочет знать, или лучше сказать, знает так, как знать хочет, то есть как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению... Не надо себя обманывать. Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или другого государственного мужа, а в самых основных ее интересах» (Н. Я. Данилевский) (19).

баланса сил на мировой арене. *Во-вторых*, сталинский рывок в сторону «русского шовинизма» показал идеологическую непрочность режима и неминуемо должен был рано или поздно вновь повториться. *В-третьих*, само существование Советского Союза служило непреодолимым препятствием на пути становления «нового мирового порядка» — единой планетарной системы государственного управления под руководством национальных международных структур (Организации Объединенных Наций и ей подобных).

Естественно, что в сложившихся условиях все усилия противников российского возрождения были направлены на то, чтобы «взорвать» Советский Союз изнутри, причем как можно скорее, ни в коем случае не допустив его «русификации» и возрождения нашего традиционного национального самосознания.

Результаты этих беспрецедентных по своей интенсивности усилий в полной мере явили себя в ходе горбачевской «перестройки».

ПЕРЕСТРОЙКА

Когда советское руководство к середине 80-х годов встало перед необходимостью серьезных концептуальных реформ, диктовавшихся очевидным загниванием всей огромной хозяйственно-политической системы империи, оно — в теории — имело на выбор два принципиально различных варианта

будущего развития страны. Один из них (назовем его «славянофильским») предусматривал постепенный эволюционный возврат СССР на путь естественной преемственности по отношению ко всей тысячелетней русской истории. Он предполагал отказ от идеологических догм «пролетарского интернационализма» и «классовой борьбы», свертывание антицерковной деятельности государства, проведение в жизнь комплекса мер по возрождению русского народа и оздоровлению его национального самосознания.

Первые разговоры о возможности и желательности такого поворота событий начались еще в середине 70-х годов. Одним из самых ярких его апологетов стал Геннадий Шиманов, постоянный автор московских самиздатовских журналов, получивший известность на Западе как борец за права верующих в России. «Нам надо вспомнить, — писал он, — о том, что мы русские, вспомнить не для того, чтобы через минуту снова забыть об этом, но для того, чтобы уже навсегда соединить свое сердце с сердцем народным, соединить судьбу свою с судьбою Отечества, соединить надежды свои и надеждами лучших русских людей о **религиозно-национальном возрождении России...**

Но мы обязаны трезвыми, мы обязаны православными глазами смотреть на вещи. Величайшее зло — не искать Божией правды и не созидать свою жизнь по этой правде. Будешь искать и будешь строить — и никакая власть тебе в этом помешать не сможет. Советская власть — это не только безбожие

и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла...

Процесс возвращения русского духа в себя, процесс возвращения **русского сознания** уже начался, и остановить его ничто не сможет. Теперь нам крайне важно восстановить здоровое и подлинно православное отношение к своему Государству. Смущаться тем, что оно является ныне официально атеистическим, по-моему, не нужно (и Павел был до своего обращения, как известно, Савлом), а нужно верить и работать на благо Церкви, на благо русского общества и советского государства. Не подлежит никакому сомнению, что православные христиане должны быть **лучшими** гражданами нашей Родины... В нынешней атмосфере внутренней **пустоты** и внутреннего **одичания** они должны явиться подлинной **силой**, подлинным **здоровьем**, подлинной **опорой** нашего русского народа и нашего Государства, — и так оно несомненно и будет во славу Божию и к торжеству нашей Православной Церкви!» (20).

Последующие события показали, сколь наивными и несбыточными явились надежды на «национально-патриотическое» перерождение советской власти. Тогда, однако, казалось, что по некоторым признакам вполне можно предполагать внутри партии наличие некоторых здоровых тенденций. В 1980 году, например, в свет вышла книга Ф. Несетерова «Связь времен», вскоре удостоенная первой премии и диплома на всесоюзном конкурсе общества «Знание», признанная «лучшим произведением

научно-популярной литературы». Весь пафос этого своеобразного национал-большевистского манифеста был направлен на подчеркивание «национально-исторических особенностей России», борьбу с русофобией и развенчание «нигилистических концепций русской истории». Увы, как показали дальнейшие события, яд идеологического догматизма оказался слишком силен даже среди «государственно-национального» партийного крыла, а позиции русофобского, космополитического ядра в аппарате, напротив, — слишком прочными...

Второй вариант реформирования СССР («западнический», в противоположность первому, «славянофильскому») предполагал, так же, как и первый, смену господствующей идеологии, но совсем в ином направлении и с иными целями. За образец в этом случае принималась некая идеальная модель «цивилизованного правового демократического государства», в которой легко угадывались все главнейшие черты традиционного западноевропейского политического и хозяйственного уклада.

Излишне говорить, что она практически полностью отвергала русский исторический опыт государственного строительства и общественного устройства. Более того, все национальные, самобытные особенности русской жизни, приходившие в противоречие с этой искусственной схемой, рассматривались — в лучших традициях большевизма — лишь как препятствия «на пути реформ», которые надо обязательно преодолеть. Иначе говоря, пролетарский интернационализм уступал свое «по-

четное» место идеологического фундамента режима интернационализму демократическому — только и всего.

Первые же годы «перестройки» не оставили сомнений в том, какой из вариантов будет в итоге выбран для реформирования страны. Выступая на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 года, Горбачев недвусмысленно призвал партию быть бдительной, когда «под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки...» (21). Последующие годы многое изменили в его политической позиции, но ее подчеркнутый космополитизм никогда не ставился под сомнение.

Сегодня мы имеем возможность оценить первые плоды такого реформирования. Единое государство разрушено. Русский народ расчленен на части границами новоявленных «независимых государств». Россия отброшена в своем территориальном развитии на 350 лет назад. Общество оказалось совершенно беззащитным перед шквалом безнравственности и цинизма, обрушившегося на людей со страниц «свободной» прессы и экранов телевизоров. Церковь подвергается бешеным атакам еретиков и сектантов, понаехавшим в Россию со всего света, чтобы «просветить» русских варваров. Ростки здорового национально-религиозного самосознания погребены под грудой нечистот «масс-культуры» и фальшивых ценностей «общества потребления».

Страной по-прежнему правят богоборцы, космополиты и русоненавистники...

Катастрофа состоялась.

* * *

И было бы все это нестерпимо больно и беспросветно, если бы не утешала нас вера Православная, если бы не являла собой русская история поприще дивного промышления Божия; поучительную картину многочисленных чудес — религиозного подвижничества, государственной мудрости и воинской доблести, всякий раз спасавших Россию в смутные години общественных бед и несчастий.

«Егоже любит Господь — наказует; биет же всякого сына, егоже приемлет» (Евр. 12: 6), — поучает нас Священное Писание. Издавна хранит церковное предание свидетельства того, что редкие избранники Божии — хранители особых благодатных даров — особым же подвергались испытаниям и скорбям, дабы самим делом явить свою верность Господу, свою готовность на жертву и благое произволение души. Такова и судьба Святой Руси — с момента ее чудесного крещения в днепровском потоке и до сего дня, омраченного, увы, предательством и злобой, ложью и лицемерием.

Но не вечно тому быть, ибо — верую! — не до конца прогневался на нас Господь. «Будет шторм, — предсказывал еще в феврале 1917 года оптинский старец Анатолий. — И русский корабль будет разбит. Но ведь и на щепках, и на обломках люди спасаются. И все же не все погибнут. Надо молиться,

надо всем каяться и молиться горячо... Явлено будет великое чудо Божие, да... И все щепки и обломки волею Божией и Силой Его соберутся и соединятся и воссоздастся корабль в своей красе и пойдет своим путем, Богом предназначенным. Так это и будет явное всем чудо» (22).

Ныне все зависит от нашей готовности к духовному труду, внутреннему религиозному возрождению. Воспрянем же — и с Божией помощью сможем одолеть все преграды, всех врагов, сколь бы ни были они страшны и многочисленны! Сие и буди, буди. Аминь.

СВЯЩЕННОЕ И СТРАШНОЕ ДЕЛО — ВЛАСТЬ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

*«Я есмь Альфа и Омега,
начало и конец, говорит Господь,
Который есть и был и грядет,
Вседержитель»*

(Апок. 1: 8)

Власть как сила — действовать, влиять и определять ход событий на земле — издавна считалась основой всякой общественной организации, всякой упорядоченности и государственности. Божественное, трансцендентное происхождение этой силы, а следовательно, и Верховной власти на протяжении тысячелетий человеческой истории не подвергалось сомнению, служа прочной религиозной основой человеческого общежития равно в Ассирийском Царстве и Древней Персии, в Римской Империи и Арабском Халифате, в Византии и на просторах Российской Державы.

За полтора тысячелетия до Рождества Христова провозгласил Господь устами пророка Своего: «Видите ныне, что это Я, Я — и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей» (Втор. 32: 39). Непостижим всемогущий Промысел Божий, и лишь многовековой, благодатный церковный опыт являет тем, кто способен его разуметь, как болезни и скорби, страдания и несчастья этого мира вопреки дьявольской воле их устроителей соучаствуют в Домостроительстве спасения человеческого, созидая чертоги вечного блаженства тому, кто — выстояв под напором разнообразных бед — остался верен Истине и Любви.

Признание этого непреложного факта заставляло наших благочестивых предков искать прочную духовную опору державным формам традиционной российской государственности. Ныне, когда после тяжких десятилетий духовного порабощения душа народа с трудом освобождается от губительных оков вульгарного материализма и воинствующего богоборчества, нам как никогда важно вернуть утраченное было понимание здравых основ государственного устройства. Для этого необходимо открыто утвердить его религиозно-нравственные опоры и принародно, гласно обличить губительную ложь секуляризованной, бездуховной формы устройства российского общества, в какие бы «благонамеренные» и «цивилизованные» одежды она ни рядилась...

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«Каждый христианин, любя весь мир человеческий, который находится под управление одного Царя Небесного, в то же время должен иметь особенную любовь к своему Отечеству — ибо Отечество сие не произвольно им выбрано, но Самим Богом указано ему посредством рождения. Соотечественники связаны между собой одной верою, общим происхождением, языком, обычаями, законами, воспоминаниями о славе и бедствиях предков, памятью о знаменитых войнах и царях.

Отечество освящено для человека благодеяниями Божиими, в пределах его свершенными. Что же собственно до Русской земли, то она не иначе и называлась прежде в истории, как «Святая Русь», «святая земля». Почему же? Именно в смысле особенных чудесных благодеяний Божиих к ней, а также по великому множеству людей, мученически проливших кровь свою за Отечество, и по обилию угодников Божиих, которые почивают в ней мощами.

Посему не любить Отечества и предпочитать ему другие государства столь же низко и неблагодарно, как не любить родителей своих, оказывая привязанность к посторонним лицам, непричастным к рождению и воспитанию. В русском же человеке такое чувство тем более несправедливо, что сами западные государства, видя обширность земли Русской и исчисляя ее богатства, с завистью смотрят на нее.

Конечно, недостойна христианина и слепая привязанность, когда русский гордится и хвалится лишь тем, что он «русский», когда порицает и ненавидит без разбору все чужое. Но еще вреднее и виновнее пристрастие к иноземному, потому что им загубляется чувство патриотическое в самом основании, да и действительно — никак не найти за границей многих прекрасных качеств русского человека...»

Так были определены гражданские обязанности христианина в подробном — тысячестраничном — пособии по православно-нравственному богословию, утвержденном к изданию Санкт-Петербургским Духовным Цензурным Комитетом 29 февраля 1900 года. К великому сожалению, то, что считалось ранее на Руси общепризнанным и само собой разумеющимся, подвергается ныне нападкам и издевательствам, требует даже в среде благонамеренных слушателей обстоятельного и подробного пояснения.

Итак, каковы же духовные основы христианской государственности?

Отвечая на этот вопрос, следует разобраться в том, что есть государство, каково его происхождение, каковы источники и цели государственной власти, оптимальные формы государственного устройства и взаимное сочетание всех его элементов.

До революции в России по этим проблемам существовала обширная литература, работали такие глубокие исследователи, как, например, Михаил Катков или Лев Тихомиров.

Сегодня нам многое нужно вспомнить, многому научиться заново. И среди этого «многого» одно из важнейших мест принадлежит пониманию духовных основ государственности, умению их практически воплощать в жизнь...

«Что есть государство? — вопрошал в середине прошлого века знаменитый московский перво-святитель, митрополит Филарет (Дроздов). — Союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою, жертвующих часть своей свободы для охраны и утверждения общими силами Закона Нравственности, который составляет необходимость их бытия». Эта религиозно-нравственная основа государственной жизни сегодня чуть ли не напрочь выпала из общественного сознания, часто трактуя государство лишь как бездушный механизм поддержания примитивного материального благополучия граждан.

Результат такого мировоззренческого убожества налицо. Само государственное тело, его территория, ресурсы, иные богатства становятся объектом разрушительной, жестокой и беспринципной борьбы политиканов, губительной для державы, разъедающей, как срамная болезнь, внутренности государственного механизма, саму государственную власть во всех ее проявлениях.

Только там, «где священный закон нравственности неколебимо утвержден в сердцах воспитанием, верою, здравым, неискаженным учением и уважаемыми примерами предков, — говорил владыка Филарет, — там сохраняют верность Отечеству,

жертвуют ему собой без побуждений воздаяния или славы. Там умирают **за законы**, тогда как не опасаются умереть **от законов**. Если же закон, живущий в сердцах, изгоняется ложным просвещением и необузданной чувственностью — нет жизни в законах писанных: повеления не имеют уважения, исполнение — доверия. Своеволие идет там рядом с угнетением, и оба приближают общество к падению». Сегодняшняя злободневность этих слов лишь подтверждает правоту и прозорливость мудрого старца...

Современные словари определяют государство как орудие политической власти в обществе. Лишенная религиозно-нравственных опор, такая власть неизбежно вырождается в голое насилие: отсюда марксистское (точнее говоря, материалистическое) понимание государства как механизма принуждения и «диктатуры» одной части народа над другой.

Проще сказать — материалистическое понимание государства всегда сродни тирании. Осуществляется ли она в интересах партноменклатуры с помощью кровавых репрессий или в интересах транснациональной финансовой олигархии с помощью экономического удушения неугодных — в конечном итоге не так уж важно. В обоих случаях ценность нравственных идеалов признается ничтожной, а тоталитарный монстр бесконтрольной власти приобретает самодовлеющее значение.

На принципиально иных основах построено церковное учение о богоугодной форме государственного устройства.

Во-первых, государство рассматривается им как большая семья. «Откуда сие множество людей, соединенных языком и обычаями, которое называют народом? Очевидно, что это множество народилось от меньшего племени, а сие произошло из семейства. Итак, в семействе лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в государстве», — провозглашает митрополит Филарет.

Отсюда понимание общенародного единства как духовного родства, как величайшей драгоценности, столь характерное для русской истории. Отсюда же стремление русского человека заменить, где только возможно, бездушные правовые нормы нравственными ценностями, теплом сердечных человеческих отношений. Отсюда — отношение к российской державности как к святыне, ибо семья — «малая церковь» — получает освящение в таинстве венчания супругов, а государство — «большая семья» — в таинстве венчания Царя на царство, на самодержавную власть «во славу Божию» (но не в интересах какого-либо класса или сословной группы).

Во-вторых, государственная власть признается особого рода служением, сродни церковному, монастырскому послушанию.

Такая верховная власть — единая и неделимая, мощная, независимая от капризов толпы, связанная с народом не бумажной казуистикой схоластической законности, но живым повседневным опытом соборного единения — только она может обеспечить ту высшую цель, ради которой существует: управлять житие подданных «во всяком благочестии и чисто-

те» духовных христианских идеалов. Ради этого же власть — свободно и добровольно — ограничивает себя в намерениях и действиях рамками Заповедей Божиих и истинами Закона Его...

Я вполне отдаю себе отчет, как фантастично выглядят подобные описания на фоне ужасающего, беспредельного нравственного растреления современной власти в России. Я далек от мысли, что такой государственный идеал можно будет завтра же воплотить в нашу политическую реальность. Но к нему надо стремиться. И знать — хотя бы для того, чтобы, разумея его философскую, религиозную и нравственную глубину, не поддаваться больше лживым сказкам о своем прошлом — вроде русофобских тезисов о «неразвитости русского правового сознания» и «гнилом царизме».

В-третьих, идеалом церковно-государственных отношений признается «симфония властей». В государстве, сознающем и чтущем свои духовные основы, — таком, какое мы описали выше, — религиозно-нравственное содержание жизни становится важнейшим несущим элементом всей державной структуры общества. Соответственно Церковь, как власть духовная, наряду с властью светской служит одной из главных опор национальной государственности: не смешиваясь, впрочем, и не подчиняясь ей. Исторический опыт свидетельствует, что такое взаимное разделение и гармоничное сочетание властей есть непременная черта богоугодного государственного устройства.

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ ДЕМОКРАТИИ

В здоровом душевном состоянии русское общество естественным образом стремится самоорганизоваться на началах одухотворенной, державной государственности. Свидетельством тому — вся наша тысячелетняя история, не исключая и советского периода. Ибо когда коварным разрушителям удалось путем несправедливым обрушить исторически сформировавшуюся Державу Российскую, то несмотря ни на что — вопреки яростным усилиям «пламенных революционеров-интернационалистов», вопреки репрессиям и террору, оголтелому богоборчеству и злобной русофобии — в стране тут же начался медленный, болезненный, непоследовательный, но все же неотвратимый возврат к традиционным принципам русской державности.

На протяжении всех 75 лет советской власти это, пожалуй, больше всего пугало наших зарубежных недругов. Для того чтобы остановить процесс возвращения России на естественный путь своего исторического развития, и была запущена «перестройка», настоящая цель которой — заменить исчерпавшую свои разрушительные силы интернационал-коммунистическую доктрину на новую, интернационал-демократическую, которая должна довершить разгром исторической России, начатый еще под «доблестным» руководством Троцкого и Кагановича.

Несостоятельность большевистских теорий доказана сегодня самой жизнью. И практические последствия демократии нынче тоже у всех на виду. Однако так же, как пытались раньше обмануть народ лукавыми побасенками о том, что корень бед в «искажениях» изначально верной марксистской идеи — пытаются и сегодня одурачить Русь циничной ложью об «истинной» демократии, обретя которую, мы-де, наконец, заживем припеваючи.

Правда же такова: безбожный коммунизм терзал Россию, паразитируя на многовековых русских общинных традициях, на прочной народной приверженности к коллективизму и взаимопомощи, на всеобщей могучей русской тяге к социальной справедливости. Бессовестная демократия собирается терзать ее, паразитируя на древних вечевых соборных обычаях Руси, на исконном уважении русского человека к общему мнению, совместно принятому решению, коллективному разуму Собора.

Все идеи демократии замешаны на лжи. Уже в определении — ложь! Слово это переводится на русский язык как «власть народа» или «народоправство», но ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит. Заветный плод государственной власти всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации людей, чье ремесло — политика, профессия — жестокая и беспощадная борьба за эту власть.

Более того, человеческая история на всем своем протяжении не знала ни одного государства, где был бы на деле реализован принцип народоправства.

Древняя Греция, Древний Рим — страны — родоначальницы демократии, ее классические представители — одновременно являлись классическими рабовладельческими хищниками, относя сам термин «народ», «граждане» лишь к элитарному кругу людей, составлявшему ничтожный процент от общего населения страны...

Предки наши были весьма умными и предусмотрительными людьми. Веками, из поколения в поколение строя державу, предназначенную быть надежной опорой мирной, немятежной и одухотворенной жизни (а не инструментом удовлетворения властолюбивых страстей и политических амбиций), они свято блюли себя от соблазнов демократической заразы и других предупреждали от такого неразумия.

«Демократия выражает доверие к силе количественной, — писал некогда Тихомиров. — Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому». Иными словами, воплощение демократической идеи означает преимущественную власть количества над качеством, власть невежественной, искусно управляемой из-за кулис толпы над многовековым народным идеалом — абсурдную ситуацию, в которой понятия Истины и справедливости, добра и зла пытаются определить арифметическим большинством голосов.

Сколько-нибудь осмысленное существование народа, отдающего себе отчет в собственных религиозных и нравственных устремлениях, в наличии державной общенациональной идеи и возвышенной цели своего соборного бытия — предполагает отказ от механического принципа количественного превосходства в пользу качественного, духовного начала.

Лишь таким путем можно обуздать безудержные злоупотребления, свойственные демократическим чиновникам в погоне за голосами избирателей. «Каждый голос сам по себе ничего не значит, — говорил Победоносцев, описывая этот механизм. — Но тот, кто сумеет прибрать к себе самое большое количество этих голосов, становится господином силы, господином правления и вершителем воли...» Таким образом, «при демократическом образе правления победителями становятся ловкие подбиратели голосов, механики, искусно орудующие закулисными пружинками, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов».

Политическая основа демократии — всеобщее прямое избирательное право — явление аморальное и разрушительное, ибо развивает политический цинизм до невероятных размеров, делает народ объектом бесчестных манипуляций, получающих, при современном развитии средств массовой информации, поистине безудержный размах. Почему-то никому не приходит в голову выбирать при помощи всеобщего голосования хирурга или следователя, шофера или летчика. А разве управляться со скальпелем, машиной, самолетом труднее, чем

с гигантской страной, отягощенной сложнейшими проблемами?

Это не значит, что принцип выборности должен быть вообще исключен из политической жизни страны. Более того, в некоторых ситуациях он незаменим, ибо является инструментом становления соборной общности народа и государства. Но во избежание злоупотреблений должна быть четко и ясно определена область его применения, которая будет безусловно исключать публичные выборы там, где пост или должность требуют высоких профессиональных качеств, оценить которые человек несведущий просто не в состоянии. И уж конечно, если и будет признана необходимость избрания высших должностных лиц страны, дело это недопустимо превращать во всенародный балаган. Ответственными выборщиками в таком случае могут быть лишь авторитетные представители всех общественных классов, сословий, профессиональных и этнических групп, пропорционально представляющие их удельный вес в нашем обществе.

Идеологическая основа демократии как мировоззрения выражается знаменитым лозунгом французской революции: «Свобода, равенство, братство». Поддавшись внешней привлекательности этого броского призыва, миллионы людей в течение долгих столетий безуспешно пытались воплотить его в жизнь. Очень многие, даже весьма умные и образованные люди не разобрались в отвлеченном, абстрактном характере лозунга, не заметили противоречия призывов между собой (и в самом деле, как

совместить свободу с равенством?). Стоит оглянуться вокруг, чтобы уяснить себе их лукавство: в природе нет равенства — она бесконечно разнообразна и строго иерархична; нет и абсолютной свободы, ограниченной взаимозависимостью и закономерной упорядоченностью явлений; нет бессодержательно-го братства — ибо нравственное чувство человека всегда избирательно.

«Когда эту формулу захотели обратить в обязательный закон для общественного быта, когда из нее захотели сделать **формальное право**, связующее народ внутри себя и с правительством во внешних отношениях, когда ее возвели в какую-то новую религию для народов и правителей — она оказалась роковой ложью, и идеальный закон любви, мира и терпимости, сведенный на почву внешней законности, явился законом насилия, раздора и фанатизма». Это утверждение Победоносцева лучше всяких слов подтверждается тем, что две самые кровавые и разрушительные в истории человечества революции: французская в XVIII веке и русская в XX, прошли под аккомпанемент громогласных призывов к «свободе, равенству, братству».

Губительные в области государственной, сии понятия, по мнению обер-прокурора, благотворны лишь «тогда, когда заключают в себе вечную истину нравственного закона в нераздельной связи с вечной идеей долга и жертвы, на которой держится весь организм нравственного мирозерцания».

Юридически-правовая основа демократии — тезис о естественных (прирожденных) правах

человека, на реализацию которых посредством формального законодательства должна быть направлена вся работа государственного механизма. Эта основа столь же искусственна и лжива, как предыдущие. По сути своей она является лишь абсолютизацией индивидуализма, свойственного западноевропейскому «менталитету» и исторически глубоко чуждого русскому национальному и религиозному самосознанию.

Воплощение в жизни общества идеи о «правах человека», превращенной в правовую догму и не уравновешенной — ни нравственно, ни юридически, — идеей «естественных обязанностей», свойственных каждому гражданину, ведет ни к чему иному, как к неизбежной деградации общественной морали и нравственности, к разрушению самого соборного тела народа. Читайте Достоевского — особенно «Бесов» да «Преступление и наказание», и все встанет на свои места. Убийца Раскольников, мучающийся вопросом «тварь я дрожащая или право имею?» — иллюстрирует вышесказанное лучше всяких глубокомысленных высоконаучных рассуждений.

«Человек есть олицетворенный долг», — согласно утверждают все святые отцы. Русское общество, всегда стремившееся настроить свое бытие в унисон с требованиями христианского мировоззрения, от века строилось на воспитании в человеке прежде всего твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных **обязанностей**. Горький опыт междоусобных распрей крепко-накрепко

выучил наших предков: акцент на «права» неизбежно порождает упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки. Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации «прав» питает гордыню, высокооумие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне «всех против всех», по живому рассекающей народное тело.

Еще в конце прошлого века блестящий русский публицист, убежденный державник, многолетний редактор «Московский ведомостей» М. Н. Катков писал: «Плодотворно лишь то право, которое видит в себе ничто иное как обязанность. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльным пузырем; ничего не выходит из него, и ни к чему не ведет оно. Такое право есть не сила, а слабость... Нет пользы в том, что я имею право то и это делать, если я не чувствую себя обязанным сделать то, что должно».

Формальное право есть лишь инструмент реализации в жизни общества определенного нравственного идеала. Как всякий инструмент, само по себе право нейтрально, оно может быть использовано как на пользу, так и во вред. На пользу — тогда, когда способствует воплощению в жизнь высших религиозно-нравственных законов праведности, милосердия и любви. То есть тогда, когда помогает созданию условий для торжества добродетели и обуздания порока.

Придавать же формальному праву самодовлеющее значение — гибельная ошибка! Еще хуже, когда

говорят, что право должно фиксировать существующее положение вещей, «естественные» человеческие запросы. Таким образом подспудно признается законность, легальность страстей, греховных язв, равно губительных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. «Настроив» правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здравый и нравственный народ.

Такова реальная цена «правового идолопоклонства», являющегося одной из основополагающих черт демократической квазирелигии.

Экономическая основа демократии — финансовый, спекулятивный капитал. Это им сконструирована современная бездуховная «технологическая» цивилизация, в которой человек лишается последних остатков совести и душевного здоровья, превращаясь в полуживотное-полумеханизм — безличный винтик в гигантской машине, имеющей единственную всепоглощающую цель: деньги, деньги, деньги...

Под сладкий убаюкивающий говорок об удовлетворении «естественных» потребностей человека эта демократическая «цивилизация» насаждает культ насилия и разврата, терпимость ко злу и извращениям человеческого естества. Грехи и страсти падшего человека раздуваются до невероятных размеров, сознательно стимулируются и становятся источником бессовестной, бесчестной наживы. Лозунги такой цивилизации — «Все на продажу!»),

«Обогащайтесь!», «Живем один раз!» и им подобные — разъедают общественную мораль, в народе происходит распад национального самосознания, государство криминализируется, опутывается всепроникающими мафиозными связями и — неотвратно движется к распаду.

И в России грядущий государственный распад — неизбежное следствие практического применения принципов демократии в практике государственного строительства. Либерально-демократическая идея для того, собственно говоря, и предназначена, чтобы подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства и — постепенно, незаметно, неощутимо для одурманенного демократическим хаосом общества — передать бразды правления над ними транснациональной «мировой закулисе», тем ловким политическим механикам, о которых предупреждал Победоносцев.

Эта операция уже неоднократно была проделана над «развитыми» западными странами. Там национальная государственность сегодня служит в значительной мере декоративным прикрытием реальной власти — называйте ее как угодно: властью мирового масонства или международного капитала, транснациональных корпораций или космополитической элиты... Важно другое: сегодня эта теневая власть рвется к мировому господству. И Россию пытаются подвергнуть той же операции, что и прочих,

чтобы превратить в покорное орудие выполнения своих глобальных планов.

* * *

Так что же, — будем ли мы покорно ждать, когда яд бездуховности и религиозного одичания окончательно затуманит наше сознание и подорвет основы государственного бытия Руси? Или все же попытаемся вернуть им изначальный священный смысл, возвысимся до понимания своего служения, своего долга — не только индивидуального, личного, но и всенародного, соборного?

Хранить Божественные истины веры, ее благодатные дары и древние святоотеческие устои — а именно такова обязанность народа русского, промыслительно возложенная на него Самим Богом, — непросто и нелегко. Для этого потребен тяжелый душевный труд — труд христианского подвижничества и покаяния, державного мужества и стойкости. Но лишь такой труд придает смысл человеческой жизни, обнажает ее высшую ценность и проясняет ее великую, вечную, небесную цель.

Самое время нам сейчас прислушаться к призыву Слова Божиего, к отеческому зову Самого Христа, Господа нашего: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною. Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцем Моим на престоле Его. Имеющий ухо, да слышит...» (Апок. 3: 20–21). АМИНЬ.

ПРИМЕЧАНИЯ

НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО...

1. «Православная Русь». 1991. №9. С. 7.
2. *Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский*. Созерцательное подвижничество. СПб., 1907. С. 75, 81.
3. Путь к спасению. Кн. IX. М. 1908.
4. Там же. С. 362.

ВЫ ЖЕ РОД ИЗБРАН

1. *Лев Диакон*. История. Кн. IX. М. 1908.
2. *Ветловская В. Е.* Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва». «Миф – фольклор – литература». Л., 1972. С. 103.
3. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 307–310; *Ковалевский А. П.* Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 143–146.
4. Жития русских святых в 2-х тт. Т. 2. Джорданвилль, 1984. С. 53.
5. Там же. С. 53.
6. Там же. С. 48.
7. *Гумилев Л.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 192–194.

8. Там же. С. 193.
9. Там же. С. 213.
10. См.: Рыбаков Б. А. Указ. соч. Гл 9. М., 1988.
11. Жития русских святых в 2-х тт. Т. 2. С. 48.
12. Тальберг Н. Д. Святая Русь. СПб., 1992. С. 8.

И ВРАТА АДОВЫ НЕ ОДОЛЕЮТ ЕЕ

1. ПВЛ. См., напр.: Памятники литературы Древней Руси: начало русской литературы, XI – начало XII вв. М., 1978. С. 167.
2. Альманах библиофила. М., 1989. С. 155–207 (перевод текста на современный язык – авторский, митр. Иоанн).
3. *Монахиня Таусия*. Жития русских святых. Т. 2. С. 11. Джорданвилль, 1984.
4. *Болотин Л.* В каком веке жил Илья Муромец? (На правах рукописи) М., 1989.
5. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова. Сергиев Посад, 1904.
6. Добротолюбие. М., 1899. Т. 2. С. 7.
7. Там же. С. 650.
8. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 2. С. 116. СПб., 1905.
9. Летописные тексты издавались неоднократно. Поскольку настоящий труд не является научной работой в строгом смысле этого слова, мы позволили себе не перегружать текст ссылками на первоисточники. Любой желающий может их легко найти, например, в Полном собрании русских летописей (М., 1926, т. 1) или в фотовоспроизведении этого издания (М., 1962). В некоторых случаях цитируемый текст приближен к современному языку.

10. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 255–256; *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам. Исторические записки. Т. 23. М., 1947. С. 251–289.
11. Закон Божий. Пятая книга о Православной вере. Ч. II. История русской церкви. С. 245–246.
12. Красноречие Древней Руси. М., 1987. С. 413.
13. Там же. С. 219–220.
14. *Толстой М. В.* История русской Церкви. Издание Валаамского монастыря, 1991. С. 272–273.
15. Тексты «Домостроя» цитируются по изданию: *Орлов А.* Домострой. Исследования. М., 1917.
16. *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 52.
17. *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. III. М., 1957. С. 19
18. *Толстой М. В.* Указ. соч. С. 444.
19. *Карамзин Н. М.* Предания веков. М., 1988. С. 659.
20. *Толстой М. В.* Указ. соч. С. 438.
21. *Федотов Г.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 13.
22. Там же. С. 14.
23. *Пономарев А.* Русское народно-религиозное мировоззрение в школьной характеристике академического богослова-магистранта. «Странник». 1884. Т. I. С. 550–551.
24. Тексты духовных стихов приводятся по: *Бессонов П. А.* Калики переходные. В 2-х тт. М., 1861–1864. В некоторых местах откорректированы орфография и пунктуация.
25. См.: *Федотов Г.* Указ. соч. С. 36, 96, 99–100.
26. Там же. С. 49

**ОБЫШЕДШИ ОБЫДОША МЯ
ВРАЗИ МНОЗИ...**

РУСЬ МЕЖДУ МОНГОЛАМИ И ЛАТИНАМИ

1. См. *Кузьмин А.* Ухабы на «русском направлении». «Молодая Гвардия». 1992. № 3–4. С. 5.
2. *Хитров М.* Святой благоверный великий князь Александр Невский. СПб.: Лениздат, 1992. С. 291, прим. 5.
3. Красноречие Древней Руси. М., 1987. С. 110.
4. *Вернадский Г.* Два подвига святого Александра Невского. «Наш современник». 1992. № 3. С. 155.
5. Там же. С. 156.
6. Там же. С. 153.

**АЗ БО ЕСМЬ ГОСПОДЬ БОГ ТВОЙ,
УКРЕПИВЫЙ ТЯ, И УТВЕРДИХ ТЯ
ДЕСНИЦЕЮ МОЕЮ ПРАВЕДНОЙ
ДЕРЖАВНАЯ ЮНОСТЬ РОССИИ**

1. Красноречие Древней Руси. М., 1987. С. 58–63.
2. *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.–Л., 1946.
3. Жития русских святых. Т. 2. Джорданвилль, 1984. С. 13–16.
4. *Соловьев С. М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 118.

**ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ ВЫШНЯГО...
ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ**

1. *Толстой М. В.* История русской Церкви. Издание Валаамского монастыря. 1991. С. 151.
2. Красноречие Древней Руси. М., 1987. С. 135–143.
3. *Толстой М. В.* Указ, соч. С. 303.

РУССКАЯ СИМФОНИЯ
ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ
В СУДЬБАХ РОССИИ

1. Толстой М. В. История русской церкви. Издание Валаамского монастыря. 1991. С. 334. Прим. 14.
2. См.: Бренье Ф. Евреи и талмуд. Париж, 1928; Ковальницкий А., протоиерей. Нравственное богословие евреев-талмудистов. СПб., 1888; Вольский К. Евреи в России. СПб., 1887 и др. исследования.
3. О Курицыне см., например: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Гл. «Великокняжеский дьяк». Л., 1988.
4. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. М., 1991. С. 195.
5. Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 199.
6. Лурье Я. С. Русские современники... С. 117–118.

ЯКО ЦАРЬ УПОВАЕТ НА ГОСПОДА,
И МИЛОСТИЮ ВЫШНЯГО НЕ
ПОДВИЖИТСЯ...
ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

1. Толстой М. В. История русской Церкви. Издание Валаамского монастыря, 1991. С. 432.
2. Там же. С. 433.
3. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 161.
4. См., напр.: «Чин священного коронования». «Православная жизнь». Джорданвилль, 1988.
5. Карамзин Н. М. Предания веков. М., 1988. С. 567.
6. Федоров Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 51.
7. Толстой М. В. Указ. соч. С. 430.

8. Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 575–576.
9. Русское историческое повествование. М., 1984. С. 146. Описание дано в переводе на современный русский язык.
10. См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. Книга являет собой весьма знаменательное сочетание фактологической полноты с традиционной концептуальной беспомощностью.
11. *Толстой М. В.* Указ. соч. С. 432. Прим. 35. Стихира переведена на современный русский язык.
12. Там же. С. 406.
13. См.: *Альшиц Д. Н.* Указ. соч. Гл. 8.
14. Там же. С. 204–206.

**ГОСПОДИ,
СИЛОЮ ТВОЕЮ ВОЗВЕСЕЛИТСЯ ЦАРЬ...
ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА**

1. См. напр.: *Голубовский В.* О смерти царевича Димитрия. Публичная лекция, читанная в Киеве 24 февраля 1896 г. «Земщина». 1991. № 59.
2. *Толстой М. В.* История русской Церкви. Издание Валаамского монастыря, 1991. С. 444а.

**ГРЕХОПАДЕНИЯ КТО РАЗУМЕЕТ...
ПСИХОЛОГИЯ СМУТЫ**

1. *Карамзин Н. М.* Предания веков. С. 677–678.
2. Там же. С. 581–584.
3. Русское историческое повествование. М., 1984. С. 146.
4. *Толстой М. В.* История русской Церкви. Издание Валаамского монастыря. С. 470.

5. *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII века. Л., 1988. С. 75–76.
6. Русское историческое повествование. М., 1984. С. 64.
7. Там же. С. 66.
8. *Толстой М. В.* Указ, соч. С. 473.
9. *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. XII. Прим. 106.
10. *Толстой М. В.* Указ, соч. С. 473–474.
11. *Вышковский А.* О грамоте царю Михаилу Феодоровичу. «Земщина». №86. 1992.

**ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ САМ В СЕБЕ,
НЕ УСТОИТ**
РАСКОЛ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ

1. *Толстой М. В.* История русской Церкви. Издание Валаамского монастыря. С. 575.
2. Там же. С. 567.
3. Бунтари и правдоискатели в Русской Православной церкви. М., 1991. С. 151.
4. Протоиерей *Георгий Флоровский.* Пути русского богословия. Париж: YMCA-press, 1983. С. 58.
5. *Тальберг Н.* История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959. С. 342.
6. Там же. С. 345.
7. См. об этом: архиепископ *Серафим (Соболев).* Русская идеология. Гл. 7. Джорданвилль, 1987.
8. Бунтари и правдоискатели... С. 208.
9. До настоящего времени этот труд не издавался. О мировоззрении Никона см.: *Зызыкина М. В.* Патриарх Никон, его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931 и Ютика (США), 1988.

10. См.: *Платонов С.* Лекции по русской истории. Петроград, 1915.
11. *Башилов Б.* История русского масонства. Вып. III–IV. М., 1992. С. 5.
12. Там же. С. 4–5.
13. См.: *Забелин И. Е.* Как жили в старину русские цари-государи. М., 1991.
14. Первая книга исследования – «Государев двор, или дворец» – переиздана в 1990 году в Москве издательством «Книга».

ПОРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН...
РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ XIX ВЕКА

1. *Киреевский И. В.* ПСС. Т. 1. М., 1911. С. 219.
2. *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. Т. 2. СПб., 1914.
3. *Луначарский А. В.* Религия и социализм. Ч. 1. СПб., 1908. С. 146.
4. *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 205.
5. Там же. С. 184.
6. Там же. С. 631–632.
7. Воспоминания Льва Тихомирова. М.–Л., 1927. С. 287.
8. Там же, с. 291.
9. *Нилус С. А.* Великое в малом. См. также: «Близ есть при дверех». Сергиев Посад, 1917. С. 9–10.
10. *Нилус С. А.* Святыня под спудом. Сергиев Посад, 1911. С. 303–304; 309–310.
11. Там же. С. 311–312.
12. См. очерк о святителе Феофане архиепископа Аверкия: «Провозвестник кары Божией русскому народу». Джорданвилль, 1964.

13. Прекрасным описанием подвижнической жизни о. Иоанна, его пророчеств, чудес и исцелений является двухтомник *И. К. Сурского* «Отец Иоанн Кронштадтский». Форрествиль, 1979–1980.
14. Святитель *Игнатий Брянчанинов*. О кончине мира. СПб., 1992. С. 19, 33.

ОТЫДИТЕ ОТ МЕНЕ, ДЕЛАЮЩИИ БЕЗЗАКОНИЕ ТВОРЦЫ КАТАКЛИЗМОВ

1. Об иудаизме, его роли в жизни евреев, о нравственном содержании талмудизма существует обширная литература. Цитаты, приводимые в данном труде, взяты из книг *Ф. Бренье* «Евреи и Талмуд» (Париж, 1928) и протоиерея *А. Ковальницкого*, в переводе которого (с немецкого языка) в 1898 г. в СПб. вышло исследование под названием «Нравственное богословие евреев-талмудистов».
2. *Дикий А.* Евреи в России и в СССР. Нью-Йорк, 1967. С. 367–368.
3. *Селянинов А.* Тайная сила масонства. СПб., 1911. С. 226.
4. Там же. С. 227.
5. Там же. С. 227.
6. *Вольский К.* Евреи в России. СПб., 1887. С. 42 См. также С. 35–39.
7. О разоблачениях и предупреждениях Бенджамина Дизраэли см.: *Дуглас Рид*. Спор о Сионе. Гл. «Предостережения Дизраэли». Иоганнесбург, 1986.
8. Вскоре этот примечательный документ был опубликован во французском переводе. На русском языке он был опубликован в книге *Вольского К.* «Евреи в России. Их быт, цели и средства». СПб., 1887. С. 10–11.

9. Данные о народном хозяйстве дореволюционной России можно найти в работах: *Бразоля Б. Л.* «Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах (в сборнике «Государь Император Николай II Александрович). Нью-Йорк, 1968; *Острецова В.* «Черная сотня и Красная сотня». М., 1991; в обширной монографии *Ольденбурга С. С.* «Царствование Императора Николая II». СПб., 1991 и др. трудах.
10. *Шульгин В. В.* Что нам в них не нравится... СПб., 1991. С. 227–228.
11. Там же. С. 228.
12. *Острецов В.* Указ. соч. М., 1991. С. 9–10.

**ВАШ ОТЕЦ – ДИАВОЛ, И ВЫ ХОТИТЕ
ИСПОЛНЯТЬ ПОХОТИ ОТЦА ВАШЕГО
ДЕМОНЫ РЕВОЛЮЦИИ**

1. *Жевахов Н. Д.* Воспоминания. Т. 2. Новый Сад, 1928. С. 162. Все последующие цитаты взяты из глав 26–35 этого издания.
2. *Kehler Henning.* Der Rote Garten. Berlin, 1921.
3. См. газету «Руль» от 3 июля 1921 г.
4. См. также *Бостунич Г.* Массонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Новый Сад, 1922.

**ЗНАЮ ТВОИ ДЕЛА;
ТЫ НОСИШЬ ИМЯ, БУДТО ЖИВ,
НО ТЫ МЕРТВ!
ЗАКАТ ЕВРОПЫ**

1. *Марков Н. Е.* Войны темных сил. В 2-х т. Том 2. Париж, 1930. С. 67.

2. «Возрождение». 1936, 7 мая. С. 1.
3. *Георгиевский М.* Затишье перед грозой. «За Родину». София. 1939. № 77/19. С. 5.
4. *Солоневич И.* Авторитеты и жизнь. «Сигнал». Париж. 1938. № 36. С. 2.
5. *Назаров М.* Русская эмиграция и фашизм. «Наш современник». 1993. № 3. С. 127.
6. *Стефан Дж.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. М., 1992. С. 50.
7. *Князь Жевахов Н. Д.* Сергей Александрович Нилус. Краткий очерк жизни и деятельности. Новый сад. 1936. С. 66.
8. Там же. С. 68.
9. Там же. С. 69.
10. Там же. С. 70.
11. *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 4–43.
12. Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1993. С. 237.
13. Об оккультных корнях германского фашизма. См.: *Пруссаков В.* Окультный мессия и его рейх. М., 1992; *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии. М., 1992.
14. *О. Сергей Булгаков.* Расизм и христианство. В сб.: «Гайна Израиля». СПб., 1993. С. 352–353. Эта работа, написанная в 1941–1942 гг. и далеко не бесспорная в некоторых своих частях, содержит, тем не менее, наиболее полный религиозный анализ философии нацизма.
15. Там же. С. 396.

**НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ
СЕДОХОМ И ПЛАКАХОМ...**

*ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ*

1. *Марков Н. Е.* Войны темных сил. В 2-х томах. Т. 2. Париж, 1930. С. 76–77.
2. Там же. С. 75.
3. *Бердяев Н. А.* Русская идея. В сб.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 50.
4. *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 76.
5. Хорошую, хотя несколько одностороннюю подборку публикаций авторов-евразийцев дал журнал «Наш современник» во втором и третьем номерах за 1992 год. См. также: «Начало». № 4. М., 1992.
6. Барон *Меллер-Закомельский А. В.* Страшный вопрос. Париж, 1923. С. 42–46.
7. *Архиепископ Аверкий.* Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Т. 2. Джорданвилль, 1975. С. 583, 586.

**СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ,
И ТЬМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО
СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...**

1. Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 474.
2. Послания святителя Тихона. М., 1990. С. 17.
3. Воспоминания князя *Н. Д. Жевахова.* Новый Сад. Т. 2. 1928. С. 212.
4. Там же. С. 212.

5. Послания Святителя Тихона. М., 1990. С. 13.
6. *Шафаревич И.* Русофобия. Л., 1990. С. 86.
7. «Наш современник». 1993. №9. С. 165.
8. «Правда», 1925, 13 августа.
9. Протодьякон *Владимир Степанов* (Русак). Свидетельство обвинения. В 3-х томах. Т. 1. М., 1993. С. 18.
10. *Винпер Р. Ю.* Иван Грозный. Ташкент, 1942. С. 182 – 185.
11. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 338.
12. Это не единственное его пророчество. Есть и другие, в которых он предсказал, например, разделение Германского государства. Первые сообщения о них появились в книге *И. К. Сурского* «Отец Иоанн Кронштадтский», вышедшей в Белграде (т. 1 – 1938 г., т. 2 – 1941 г.). К сожалению, их достоверную, точную и подробную форму установить сейчас трудно, ибо тогда особого значения им не придали. См.: *Сурский И. К.* Указ. соч. Т. 1. С. 196, и «Россия перед вторым пришествием». Сергиев Посад. 1993. С. 236 – 237.
13. US News and World Report. 1955, 21 января.
14. *Алексеев В. А.* Указ. соч. С. 359–360.
15. Там же. С. 364–376. Обширный фактологический материал о послевоенном положении Русской Православной Церкви приведен также в работе о. Сергия Гордуна «Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год». См.: «Журнал Московской Патриархии». 1993. № 1–3.
16. «Правда», 1922, 2 декабря.
17. *Ильин И. А.* Наши задачи. Париж. 1956. С. 191 и с. 94.
18. Московский сборник. М., 1887. С. 23–24.

19. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 50–51; С. 401.
20. Эллис Джейн. Русская Православная Церковь: согласие и инакомыслие. Лондон, 1990. С. 92–101.
21. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? М., 1992. С. 266.
22. Собрание пророчеств о будущем России. См.: «Православная Русь». 1991. №9; «Наш современник». 1991. №9.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО...»

Вместо предисловия 6

«ВЫ ЖЕ РОД ИЗБРАН»

Чудо крещения Руси 10

Славянское язычество.

«Беззакония моя превзыдоша главу мою...» 11

Три крещения Руси 17

Святослав 23

Владимир Креститель 33

И ВРАТА АДОВЫ НЕ ОДОЛЕЮТ ЕЕ

Торжество православия 44

Митрополит Иларион.

«Слово о законе и благодати» 44

Духовные основы русского богатырства.

Былины как зеркало народного сознания 49

Часть моя Господь, рече душа моя...

Православное мировоззрение в русской летописной традиции 64

Инок Филофей. «Домострой»

Ставленническая грамота русского патриарха .. 75

« <i>Пойте Господеви вся Земля...</i> »	
Русские духовные стихи	86
«ОБЫШЕДШЕ ОБЫДОША МЯ ВРАЗИ МНОЗИ...»	
Русь между монголами и латинами	99
<i>За ярость гнева Господня сгоре вся земля...</i>	
Татарское нашествие	99
« <i>Их же уста глаголаше суету, и десница их – десница неправды...</i> »	
Рим и Россия	109
« <i>Блажен муж...</i> »	
Святой благоверный князь Александр Невский	117
«АЗ БО ЕСМЬ ГОСПОДЬ БОГ ТВОЙ, УКРЕПИВЫЙ ТЯ, И УТВЕРДИХ ТЯ ДЕСНИЦЕЮ МОЕЮ ПРАВЕДНОЙ»	
Державная юность России	129
«ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ ВЫШНЯГО...»	
Возвышение Москвы	141
«МУЖ ДВОЕДУШЕН НЕУСТРОЕН ВО ВСЕХ ПУТЕХ СВОИХ»	
Митрополит-вероотступник	153
РУССКАЯ СИМФОНИЯ	
Преподобный Иосиф Волоцкий в судьбах России	159
« <i>Се врази Твои возшумеша и ненавидящии Тя воздвигоша главу...</i> »	
Ересь жидовствующих	159

<i>«Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи...»</i>	
Иосифляне и заволжцы: спор, которого не было	179

**«ЯКО ЦАРЬ УПОВАЕТ НА ГОСПОДА,
И МИЛОСТИ ВЫШНЯГО
НЕ ПОДВИЖИТСЯ...»**

Иоанн Васильевич Грозный	185
--------------------------------	-----

<i>«Немы да будут устны льстивыя, глаголюция на праведного беззаконие...»</i>	
Историография эпохи: ложь и правда	185

<i>«Се Бог помогает ми...»</i>	
История царствования как она есть	196

<i>«Упасеши я жезлом железным...»</i>	
Игумен всея Руси	219

<i>«Вонми себе, не забуди Господа, Бога твоего...»</i>	
Боярство. Опричнина, Земские соборы	235

**«ГОСПОДИ, СИЛОЮ ТВОЕЮ
ВОЗВЕСЕЛИТСЯ ЦАРЬ...»**

Царствование Феодора Иоанновича	248
---------------------------------------	-----

«ГРЕХОПАДЕНИЯ КТО РАЗУМЕЕТ...»

Психология смуты	261
Годунов	264
Клятвопреступление	276
Великое разорение	280
Покаяние	285

**«ДОМ, РАЗДЕЛИВШИЙСЯ САМ В СЕБЕ,
НЕ УСТОИТ»**

Раскол как явление русского сознания	294
Патриарх Никон	301
Тишайший государь	325

«ПОРВАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН...»

Русское самосознание девятнадцатого века	337
Западничество	340
Славянофильство	344
Имперская идея в XIX веке	346
Панславизм	348
Нигилизм	350
Бюрократический консерватизм	352
Предостережения, к которым не прислушались	355

«Плач мой...»

Русская предреволюционная действительность глазами подвижников Церкви	359
--	-----

**«ОТЫДИТЕ ОТ МЕНЕ,
ДЕЛАЮЩИИ БЕЗЗАКОНИЕ»**

Творцы катаклизмов	368
--------------------------	-----

**«ВАШ ОТЕЦ – ДИАВОЛ, И ВЫ ХОТИТЕ
ИСПОЛНЯТЬ ПОХОТИ ОТЦА ВАШЕГО»**

Демоны революции	383
Воспоминания князя Жевахова	384
Религия ненависти	397

**«ЗНАЮ ТВОИ ДЕЛА; ТЫ НОСИШЬ ИМЯ,
БУДТО ЖИВ, НО ТЫ МЕРТВ»**

Закат Европы	402
Русское рассеяние	402
За кулисами европейской драмы	407
Лига наций	411
Фашизм	416
Русский немец Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер ..	422
Доктрина Розенберга	428

**«НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ
СЕДОХОМ И ПЛАКАХОМ...»**

Штрихи к портрету русского зарубежья	436
--	-----

**«СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ,
И ТЬМА НЕ ОБЪЯЛА ЕГО...»**

Союз нерушимый	450
Разорение	452
Национал-большевизм	458
Оттепель	470
Застой	476
Перестройка	481

**СВЯЩЕННОЕ И СТРАШНОЕ ДЕЛО –
ВЛАСТЬ...**

Вместо послесловия	488
Духовные основы государственности	490
Великая ложь демократии	496
Примечания	507

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация (*вышел*)
- Русское Православие (*выйдет в 2008 г.*)
- Русское государство (*вышел*)
- Русский патриотизм (*вышел*)
- Русское мировоззрение (*вышел*)
- Русский образ жизни (*вышел*)
- Русская география
- Русское хозяйство (*вышел*)
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература (*вышел*)
- Русское искусство
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подобрать либо полный комплект энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником института был научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-ти томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Редактор А. В. Знатнов
Корректор: А. Г. Мартынова
Компьютерная верстка Н. Н. Никольский
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 07.07.2007 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 33,0 п. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.